Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи.

Статьи проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Второе изданіе, дополненное новыми статьями.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО И. И. САМОНЕНКО.
КІЕВЪ—1910.

Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи.

Статьи М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Второе изданіе, дополненное новыми статьями.

ИЗДАНІЕ ИВ. ИВ. САМОНЕНКО.
КІЕВЪ.—1910.

Предисловіе ко второму изданію.

Настоящее собраніе статей вышло первымъ изданіемъ въ 1906 году и тогда же разошлось. Ввиду продолжающихъ поступать запросовъ на книгу, авторъ рѣшилъ выпустить ее вторымъ изданіемъ, дополнивъ тремя новыми статьями («Эпоха Императора Александра I»*), «Историческіе взгляды В. Б. Антоновича», «Историческая Памятка о Черниговѣ»); ранѣе эти статьи также были напечатаны въ различныхъ изданіяхъ.

---

*) Въ этой статьѣ, служащей введеніемъ въ исторію русской литературы, изданную подъ редакціей академика Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, мнѣ приходится въ сжатомъ видѣ коснуться тѣхъ же вопросовъ, которые я подробно разсматриваю въ статьяхъ объ учрежденіи министерствъ и о Сперанскомъ. Сознавая неудобство такого повторенія, авторъ однако не счелъ нужнымъ дѣлать сокращенія и тѣмъ нарушить стройность изложенія, тѣмъ болѣе, что это повтореніе касается лишь первыхъ страницъ и дальнѣйшая часть статьи уже имѣетъ самостоятельное назначеніе.

Предисловіе къ первому изданію.

Въ издаваемой книгѣ собраны нѣкоторыя изъ статей моихъ, печатавшіяся въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ («Рус. Мысли», «Научномъ Словѣ», «Педагогическомъ Листкѣ», «Вѣстникѣ Всем. Истор.», «Кіевск. Откликахъ», «Журн. Мин. Нар. Просв.»). Предварительно появленія въ журналахъ, эти статьи служили темами публичныхъ лекцій, рефератовъ, актовыхъ рѣчей,—чѣмъ объясняется форма изложенія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ общемъ, при настоящемъ изданіи статьи оставлены безъ крупныхъ измѣненій, за исключеніемъ статьи о Сперанскомъ, которая въ журналѣ по цензурнымъ причинамъ не могла появиться въ полномъ видѣ.

М. Д.-З.

Эпоха Императора Александра I.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.

Александръ I вступилъ на престолъ въ такой моментъ, когда въ русскомъ обществѣ замѣчался сильный интересъ къ вопросамъ общественнымъ и политическимъ. Этому подъему общественнаго настроенія способствовала Екатерининская эпоха, сильно подѣйствовавшая на національныя чувства съ одной стороны, а съ другой, значительно содѣйствовавшая сильному культурному росту общества. Заявленія, высказанныя въ Екатерининской комиссіи въ 1767 г., уже поставили вопросъ о правахъ, хотя и трактовали его съ узко сословной точки зрѣнія. Собственно политическая литература (произведенія кн. Щербатова, Денисова, Радищева, Фонвизина и др.) опредѣленно рѣшала вопросъ о необходимости измѣненія политическаго строя страны въ смыслѣ ограниченія самодержавія, а часть этой литературы поднимала и развивала соціальные вопросы, особенно крестьянскій. „Царство страха и ужаса“, по выраженію современника, пронесшееся надъ Россіей въ кратковременное правленіе императора Павла, могло лишь способствовать политическому воспитанію общества: оно уже въ Екатерининскую эпоху привыкло критически относиться къ вопросамъ политики и философіи, и неудивительно, что этотъ періодъ могъ лишь способствовать укрѣпленію либеральныхъ теченій въ обществѣ. Вотъ почему черезъ всю Александровскую эпоху красною нитью проходитъ стремленіе общества къ постановкѣ вопроса о политическихъ правахъ, и дѣлаются попытки къ ихъ осуществленію. Въ первую половину этой эпохи общество громко заявляетъ о своихъ требованіяхъ, и

императоръ дѣлаетъ видъ, что готовъ съ ними считаться. Тогда въ либеральныхъ кругахъ общества еще сильно разсчитывали на возможность воспользоваться либеральнымъ настроеніемъ государя и получить отъ него политическія реформы. Во второй періодъ той же эпохи либеральныя стремленія перешли въ тайныя общества и здѣсь отлились въ форму серьезнаго заговора.

Въ любимомъ внукѣ Екатерины II одни видѣли преемника ея славной политики, другіе полагали возможнымъ склонить государя къ обновленію всего политическаго строя страны. Молодой Каразинъ, будущій основатель Харьковскаго университета, отразилъ это настроеніе общества въ восторженномъ письмѣ къ государю, переданномъ ему въ первые же дни новаго царствованія; онъ горячо убѣждаетъ государя издать „непреложные законы“ и призвать къ себѣ для совѣта „мужей отъ различныхъ краевъ государства“. Въ обществѣ можно было уловить различные оттѣнки, партійныя мнѣнія, но общее настроеніе его громко требовало коренныхъ реформъ. Уже самый переворотъ 11-го марта имѣлъ не только личныя цѣли избавленія отъ деспотическаго режима, но не былъ лишенъ и политическихъ стремленій: по тогдашнимъ слухамъ, гр. Паленъ и Зубовы имѣли конституціонные проекты, хотя и не представили ихъ своевременно къ подписанію.

Въ силу сложившихся условій Александръ долженъ былъ удовлетворить настроенію общества, и надо замѣтить, что онъ сдѣлалъ это въ высшей степени искусно, успѣвъ на долгое время удержать симпатіи общества и даже укрѣпить неограниченную власть монарха. На основаніи первыхъ же указовъ едва ли не каждое изъ общественныхъ теченій могло надѣяться, что государь пойдетъ навстрѣчу стремленіямъ именно этого теченія. Государь обѣщалъ управлять „по закону и по сердцу бабки“, по частямъ возстановилъ Екатерининское законодательство, чѣмъ удовлетворилъ стремленія „катеринствовавшихъ“ вельможъ. Цензурныя облегченія, уничтоженіе тайной экспедиціи, обѣщанія суда и наказанія по силѣ законовъ и др. акты успокаивали болѣе радикальную и демократическую часть общества. Сенатъ названъ правительствующимъ, въ оффиціальныхъ актахъ появились слова, дотолѣ имъ чуждыя, въ родѣ „отечество“, „русскіе подданные“, благо народа, незыблемые законы и пр. Казалось, что указами 30 марта объ учре-

ждении Непремѣннаго Совѣта и 5-го іюля 1801 г. о правахъ Сената сдѣланъ былъ приступъ къ крупнымъ реформамъ.

Въ указѣ Сенату высказывалось желаніе „возстановить оной на прежнюю степень ему приличную“ и намѣреніе „права сіи... поставить на незыблемомъ основаніи какъ государственный законъ... и содѣлать во вѣки непоколебимымъ“. Непремѣнному Совѣту данъ особый наказъ, по которому Совѣтъ долженъ былъ пересмотрѣть всѣ законы и составить проектъ улучшеній въ управленіи государствомъ во всѣхъ отношеніяхъ; при немъ даже учреждается особая комиссія составленія законовъ. Главная цѣль Совѣта „постановить силу и блаженство Имперіи Всероссійской на незыблемомъ основаніи закона“.

Этотъ потокъ указовъ—парадная сторона новаго правительства. Общество принимало всѣ эти мѣры съ восторгомъ. Но спрашивается: какъ же новое правительство выполняло свои обѣщанія?

Съ первыхъ дней своего царствованія императоръ Александръ былъ окруженъ заговорщиками. Трудно опредѣлить политическіе идеалы, которымъ служили графы Паленъ, Панинъ и бр. Зубовы. Время ими было упущено, и вскорѣ положеніе ихъ при дворѣ сдѣлалось шаткимъ; безъ шума они были удалены изъ столицы. Тогда при императорѣ образуется нѣсколько группъ лицъ, связанныхъ между собою единствомъ воззрѣній и представлявшихъ отраженіе либеральныхъ стремленій различныхъ слоевъ дворянства. Наиболѣе крупныя мѣста въ государственномъ механизмѣ занимаютъ нѣкоторые изъ екатерининскихъ вельможъ, какъ гр. Завадовскій, Трощинскій, бр. Воронцовы, Державинъ, Беклешовъ и др. Всѣ они явились представителями умѣренно либеральныхъ теченій, иногда съ сильной окраской московскаго боярства. Мы сейчасъ увидимъ, что и эти лица различествовали въ направленіи своихъ стремленій. Съ другой стороны, весьма близкими къ государю являются его личные друзья, какъ Новосильцевъ, кн. Адамъ Чарторыйскій, Кочубей, гр. Строгановъ, Лагарпъ. Въ нашей исторической литературѣ часто считаютъ этотъ кружокъ друзей царя выразителемъ наиболѣе либеральныхъ теченій въ тогдашнемъ обществѣ, а нѣкоторые изъ современниковъ називали ихъ прямо „якобинской шайкой“. Но такое представленіе далеко расходится съ дѣйствительностью. Если въ

области административныхъ начинаній ихъ дѣйствительно связывала нѣкоторая общность, то того же нельзя сказать о вопросахъ политическихъ и соціальныхъ. Республиканецъ Лагарпъ явился усерднымъ защитникомъ личныхъ интересовъ своего воспитанника; онъ, очевидно, полагалъ, что идеи свободы существуютъ не для русскихъ, а ограниченная власть монарха не для его царственнаго воспитанника. Кн. Ад. Чарторыйскій, какъ полякъ, чувствовалъ себя иностранцемъ, хотя въ его либерализмѣ не можетъ быть сомнѣнія. Гр. Строгановъ несомнѣнно выдѣляется изъ этого кружка и своими взглядами и своимъ искреннимъ, но черезчуръ туманнымъ либерализмомъ. Онъ дѣйствительно стремился къ установленію конституціонныхъ формъ правленія, но полагалъ необходимымъ сначала реорганизовать всю администрацію и судъ, подготовить общество и затѣмъ уже ввести конституцію, подготовляя все это грандіозное дѣло въ небольшомъ кружкѣ лицъ и при чрезвычайно таинственной обстановкѣ. Это указываетъ на недостатокъ его опытности въ серьезной государственной работѣ, на его теоретичность, которая, впрочемъ, была свойственна многимъ представителямъ тогдашняго общества. Что касается Кочубея и Новосильцева, то либерализмъ ихъ былъ весьма относительнаго свойства; это были люди, стремившіеся къ вліянію и власти, готовые даже сдерживать либеральные порывы осторожнаго монарха. Несмотря на отмѣченныя особенности личныхъ свойствъ членовъ Негласнаго Комитета, они, однако, не могутъ быть разсматриваемы какъ лица, стоящія внѣ общественныхъ теченій того времени: они представляли собою то направленіе, которое потомъ получило видное значеніе и которое можно охарактеризовать либерально-бюрократическимъ. Они были увѣрены въ томъ, что, исправивъ законодательство, опредѣливъ въ точности дѣятельность административныхъ органовъ, подчинивъ ихъ волѣ одного лица въ качествѣ министра, что всѣми такими мѣрами можно достигнуть значительнаго благоденствія государства; при этомъ вопросъ о переходѣ къ конституціонному правленію отодвигался на долгое время. Такое теченіе въ тогдашнемъ обществѣ имѣло значительное число представителей; они сходились съ либералами въ томъ отношеніи, что признавали необходимость политическихъ реформъ, но, подобно гр. Строганову, полагали необходимымъ отодвинуть этотъ переходъ и подготовить об-

щество посредствомъ предварительной дѣятельности просвѣщенной бюрократіи.

Екатериненскіе „старики", или, вѣрнѣе, сенатская партія, представляютъ собою болѣе рельефное отраженіе общественной мысли. Они несклонны были къ широкимъ либеральнымъ реформамъ, готовы были поддерживать аристократическія тенденціи, но, съ другой стороны, они не вѣрили въ просвѣщенный абсолютизмъ и его министровъ. Они являются представителями весьма широкаго общественнаго теченія того времени. Взгляды обоихъ направленій особенно ярко высказались въ въ борьбѣ, начавшейся по вопросу о первыхъ же реформахъ новаго царствованія, по вопросу о правахъ Сената, выдвинутому манифестомъ Государя.

„Старики" ухватились за указъ 30 іюля, въ силу котораго Сенатъ долженъ былъ сдѣлать представленіе о своихъ „древнихъ" правахъ, и попытались осторожно провести свои взгляды на самодержавіе. Наиболѣе дѣятельная роль выпала на долю графа Завадовскаго. Онъ составилъ записку о правахъ Сената, представленную государю отъ имени этого учрежденія. Разумѣется, въ проектѣ о правахъ Сената сенатская партія далеко не успѣла высказать своихъ конечныхъ взглядовъ, но она пыталась, хотя бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, использовать благопріятный моментъ. Очевидно, ей казалось, что Сенатъ, хотя и назначаемый государемъ, но получившій право ходатайствовать предъ государемъ о нуждахъ и пользахъ (по существу, право законодательной инициативы), право дѣлать представленія государю о неудобствахъ изданныхъ законовъ, право обсуждать новые налоги и вообще право контроля надъ администраціей,—все-таки такой Сенатъ могъ бы быть нѣкоторымъ оплотомъ противъ крайностей деспотизма. Указъ императора Александра I не приглашалъ сенаторовъ высказать свои политическіе взгляды и если они рѣшились использовать этотъ моментъ, то это лишь указываетъ на ихъ убѣжденіе въ необходимости перехода Россіи къ началамъ „истинной" монархіи, какъ тогда выражались. Впрочемъ, нѣкоторые изъ членовъ сенатской партіи пошли дальше сводной записки, представлявшей собою общее мнѣніе Сената. Графъ Мордвиновъ въ Непремѣнномъ Совѣтѣ выступилъ съ своимъ проектомъ. Онъ отрицалъ за русскимъ Сенатомъ значеніе „политическаго тѣла", пока этотъ Сенатъ не будетъ „изрбаннымъ",

и предложилъ свой проектъ избираемаго отъ дворянства Сената съ законодательными функціями. Державинъ также представилъ проектъ о Сенатѣ, придававшій ему нѣкоторую степень представительства отъ высшихъ классовъ населенія. Графъ Воронцовъ въ запискѣ, поданной Александру I, осторожно старается подойти къ своей основной мысли, говоря, что приданіемъ Сенату правъ, которыя сдѣлаютъ его посредникомъ между государемъ и народомъ, государь исподволь уготовитъ путь „къ устроенію правительства, болѣе сходственнаго съ человѣческимъ".

Необходимо сдѣлать поясненіе, что партія „стариковъ" видѣла въ Сенатѣ совокупность нѣсколькихъ коллегій (департаментовъ)—коллегіи исполнительной власти (совѣтъ министровъ), судной и законодательной съ „охранительною" (т.-е. право контроля и толкованія законовъ). При такихъ условіяхъ, вся дѣятельность правительства проходила бы черезъ Сенатъ. Сравнительно съ Петровскими регламентами новостью было приданіе Сенату законодательной власти и болѣе точное разъясненіе его исполнительныхъ функцій.

Всѣ эти данныя хорошо разъясняютъ намъ настроеніе сенатской партіи. Тутъ мы видимъ людей дѣла, которые имѣли достаточно мужества представить самодержавному государю проекты такихъ измѣненій въ государственномъ строѣ, которые если и не пролагали пути къ народному представительству, то во всякомъ случаѣ создали бы политическій органъ, долженствующій положить нѣкоторые предѣлы самовластію. Повторяемъ, проекты эти далеко не составляютъ собой конечныхъ воззрѣній сенатской партіи. Послѣдняя наиболѣе полно высказалась въ проектѣ „всемилостивѣйшей грамоты русскому народу жалуемой", но постепенно тонъ былъ пониженъ, такъ какъ были очевидны и нерѣшительность государя и второстепенное положеніе его министровъ изъ среды екатерининскихъ дѣятелей. Въ составленіи проекта принимали участіе: Воронцовъ, Трощинскій и нѣкоторые другіе. Названныя лица предлагали государю издать его въ день коронаціи, но государь отклонилъ утвержденіе грамоты, главнымъ образомъ, благодаря настояніямъ Новосильцева. Проектъ грамоты въ высшей степени любопытенъ. Ею государь торжественно даруетъ населенію гражданскія и личныя права: свободу слова, печати и личности, наказуемость только по суду, даже за оскорбленіе

величества. Политическихъ правъ населенія грамота не опредѣляетъ, но, вѣроятно, въ проектѣ грамоты тогда видѣли только первый приступъ въ дѣлѣ правового развитія государства.

Параллельно съ обсужденіемъ проекта о правахъ Сената, въ самомъ Сенатѣ и въ кругу заинтересованныхъ дѣятелей шли работы въ Негласномъ Комитетѣ. Эту работу нельзя назвать планомѣрной. Разговоровъ о всякихъ дѣлахъ подымамалось очень много, но результатъ ихъ, большею частью, былъ неопредѣленнаго свойства. Графъ Строгановъ въ своихъ запискахъ объясняетъ отсутствіе результатовъ дѣятельности Комитета характеромъ самого императора, уклонявшагося отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Это справедливо, но справедливо также и то, что члены Комитета не имѣли опредѣленнаго плана. Зато они съ особенной рѣзкостью критиковали проекты, представляемые на усмотрѣніе императора членами сенатской партіи. Даже не всѣ проекты, касавшіеся улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ, находили поддержку въ Комитетѣ, и только представленный Румянцевымъ проектъ закона о вольныхъ хлѣбопашцахъ, по обсужденіи въ Комитетѣ, былъ одобренъ Совѣтомъ и получилъ форму закона. Рѣзкой критикѣ въ Комитетѣ подвергались и проекты избираемаго Сената. Такой же критикѣ подвергся и представленный Сенатомъ указъ о его правахъ. Сотрудники государя старались отклонить его отъ мысли утвердить наиболѣе важныя положенія сенатскаго мнѣнія. Кочубей полагалъ достаточнымъ обнародовать указъ съ изложеніемъ порядка занятій въ Сенатѣ, не упоминая о его правахъ и преимуществахъ. Новосильцевъ разбивалъ докладъ по частямъ, стараясь провести ту мысль, что Сенатъ никогда не былъ законодательнымъ собраніемъ и таковымъ не можетъ быть въ будущемъ. Государю даже и неудобно было бы даровать значительныя права Сенату, такъ какъ этимъ онъ „связалъ бы себѣ руки и не могъ бы сдѣлать всего задуманнаго на общую пользу и встрѣтилъ бы въ невѣжествѣ этихъ людей помѣху“. Права Сената могли быть небезопасны въ случаѣ борьбы между верховною властью и правительственными учрежденіями. Новосильцевъ предлагалъ ограничить компетенцію Сената исключительно судебною властью. Лагарпъ боялся, что предоставленіе Сенату правъ исполнительной власти, которою онъ пользовался въ теченіе XVIII столѣтія, уменьшитъ права государя. Вообще, въ Комитетѣ пренія приняли весьма ориги-

нальный характеръ. Вначалѣ выборный составъ Сената, повидимому, нравился государю. Онъ готовъ былъ предоставить Сенату власть исполнительную и охранительную, т.-е. контролирующую, полагая что такое учрежденіе явится „необходимымъ противовѣсомъ абсолютизму“. Но, вслѣдствіе критическихъ замѣчаній своихъ сотрудниковъ, Александръ отклонился отъ введенія выборнаго начала въ Сенатъ. Сотрудники успѣли настоять на сохраненіи за правительствомъ „свободы въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ“.

Одновременно сотрудники государя разрабатывали уставъ министерствъ. Началось „согласованіе“ этого проекта съ проектомъ о правахъ Сената. Согласованіе окончилось тѣмъ, что исполнительная и почти во всемъ объемѣ контролирующая власть были отняты отъ Сената. Въ результатѣ Сенатъ дѣйствительно получилъ почти исключительно характеръ высшаго судебнаго учрежденія. За Сенатомъ осталось лишь право контролировать отчеты министровъ, представляемые государю, и право дѣлать представленія государю по поводу изданныхъ высочайшихъ указовъ. Но надо здѣсь же сдѣлать оговорку, что оба эти права не имѣли реальнаго значенія. Контролировать отчетъ министра Сенатъ могъ бы только въ томъ случаѣ, если бы имѣлъ право требовать свѣдѣнія отъ губернаторовъ, а также и отъ министровъ. Поэтому въ Сенатъ только въ первое время попало нѣсколько отчетовъ министровъ, и затѣмъ испарился самый обычай представленія ихъ. Иначе и не могло быть, такъ какъ министры во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуются указаніями верховной власти, отъ нея получаютъ указы и наставленія, ей представляютъ и отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. Точно также не имѣла послѣдствій и статья, предоставлявшая Сенату право дѣлать представленія на высочайшіе указы: уже въ 1803 году Сенатъ получилъ жестокій выговоръ отъ государя за сдѣланное имъ на законномъ основаніи представленіе.

Указъ о правахъ Сената, профильтрованный, какъ мы видѣли, въ Негласномъ Комитетѣ, вышелъ 8 сентября 1802 года, въ одинъ день съ указомъ объ учрежденіи министерствъ. Проектъ учрежденія министерствъ является главнымъ плодомъ дѣятельности Негласнаго Комитета. Сначала трактовался вопросъ о министерскомъ Совѣтѣ, что предлагалось въ одной запискѣ государю Воронцовымъ. Но Воронцовъ предлагалъ проектъ

Совѣта министровъ на подобіе англійскаго. Лагарпъ и тутъ увидѣлъ опасность для власти государя, если министерскій Совѣтъ будетъ согласенъ во взглядахъ. Тогда началъ разрабатываться проектъ отдѣльныхъ министерствъ. Толчкомъ къ этой работѣ послужила записка князя Чарторыйскаго. Первоначально была мысль важнѣйшія дѣла, превышающія власть отдѣльнаго министра, передавать въ Совѣтъ, членами котораго также были бы всѣ министры. Но противъ этого возстали члены Негласнаго Совѣта, особенно Кочубей. Такъ какъ государь настаивалъ на перенесеніи дѣлъ въ Совѣтъ, то въ средѣ членовъ Негласнаго Комитета начинаетъ появляться неясная еще мысль о Комитетѣ министровъ. Такъ зарождалось учрежденіе, которое имѣло впослѣдствіи въ теченіе цѣлаго столѣтія столь важное значеніе въ русскомъ государственномъ механизмѣ. При образованіи министерствъ весьма важнымъ вопросомъ являлся вопросъ объ отношеніи министровъ къ коллегіямъ. Петровскія коллегіи просуществовали въ теченіе XVIII столѣтія, были уничтожены при Екатеринѣ и воскресли при Павлѣ. Теперь являлся вопросъ, оставить ли коллегіи въ качествѣ совѣщательнаго органа при министрѣ, или же сдѣлать министерскую власть вполнѣ единоличною. Кочубей стоялъ на послѣдней точкѣ зрѣнія, но ей противился государь, и коллегіи остались въ первомъ учрежденіи министерствъ. Впрочемъ, уже съ 1803 года онѣ постепенно уничтожаются.

Однимъ словомъ, очень нетрудно подмѣтить, что члены Негласнаго Комитета стремились сдѣлать изъ министровъ абсолютныхъ хозяевъ въ отмежеванной имъ области. Первое учрежденіе министерствъ, съ точки зрѣнія удобнаго раздѣленія частей государственнаго механизма, оказалось весьма неудовлетворительнымъ. „Вообще первое учрежденіе министерствъ,— скажемъ словами Градовскаго,—носитъ на себѣ характеръ поспѣшной работы (о немъ трактовали въ Комитетѣ въ теченіе полутора года) *), торопливаго желанія доставить своимъ идеямъ торжество въ принципѣ, хотя въ самой несовершенной формѣ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи дать ей болѣе совершенную организацію. Оно было временнымъ перемиріемъ новыхъ французско-канцелярскихъ порядковъ съ прежними Петровскими учрежденіями,—перемиріемъ, послѣ котораго должно было

*) Замѣчаніе наше. М. Д.—З.

послѣдовать окончательное паденіе этихъ послѣднихъ". Сперанскій, прекрасный знатокъ всего механизма правительственныхъ учрежденій, тоже былъ очень недоволенъ первыми министерствами.

Итакъ, пышный указъ о правахъ Сената, обезправившій это учрежденіе, и указъ о введеніи министерствъ являются двумя наиболѣе видными актами первыхъ годовъ царствованія Александра I. Они имѣютъ значеніе не только техническое, въ смыслѣ перестройки государственнаго механизма, но и значеніе политическое. Во-первыхъ, пока шла работа по подготовкѣ этихъ актовъ, представители различныхъ слоевъ дворянства успѣли высказать свои желанія. Во-вторыхъ, акты были не безразличны и въ смыслѣ усиленія верховной власти. Сенатъ XVIII вѣка обладалъ властью исполнительной, контролирующей и судебной. Такимъ образомъ, дѣйствія верховной власти главнымъ образомъ выражались въ законодательныхъ функціяхъ. Правда, между Сенатомъ и государемъ иногда появлялись другія учрежденія, ограничивавшія власть Сената (Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ Министровъ). Но русское общество видѣло въ этихъ учрежденіяхъ узурпацію сенатской власти. Во всякомъ случаѣ, Сенатъ управлялъ коллегіями и черезъ нихъ и даже непосредственно направлять всю мѣстную администрацію. Въ коллежскомъ обрядѣ Сената было не мало тормазовъ для быстраго рѣшенія дѣлъ; но зато тотъ же обрядъ спасалъ управляемыхъ отъ деспотизма единичныхъ управителей. Съ появленіемъ министерствъ положеніе дѣлъ мѣняется: единоличное управленіе замѣняетъ собою коллегіальное. Министръ исключительно зависитъ отъ государя и отвѣтственъ только передъ нимъ, если государь имѣетъ способы провѣрить дѣятельность своего избранника. Министръ же имѣетъ возможность испросить для всякаго новаго дѣла государевъ указъ, т.-е. законъ. Такимъ образомъ, въ рукахъ министровъ фактически сосредоточивается исполнительная власть и законодательная иниціатива. Въ министрахъ абсолютная верховная власть получила щупальца, при посредствѣ которыхъ она могла съ высоты престола проникнуть въ самые отдаленные края обширнаго государства. Государственный механизмъ упрощался, но весьма легко могло получиться то, чего такъ боялся Воронцовъ: вмѣсто одного деспота появилось нѣсколько. Съ этой именно точки зрѣнія многіе современники оцѣнивали зна-

ченіе министерствъ. Одинъ изъ нихъ, Вигель, задается вопросомъ о томъ, что означаетъ по русскимъ законамъ отвѣтственность министровъ. Передъ кѣмъ министры будутъ отвѣчать? „Передъ государемъ, который долженъ уважать въ нихъ свой выборъ, котораго дѣлаютъ они участникомъ своихъ ошибокъ и который, не признавшись въ оныхъ, не можетъ ихъ удалить? Передъ народомъ, который ничто? Передъ потомствомъ, о которомъ они не думаютъ? Развѣ только передъ своею совѣстью, когда невзначай есть она въ которомъ-нибудь изъ нихъ. Можетъ быть, когда нибудь случится, что разсѣянный государь ввѣрится небрежнымъ министрамъ, которые ввѣрятся лѣнивымъ директорамъ, которые ввѣрятся неблагоразумнымъ и неопытнымъ начальникамъ отдѣленій, а они ввѣрятся умнымъ и дѣятельнымъ, но не всегда благонамѣреннымъ и добросовѣстнымъ столоначальникамъ; тогда сіи послѣдніе, безъ общей связи и цѣли, будутъ одни управлять дѣлами государства".

Но весь этотъ первый періодъ работъ интересенъ еще съ другой стороны—со стороны общественной. Мы видѣли, что общество встрѣтило новое царствованіе съ радужными ожиданіями. Начальная дѣятельность правительства какъ будто шла навстрѣчу этимъ ожиданіямъ. Указъ Сенату представить записку о своихъ правахъ могъ удовлетворить требованіямъ умѣренной части общества. Но результатъ совершенно не отвѣчалъ и этимъ ожиданіямъ. Мало того, молодой императоръ постепенно устраняетъ, съ одной стороны, своихъ друзей, членовъ Негласнаго Комитета, съ другой стороны и „стариковъ". Потерявъ довѣріе государя, Строгановъ выходитъ въ армію, Чарторыйскій подаетъ въ отставку, за ними уходитъ Новосильцевъ и другіе. Въ правительственной дѣятельности въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проходитъ безцвѣтный періодъ, пока, наконецъ, при государѣ не появляется Сперанскій. Дѣятельностью Сперанскаго отмѣчается новая эпоха правительственныхъ проектовъ.

Въ лицѣ Сперанскаго мы встрѣчаемъ наиболѣе смѣлаго критика всеобъемлющей неограниченной власти русскаго монарха. Едва ли кто-нибудь изъ русскихъ государственныхъ людей когда-либо представлялъ самодержавцу столь рѣзкую критику его власти, столь логически построенную и въ тоже время корректную. При самодержавномъ строѣ всѣ власти, законодательная, исполнительная и судебная, соединены въ

одномъ лицѣ. Власть самодержца не имѣетъ никакихъ вещественныхъ предѣловъ. Но эта многосложность власти отражается на проволочкахъ въ дѣлахъ, на отсутствіи единства и прочности въ законодательствѣ, на отсутствіи самостоятельнаго суда,—однимъ словомъ, все государство находится въ разстроенномъ состояніи. Между тѣмъ общество уже достаточно созрѣло для воспріятія иного порядка вещей. Среди нихъ Сперанскій большія недежды возлагаетъ на свободу печати, слова и на то, чтобы дѣятельчость правительства приняла публичныя формы. Гражданскія и личныя права должны принадлежать всѣмъ гражданамъ; дворянство же и среднее состояніе и свободные крестьяне пользуются еще и избирательнымъ правомъ. Крѣпостные крестьяне, пользуясь общими гражданскими и личными правами, исполняютъ опредѣленныя работы и оброки для помѣщика. Сперанскій былъ увѣренъ, что при такихъ условіяхъ крѣпостное право само падетъ въ ближайшемъ будущемъ.

Самъ по себѣ конституціонный проектъ Сперанскаго (1809 г.) *) представляетъ слѣдующую схему. Начальной ячейкой политической жизни страны является волость съ ея волостной думой и волостнымъ правленіемъ. Волость—органъ самоуправленія и въ то же время избирательная курія, какъ для депутатовъ высшихъ инстанцій мѣстнаго самоуправленія, такъ и для депутатовъ Государственной Думы. Слѣдующей инстанціей является окружная дума и, наконецъ, губернская. Губернская дума избираетъ депутатовъ въ Государственную Думу и является органомъ самоуправленія для губерніи. Такимъ образомъ, Сперанскій отказывалъ населенію въ прямой подачѣ голосовъ: система выборовъ была трехстепенна. Законодательнымъ сословіемъ страны является Государственная Дума. Она созывается ежегодно безъ всякаго призыва со стороны исполнительной власти, на основаніи коренного закона. Думѣ принадлежитъ законодательная иниціатива, контроль надъ правительственными органами и охрана коренныхъ законовъ, т. е. конституціонныхъ. Сперанскій очень заботился о томъ,

---

*) Сперанскій представилъ государю нѣсколько записокъ объ управленіи, начиная съ 1803 г., но наиболѣе полно его мнѣнія изложены въ проектѣ 1809 г.

чтобы правительственная власть являлась отвѣтственной передъ Думой и передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Стремясь предотвратить министерскій деспотизмъ даже при конституціонномъ строѣ, Сперанскій окружаетъ верховную власть во всѣхъ ея важнѣйшихъ дѣйствіяхъ Государственнымъ Совѣтомъ. Это учрежденіе Сперанскаго, состоящее изъ назначаемыхъ монархомъ членовъ, съ одной стороны, является законодательнымъ органомъ, съ другой—совѣтомъ при государѣ. Только черезъ Совѣтъ восходятъ къ государю всѣ дѣйствія „порядка законодательнаго, судебнаго и исполнительнаго", въ немъ только въ одномъ разсматриваются всѣ проекты законовъ, уставовъ и учрежденій, а по одобреніи ихъ государемъ направляются на уваженіе законодательнаго сословія; на утвержденіе и разсмотрѣніе Совѣта вносятся всѣ дѣла, превышающія власть министра; его разсмотрѣнію подлежатъ всѣ внутреннія мѣры, принимаемыя правительствомъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ и предоставляемыя ему коренными законами страны; вопросы о войнѣ и мирѣ вносятся также на его уваженіе, наконецъ, онъ же разсматриваетъ бюджетъ и ежегодные отчеты министровъ, предварительно внесенія таковыхъ въ законодательное собраніе.

Итакъ, хотя правительственной власти проектомъ Сперанскаго предоставлено широкое право законодательной инициативы и приведенія въ исполненіе законовъ, однако, это пространство власти могло быть умѣряемо соучастіемъ въ управленіи Государственнаго Совѣта. Этотъ органъ долженъ былъ сдѣлаться учрежденіемъ, объединяющимъ и мѣры законодательныя (въ смыслѣ проектовъ), и примѣненіе уже изданныхъ законовъ на практикѣ, ибо ни одна законодательная мѣра и даже ни одинъ сколько-нибудь важный правительственный актъ не могли воспріять свое дѣйствіе безъ разсмотрѣнія въ совѣтѣ. Правда, Совѣтъ составляется изъ особъ, назначаемыхъ государемъ, но высокое положеніе этого учрежденія и, повидимому, предполагавшаяся несмѣняемость его членовъ (за свои преступленія они подлежатъ особому верховному суду) могли бы служить извѣстною гарантіею безпристрастія и свободы этого учрежденія. Разумѣется, для этого необходимо существованіе и политическаго органа и контроля общественнаго мнѣнія.

Сперанскій былъ человѣкомъ общественной жизни. Самъ

онъ вышелъ изъ круговъ, гдѣ деспотизмъ чувствовался съ наибольшей силой, и никогда не порывалъ связей съ этими кругами, даже въ періодъ своего возвышенія. Въ основѣ мысль его вполнѣ практичная: лѣстницу метутъ сверху. Надо сначала получить право мыслить о государственныхъ дѣлахъ, элементарныя гражданскія и политическія права, и тогда политическая жизнь начнетъ развиваться, и государственный строй пріобрѣтетъ болѣе демократическій характеръ. Такимъ взглядомъ объясняются соціальныя воззрѣнія Сперанскаго. Такъ, онъ признавалъ тогдашнее сословное дѣленіе Россіи и въ своей конституціи предоставлялъ дворянству нѣкоторыя преимущества (владѣніе крѣпостными крестьянами и преимущества на государственной службѣ). Онъ не требовалъ немедленнаго раскрѣпощенія крестьянъ, но предлагалъ закономъ урегулировать отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, высказывая твердую увѣренность, что при этихъ условіяхъ крѣпостное право падетъ само. Такая постановка вопроса была вполнѣ практична, ибо составитель проекта конституціи не могъ не считаться съ всесильнымъ дворянствомъ и съ его крѣпостническими тенденціями. Въ своемъ проектѣ конституціи Сперанскій давалъ право участія въ политической жизни страны всѣмъ свободнымъ элементамъ, обладающимъ нѣкоторымъ имущественнымъ цензомъ (размѣръ ценза онъ нигдѣ не опредѣляетъ), равно и свободному крестьянству, и его Государственная Дума, такимъ образомъ, далеко не была бы дворянской.

Въ 1809 году органическій проектъ Сперанскаго лежалъ на столѣ у государя. Но Александръ медлилъ съ его утвержденіемъ. 1-го января 1810 года государь торжественно открылъ Государственный Совѣтъ, который составлялъ часть плана Сперанскаго, и въ рѣчи при открытіи, составленной также Сперанскимъ, намекнулъ на болѣе важное преобразованіе. Въ теченіе этого года Сперанскій дѣлаетъ нѣсколько представленій государю о необходимости утвердить представленную имъ конституцію. Въ 1811 году государь утверждаетъ выработанное Сперанскимъ новое учрежденіе министерствъ. Но само положеніе Сперанскаго становится шаткимъ, и уже въ отчетѣ о дѣлахъ 1810 г. онъ вынужденъ оправдываться предъ государемъ во взводимыхъ на него обвиненіяхъ. Положеніе Сперанскаго сильно колеблется, и передъ разрывомъ съ

французами Александръ имѣлъ съ нимъ 18-го марта 1812 года разговоръ, послѣ котораго Сперанскій былъ арестованъ у себя на дому и сосланъ въ Нижній-Новгородъ, а потомъ въ Пермь.

II.

Въ Сперанскомъ, какъ въ фокусѣ, въ послѣдній разъ отразились надежды и идеалы той части русскаго общества, которая мечтала о проведеніи реформъ съ помощью государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ Сперанскаго отмѣчаетъ собой ростъ политическаго самосознанія сравнительно съ началомъ столѣтія: требованія его шире, они свободны отъ аристократическаго налета, въ нихъ пробивается демократическая струя. Общество не было удовлетворено въ своихъ относительно скромныхъ требованіяхъ, открыто выраженныхъ предъ лицомъ самодержавнаго государя; принужденное замолчать, оно перенесло свою дѣятельность въ тайныя общества, и выставило къ концу царствованія уже радикальную программу.

Въ моментъ ссылки Сперанскаго настроеніе въ извѣстной части тогдашняго общества уже въ сильной мѣрѣ измѣнилось. Общій фонъ становится реакціоннымъ, и въ немъ Александръ нашелъ для себя опору.

Надвигавшаяся война съ Франціей сдѣлала непопулярнымъ приверженца многихъ сторонъ французскаго государственнаго строя. Реакціонное направленіе сказывалось въ тогдашней журналистикѣ и въ данный моментъ получило рельефное выраженіе въ знаменитой Запискѣ Карамзина о древней и новой Россіи.

Эта записка знаменуетъ своимъ появленіемъ поворотный моментъ въ исторіи общественной мысли, открывая собою походъ реакціонной части общества противъ либеральныхъ идей; строго и ясно формулируетъ она основныя положенія тогдашняго консерватизма. Въ этомъ отношеніи она представляетъ собою большой интересъ и получаетъ значеніе крупнаго историческаго факта.

Какъ и въ другихъ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, талантливый публицистъ является выразителемъ господствующаго настроенія въ средѣ общества; его произведеніе— продуктъ уже назрѣвающей политической мысли. Въ тогдашней публицистикѣ консервативнаго лагеря Карамзинъ имѣлъ

предшественниковъ въ лицѣ Шишкова, „Русскаго Вѣстника" Глинки и нѣкоторыхъ другихъ. Идеализація старины, которою окрашены тенденціи этого лагеря, вполнѣ совпадаетъ съ воззрѣніями и симпатіями самаго Карамзина, простиравшимися до того, что Карамзинъ въ русскомъ прошломъ искалъ политическихъ идеаловъ для настоящаго и будущаго. Какъ публицистъ, Карамзинъ и ранѣе былъ склоненъ къ консерватизму и еще въ 1802 году на страницахъ „Вѣстника Европы" защищалъ крѣпостное право, увѣряя читателей, что помѣщикъ— благодѣтель своихъ крестьянъ.

Вліяніе Записки Карамзина, несомнѣнно, сказалось на дѣятельности Александра I; государь тщательно взвѣсилъ мысли, въ ней высказанныя и хотя сначала былъ недоволенъ рѣзкостью тона, но впослѣдствіи сохранилъ неизмѣнное благоволеніе къ исторіографу. Записка Карамзина была политическимъ завѣщаніемъ эпохи: императоръ Николай Павловичъ былъ, можно сказать, политическимъ ученикомъ Карамзина, и выдвинутые Запиской идеалы самодержавнаго царства въ теченіе десятилѣтій проводились въ народную жизнь.

Въ своей Запискѣ Карамзинъ исходитъ изъ того тезиса, что настоящее положеніе государства есть слѣдствіе прошедшаго. Съ этой цѣлью историкъ-публицистъ разсматриваетъ прошлыя судьбы Россіи, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаясь на тѣхъ періодахъ ея исторіи, которые, по его мнѣнію, представляютъ собою поучительные моменты для настоящаго и будущаго. Пробѣжавъ вкратцѣ періодъ княжескихъ междоусобій древнѣйшихъ „малодумныхъ" князей, когда ослабѣло почтеніе народа къ князьямъ, Карамзинъ съ особенной любовью останавливается на характеристикѣ московскаго самодержавія. Тогда въ государствѣ не было иной власти, кромѣ монаршей. Одинъ государь судилъ и жаловалъ: „жизнь, имѣніе зависѣли отъ произвола царей". Народъ не жалѣлъ о древнихъ вѣчахъ. Идиллическая картина Московскаго царства смѣняется бурной Петровской эпохой. Историкъ признаетъ необходимость реформы, но Петръ слишкомъ много значенія придавалъ внѣшности: борода не мѣшала заведенію школъ. Съ Петра начинается разладъ среди общества: до него народъ привыкъ чтить боярство, поклоняться ему „съ истиннымъ униженіемъ". Петръ уничтожилъ даже патріаршество и перенесъ столицу въ мѣста, „осужденныя самою природою". Въ

Россіи начинается эпоха нравственнаго паденія. Періодъ между Петромъ и Екатериной рисуется ему въ самыхъ мрачныхъ чертахъ—это царство женщинъ и ихъ фаворитовъ. Царствованіе Екатерины является блестящимъ періодомъ исторіи, такъ какъ отмѣчено національной политикой государыни. Но оно смѣняется „царствомъ страха и ужаса"—временами Павла. Въ заключеніе историческаго обзора публицистъ утѣшаетъ читателя, что въ Россіи было только два тирана (Иванъ Грозный и Павелъ), но тутъ же старается объяснить моральное значеніе тираніи: „да видятъ въ зломъ самодержцѣ бичъ гнѣва Господня".

Вторая часть Записки посвящена рѣзкой критикѣ Александровскаго царствованія: либеральными начинаніями Александра I поколебалось спасительное самодержавіе. Всякая новость въ государствѣ—зло. Учрежденіе министерствъ и Государственнаго Совѣта отдѣлили государя отъ народа. Карамзинъ негодуетъ на мѣры правительства, служащія къ расширенію народнаго просвѣщенія. Сильно негодуетъ Карамзинъ отъ одной мысли о возможности освобожденія крестьянъ. Освобожденіе поведетъ къ страшнымъ послѣдствіямъ, и авторъ Записки старается запугать государя: освобожденные крестьяне предадутся пьянству, злодѣйствамъ.

Уже предшествовавшее изложеніе Записки Карамзина указываетъ намъ на тѣ положительные идеалы, которые исповѣдуетъ знаменитый публицистъ и историкъ. Они сводятся къ тому, что въ основѣ русскаго государственнаго устройства должна лежать безграничная власть самодержавнаго государя, поддерживаемая суровыми наказаніями и спасительнымъ страхомъ. „Наше правленіе есть отеческое — патріархальное"... „Спасительный страхъ долженъ имѣть вѣтви: гдѣ десять боятся за одного, тамъ десять смотрятъ за однимъ". Однимъ словомъ: „самодержавіе есть палладіумъ Россіи: цѣлость его необходима для ея счастья". Защищая произволъ власти и спасительный ея страхъ, Карамзинъ совѣтуетъ усилить строгость и найти хорошихъ людей для управленія; между прочимъ, строгость можетъ быть усилена расширеніемъ власти губернатора.

Такова знаменитая Записка Карамзина, суммировавшая политическіе идеалы реакціонной части общества, которая тогда постепенно поднимала свою голову.

Подобное настроенiе русскаго общества немедленно стало отражаться и на правительственной дѣятельности.

Послѣдовавшая затѣмъ война 1812 г. еще въ большей мѣрѣ способствовала сгущенiю реакцiоннаго настроенiя въ различныхъ частяхъ тогдашняго общества. Для сѣрой крестьянской массы въ образѣ Наполеона явился самъ дiаволъ, и она охотно вѣрила воззванiямъ Синода, представлявшимъ дѣло именно въ такомъ видѣ. Образованные слои общества видѣли въ Наполеонѣ представителя революцiи, низвергающаго алтари и престолы; эта часть общества была тѣсно спаяна съ проявленiями общеевропейской реакцiи. Столь замѣтный поворотъ въ обществѣ укрѣпилъ и надолго опредѣлилъ правительственную политику.

Исторiя народа знаетъ такiе перiоды его развитiя, когда на первомъ планѣ въ жизни общества выступаетъ идейное его содержанiе. Съ этой именно точки зрѣнiя должна быть по преимуществу оцѣниваема изучаемая эпоха. Но внимательное изученiе перiода, окрашеннаго наиболѣе рельефно идейнымъ содержанiемъ, все-таки вскрываетъ истинную первопричину общественныхъ интересовъ въ факторахъ экономическихъ, на фонѣ которыхъ выдѣляются классовые интересы. Здѣсь, въ статьѣ, посвященной исторiи общественныхъ теченiй, не мѣсто выясненiю экономическихъ явленiй, оказавшихъ свое могущественное влiянiе на реакцiонный поворотъ въ средѣ тогдашняго общества; достаточно лишь нѣсколькихъ штриховъ. Мы видѣли, что въ первые годы этого перiода либеральное направленiе было весьма значительно. Но стоитъ учесть его партiйный составъ, чтобы видѣть среду, интересы которой оно представляетъ: это среда крупнаго дворянства и землевладѣнiя. Оттого и въ конституцiонныхъ проектахъ рѣчь идетъ о правахъ собственно для крупнаго дворянства; крестьянскiй вопросъ въ сторонѣ, и даже умнѣйшiе и образованнѣйшiе представители направленiя (графъ Мордвиновъ) изыскиваютъ аргументы для оправданiя крѣпостного права. Сперанскiй стоитъ одиноко съ своими болѣе демократическими тенденцiями среди сановныхъ верховъ. Карамзинъ, склонный хвалить первыя реформы, но защищающiй въ то же время благодѣянiя крѣпостного права, черезъ десять лѣтъ выступаетъ съ рѣзкой критикой „либеральнаго“ законодательства и съ ярко выступающей старобоярской тенденцiей. Нельзя сомнѣваться въ

томъ, что умный публицистъ не столько громитъ сдѣланное уже „либеральнымъ" правительствомъ, сколько стремится подорвать демократическія основы проекта Сперанскаго, слухи о которомъ тогда волновали дворянское общество, защитить дорогое крѣпостное право. Дворянство было настроено противъ всего, что носило отпечатокъ французскаго вліянія, ибо французскія идеи рѣзко противорѣчили классовымъ дворянскимъ интересамъ. Съ другой стороны, внѣшняя политика государства, которую тогда связывали съ либеральными склонностями главы государства ко всему французскому, сильно отражалась на экономическомъ благосостояніи крупнаго землевладѣнія. Вся политика перваго „либеральнаго" періода неожиданно для представителей нараставшаго капитализма сказалась въ паденіи русскаго вывоза, въ паденіи цѣнъ, въ паденіи ассигнацій, въ слухахъ объ освобожденіи крестьянъ. Отсюда—обращеніе къ тому періоду, когда не существовало столь тревожныхъ признаковъ, сантиментальное обращеніе къ старинѣ, столь замѣчательной по росту русскаго вывоза.

Екатерининская эпоха, благодаря особой конъюнктурѣ международнаго рынка, дала рядъ экономическихъ результатовъ первостепенной важности. Достаточно вспомнить, что Екатерина II застала 984 фабрикъ и заводовъ и оставила ихъ 3161. Въ устройствѣ фабрикъ дворянство принимало видное участіе. За это же время вывозъ жизненныхъ припасовъ возросъ въ нѣсколько разъ. Почти половину русскаго вывоза потребляла Англія, и она же давала основную пищу нашей хлопчатобумажной промышленности, доставляя въ русскіе порты хлопокъ, переработкой котораго были главнымъ образомъ заняты наши фабрики (въ 1801 г. ввезено въ Россію около 7,206 п., а въ 1810 г. уже 125 т. п., несмотря на континентальную систему). Расширеніе фабрично-заводскаго производства способствовало росту городовъ, что отражалось на хлѣбныхъ цѣнахъ, вывозъ хлѣба изъ южныхъ портовъ подымалъ значеніе богатыхъ южнорусскихъ степей, тогда только колонизируемыхъ. Русская экономическая и сельскохозяйственная науки (это періодъ расцвѣта ихъ) рисовали крупному землевладѣнію блестящія перспективы: превращеніе имѣній въ обширныя фабрики производства хлѣба въ лѣтнее время, а въ зимніе шесть мѣсяцевъ — ситцу, миткаля и т. п. Надо было только умѣло направить на эту работу созиданія дворянскаго

благополучія подневольный трудъ крѣпостныхъ, о который часто разбивались на практикѣ блестящія теоріи. Отсюда — рядъ послѣдствій, на первый взглядъ плохо гармонировавшихъ съ расширеніемъ образованности въ русскомъ обществѣ: ухудшеніе положенія крестьянъ, переводъ ихъ съ земли на положеніе батраковъ, усиленіе репрессій надъ крестьянскимъ строемъ, увеличеніе барщины, оброковъ и т. п. признаки.

Но вотъ въ самый разгаръ этого экономическаго оживленія — рядъ тревожныхъ признаковъ. Быстро возраставшій русскій отпускъ начинаетъ замедлять свой ростъ, а, начиная съ 1804 г., даже рѣзко падаетъ; обороты внѣшней торговли съ 1801 г. по 1803 г. поднялись съ 61 м. руб. всего до 73 м. р., въ 1804 г. они пали до 59 м. руб.; оправившись въ два послѣдующіе года, снова стали падать и въ 1808 г. понизились до 52 м. р.,—паденіе, котораго они не знали въ теченіе 20 предшествовавшихъ лѣтъ. На нѣкоторыхъ отрасляхъ сельскохозяйственной промышленности колебанія въ размѣрѣ отпуска стали отзываться особенно тревожно. Вывозъ, напр., пшеницы возросъ съ 345 т. чет. въ 1800 г. до 1$^1/_2$ м. чет. въ 1803 г. и палъ въ 1807 г. до 465 т. чет., нѣсколько оправившись лишь къ 1811 г. Такъ теряло землевладѣніе черноземнаго юга. Падалъ вывозъ ржи, ячменя, овса, далеко не компенсируясь болѣе устойчивымъ вывозомъ хлѣбнаго вина. Пенька и ленъ, составлявшіе одну изъ важнѣйшихъ статей вывоза, дали рѣзкое паденіе къ 1808 г., не оправившись даже къ 1811 г. Соотвѣтственно этому колебанію падалъ ввозъ хлопка-сырца и пряжи. Одновременно неудачная финансовая политика государства давала рядъ не менѣе тревожныхъ признаковъ. Паденіе курса ассигнацій, выпускаемыхъ правительствомъ для покрытія долговъ, вызываемыхъ военными расходами, означало прямую потерю капитала для владѣльцевъ ассигнацій. Достаточно сказать, что въ 1800 г. ассигнаціонный рубль стоилъ 64 коп. сереб., въ 1809 г. ходилъ по 33—43 коп. и въ 1811 г. палъ до 23$^1/_2$ коп. сер.

Былъ рядъ причинъ международнаго свойства, способствовавшій экономическому кризису и финансовому краху государства; среди нихъ не малую роль сыгралъ отказъ русской политики (въ Тильзитѣ, послѣ пораженія подъ Аустерлицемъ) отъ союза и мира съ Англіей и принятіе континентальной системы, закрывшей русскіе порты для англійскихъ кораблей.

Но то, что ясно намъ теперь, не вполнѣ отчетливо сознавалось современниками, и экономическая политика въ сильнѣйшей мѣрѣ воздѣйствовала на реакціонный поворотъ въ идейномъ содержаніи общества и, какъ это обыкновенно бываетъ, на продолжительное время опредѣлила его характеръ. Такой поворотъ вполнѣ совпадалъ съ взглядами Александра I и его совѣтниковъ послѣ удаленія Сперанскаго, и правительство овладѣло реакціей, ставъ во главѣ ея.

Теперь, послѣ нѣкотораго необходимаго отступленія, мы можемъ перейти къ основной нашей задачѣ—обзору общественныхъ теченій этого періода.

Наступленіе эпохи реакціи стало выражаться или въ крутомъ измѣненіи правительственной политики сравнительно съ первымъ десятилѣтіемъ, или въ усиленіи тѣхъ мрачныхъ ея сторонъ, которыя въ зародышѣ видны были раньше. Кромѣ того, политическое положеніе Россіи настолько осложнились, что государь много времени долженъ былъ проводить внѣ Россіи, и это обстоятельство, казалось, оправдывало отсутствіе движенія впередъ въ дѣлахъ внутренняго управленія. Самъ Александръ I значительно измѣнился: съ годами онъ пріобрѣлъ увѣренность и могъ свободнѣе отдаться тѣмъ дѣламъ, къ которымъ онъ всегда питалъ сильное влеченіе, именно, дипломатіи и военному дѣлу. Когда ему напоминали о томъ, что съ прекращеніемъ періода войнъ слѣдуетъ перейти къ реформамъ въ гражданскомъ управленіи, Александръ I, разстроганный, убѣдительно доказывалъ своимъ собесѣдникамъ, что у него нѣтъ людей, на которыхъ онъ могъ бы опереться. Впрочемъ, за границей, во Франціи, Англіи и Польшѣ, Александръ продолжалъ еще завѣрять слушателей въ своемъ желаніи ввести въ Россіи либеральныя учрежденія, но для болѣе опытныхъ и близкихъ наблюдателей было ясно, что въ Россіи все болѣе и болѣе сгущается реакціонная политика. Съ годами Александръ I болѣе откровенно сталъ отрицательно выражать свое отношеніе къ Россіи, ко всему русскому и предпочитать все иностранное. Наблюдая отношенія государя къ Россіи, многіе современники полагали, что государь „удалился отъ дѣлъ". Но въ дѣйствительности это было не совсѣмъ такъ. Для внутренняго управленія Александръ I послѣ долгихъ поисковъ, нашелъ, наконецъ, такія орудія, которыя явились послушнымъ выраженіемъ его воли, которымъ крайне недовѣрчивый и подозри-

тельный государь могъ вполнѣ довѣриться: это были Аракчеевъ и кн. Голицынъ. Въ эпоху реакціи ихъ фигуры закрыли собою въ глазахъ общества государя, котораго многіе продолжали считать добрымъ и склоннымъ къ либерализму, но недостаточно самостоятельнымъ. Въ дѣйствительности удаленіе государя даже и отъ дѣлъ внутренняго управленія было далеко не столь рѣшительнымъ. Во всѣхъ актахъ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, руководимаго кн. Голицинымъ, государь принималъ дѣятельное участіе. Дѣла Комитета Министровъ показываютъ, что государь стремился услѣдить за всѣми мелочами внутренняго управленія. Еще въ 1806 году, въ либеральную эпоху, кн. Чарторыйскій уже откровенно заявлялъ государю, что онъ слишкомъ большое вниманіе удѣляетъ мелочамъ, нежели болѣе серьезнымъ вопросамъ государственной жизни. Замѣчанія государя на протоколахъ Комитета Министровъ были руководящими для дѣятельности его министровъ. Съ другой стороны, Аракчеевъ и Голицынъ, какъ люди, близкіе къ государю и совершенно ему преданные, являются вѣрными исполнителями предписаній ихъ царственнаго друга, можетъ быть, даже слишкомъ усердными исполнителями.

Реакціонное настроеніе русскаго общества своимъ источникомъ отчасти имѣло вліяніе западно-европейской реакціи. Въ гостепріимной для иностранцевъ Россіи представители реакціи пролагали себѣ путь еще въ то время, когда они не пользовались никакимъ кредитомъ на Западѣ. Конецъ восемнадцатаго и начало девятнадцатаго столѣтій ознаменовались у насъ усиленіемъ французскаго вліянія. Оно имѣло свои положительныя и отрицательныя стороны. Первыя сказались въ оживленіи знакомства съ французской литературой и наукой и въ привлеченіи въ русскіе университеты нѣкоторыхъ видныхъ профессоровъ, въ родѣ Буле, Паррота, Шада и другихъ; плоды другихъ сторонъ сказались нѣсколько позже. За видными иностранцами потянулись люди съ весьма сомнительнымъ прошлымъ, въ томъ числѣ изгоняемые изъ Франціи роялисты и написты. „Пріѣдетъ французъ съ висѣлицы,—говоритъ Растопчинъ,—всѣ его на перехватъ, а онъ еще ломается“. На ряду съ представителями философіи энциклопедистовъ появляются и отовсюду изгнанные іезуиты. Уже при Павлѣ они успѣли завоевать себѣ довольно прочную позицію; въ первые же годы

правленія императора Александра проповѣдь отцовъ-іезуитовъ въ петербургскихъ салонахъ дѣлаетъ большіе успѣхи. Русская знать охотно воспитываетъ своихъ дѣтей, будущихъ правителей государства, въ іезуитскихъ пансіонахъ, а русскіе министры способствуютъ утвержденію іезуитовъ въ провинціальныхъ городахъ; среди представительницъ петербургской аристократіи—Юсуповыхъ, Голициныхъ, Гагариныхъ и другихъ—іезуиты находятъ усердныхъ прозелитокъ католицизма.

Отсутствіе серьезнаго образованія, поверхностное знакомство съ философіей XVIII вѣка и часто полное незнаніе основъ родной религіи дѣлали русское общество весьма податливымъ къ новымъ теченіямъ. Этимъ объясняются успѣхи католицизма, приносившаго съ собою и реакціонный элементъ въ области политической мысли. Успѣхи католицизма были кратковременны. Потерявъ вѣру во французскую философію, русское общество искало выхода своему религіозному настроенію, и успѣхи католицизма вскорѣ смѣняются болѣе широкимъ и прочнымъ увлеченіемъ—мистицизмомъ.

Въ мистицизмѣ можно различать нѣсколько направленій. Одни изъ этихъ направленій имѣютъ своимъ источникомъ прямое вліяніе западно-европейскихъ теченій, другія выросли на русской почвѣ. Къ первымъ надо отнести дѣятельность въ Петербургѣ англійскихъ квакеровъ, а также дѣятельность Лабзина и Крюднеръ; ко вторымъ — кружокъ Татариновой, дѣятельность Дубровицкаго и нѣкоторыхъ представителей скопческой секты.

П. Ѳ. Лабзинъ является наиболѣе раннимъ представителемъ религіозно-философскаго мистицизма, По своему образованію и юношескимъ на него вліяніямъ онъ, какъ воспитанникъ профессора Шварца, принадлежитъ къ масонству стараго типа.

Лабзинъ отличался большими познаніями и своими нравственными качествами имѣлъ значительное вліяніе на современниковъ.

Литературная дѣятельность Лабзина была весьма разнообразна. Онъ писалъ стихи, переводилъ драмы, а впослѣдствіи сосредоточился на переводахъ мистическихъ писателей, Юнга-Штиллинга, Эккарстгаузена, Делиля и другихъ. Его проповѣдь религіозныхъ началъ носила исключительно литературный характеръ. Особенно шумный успѣхъ имѣлъ „христіанскій жур-

налъ" Лабзина, носившій названіе „Сіонскій Вѣстникъ". Изданіе этого журнала онъ начиналъ дважды—въ 1806 и въ 1816 году, но оба раза журналъ послѣ своего появленія терпѣлъ аваріи отъ цензурнаго вѣдомства. Дѣятельность Лабзина интересна для насъ, какъ дѣятельность перваго провозвѣстника, пробуждавшагося въ средѣ общества интереса къ вопросамъ религіи. Самъ Лабзинъ не держался опредѣленнаго сектантскаго ученія.

Другіе мистики, кромѣ вѣры во внутреннюю церковь, признавали необходимость духовнаго общенія съ божествомъ. Въ послѣднемъ отношеніи большаго вниманія заслуживаетъ секта Татариновой. Е. Ф. Татаринова была натурой весьма склонной къ экзальтаціи. Семейныя несчастья заставили ее искать религіознаго утѣшенья. Въ поискахъ за нимъ она познакомилась со скопческой ересью, и это ученіе въ сильной мѣрѣ повліяло на складъ религіознаго міросозерцанія Татариновой. Она предается молитвѣ, благотворительности и религіозному проповѣдничеству. Скоро кругъ ея поклонниковъ сталъ быстро возрастать, и около Татариновой составилось общество подъ именемъ „братства во Христѣ". Это общество было довольно многочисленно. Въ немъ мы на ряду съ демократическими фамиліями встрѣчаемъ тайнаго совѣтника Попова, княжну Крапоткину, княгиню Енгалычеву, министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына, знакомаго намъ Лабзина, Милорадовичей, Головиныхъ, монаха Іова и многихъ другихъ. Общество Татариновой не было сектой въ собственномъ смыслѣ, потому что оно не имѣло никакой организаціи, и собранія заключались въ томъ, что Татаринова читала и толковала Священное Писаніе. Члены общества исполняли обряды православной церкви, стремясь однако къ духу „истиннаго христіанства".

Среди поклонниковъ Татариновой мы встрѣчаемъ и нѣкоторыхъ скопцовъ, въ родѣ извѣстнаго Никиты Ѳедорова (пророкъ Никитушка). Сама Татаринова имѣла также склонность къ нѣкоторымъ сторонамъ скопческой ереси. Не удивительно поэтому, что ея собранія вскорѣ приняли характеръ круженій или такъ называемыхъ радѣній, практикуемыхъ скопцами. На эти радѣнія собиралось довольно значительное количество поклонниковъ Татариновой. Тутъ бывали и Лабзинъ, и А. Н. Голицынъ. Вѣроятно, круженіе какого-нибудь тайнаго

совѣтника В. М. Попова представляло собою любопытное зрѣлище. Во время радѣній являлись и пророки. Большею частью пророчествовала сама Татаринова или скопецъ Ѳедоровъ. Интересно, что послѣдній, будучи музыкантомъ, по ходатайству князя Голицына, былъ награжденъ чиномъ XIV класса за свою пророческую дѣятельность.

Общество Татариновой, какъ мы видѣли, имѣло тѣсную связь съ мѣстнымъ сектантствомъ. Но на петербургское общество большое вліяніе оказали также иноземные представители различныхъ мистическихъ ученій. Тутъ слѣдуетъ упомянуть о посѣщеніи Петербурга англійскими квакерами. Но болѣе серьезный интересъ для характеристики тогдашней эпохи представляетъ собою дѣятельнпсть баронессы Крюднеръ.

Дѣятельность Крюднеръ, внучки знаменитаго фельдмаршала Миниха, урожденной Фитингофъ, больше относится къ исторіи нѣмецкой мистики, такъ какъ ареной ея проповѣдничества были южная Германія и Швейцарія. Юлія Крюднеръ происходила изъ старинной ливонской фамиліи; она была замужемъ за барономъ Крюднеромъ, русскимъ посломъ въ Копенгагенѣ, Венеціи и Берлинѣ. Молодая баронесса очень мало заботилась о своемъ старомъ супругѣ. Она искала свѣтскихъ удовольствій и нѣсколько разъ бросала семью, вела бурную и бродячую жизнь. Это была натура въ высшей степени честолюбивая и склонная къ экзальтаціи. Замѣтивъ, что съ годами она не можетъ пользоваться свѣтскими успѣхами, она сначала пробовола искать удовлетворенія своему честолюбію въ литературѣ, имѣла на этомъ поприщѣ шумный, но кратковременный успѣхъ и среди поисковъ новыхъ родовъ дѣятельности столкнулась съ представителями различныхъ религіозныхъ сектъ. Тогда началось постепенно обращеніе Крюднеръ въ лоно мистицизма. Патріархъ мистики, Юнгъ-Штиллингъ, посвятилъ ее въ тайну своей религіи, но его спокойный мистицизмъ не удовлетворялъ ея бурныхъ наклонностей. Знакомясь съ пророками и проповѣдниками, она сама отдается проповѣди и пророчеству, и ея поклонники серьезно приписывали ей предсказанія нѣкоторыхъ крупныхъ политическихъ событій, напр., бѣгства Наполеона съ острова Эльбы. Крюднеръ проповѣдывала скорую кончину міра и наступленіе тысячелѣтняго царства Христова, хотя вообще ея проповѣди и пророчества исполнены туманной неопредѣленности. Крюднеръ пользовалась

большой извѣстностью. Нѣкоторые біографы приписываютъ ей серьезное вліяніе на Александра I и даже идею Священнаго союза; но идея этого акта безспорно принадлежитъ самому императору. Дѣйствительно, императоръ Александръ велъ частыя бесѣды съ Крюднеръ въ Гейльброннѣ, Гейдельбергѣ и въ Парижѣ, куда Крюднеръ послѣдовала по его приглашенію. Въ 1818 году Крюднеръ поселилась въ своемъ помѣстьѣ въ Лифляндіи и жила здѣсь довольно скромно, предаваясь крайнему аскетизму. Извѣстность Крюднеръ среди русскаго общества была настолько велика, что когда она въ 1821 г. появилась въ Петербургѣ, то въ высшемъ обществѣ она встрѣтила самое восторженное къ себѣ отношеніе. Великосвѣтское общество наполняло салонъ княгини А. С. Голицыной, гдѣ Крюднеръ произносила свои мистическія назиданія. Впрочемъ, дѣятельность Крюднеръ въ Петербургѣ была непродолжительна: она стала дѣлать предметомъ своихъ проповѣдей дипломатическіе вопросы, и подозрительный Александръ I посовѣтовалъ ей убраться изъ столицы.

Въ заключеніе этого обзора поисковъ религіознаго удовлетворенія остается сказать нѣсколько словъ о масонствѣ. Масонство въ данный періодъ объединяло въ себѣ далеко не реакціонную часть общества. Къ нему обращались люди, не удовлетворявшіеся ни философіей, ни старой религіей и по своимъ общественнымъ и политическимъ симпатіямъ составлявшіе полную противоположность политическому изувѣрству мистиковъ. Значительное число декабристовъ мы встрѣчаемъ въ спискѣ членовъ и даже руководителей масонскихъ ложъ. Впрочемъ, декабристы не находили полнаго удовлетворенія въ масонствѣ, и появленіе ихъ въ ложахъ было, такъ сказать, переходомъ къ прямой политической дѣятельности. Надо замѣтить, что новое масонство (послѣ запрещенія Екатериной II ложи появляются съ 1805 г.), основавшееся преимущественно на ученіяхъ Шредера и Фесслера, значительно отличалось отъ стараго масонства новиковскаго типа. Въ немъ уже незамѣтно стремленія къ просвѣщенію и благотворительности. Въ масонскихъ ложахъ теперь либо склонялись къ выполненію масонскихъ обрядностей, либо переходили на почву общественной дѣятельности, что привлекло туда и декабристовъ.

Масонскія ложи были закрыты въ 1822 году на ряду со всѣми тайными обществами.

Увлеченіе русскаго общества религіозной мистикой является очень важнымъ показателемъ тогдашняго настроенія. Религіозное вольнодумство и вольтеріанство конца XVIII в. смѣнилось другой крайностью—стремленіемъ къ мистицизму и піэтизму.

По самому характеру распространенія мистицизма въ Россіи легко усмотрѣть, что онъ падалъ на крайне зыбкую почву. Общество легко набрасывалось на каждую новинку. Однихъ и тѣхъ же лицъ мы видимъ благоговѣйно присутствующими и на радѣніяхъ Татариновой, и принимающими участіе въ тихой духовной молитвѣ англійскихъ квакеровъ, и слушающими экзальтированную проповѣдь Крюднеръ. И въ то же время не довольствуясь духовнымъ самоуглубленіемъ, „внутренней церковью“ и чтеніемъ духовнаго писанія, тѣ же самыя лица проявляютъ усердіе въ духѣ господствующей церкви. Князь Голицынъ, типичный представитель тогдашняго увлеченія мистицизмомъ, ищетъ поученія у всѣхъ мистиковъ и въ то же время устраиваетъ у себя домовую церковь, выполняетъ обряды и „вкушаетъ хлѣбцы духовныя" у правовѣрнаго архимандрита Фотія. Отсюда ясно, что увлеченіе мистицизмомъ для большинства явилось временнымъ налетомъ, и, послѣ краткаго его господства, общество проникается рвеніемъ въ духѣ господствующей церкви, какъ впрочемъ и въ Западной Европѣ кратковременное увлеченіе мистицизмомъ смѣняется увлеченіемъ католицизмомъ. Поворотъ къ господствующей церкви въ Россіи сталъ особенно замѣчаться около 20-го года. Онъ несомнѣнно былъ гораздо глубже увлеченія мистицизмомъ. Изъ столицъ это теченіе широкимъ потокомъ разнеслось по провинціямъ, чему весьма способствовало развитіе библейскихъ обществъ.

Кромѣ религіознаго и общественнаго значенія, мистицизмъ и, особенно поворотъ къ господствующей церкви имѣютъ еще другое, чрезвычайно важное значеніе. Религіозное воодушевленіе является реакціей по отношенію къ философской мысли, вѣра въ сверхъестественное, въ общеніе съ божествомъ, полное подчиненіе ему и его земнымъ пророкамъ является реакціей по отношенію къ періоду господства разума. Для немногихъ избранныхъ, каковы Чаадаевъ, Витбергъ, впослѣдствіи Печеринъ, мистика была средствомъ разрѣшить религіозно-философскіе вопросы, понять путемъ мистическаго

прозрѣнія смыслъ жизни. Этотъ чистый мистическій идеализмъ былъ сродни тому философскому идеализму, который уже въ двадцатыхъ годахъ захватилъ нашихъ молодыхъ философовъ, такъ называемыхъ любомудровъ, и широко развился въ Николаевскую эпоху. Но въ своей обычной, популярной формѣ мистика держалась не особенно высоко отъ земли и какъ на Западѣ, такъ и у насъ, была вдохновительницей общественной и политической реакціи. Бурныя событія, послѣдовавшія за французской революціей, утомили общество. Политическіе идеалы—такъ казалось многимъ—были разбиты. Философія конца XVIII вѣка высоко ставила разумъ, она несла съ собою просвѣщеніе и при посредствѣ просвѣщенія низвергала традиціонные авторитеты, политическіе и религіозные. Религіозная экзальтація исходитъ изъ совершенно противоположнаго начала. Въ вопросахъ философскихъ и политическихъ она ищетъ подкрѣпленія во всемъ томъ, что имѣетъ авторитетъ старины, традиціи, что покрыто неясной таинственностью; вѣра въ сверхъестественную силу подрываетъ авторитетъ просвѣщенія. Неудивительно поэтому, что возвратъ къ религіи повлекъ за собою возвратъ къ старымъ формамъ политическаго строя и къ борьбѣ съ просвѣщеніемъ. Мистицизму враждебны либеральныя идеи, гдѣ проявляется человѣческій разумъ, для него революція является дѣяніемъ антихриста. Легко догадаться, что это теченіе явилось весьма подходящимъ для реакціонныхъ правительствъ. Меттернихъ очень вѣрно оцѣнилъ его и подчинилъ его реакціонной политикѣ австрійскаго правительства. И русскіе государственные люди очень скоро сдѣлали реакціонное настроеніе общества опорой своей политики. Тогда Россія пережила одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ своей исторіи.

Мрачная реакція постепенно свиваетъ себѣ гнѣздо въ нѣдрахъ Библейскаго общества. Петербургское Библейское общество явилось отпрыскомъ очень симпатичнаго по своимъ задачамъ Лондонскаго Библейскаго общества. Цѣлью послѣдняго было распространеніе книгъ Священнаго Писанія, заведеніе школъ и филантропическая дѣятельность. Въ 1812 году, по порученію Лондонскаго общества, является въ Петербургъ членъ его, Патерсонъ, и открываетъ здѣсь Петербургское Библейское общество. Первоначальной задачей его было распространеніе книгъ Священнаго Писанія среди народа. Съ

1814 года это общество намѣчаетъ себѣ болѣе широкія задачи и преобразуется въ Россійское Библейское общество. Первоначальный составъ общества былъ весьма пестрымъ. Во главѣ его стали очень видные вельможи, какъ оберъ-прокуроръ Св. Синода, кн. А. Н. Голицынъ, и высшее духовенство всѣхъ исповѣданій. Сюда же проникли въ большомъ числѣ и мистики съ Лабзинымъ и Поповымъ во главѣ. Были и люди, цѣнившіе въ обществѣ его просвѣтительныя задачи, въ родѣ А. И. Тургенева и нѣкоторыхъ др. членовъ тайныхъ обществъ, въ родѣ генерала М. Ѳ. Орлова. Первоначальная дѣятельность самого общества приняла весьма симпатичное направленіе: оно стремилось распространять книги Священнаго Писанія, издавало переводы его на русскій языкъ, заботилось о распространеніи народныхъ школъ по методу взаимнаго обученія, заботилось о составленіи учебниковъ. Въ провинціи Библейское общество открыло много своихъ отдѣленій; эти общества будили провинціальную спячку. Провинціальные чиновники, начиная съ губернаторовъ, весьма ревностно занимались дѣлами общества, открывали отдѣленія, распространяли Священное Писаніе, говорили рѣчи и писали длиннѣйшія посланія высокимъ членамъ Петербургскаго общества, занимавшимъ видные посты въ администраціи.

Петербургское ядро общества, состоявшее изъ ханжей и лицемѣровъ, вскорѣ отъ распространенія библейскихъ книгъ переходитъ къ дѣятельности политической и беретъ на себя великій подвигъ борьбы съ ядомъ невѣрія, разрушающаго церковь и государство. Это звучало въ публичныхъ рѣчахъ наиболѣе видныхъ членовъ Петербургскаго и Московскаго обществъ. Во главѣ общества сталъ кн. А. Н. Голицынъ, интимный другъ императора Александра I-го. Въ молодости онъ считалъ себя невѣрующимъ; сдѣлавшись оберъ-прокуроромъ Св. Синода, отдался мистицизму самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, но по существу это былъ человѣкъ довольно невѣжественный во всѣхъ религіяхъ и типичный представитель тогдашняго ханжества. Всѣ лицемѣры и ханжи группировались около Голицына и вскорѣ сдѣлали его орудіемъ реакціи. Голицынъ, съ 1816 года уже министръ народнаго просвѣщенія, видитъ задачи Библейскаго общества въ томъ, чтобы вести борьбу съ „мнимо просвѣщеннымъ врагомъ“. Его поддерживаетъ петербургскій митрополитъ Серафимъ, также ханжа,

строившій свою карьеру на борьбѣ съ просвѣщеніемъ. По его мнѣнію, просвѣщеніе есть результатъ дѣятельности врага рода человѣческаго, самого діавола; врагъ рода человѣческаго повсюду сѣетъ „вольнодумство, невѣріе, ересь, развратъ“. Въ результатѣ является „самовольство, непокорство власти, крамолы, бунты, междоусобія, убійства, кровь, слезы, рѣками текущія“, и проповѣдникъ угрожаетъ послѣдователямъ просвѣщенія всѣми муками ада: ихъ будетъ терзать „червь неумирающій, огнь неугасающій, плачъ и скрежетъ зубовъ“.

Не полагаясь на то наказаніе, которое послѣдователи просвѣщенія получатъ въ аду, обскуранты спѣшатъ свершить судъ надъ ними здѣсь, на землѣ. Естественно, что они обрушились на школы, университеты и печать.

Тепличное растеніе, которое надлежало холить и поддерживать, испытало дѣйствіе разрушительнаго урагана. Борьба съ университетами въ Россіи явилась отзвукомъ борьбы, поднятой реакціей въ Германіи противъ старинныхъ университетовъ. Извѣстно, что внѣшнимъ поводомъ къ этой борьбѣ въ Германіи послужило университетское празднество въ 1817 году трехсотлѣтняго юбилея реформаціи, на которомъ были сожжены книги реакціоннаго направленія. Черезъ два года студентъ Зандъ убилъ русскаго агента въ Германіи, писателя крайняго реакціоннаго направленія, Коцебу.

Вартбургскія событія всполошили нѣмецкую реакцію, и начинается борьба съ университетами, во главѣ которой сталъ Меттернихъ. Походъ нѣмецкихъ реакціонеровъ противъ университетовъ послужилъ какъ бы оправданіемъ и для русскихъ реакціонеровъ въ ихъ борьбѣ съ только что зарождавшимся у насъ высшимъ образованіемъ, хотя въ средѣ питомцевъ тогдашнихъ русскихъ университетовъ политика никакой роли не играла, и изъ университетскихъ наукъ наибольшей популярностью среди молодежи пользовалась умозрительная философія, особенно ученіе Канта и Шеллинга. Появленіе въ 1817 г. министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія является прямымъ отвѣтомъ на событія въ германскихъ университетахъ и походомъ противъ русскихъ университетовъ. При новомъ министерствѣ зарождается учрежденіе, получившее впослѣдствіи довольно печальную извѣстность, это—Ученый Комитетъ. Политическая миссія министерства отразилась въ инструкціи, данной правительствомъ Ученому Комитету. Ему

поставляется въ обязанность направлять народное воспитанiе посредствомъ учебныхъ книгъ къ постоянному и спасительному согласiю между вѣрою, вѣдѣнiемъ и властью, т.-е. иными словами, онъ долженъ былъ поддерживать самодержавiе при помощи религiи и подчиненнаго ей просвѣщенiя. Комитетъ обязанъ пересматривать всѣ „стихiйныя книги“ и „отметать“ въ нихъ все то, что ему покажется „произвольнымъ умствованiемъ, несовмѣстимымъ съ повиновенiемъ верховной и духовной власти“, какъ, напр., теорiю естественнаго права, или ученiе о происхожденiи верховной власти не отъ Бога; въ естественныхъ наукахъ Комитетъ обязанъ устранять всѣ „суетныя догадки о происхожденiи и переворотахъ земного шара“. Даже по отношенiю къ медицинскимъ книгамъ Комитетъ долженъ наблюдать, чтобы въ нихъ не вкралось ученiе, „низвергающее духовный санъ человѣка“. Составъ Комитета соотвѣтствовалъ его назначенiю, такъ какъ въ Комитетѣ мы видимъ такихъ представителей реакцiи, какъ прусскiй выходецъ, капитанъ графъ Лаваль и камеръ-юнкеръ Стурдза.

Ученый Комитетъ сталъ очищать учебныя книги, а Главное правленiе училищъ при обновленномъ теперь составѣ,—такъ какъ всѣ попечители округовъ перваго призыва ушли въ отставку,—начало очищать университеты. Кульминацiоннаго пункта этотъ походъ противъ университетовъ достигаетъ съ момента принятiя главнымъ правленiемъ училищъ знаменитаго доклада его сочлена Магницкаго, въ 1820 году. Магницкiй, прежнiй другъ Сперанскаго, отправленный въ ссылку одновременно съ Сперанскимъ, теперь превратился въ ханжу, лицемѣра, вожака реакцiи, имѣвшаго большое влiянiе на самого Голицына. Его докладъ 1820 г.—гимнъ тьмѣ. Основываясь на либеральныхъ теченiяхъ въ германскихъ университетахъ, Магницкiй съ паѳосомъ указываетъ на опасность, угрожающую тронамъ и алтарямъ отъ разлившагося „яда просвѣщенiя“. По словамъ Магницкаго, самъ духъ тьмы, самъ сатана руководитъ просвѣщенiемъ и направляетъ его противъ церкви и государей; „профессоры безбожныхъ университетовъ“ являются слугами сатаны. Съ просвѣщенiемъ нужна борьба при посредствѣ „благоразумной цензуры“ и воспитанiя, основаннаго на вѣрѣ.

Своимъ докладомъ Магницкiй преслѣдовалъ честолюбивыя цѣли. Еще въ 1819 году Магницкiй былъ назначенъ ревизовать Казанскiй учебный округъ. Это была странная реви-

зія, жалкая комедія, которая однако для университета и для всего дѣла просвѣщенія въ Россіи окончилась чрезвычайно трагично. Въ нѣсколько дней, по увѣреніямъ Магницкаго, онъ успѣлъ ознакомиться съ профессорской коллегіей, ходомъ преподаванія и даже съ научными достоинствами каждаго спеціалиста. Изъ 25 профессоровъ Магницкій нашелъ только пять человѣкъ „достойныхъ", остальные попали въ разрядъ неблагонадежныхъ или незнающихъ своего предмета. Неблагонадежные профессора Казанскаго университета, разумѣется, развращаютъ юношество, выпуская воспитанниковъ, зараженныхъ духомъ деизма. Въ заключеніе Магницкій предлагалъ или публично разрушить университетъ, или назначить туда „надежнаго попечителя" (тогда попечителя Казанскаго округа не было) съ особой инструкціей. Магницкій добился своего: онъ получилъ мѣсто Казанскаго попечителя, и государь предоставилъ ему полную свободу дѣйствій. Направленіе просвѣщенія фактически переходитъ къ Магницкому, и порядки Казанскаго университета, установленные имъ, дѣлаются образцомъ для другихъ.

Магницкій немедленно издалъ новыя правила университетской жизни. На ряду съ выборнымъ ректоромъ (Магницкій считалъ нужнымъ производить комедію избранія) является назначаемый попечителемъ директоръ. Черезъ него попечитель проводилъ свои взгляды, вручая ему полицейскую власть по отношенію къ профессорамъ и студентамъ. Свои воспитательные идеалы Магницкій стремится согласовать съ актами Священнаго Союза. Отсюда задача университета—„воспитаніе вѣрныхъ сыновъ православной Церкви, вѣрныхъ подданныхъ государю, добрыхъ и полезныхъ гражданъ отечеству". „Покорность должна явиться душой добраго воспитанія". Нагляднымъ примѣромъ покорности должно быть строжайшее чинопочитаніе. Въ студентахъ выше всего цѣнятся „христіанскія добродѣтели". Надзоръ за ними усиленъ до такой степени, что „честные и богобоязненные надзиратели" обязаны непрестанно находиться въ комнатахъ казеннокоштныхъ студентовъ, а внѣ стѣнъ университета студентъ находится подъ надзоромъ полиціи. Цѣлью Магницкаго было искоренить въ университетѣ вольнодумство и устроить такъ, чтобы этотъ „всеразрушающій духъ" не могъ проникнуть въ его стѣны. Поэтому Магницкій издаетъ особую инструкцію профессорамъ. Преподаваніе всѣхъ предметовъ должно покоиться на Евангеліи.

„Обновленный“ университетъ не могъ оставаться при старыхъ профессорахъ. Изъ 25 профессоровъ Магницкій удалилъ 11 и на ихъ мѣсто назначилъ своихъ ставленниковъ, которыхъ иногда опредѣлялъ, какъ сказано въ послужномъ спискѣ профессора Жобара, „за благочестивый образъ жизни“. Казанскій университетъ не стоялъ вполнѣ одиноко. Репрессіи начались и въ другихъ университетахъ. Изъ Харьковскаго былъ удаленъ такой хорошій профессоръ, какимъ былъ Шадъ, послѣдователь Шеллинга. Здѣшній попечитель, пріятель князя Голицына и такой же ханжа, Карнѣевъ былъ человѣкъ въ высокой мѣрѣ невѣжественный. Онъ завелъ чтеніе молитвъ въ университетѣ и серьезно считалъ науки „небезопасными“. Харьковскій университетъ сталъ пустѣть; особенно чувствительна была для него потеря профессора Осиповскаго.

Но все-таки въ Харьковѣ реакція была относительно слабѣе. Въ Петербургѣ произошелъ очень крупный эпизодъ вслѣдствіе удаленія наиболѣе видныхъ представителей университетской науки, имена которыхъ и въ настоящее время упоминаются съ почтеніемъ, какъ Арсеньевъ, Германъ, Раупахъ, Галичъ и нѣкоторые другіе. Здѣсь попечителемъ былъ Руничъ, пріятель Магницкаго, преклонявшійся предъ геніемъ своего друга. Въ 1821 году Руничъ, которому тоже хотѣлось выдвинуться, доноситъ главному правленію училищъ, что въ университетѣ философскія и историческія науки преподаются въ духѣ, противномъ христіанству. Руничъ добился суда надъ крамольными профессорами. Отобраны были отъ студентовъ тетрадки, и Руничъ явился главнымъ судьею и прокуроромъ и требовалъ обвиненія профессоровъ. Дѣло доходило до Комитета Министровъ и затянулось до 1827 года, когда состоялось высочайшее повелѣніе считать это дѣло поконченнымъ.

Борясь съ университетами, реакція не забывала и другой стороны человѣческой дѣятельности, въ которой проявлялась мысль—печатнаго слова.

Цензурный уставъ 1802 года можно назвать либеральнымъ, и печать почти въ теченіе десятилѣтія не подвергалась гоненіямъ, но уже съ 1811 года появляются указы и распоряженія съ цѣлью „обузданія печати“. Въ этомъ году при министерствѣ полиціи утверждается особый комитетъ для пересмотра уже одобренныхъ или напечатанныхъ съ одобренія цензуры книгъ. Реакціонное направленіе этого комитета неме-

дленно стало давить на цензора. Въ 1812 г. журналы уже лишены были права перепечатывать изъ иностранныхъ газетъ извѣстія, касающіяся Россіи; послѣднія можно было брать только изъ казенныхъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“. Журналамъ воспрещалось трактовать о цѣломъ рядѣ вопросовъ, признанныхъ неподлежащими обсужденію въ печати. Даже игра казенныхъ актеровъ была изъята изъ обсужденія, потому что актеры состоятъ на государственной службѣ. Нечего говорить о томъ, что вопросы о крѣпостномъ правѣ и конституціи были недоступны тогдашней печати. Положеніе печати станетъ еще болѣе понятнымъ, если мы вспомнимъ, что цензурное вѣдомство тогда находилось въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и что тѣ лица, которыя открыли борьбу противъ университетовъ, руководили и цензурнымъ вѣдомствомъ.

Цензоры, просматривавшіе книги, были совершенно терроризованы. Самые благонамѣренные писатели, въ родѣ Жуковскаго, не могли избѣгнуть цензурныхъ преслѣдованій. Цензурные архивы богаты весьма курьезной хроникой по запрещенію отдѣльныхъ книгъ. Особенно извѣстна дѣятельность цензора Красовскаго, который запрещалъ книги по самымъ разнообразнымъ поводамъ; такъ, онъ запретилъ книгу о вредности грибовъ, потому что грибы составляютъ постную пищу. Онъ былъ особенно строгимъ поборникомъ нравственности, и разрѣшалъ къ напечатанію картинки только въ томъ случаѣ, если платье у женщинъ было нарисовано ниже колѣнъ. Цензурное вѣдомство превратилось въ отдѣленіе сыска по отношенію къ авторамъ по вопросамъ и не политическимъ, которыхъ тогда избѣгали и сами авторы,—оно стремилось услѣдить за доброй нравственностью авторовъ.

Цензурный терроръ, обрушившійся на печать, казался руководителямъ его недостаточнымъ. Рѣшено было составить проектъ новаго цензурнаго устава, авторомъ котораго явился тотъ же Магницкій. Къ счастью, этотъ уставъ не получилъ утвержденія. Въ проектѣ устава предполагалось запрещать всякаго рода книги, въ которыхъ прямо или косвенно ослабляется или представляется сомнительнымъ ученіе церкви, монархическій строй, книги о нравственной философіи и умозрительномъ законодательствѣ, книги, основанныя не теоріи естественнаго права, книги, въ которыхъ проявляется гордость и своевольство разума, и даже книги, противныя добрымъ нра-

вамъ и свѣтскимъ приличіямъ. Въ проектѣ секретной инструкціи къ уставу цензорамъ внушалось выискивать намеки невѣрія и тайно доносить на авторовъ. Этотъ проектъ устава былъ столь страннымъ произведеніемъ, что встрѣтилъ оппозицію даже въ членахъ главнаго правленія училищъ, и только одинъ Руничъ соглашался съ Магницкимъ и даже предлагалъ еще увеличить списокъ запрещаемыхъ книгъ книгами, написанными нечистымъ слогомъ, безпорядочно написанными, книгами физіологическими, анатомическими и патологическими. На этотъ разъ Магницкій потерпѣлъ неудачу. Это однако его не остановило. Въ 1823 году онъ выступаетъ съ новымъ проектомъ— объ изъятіи нѣкоторыхъ предметовъ изъ преподаванія, напримѣръ, философіи и естественнаго права. Новый проектъ Магницкаго кстати снабженъ цѣлымъ доносомъ противъ нѣкоторыхъ профессоровъ, еще не отставленныхъ отъ службы. Этотъ новый доносъ на просвѣщеніе встрѣтилъ оппозицію среди членовъ главнаго правленія училищъ. Встрѣтить оппозицію собственно и было цѣлью послѣднихъ проектовъ Магницкаго: ему надо было явиться спасителемъ отечества и замѣнить собою своего министра. За спиною Магницкаго дѣйствовалъ Аракчеевъ. Голицынъ обоимъ стоялъ на дорогѣ: Аракчеевъ боялся усиленія Голицына, а Магницкій не желалъ довольствоваться второстепенной ролью. У обоихъ былъ и еще союзникъ въ лицѣ юрьевскаго архимандрита Фотія. Дружа съ Голицынымъ, Фотій однако въ союзѣ съ митрополитомъ Серафимомъ, которымъ руководили Аракчеевъ и Магницкій, подкапывался подъ Голицына; къ нимъ присталъ добродушный и безпорно честный, но недалекій человѣкъ, адмиралъ Шишковъ. По словамъ автобіографіи Фотія, онъ давно уже готовился къ борьбѣ съ мистиками, съ Лабзинымъ и особенно съ „женками зловѣрія", Крюднеръ и Татариновой,—„жабами, клокотавшими во время оно"

Вскорѣ представился внѣшній предлогъ для открытаго выступленія противъ сильнаго министра. Покровительствуемый министромъ директоръ департамента Поповъ принялъ близкое участіи въ изданіи русскаго перевода книги баварскаго проповѣдника Госнера: это было обыкновенное мистическое сочиненіе. Книга цензуровалась въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Магницкій досталъ въ типографіи ея корректурные листы, и вся враждебная Голицыну клика забила тревогу. Фо-

тій написалъ разборъ этой книги, представленной государю. Безъ дальнихъ околичностей Фотій объявилъ эту книгу „паролемъ“ тайныхъ обществъ противъ царствъ. Государь былъ смущенъ. Не зная, какъ разобраться въ этомъ дѣлѣ, онъ обращается къ Шишкову и поручаетъ ему разборъ этой книги. Заключеніе Шишкова, инспирированнаго митрополитомъ Серафимомъ, оказалось также тревожнаго характера. Александръ I колебался, вѣря въ честность своего друга. Тогда Фотій пишетъ ему посланіе, угрожаетъ готовящейся революціей, разсказываетъ о видѣніяхъ, которыя ему были. Митрополитъ Серафимъ лично настаиваетъ у государя на закрытіи Библейскаго общества, которое, по его мнѣнію, и являлось революціоннымъ ядромъ, и на удаленіи князя Голицына. Послѣ Серафима имѣлъ свиданіе съ государемъ съ тою же цѣлью Фотій. На Александра I все это еще мало дѣйствовало. Тогда Фотій зазываетъ князя Голицына въ домъ своей духовной дщери, графини А. Орловой, и тутъ торжественно произноситъ анаѳему надъ представителемъ вѣдомства православнаго исповѣданія; митрополитъ Серафимъ немедленно утверждаетъ анаѳему. Фотій пишетъ новое посланіе къ государю: ему было новое видѣніе, Господь самъ открылъ враговъ государя, это были— кн. Голицынъ, Руничъ, Поповъ, начальникъ тайной полиціи Фонъ-Фокъ. Получился грандіозный скандалъ. Александръ не могъ далѣе удерживать Голицына, удалилъ его, прекрасно оцѣнивъ, однако, гнусность поступка Фотія и Магницкаго. Министерство духовныхъ дѣлъ уничтожено, возстановленъ Синодъ, чего добивался митрополитъ Серафимъ. Роль Магницкаго была сыграна: министромъ народнаго просвѣщенія назначили Шишкова, недолюбливавшаго Магницкаго, а Аракчеевъ не считалъ нужнымъ поддерживать опаснаго честолюбца. Была даже назначена ревизія Казанскаго университета, которая вскрыла причастность Магницкаго къ казнокрадству, и въ началѣ Николаевскаго царствованія онъ былъ удаленъ съ своей должности и высланъ изъ столицы.

3.

Въ средѣ общества второй половины изучаемаго періода замѣчается рѣзкое раздвоеніе; если одна часть общества примкнула къ мрачной реакціи, или, по крайней мѣрѣ, проникласъ

религіозной экзальтаціей, то другая часть общества не порывала съ либеральными идеями. Только въ періодъ господства реакціи либерально настроенные элементы общества должны были замолкнуть, или же уйти въ тайныя общества. Мало того, молодое поколѣніе, находившееся въ періодъ войнъ въ такомъ возрастѣ, когда образуются у человѣка политическія убѣжденія, когда складывается общественное міровоззрѣніе, вынесло изъ періода войнъ и изъ знакомства съ Западной Европой, литературнаго и личнаго, твердое убѣжденіе въ необходимости введенія въ Россіи конституціонныхъ учрежденій. Почти во всѣхъ воспоминаніяхъ и показаніяхъ декабристовъ, данныхъ на слѣдствіи, мы встрѣчаемъ признаніе, что знакомство съ западно-европейскимъ государственнымъ и общественнымъ строемъ повліяло на образованіе ихъ политическихъ убѣжденій, послужило „зародышемъ сознанія обязанностей гражданина", какъ выражается Сергѣй Волконскій. „Война,— говорилъ въ своемъ показаніи полковникъ Батеньковъ,—представила мнѣ поучительную картину. Во время путешествій за границу мысль о разнаго рода правленіяхъ практическими примѣрами во мнѣ утвердилась, и я началъ имѣть желаніе видѣть въ своемъ отечествѣ болѣе свободы". Молодые офицеры вмѣстѣ съ арміей переходили изъ одной мѣстности Западной Европы въ другую, знакомились съ людьми, политическимъ и общественнымъ строемъ, запасались книгами, жадно ихъ изучая на скучныхъ стоянкахъ: имъ открывался новый міръ идей, и они естественно сравнивали положеніе западно-европейскихъ народовъ и идеалы, выработанные наукою, съ тѣмъ порядкомъ вещей, который имъ былъ знакомъ съ дѣтства. Такихъ людей уже не могла привлекать праздная свѣтская жизнь, ихъ не могли не смущать владѣніе крѣпостными, безконтрольность администраціи, отсутствіе даже элементарныхъ правъ личности.

Надо только сдѣлать оговорку, что либеральное теченіе, утвердившееся въ тайныхъ обществахъ, не было простымъ отголоскомъ, простымъ заимствованіемъ западно-европейскаго либерализма. Если одни изъ членовъ тайныхъ обществъ впервые просвѣтлялись на западно-европейской почвѣ, то другіе приходили къ тѣмъ же выводамъ самостоятельно, присматриваясь къ русской жизни. Тогда вообще въ молодежи, особенно военной, наблюдается жажда къ знанію, стремленіе къ выработкѣ идеаловъ. Тогда всѣ переживали періодъ сомнѣнія, колебанія

и жаднаго исканія истины, пока, наконецъ, не останавливались на опредѣленныхъ воззрѣніяхъ; однихъ это исканіе истины приводило къ мистицизму, другихъ отбрасывало далеко влѣво. Молодыхъ людей охватывала „страсть къ занятіямъ",—какъ выражается Крюковъ, начавшій самоучкой свое знакомство съ политикой и юриспруденціей, которое потомъ привело его въ слѣдственную комиссію. Ему хотѣлось „познать человѣка и то, что можетъ служить его счастьемъ", и онъ воспылалъ „любовью къ человѣчеству". Книги, которыя тогда служили для образованія, были сочиненія Беккаріи, Бентама, Кондильяка, Сея, Смита, Монтескье, Руссо, Филанджьери и др. Не одинъ Крюковъ прошелъ указаннымъ путемъ. Въ глухой провинціи были разбросаны армейскіе полки, офицеры которыхъ никогда не бывали за границей. По тому времени армейскіе офицеры отличались крайне скуднымъ образованіемъ. Но даже и здѣсь образуются кружки молодыхъ людей, которые упорнымъ трудомъ и при скудныхъ средствахъ стремятся просвѣтить себя знаніемъ, разобраться въ окружающемъ порядкѣ вещей. „Я любилъ читать и размышлять,—показывалъ въ Слѣдственной Комиссіи одинъ изъ такихъ офицеровъ, членъ общества Соединенныхъ Славянъ, поручикъ Борисовъ 2-й,—всякую новую мысль хотѣлъ прежде, нежели сдѣлать ее своей, разобрать и доказать самому себѣ истину оной. Но, будучи ослѣпленъ любовью къ демократіи и свободѣ, каждую вольную мысль находилъ справедливою и не могъ ничѣмъ опровергнуть оной". Его религіей сдѣлалось стремленіе къ общему благу. Чтобы отдаться наукамъ, этимъ армейскимъ офицерамъ приходилось самоучкой изучать даже новые языки. Такъ, общій подъемъ мысли вызвалъ, въ противовѣсъ реакціонному направленію, движеніе либеральное.

Либеральное теченіе сначала было весьма неясно, оно было далеко отъ какихъ-либо активныхъ дѣйствій противъ правительства. Но реакціонныя мѣры послѣдняго направляли мысль именно въ эту сторону. „Чѣмъ сильнѣе дѣйствовала реакція,—вспоминалъ уже впослѣдствіи декабристъ Бѣляевъ,—тѣмъ неудержимѣе было въ умахъ противодѣйствіе". По мнѣнію капитана Якубовича, само правительство созидаетъ недовольныхъ. Трудно найти какую нибудь отрасль правительственной дѣятельности или какую-нибудь сторону тогдашняго состоянія Россіи, которая не подверглась бы жестокой и въ

общемъ мѣткой критикѣ въ прогрессивныхъ кругахъ тогдашняго общества. Въ первое время разговоры велись открыто. Увлеченіе государя военной фронтовой службой, антинаціональное направленіе русской внѣшней политики, вліяніе Аракчеева съ его военными поселеніями, мѣры противъ просвѣщенія и свободы печати —все это подвергалось жестокой критикѣ. Устанавливавшійся министерскій бюрократизмъ, преобладаніе Комитета Министровъ, гдѣ, „какъ на большой дорогѣ", толпились всѣ неустройства и безпорядки управленія (слова Батенькова), паденіе Государственнаго Совѣта и Сената,—все это вызывало крайнее негодованіе; провинціальная администрація представлялась Рылѣеву, какъ и многимъ другимъ, „настоящими кровопійцами". Не даромъ у Каховскаго, натуры очень чувствительной, вырвалась такая характеристика въ его письмѣ къ императору Николаю I изъ крѣпости: „у насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли, у насъ внутренніе враги терзаютъ государство; у насъ тяжкіе налоги, повсемѣстная бѣдность". Такого рода наблюденія при высокомъ и здоровомъ патріотизмѣ, при глубокой любви къ родинѣ вызывали въ конечномъ результатѣ ненависть и ожесточеніе по отношенію къ правительству. „Я ропталъ,—откровенно показывалъ на слѣдствіи простой армейскій офицеръ, подпоручикъ Андріевичъ 2-й,—и на Бога и на царя и въ ожесточеніи старался изслѣдовать источникъ всего неистовства, коимъ терзаютъ моихъ соотечественниковъ".

Особенно возмущало крѣпостное право. Члены тайныхъ обществъ очень много сдѣлали для развитія идеи эмансипаціи. Въ показаніяхъ большинства изъ нихъ мы находимъ признаніе, что угнетеніе крестьянъ служило однимъ изъ главныхъ побудительныхъ поводовъ къ образованію тайныхъ обществъ. Крѣпостное право служило постояннымъ предметомъ разговоровъ какъ въ ихъ кругу, такъ и въ той части общества, гдѣ они вращались. Судя по запискамъ декабристовъ, положеніе крестьянъ производило на нихъ очень сильное впечатлѣніе. Болѣе видные изъ декабристовъ, или болѣе пылкіе пытались подвинуть правительство къ разрѣшенію крестьянскаго вопроса путемъ подачи оффиціальныхъ записокъ. Такова, напримѣръ, записка Н. И. Тургенева, представленная имъ въ 1819 году черезъ графа Милорадовича, письмо барона Штейнгеля, написанное имъ въ 1823 году, въ

которомъ онъ умолялъ государя прекратить по крайней мѣрѣ торгъ людьми; въ 1815 году генералъ-майоръ Орловъ составилъ проектъ адреса государю объ уничтоженіи крѣпостного права; адресъ былъ подписанъ нѣсколькими весьма крупными вельможами, но не имѣлъ никакихъ послѣдствій; такую же попытку Н. И. Тургеневъ пробовалъ сдѣлать въ 1820 году, но Александръ I оставался глухъ къ этимъ представленіямъ. Въ своихъ разговорахъ декабристы пытались освѣтить различныя стороны крѣпостного права, указать на его безнравственность, невыгодность подневольнаго рабскаго труда и, наконецъ, на то, что это право не есть исконная привилегія помѣщиковъ, которую бы правительственная власть не могла нарушить. Нѣкоторые изъ декабристовъ пытались составить особые кружки или общества со спеціальною цѣлью притти на помощь крѣпостному крестьянству въ той или другой формѣ; таковъ, напр., союзъ, основанный И. И. Пущинымъ въ Москвѣ, со спеціальною цѣлью освобожденія дворовыхъ людей.

Такъ въ обществѣ постепенно назрѣвало недовольство; между тѣмъ съ каждымъ годомъ становилось все яснѣе и яснѣе, что правительство не можетъ пойти навстрѣчу либеральнымъ ожиданіямъ. Являлась естественная мысль о составленіи тайныхъ обществъ. Первая идея тайнаго общества исходила изъ желанія честныхъ людей вступить на путь борьбы противъ лихоимства и другихъ безпорядковъ во внутреннемъ управленіи. Но съ теченіемъ времени въ тайныхъ обществахъ возобладала идея активной борьбы съ правительствомъ и превращенія Россіи или въ монархію на федеративныхъ началахъ, или даже въ республику. Мысль о тайномъ обществѣ въ средѣ гвардейскихъ офицеровъ возникаетъ въ 1816 г. Здѣсь мы уже видимъ имена многихъ лицъ, которыя впослѣдствіи оказались на скамьѣ подсудимыхъ. Сначала тайное общество получило названіе „Союза Спасенія“ или „Истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества“; затѣмъ оно было переименовано въ „Союзъ Благоденствія“, просуществовавшій до 1821 г., когда оффиціально на съѣздѣ въ Москвѣ члены его объявили о закрытіи союза. И то и другое общество, наряду съ политическими цѣлями, ставило своей задачей цѣли культурныя—пропаганду либеральныхъ идей и особенно борьбу съ крѣпостнымъ правомъ. Въ средѣ общества замѣчались два теченія: одно изъ нихъ готово было довольствоваться культурной работой, другое все болѣе

и болѣе опредѣленно становилось на почву политической борьбы съ существующимъ режимомъ. Оба теченія не могли совмѣстно дѣйствовать по принятой ими первоначально программѣ, отразившейся на уставѣ „Союза Благоденствія“. Поэтому распаденіе Союза дало возможность уклониться отъ дальнѣйшей дѣятельности однимъ изъ членовъ и сплотило тѣхъ изъ нихъ, которые видѣли единственный выходъ въ активной борьбѣ съ правительствомъ. Немедленно въ Тульчинѣ, въ мѣстѣ расположенія второй арміи, образуется тайное общество изъ бывшихъ членовъ „Союза Благоденствія“, главою котораго явился командиръ Вятскаго полка П. И. Пестель. Въ этомъ обществѣ мы видимъ въ качествѣ руководителей: генералъ-интенданта южной арміи Юшневскаго, генералъ-майора князя С. М. Волконскаго, Василія Давыдова, Сергѣя Муравьева Апостола, Бестужева-Рюмина и нѣкоторыхъ другихъ.

Планъ дѣятельности Южнаго общества создался, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ Пестеля. Онъ заключался въ томъ, что предварительно необходимо выработать проектъ конституціи; такимъ проектомъ и была „Русская Правда“ Пестеля. Когда все будетъ подготовлено, предполагалось начать активныя дѣйствія—военное возстаніе съ цѣлью истребленія царской фамиліи. Россія объявляется республикой и временное правительство вводитъ заранѣе выработанную конституцію. Планъ Пестеля отличался большою теоретичностью, и хотя послѣдній настаивалъ на самыхъ радикальныхъ мѣрахъ, убѣждая другихъ въ необходимости ихъ, однако его планъ не заключалъ въ себѣ реальнаго указанія на начало дѣйствій, и самъ Пестель какъ будто не торопился. Такая постановка дѣла вносила извѣстнаго рода диссонансъ, и въ результатѣ въ Южномъ обществѣ образовалось два направленія. Пестель былъ блестящій теоретикъ, обладалъ замѣчательной логикой и огромнымъ образованіемъ; это былъ болѣе ученый, нежели заговорщикъ, и его „Русская Правда“ въ высшей степени замѣчательный ученый трактатъ, но не конституціонная хартія. Пестеля поддерживали его ближайшіе друзья—Волконскій, Давыдовъ, Юшневскій. Напротивъ, Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ были людьми пылкими и уступая Пестелю въ теоретическихъ спорахъ, далеко не соглашались съ нимъ въ нѣкоторыхъ радикальныхъ предположеніяхъ. Ихъ главнымъ образомъ интересовалъ практическій вопросъ о томъ, какъ и

когда поднять возстаніе. Два раза они составляли планъ покушенія на цареубійство, но должны были откладывать потому, что императоръ не пріѣхалъ въ назначенное время къ арміи. Оба они состояли членами Васильковской управы и проявляли необыкновенную дѣятельность. Оба они успѣли разузнать на кіевскихъ контрактахъ, куда съѣзжались ежегодно руководители общества для совѣщаній, о существованіи польскаго тайнаго общества, и успѣли заключить съ представителями его союзъ и установить способы сношенія; впрочемъ, этотъ союзъ не отличался искренностью съ обѣихъ сторонъ.

Но самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ Южнаго общества было открытіе Бестужевымъ и Муравьевымъ существованія въ ихъ же полку тайнаго общества Соединенныхъ Славянъ. Это очень интересное общество, состоявшее изъ простыхъ армейскихъ офицеровъ (весь кружокъ Южнаго общества состоялъ изъ бывшихъ гвардейскихъ офицеровъ, переведенныхъ въ армію или начальниками полковъ, какъ Пестель, Артамонъ Муравьевъ, Повало-Швейковскій, Волконскій, или изъ бывшихъ офицеровъ Семеновскаго полка, переведенныхъ въ армію послѣ Семеновской исторіи въ 1820 г., какъ Сергѣй Муравьевъ, Бестужевъ-Рюминъ и нѣкоторые др.). Основателями общества были братья Борисовы, молодые артиллерійскіе офицеры. Это было около 1817 года, и первая организація братьевъ Борисовыхъ называлась „Обществомъ Друзей Природы"; но это общество не имѣло широкаго распространенія и, кажется, не преслѣдовало политическихъ цѣлей. Въ 1823 году братья Борисовы и польскій шляхтичъ Люблинскій составили общество Соединенныхъ Славянъ. Общество имѣло свой катехизисъ и конечною цѣлью его было „открыто требовать отъ императора законовъ". Число членовъ стало быстро расти, преимущественно среди младшихъ артиллерійскихъ и пѣхотныхъ офицеровъ.

Въ лагерѣ подъ Лещинымъ въ 1825 г. начались сношенія между членами Славянскаго общества и членами Васильковской управы. Славяне были поражены открытіемъ, которое было ими сдѣлано: блестящіе офицеры изъ гвардіи приглашали ихъ соединяться съ своимъ тайнымъ обществомъ, въ которомъ было такъ много аристократичнскихъ именъ и крупныхъ начальниковъ. Прапорщики были поражены, когда у С. Муравьева застали полковниковъ Артамона Муравьева, Тизенгаузена, Враницкаго, Повало-Швейковскаго. Пылкія рѣчи Бестужева-

Рюмина очень сильно дѣйствовали на Славянъ, тѣмъ болѣе что Бестужевъ-Рюминъ сильно преувеличивалъ силу своего тайнаго общества. Союзъ былъ, разумѣется, заключенъ, Славяне поддались обаянію Бестужева и Муравьева, и среди нихъ Южное общество нашло тѣхъ лицъ, которыхъ они предполагали направить для цареубійства.

Нѣсколько позже Тульчинскаго сложилось тайное общество въ Петербургѣ, и не безъ сильнаго воздѣйствія со стороны Южнаго. Среди членовъ Сѣвернаго общества мы видимъ прежнихъ членовъ Союза Благоденствія: Никиту Муравьева, Н. И. Тургенева, князя С. Трубецкого, И. И. Пущина, полковника Митькова и нѣкоторыхъ другихъ. Сначала дѣятельность общества была довольно сдержанной, но потомъ она начинаетъ быстро расти, когда въ него вступаетъ въ то время уже извѣстный поэтъ-гражданинъ Рылѣевъ. Вступивъ въ общество, онъ весь предается кипучей дѣятельности, не довольствуясь холодными разсужденіями о превосходствѣ той или иной конституціи. Еще до вступленія въ общество, онъ былъ подготовленъ къ идеямъ свободы болѣе чѣмъ кто-либо; всѣми фибрами своей души онъ чувствовалъ ненависть къ тираніи; онъ любилъ Россію искреннею, беззавѣтною любовью и, готовый на самоотверженіе, мечталъ о подвигѣ для блага отечества. Онъ пылалъ желаніемъ вступить въ борьбу съ тираніей, но никогда не могъ остановиться на мысли о томъ, какова должна быть форма будущаго правленія, или что сдѣлать съ императоромъ и его фамиліей, въ случаѣ отказа подписать конституцію: то онъ предпочиталъ планъ увоза фамиліи за границу, то готовъ былъ согласиться съ проектами Пестеля. Рылѣевъ обладалъ такими чертами личнаго характера, которыя въ сильнѣйшей мѣрѣ притягивали къ нему всѣхъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ случай сталкиваться. Это натура въ высшей степени честная, прямая, „пылкая“ въ дружбѣ. Вскорѣ онъ сдѣлался центромъ общества. Онъ привлекаетъ цѣлый рядъ лицъ, напр., братьевъ Бестужевыхъ, Николая и Александра (послѣдній былъ извѣстенъ въ литературномъ мірѣ подъ псевдонимомъ Марлинскаго). Открытіе Рылѣевымъ цѣлаго кружка моряковъ, образовавшихъ еще ранѣе въ своей средѣ общество, для сѣверныхъ членовъ было такимъ же подбадривающимъ фактомъ, какъ и сдѣланное Бестужевымъ-Рюминымъ открытіе общества Соединенныхъ Славянъ. Среди этихъ моряковъ были братья

Бѣляевы, Завалишинъ, Арбузовъ и мн. др. Тогда же къ обществу присоединяется пользовавшійся тогда извѣстностью кавказскій герой капитанъ Якубовичъ. Въ порывахъ своего увлеченія Рылѣевъ даже ищетъ „кинжалъ“, съ помощью котораго можно было бы начать переворотъ. Одно время онъ даже нашелъ такое орудіе въ своемъ давнишнемъ знакомомъ, пріѣхавшемъ въ Петербургъ и столь же пылкомъ и необузданномъ какъ и онъ; это былъ Каховской.

Въ такомъ положеніи были оба общества наканунѣ декабрьской революціи.

Разъ поставивъ своей задачею борьбу съ самодержавной властью, члены тайныхъ обществъ, вполнѣ естественно, старались выработать себѣ идеалъ будущаго государственнаго устройства. Съ образованіемъ Сѣвернаго и Южнаго обществъ политическія тенденціи обоихъ оказались не одинаковыми. Пестель попрежнему стоялъ на республиканской точкѣ зрѣнія. Но въ Петербургѣ стала преобладать конституціонно-монархическая точка зрѣнія. Вдохновителемъ общества, его теоретическимъ аппаратомъ, здѣсь былъ капитанъ генеральнаго штаба Никита Муравьевъ. Подобно Пестелю, это былъ человѣкъ съ широкимъ образованіемъ и также весьма склонный къ теоретической кабинетной работѣ. Подобно Пестелю же, Никита Муравьевъ считалъ необходимымъ прежде начала революціи выработать планъ будущаго государственнаго устройства. Сначала онъ держался, подобно другимъ петербургскимъ своимъ сотоварищамъ, республиканскихъ убѣжденій. Но, по собственному признанію, путемъ размышленія и изученія онъ пришелъ къ мысли о преимуществѣ конституціонной монархіи, опирающейся на федеративный строй. Вообще Никитѣ Муравьеву будущее государственное устройство представлялось весьма сходнымъ съ устройствомъ Сѣверо-Американской республики, но съ императоромъ во главѣ и съ нѣкоторыми отступленіями отъ конституціи этого государства. Такъ, по его проекту, политическими правами пользовались не всѣ правоспособные жители государства: для осуществленія избирательнаго права необходимо было обладать извѣстнымъ цензомъ; самый размѣръ избирательнаго права, т.-е. право быть избираемымъ въ члены законодательнаго собранія и въ высшія должности по мѣстному управленію, поставленъ былъ въ зависимость отъ ценза и притомъ довольно высокаго (минимальный цензъ 2000 р. не-

движимой собственности и вдвое болѣе движимаго имущества). Граждане, не обладающіе цензомъ, пользуются лишь личными гражданскими правами. Сословное дѣленіе отмѣняется. Крѣпостные крестьяне освобождаются, но при освобожденіи получаютъ въ собственность только дома съ огородами.

Что касается государственнаго устройства, то по конституціи Никиты Муравьева оно представляется въ слѣдующемъ видѣ. Суверенная власть государства принадлежитъ народному собору. Онъ созывается только въ исключительныхъ случаяхъ—для изданія конституціонныхъ законовъ и избранія новой династіи. Рѣшеніе народнаго собора пересматривается въ спеціально для этой цѣли избираемыхъ областныхъ соборахъ и становится закономъ, если получитъ двѣ трети голосовъ на каждомъ соборѣ и двѣ трети положительныхъ голосовъ всѣхъ депутатовъ, голосовавшихъ на соборахъ. Текущая законодательная власть въ государствѣ предоставлена народному вѣчу, которое состоитъ изъ двухъ палатъ— Верховной Думы и Палаты представителей. Кромѣ обычныхъ законодательныхъ прерогативъ, народное вѣче обладаетъ еще правомъ амнистіи и объявленія войны, а также правомъ участія въ дипломатическихъ сношеніяхъ, т.-е. такими правами, которыя обычно въ конституціонныхъ странахъ принадлежатъ государю. Всѣ законы проходятъ черезъ обѣ палаты, но Верховной Думѣ принадлежитъ еще право суда надъ высшими чиновниками. Императоръ является лишь „верховнымъ чиновникомъ россійскаго правительства". Какъ органъ исполнительной власти, императоръ пользуется весьма незначительными прерогативами и находится подъ контролемъ народнаго вѣча. Любопытно, что въ конституціи Муравьева судъ занимаетъ совершенно обособленное и независимое положеніе. Областное управленіе играетъ здѣсь очень большую роль. Каждая область, держава, имѣетъ тѣ же органы управленія, какъ и все государство, т.-е. палату выборныхъ представителей, выборнаго правителя державы и державный судъ. Въ общемъ для конституціи Муравьева отправнымъ пунктомъ служила сѣверо-американская конституція, но своему императору Муравьевъ ввѣряетъ менѣе той власти, которою обладаетъ президентъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Надо замѣтить еще, что конституція Муравьева окончательно имъ не была обработана и до насъ она дошла въ нѣсколькихъ редакціяхъ.

Хотя вліяніе Муравьева среди членовъ Петербургскаго общества было весьма сильно, однако его взгляды не преобладали здѣсь въ такой мѣрѣ, какъ взгляды Пестеля на югѣ. Въ средѣ молодыхъ моряковъ, независимо отъ знакомства съ старшими членами общества, шли толки о преимуществахъ республики. Съ другой стороны, многіе изъ старшихъ членовъ общества высказывали сравнительно умѣренныя требованія. Такъ, напр., Н. И. Тургеневъ, при условіи широкой гражданской свободы, не простиралъ своихъ желаній далѣе самой умѣренной конституціи. Назимовъ считалъ конституцію Муравьева „неудобоисполнимой" и даже гибельной для Россіи. Взгляды полковника Батенькова, выработавшіеся независимо отъ петербургскихъ членовъ, клонились къ установленію конституціи съ преобладаніемъ крупнаго дворянства. Рылѣевъ не мало колебался въ выборѣ формъ правленія и въ конечномъ результатѣ остановился на правильной мысли, что конституція должна быть утверждена на народномъ соборѣ.

Взгляды, выработавшіеся въ Сѣверномъ обществѣ, съ теоретической точки зрѣнія не представляютъ большого интереса. Въ этомъ отношеніи весьма знаменательнымъ документомъ является „Русская Правда" Пестеля. Это сочиненіе не было вполнѣ окончено и обработано, и дошло до насъ въ черновомъ видѣ. Впрочемъ, кромѣ дошедшаго до насъ черновика „Русской Правды", въ дѣлахъ Слѣдственной Комиссіи сохранились конспективныя изложенія ея; это—основныя положенія, извлеченныя изъ „Русской Правды", которыя были раздаваемы членамъ общества.

Съ Пестелемъ случилось какъ разъ обратное тому, что было съ Ник. Муравьевымъ: изъ монархиста онъ сдѣлался убѣжденнымъ республиканцемъ. Показанія данныя имъ на слѣдствіи вскрываютъ передъ ними тотъ процессъ, который привелъ Пестеля, какъ и многихъ другихъ, къ его окончательнымъ убѣжденіямъ. „Я вспоминалъ блаженныя времена Греціи,—писалъ онъ своимъ судьямъ,—когда она состояла изъ республики, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима въ дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ правленіемъ императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей". Между тѣмъ во Франціи и Англіи конституціи „суть одни только покрывала". Такимъ же „покрываломъ"

Пестель признаетъ существованіе двухъ палатъ. „Мнѣ казалось,—показывалъ онъ далѣе,—что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристокраціями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристокраціи сдѣлаются, наконецъ, сильнѣе самого монарха, какъ то въ Англіи, и что онѣ суть главная препона государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства“. Кромѣ того, Пестель весьма недовѣрчиво относился къ согласію монарховъ на конституцію, потому что они охотно нарушаютъ свое обѣщаніе.

Съ точки зрѣнія Пестеля, „Русская Правда“ должна быть верховной всероссійской грамотой, опредѣляющей всѣ перемѣны, долженствующія послѣдовать въ государствѣ. Въ случаѣ успѣха революціи назначается временное верховное правленіе; для него-то главнымъ образомъ и должна служить „Русская Правда“ наказомъ. Она не только устанавливаетъ новый строй государства, но должна объяснить и доказать какъ временному правительству, такъ и всему народу необходимость предлагаемыхъ въ ней измѣненій государственнаго и общественнаго строя. Вотъ почему она носитъ форму ученаго трактата.

По мысли Пестеля, необходимо создать новое государство. Основныя черты этого государства заключаются прежде всего въ томъ, что оно имѣетъ своею главною цѣлью благоденствіе всего общества и каждаго изъ его членовъ: правительство существуетъ для блага народа, а народъ существуетъ для собственнаго блага. Всѣ граждане государства имѣютъ право на одинаковое пользованіе матеріальными, моральными и политическими благами. Предоставляя гражданамъ благоденствіе, государство Пестеля въ то же время предъявляетъ къ каждому гражданину суровое требованіе безусловнаго подчиненія существующимъ законамъ. Новое государство должно быть сильнымъ, могущественнымъ, цѣльнымъ и нераздѣльнымъ; оно должно быть связано сильнымъ патріотическимъ духомъ. Патріотизмъ будущаго государства Пестель предполагаетъ поднять нѣкоторою реставраціею старины и установленіемъ нѣкоторыхъ гражданскихъ праздниковъ: столица государства переносится въ Ниж-

ній-Новгородъ, именуемый Владиміромъ въ честь Владиміра Св., и т. п. Чтобы сдѣлать государство сильнымъ, необходимо чтобы всѣ нерусскія народности слились съ основной народностью великорусскою: всѣ онѣ должны составить одинъ народъ и слиться въ общую массу такъ, чтобы „обитатели цѣлаго пространства россійскаго государства всѣ были русскіе"; въ государствѣ долженъ господствовать русскій языкъ, и, вообще, всѣ народности должны потонуть въ народности великорусской, всѣ должны „совершенно обрусѣть". Исключеніе Пестель дѣлаетъ для одной Польши, которой предоставляетъ національную самостоятельность.

Государство, много требующее отъ своихъ гражданъ, долженствуетъ много и дать имъ: оно беретъ на себя обязательство доставить гражданамъ матеріальное, политическое и моральное благополучіе. Въ ученіи о правахъ гражданъ Пестель прежде всего, стоитъ на почвѣ полнаго равенства сословій. Онъ подробно разсматриваетъ различныя современныя ему дѣленія на сословія и классы общества, выясняетъ ихъ историческое происхожденіе, юридическія права и доказываетъ необходимость уничтоженія подобнаго рода дѣленій. Всѣ признаки дворянскаго сословія должны быть уничтожены. Пестель является рѣзкимъ противникомъ крѣпостного права: оно должно быть отмѣнено, хотя, впрочемъ, процессъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ не вполнѣ разработанъ въ „Русской Правдѣ". Всѣ граждане имѣютъ право заниматься промышленностью, торговлей и ремеслами, уничтожаются всѣ отдѣльные разряды крестьянъ. Однимъ словомъ, всѣ существующія сословія должны быть „переименованы въ россійскихъ гражданъ".

Взгляды Пестеля носятъ сильную соціалистическую окраску. Въ своей „Русской Правдѣ" онъ предоставляетъ каждому гражданину право на пользованіе извѣстнымъ минимумомъ матеріальныхъ благъ. Каждому предоставляется право пользованія государственной землей: никто не можетъ быть исключенъ „отъ сего обладанія". Для этой цѣли въ каждой волости выдѣляется извѣстная часть общественной волостной земли, и каждый можетъ требовать для своего пользованія одинъ или сколько пожелаетъ участковъ. Размѣръ участка, Пестель предполагалъ, кажется, въ пять десятинъ. Авторъ „Русской Правды" видѣлъ въ своей аграрной реформѣ „неоцѣнимыя

„выгоды": она воспрепятствуетъ появленію нищеты, подниметъ нравственность въ странѣ, уничтожитъ нужду въ переселеніи и т. п., и, кромѣ того, каждая волость составитъ изъ себя какъ бы политическое семейство, въ которомъ гражданинъ получаетъ матеріальное обезпеченіе и осуществляетъ свои политическія права. Разумѣется, для образованія поземельнаго волостного фонда необходима національзація частной поземельной собственности. Пестель полагалъ, что государство имѣетъ право требовать отъ крупныхъ частныхъ собственниковъ безвозмездной уступки половины ихъ земли; средніе же уступаютъ землю частью безвозмездно, частью за плату. Повидимому, Пестель не предполагалъ перехода мелкой собственности въ государственную.

Пестель проектируетъ, далѣе, установленіе обычныхъ правъ личности, свободы совѣсти, слова; онъ только отказывалъ гражданамъ въ правѣ образовывать частныя общества,—ограниченіе весьма любопытное, ибо исходитъ отъ крупнаго представителя тайнаго общества.

Политическій строй государства Пестель представлялъ себѣ въ такомъ видѣ. Вся страна (въ томъ числѣ и города) раздѣляется на небольшія волости, которыя и являются основнымъ политическимъ и аграрнымъ дѣленіемъ; волость—самоуправляющаяся мѣстная единица. Ея жизнь проявляется въ земскомъ народномъ собраніи, состоящемъ изъ всѣхъ гражданъ и собирающемся для избранія членовъ намѣстныхъ волостныхъ собраній, намѣстныхъ уѣздныхъ собраній и намѣстныхъ же окружныхъ или губернскихъ. Указанные типы намѣстныхъ собраній рѣшаютъ волостныя, уѣздныя или губернскія дѣла, замѣщаютъ по выбору административныя должности въ волостныхъ и уѣздныхъ правленіяхъ, контролируютъ эти правленія и избираютъ присяжныхъ судей. Кромѣ того, окружное намѣстное собраніе избираетъ представителей въ народное вѣче, т.-е. въ представительное собраніе. Такимъ образомъ, авторъ „Русской Правды" отказывалъ населенію въ прямомъ избраніи членовъ законодательнаго сословія, предоставляя ему однако широкое участіе въ мѣстномъ самоуправленіи.

Законодательная власть находится у народнаго вѣча, депутаты въ которое избираются на пять лѣтъ, при чемъ часть ихъ подлежитъ ежегодному обновленію. Верховная исполни-

тельная власть ввѣряется верховной думѣ, состоящей изъ пяти лицъ, избираемыхъ населеніемъ на пять лѣтъ (порядокъ избранія не опредѣленъ). Державная дума обладаетъ обширною властью. Народное вѣче представляетъ собою нижнюю палату. Кромѣ него въ государствѣ есть верховный соборъ изъ 120 бояръ, избираемыхъ пожизненно народнымъ вѣчемъ изъ губернскихъ кандидатовъ. Законъ, выработанный въ народномъ вѣчѣ, получаетъ силу только съ утвержденія верховнаго собора. Соборъ имѣетъ контролирующую власть надъ всѣмъ центральнымъ и мѣстнымъ управленіемъ.

Такова конституція Пестеля.

Въ идеяхъ декабристовъ и особенно Пестеля общественно-политическое сознаніе Александровской эпохи достигаетъ своего высшаго выраженія. Ими завершается весь сложный процессъ тогдашней русской жизни. Въ царствованіе Александра I, столь богатое внѣшними событіями, Россіи пришлось играть отвѣтственную международную роль и въ то же время заниматься серьезнымъ переустройствомъ своего внутренняго быта. На очереди стояли коренные вопросы жизни, шла борьба отдѣльныхъ общественныхъ группъ на почвѣ ихъ конкретныхъ интересовъ; рядомъ съ упорной защитой стараго выковывались новые соціально-политическіе идеалы. Дѣйствительность Александровской эпохи была такова, что эти идеалы, бывшіе достояніемъ лучшаго, но незначительнаго меньшинства, не могли разсчитывать на реальное осуществленіе. Движеніе, лишенное опоры широкихъ массъ, закончилось катастрофой 14 декабря. Старый порядокъ восторжествовалъ, но Александровская эпоха завѣщала смѣнившему ее періоду двѣ великія проблемы—освобожденіе крестьянъ и завоеваніе политической свободы. Рано или поздно жизнь потребуетъ ихъ разрѣшенія.

Зарожденіе министерствъ въ Россіи и указъ о правахъ Сената 8-го сентября 1802 года.

I.

Въ 1802 г. императоръ Александръ I писалъ своему другу и бывшему наставнику Лагарпу: „мѣра, о которой мы такъ часто говорили, въ полномъ дѣйствіи: министерство образовано и идетъ хорошо уже болѣе мѣсяца. Дѣла отъ этого пріобрѣли болѣе ясности и методы, и я знаю тотчасъ, съ кого взыскать, если что нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ“. Въ такихъ выраженіяхъ молодой государь изъявилъ свою радость по поводу учрежденія министерства. Эти слова очень знаменательны: они отмѣчаютъ собою цѣлый переворотъ, происшедшій въ правительственномъ механизмѣ. И переворотъ этотъ касался не одной только правительственной машины. Дѣло было не въ томъ, какія вновь созданы канцеляріи, реформа касалась не порядка, въ какомъ должны писаться меморіи, рапорты, доношенія и пр. Министерство—очень живое и гибкое учрежденіе. Оно сразу стало между массой населенія и высшей властью, и оно сдѣлалось не посредникомъ между ними, но передаточной инстанціей, канцеляріей, при помощи которой верховная власть могла непосредственно воздѣйствовать на массу. Дѣйствительно, среди нѣсколькихъ министровъ легко можно было найти „виновнаго“; легко взыскать и еще легче найти въ немъ орудіе, гибкое и послушное, для проведенія своихъ желаній. Министръ, по опредѣленію нашихъ государствовѣдовъ, есть слуга своего государя, а потому теоретечески личность безличная.

Такъ найдена была формула той идеи, надъ которой работали въ XVIII в., которую тогда искали, но не могли най-

ти главнымъ образомъ потому, что идея личнаго управленія не укладывалась на ряду съ коллегіальной формой, а послѣднюю не рѣшались поколебать изъ уваженія къ священной памяти Петра Великаго.

Дальнѣйшее изложеніе и будетъ имѣть цѣлью выяснить обстановку, въ которой зародились въ Россіи министерства, ихъ генезисъ, наконецъ, нашей задачей будетъ указать на то, какъ переходъ отъ коллегіальной къ личной формѣ управленія былъ принятъ въ современномъ обществѣ, какую будущность теоретики того времени рисовали вновь народившемуся министерству.

Въ русской исторической жизни, гдѣ общество, даже въ составѣ лучшей его части, не реагируетъ по вопросамъ, касающимся законодательныхъ измѣненій, гдѣ къ новой формулировкѣ законовъ оно относится безучастно, не много можно найти моментовъ, когда общество являлось заинтерисованнымъ въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ. Однако первые годы правленія императора Александра I были какъ разъ такою эпохою. Тогда общественная мысль всецѣло была занята реформами, обсуждала ихъ, строила планы, высказывалась. Это была эпоха пробужденія. Немногочисленныя поэтому реформы этого короткаго періода, въ томъ числѣ и министерства, прошли среди преній и горячихъ споровъ, отзвукомъ которыхъ является рядъ мнѣній и записокъ, поданныхъ Александру I, или читанныхъ въ Сенатѣ, Непремѣнномъ Совѣтѣ или Неоффиціальномъ Комитетѣ. Александръ I выражалъ свое нетерпѣливое желаніе реформировать „безобразное зданіе нашего правленія", уничтожить „деспотизмъ нашего правленія",—какъ онъ тогда любилъ выражаться,—и установить въ Россіи формы „истинной монархіи" *). Около юнаго государя сплотились представители культурной части тогдашняго общества и администраціи. Но этотъ кругъ лицъ былъ весьма не однороденъ по своимъ взглядамъ и не ко всѣмъ Александръ I питалъ одинаковое довѣріе. Ближе всего къ государю стоялъ небольшой кружокъ его личныхъ друзей, съ которыми онъ, еще будучи великимъ княземъ, дѣлился своими впечатлѣніями и меч-

*) Подъ „истинною" тогда разумѣли конституціонную монархію.

тами. Это были Н. Н. Новосильцовъ, графъ В. П. Кочубей, гр. П. А. Строгановъ, полякъ князь Адамъ Чарторыйскій. Этотъ кружокъ въ тогдашнемъ обществѣ получилъ названіе кружка „молодыхъ людей“, хотя молодость нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма относительна. Кочубей, быстро сдѣлавшій карьеру въ царствованіе Павла, достигъ къ тому времени почти 33 лѣт-няго возраста, старше его былъ Новосильцовъ. Строгановъ и Чарторыйскій, дѣйствительно, были почти сверстники Александра I. Всѣ эти лица пользовались полнымъ довѣріемъ государя.

По предложенію Строганова, государь образовалъ такъ называемый Неоффиціальный Комитетъ, въ который вошли, кромѣ Строганова, Новосильцовъ и Чарторыйскій, затѣмъ сюда же былъ приглашенъ и графъ Кочубей. Въ этомъ Комитетѣ предполагалось выработать планъ реформъ. Къ этому кружку фактически принадлежалъ и Лагарпъ; не участвуя въ засѣданіяхъ, онъ однако представлялъ свои записки, мнѣнія, часто видался съ государемъ, и оказывалъ на него сильное вліяніе. Это была одна партія. Другая партія, партія „старыхъ дѣльцовъ“, какъ тогда ее называли, или вѣрнѣе Сенатская (по основной своей идеѣ), состояла изъ дѣльцовъ еще Екатерининскаго времени—графовъ А. Р. и С. Р. Воронцовыхъ, Д. П. Трощинскаго, Н. С. Мордвинова, Завадовскаго, Валерьяна Зубова и мн. др.; они не были сплочены. Александръ I не очень довѣрялъ этимъ лицамъ, но пользовался ихъ опытомъ и службою. Обѣ партіи не одинаково смотрѣли на сущность реформъ, хотя обѣ сознавали настоятельную ихъ необходимость. Различіе во взглядахъ, а еще болѣе старая привычка придворныхъ соперничать изъ-за вліянія на государя, возбуждали въ обѣихъ партіяхъ соперничество, непріязненное и даже презрительное отношеніе другъ-къ-другу. Мнѣнія, высказанныя обѣими партіями, отражаютъ желанія тогдашняго общества. Въ виду симпатій государя, всѣ выгоды были на сторонѣ молодыхъ его друзей.

Партійная борьба, которая существовала между членами Неоффиціальнаго Комитета и Сенатскою партіей, оставила свой слѣдъ на пониманіи той роли, которая принадлежала той и другой. Современники мало знали „молодежь“, но вообще относились къ ней крайне неблагопріятно. Въ отзывѣ Державина, называвшаго ихъ „якобинской“ шайкой, много личной

вражды и видно полное отсутствіе у поэта знакомства съ людьми и ихъ идеалами. Можно бы не придавать большого значенія отзыву Карамзина, высказывавшаго столь противуположные взгляды; но и отзывы болѣе либеральныхъ современниковъ часто говорятъ не въ ихъ пользу; таковъ напр. отзывъ Дмитріева [1]). Конечно, историкъ, интересуясь отзывами тѣхъ или иныхъ современниковъ, не долженъ на нихъ всецѣло опираться, помня свою обязанность строить выводы на болѣе объективныхъ данныхъ. Дѣйствительно, почти всѣ авторы, трактовавшіе объ этой эпохѣ, вынесли совершенно обратное впечатлѣніе объ исторической роли обѣихъ партій. Партію молодыхъ рисуютъ какъ партію реформъ, пропитанную западно-европейскими идеями; Сенатскую партію рисуютъ какъ партію застоя, или какъ людей, исключительно преслѣдующихъ личныя цѣли; въ рѣдкихъ случаяхъ, высказывая полную симпатію членамъ Комитета, отмѣчаютъ отсутствіе у нихъ обдуманной программы [2]).

Вообще, наиболѣе распространенное мнѣніе не щадитъ красокъ для идеализаціи кружка молодыхъ людей, собравшихся вокругъ императора. Они являются воспитанными на идеяхъ французской философіи. „Старшія поколѣнія были не особенно расположены къ идеальнымъ увлеченіямъ, и напротивъ больше отличались эгоистическимъ хладнокровіемъ, которое тонкости французскихъ нравовъ и гуманность французской философіи спокойно мирило съ остатками грубаго варварства въ русскихъ нравахъ. Но естественно, что въ новыхъ поколѣніяхъ дѣйствіе этихъ идей принимало иной характеръ. Извѣстный тонъ цивилизаціи уже вошелъ въ жизнь, когда начиналось ихъ нравственное воспитаніе, и они сдѣлали новый шагъ въ этомъ направленіи. Они принимали эти идеи искреннѣе, и, въ виду противорѣчія ихъ съ жизнью, не остались равнодушны, а напротивъ искали разумнаго исхода, старались дать новымъ понятіямъ мѣсто въ жизни“ [3]).

По мнѣнію того же цитируемаго автора, этотъ кружокъ получилъ блестящее образованіе и всѣ они „представляютъ много сходнаго и въ воспитаніи и въ общественныхъ понятіяхъ“ [4]). Однимъ словомъ, если сравнить молодыхъ совѣтниковъ Александра съ старыми дѣльцами, то „по содержанію понятій, которое представляли эти люди, мы должны будемъ не только не попрекать совѣтниковъ Александра, но поста-

вить ихъ гораздо выше множества разныхъ министровъ и приближенныхъ, какіе бывали у насъ въ XVIII и XIX. ст.“ [1]). Это, утверждаютъ, были „образованнѣйшіе люди, съ возвышенными и благородными идеями и чувствами [2])“.

Неудивительно поэтому, что люди съ такими взглядами ставили широкую программу реформъ, завершеніе которой должно состоять въ „такомъ государственномъ устройствѣ, которое опредѣляло бы закономъ кругъ дѣйствія верховной власти, и слѣдовательно, извѣстнымъ образомъ ее ограничивало, и, въ которомъ въ послѣдствіи должно было играть извѣстную роль представительство [3])“. Думается однако, что такого рода характеристика далеко не можетъ быть подтверждена фактами. Противники кружка, люди дѣльные и практичные, во многомъ были правы въ своей нелестной характеристикѣ.

Въ обильномъ историческомъ матеріалѣ, оставленномъ намъ эпохой и говорящемъ о дѣятельности этого кружка, нѣтъ слѣдовъ серьезной работы его членовъ, нѣтъ обычнаго матеріала, составляющаго работу государственныхъ людей,—проектовъ, мнѣній, записокъ. Мемуары Строганова и Чарторыйскаго изобилуютъ общими мѣстами [4]). Еще болѣе блѣдны практическіе результаты дѣятельности Неоффиціальнаго Комитета. И эту безрезультатность нельзя сваливать на нерѣшительность Александра I-го: ему нечего было утверждать, потому что членами Комитета не было выработано проектовъ, не было постановлено сколько-нибудь опредѣленнаго плана работъ.

Отъ молодыхъ людей, проникнутыхъ идеями французской революціи, можно было ожидать иного способа дѣйствій,—быть можетъ мало обдуманнаго, но болѣе широкаго и торопливаго.

Сказанное легко оправдать, если присмотрѣться поближе и къ людямъ и къ высказаннымъ ими идеямъ. Правда, по словамъ князя Чарторыйскаго, члены Комитета были связаны дружбою; но едва ли это не дружба людей, основанная на противоположности характеровъ. Въ Неоффиціальномъ Комитетѣ сошлись: англоманъ и крѣпостникъ—Новосильцовъ, французоманъ, поклонникъ Мирабо,—Строгановъ и полякъ, иностранецъ для Россіи—Чарторыйскій. Къ нимъ присоединился осторожный царедворецъ, вышедшій изъ опытной школы Безбородки, графъ Кочубей,—un homme commode, какъ

выражались о немъ лица, хорошо его знавшіе [1]). Къ этому надо присоединить бывшаго члена правительства Гельветической республики Лагарпа, игравшаго очень недвусмысленную роль при своемъ воспитанникѣ. Онъ даже возставалъ противъ расширенія правъ Сената, усматривая въ этомъ уменьшеніе прерогативъ власти Государя. Вообще Легарпъ совѣтовалъ Александру не поддаваться политическимъ увлеченіямъ и сохранить власть твердую и непоколебимую; онъ совѣтовалъ даже осторожность въ крестьянскомъ дѣлѣ [2]). Чарторыйскій поэтому весьма вѣрно опредѣлилъ Лагарпа, какъ фразера [3]).

О Кочубеѣ, пользовавшемся въ кружкѣ наибольшимъ вліяніемъ и много выигрывавшемъ своимъ опытомъ въ административныхъ дѣлахъ и скрытностью, встрѣчаемъ цѣлый рядъ весьма нелестныхъ показаній. Чарторыйскій его хорошо зналъ. Онъ отмѣчаетъ, что Кочубей отличался практическими познаніями, но не имѣлъ глубокихъ свѣдѣній. Не обладая глубокимъ умомъ, онъ отличался, мягкимъ характеромъ и добротою, соединенною съ искренностью, что обыкновенно „не встрѣчается среди русскихъ“. Кочубей былъ очень жаденъ къ служебнымъ отличіямъ и богатству. Въ особенности важно его замѣчаніе о томъ, что Кочубей не имѣлъ опредѣленныхъ мнѣній, охотно увлекаясь модными идеями, въ особенности, если онѣ высказывались сверху: „Съ нами онъ вдавался въ либеральныя разсужденія, хотя всегда съ нѣкотораго рода оговорками, потому что этого рода убѣжденія не согласовались съ его собственными [4])“. Впрочемъ, если бы мы не довѣряли многочисленнымъ свидѣтельствамъ о скрытности, самолюбіи и тщеславіи [5]) этого государственнаго человѣка, то въ его собственныхъ письмахъ мы найдемъ признаніе, весьма характерное для государственнаго дѣятеля. Кочубей былъ очень огорченъ проявленіемъ противъ него гнѣва императора Павла и писалъ своему покровителю графу С. Р. Воронцову: „По второму, вопрошаю, натурально-ли, чтобъ кто-либо вздумалъ критиковать рѣчи или поступки государевы? Натурально-ли, чтобъ наружность моя, которая, въ продолженіи пяти мѣсяцевъ всегда угодною была, вдругъ перемѣнилась на тридцать первомъ году отъ роду моего? Натурально-ли полагать, что ежели бы и не показалось мнѣ что нибудь: довольно видѣлъ я свѣту, дабы не показать того? [6])“. До насъ мало дошло записокъ и мнѣній, характеризующихъ государственные взгляды Кочубея; но нѣ-

которыя записки (за исключенiемъ тѣхъ, которыя написаны Сперанскимъ) оставляютъ не всегда благопрiятное заключенiе объ ихъ авторѣ. Съ аргументацiей Кочубея въ защиту министерствъ мы еще встрѣтимся. Здѣсь-же замѣтимъ, что въ запискѣ о министерствѣ 1806 г. обращаетъ на себя вниманiе рядъ намековъ и инсинуацiй на противниковъ министерства, очевидно, съ цѣлью свести личные счеты; непрiятно также читать намекъ на то, чтобы была запрещена въ публикѣ критика этихъ учрежденiй. Впрочемъ, его практическiе совѣты въ дѣлахъ текущей политики внутренней [1]) и иностранной отличались дѣловитостью [2]).

Все, что мы знаемъ о Новосильцовѣ, также весьма мало говоритъ въ пользу широты и либерализма его государственныхъ взглядовъ. Съ либерализмомъ мало согласуется податливость Новосильцова въ весьма серьезныхъ вопросахъ. Такъ, ему принадлежитъ проектъ устава о цензурѣ, представленный имъ въ 1804 г. въ Главное Училищное Правленiе; этотъ проектъ имѣетъ образцомъ самый жестокiй изъ европейскихъ цензурныхъ уставовъ—датскiй; къ счастью онъ не прошелъ [3]); Новосильцовъ выказалъ свою гибкость, когда ему, въ 1805 г., поручено было государемъ составить „секретное наставленiе Комитету высшей полицiи"; этотъ Комитетъ, подъ другимъ названiемъ, воскрешалъ собою Тайную канцелярiю. Если Новосильцовъ принялъ обязанности члена Комитета и написалъ для него инструкцiю противъ собственнаго убѣжденiя,—это не дѣлаетъ чести характеру государственнаго мужа; если это онъ дѣлалъ по убѣжденiю, то ему не слѣдуетъ приписывать либеральныхъ стремленiй.

Вообще, напрасно стараются иногда объяснить дальнѣйшую дѣятельность Новосильцова тѣмъ, что онъ впослѣдствiи измѣнилъ свои первоначальныя убѣжденiя [4]). Онъ былъ либераленъ постольку, по скольку таковымъ долженъ быть министръ при либеральничающемъ государѣ. Единственный намекъ на общiй планъ управленiя имперiей, показанный Новосильцовымъ Лагарпу, указываетъ, что и въ пору высшаго своего влiянiя на государя, онъ далеко отодвигалъ возможность коренныхъ реформъ: предполагалось сначала провести неопредѣленную стадiю „подготовки умовъ" предварительно введенiя представительнаго правленiя [5]). Но и это—только неопредѣленный намекъ.

Безспорно, Строгановъ былъ искреннѣе двухъ своихъ старшихъ сотоварищей. Онъ во многихъ отношеніяхъ выгодно отличался отъ обоихъ. Строгановъ прекрасно понималъ отрицательныя стороны крѣпостного права и самымъ настойчивымъ образомъ совѣтовалъ стать на путь освобожденія. Несомнѣнно также, онъ опредѣленнѣе и настойчивѣе другихъ своихъ друзей стремился къ выработкѣ общаго плана реформъ, неоткладывая его на очень отдаленное время. Но записки о планѣ реформъ, поданныя имъ государю, указываютъ на крайнюю незрѣлость мысли, отсутствіе политическихъ проблемъ. Это русскій баринъ, болѣе занятый приготовленіями къ дѣлу, чѣмъ настоящимъ дѣломъ. Не къ чести всѣхъ троихъ можетъ служить и тотъ фактъ, что всѣ они продолжали службу и послѣ того, какъ основы русской внутренней политики вошли въ другое русло.

Наиболѣе вызываетъ къ себѣ уваженія князь Адамъ Чарторыйскій. Онъ неохотно принялъ мѣсто товарища министра иностранныхъ дѣлъ; но онъ тотчасъ же просилъ увольненія, въ выраженіяхъ достойныхъ государственнаго мужа, когда замѣтилъ, что его совѣтами не пользуются [1]). Русскіе историки не могутъ ему простить того, что онъ не забывалъ о Польшѣ; но это обстоятельство можетъ служить только въ пользу князя Адама, тѣмъ болѣе, что онъ заботился о Польшѣ открыто.

Такимъ образомъ весьма многое говоритъ не въ пользу части молодыхъ „идеалистовъ". Но если прислушаться къ тому, что говорилось въ Неоффиціальномъ Комитетѣ, то недовѣріе возрастаетъ еще больше. Достаточно взять нѣсколько вопросовъ, капитальныхъ для тогдашней русской дѣйствительности, и посмотрѣть, какъ къ этимъ вопросамъ относились члены Комитета: надо только помнить, что протоколы Комитета—самый объективный источникъ. Такъ С. Р. Воронцовъ составилъ, по повелѣнію государя, коронаціонный манифестъ, гдѣ высказывалось нѣсколько весьма либеральныхъ обѣщаній и, между прочимъ, была статья о личной неприкосновенности (habeas corpus). Новосильцовъ возсталъ противъ этой статьи, указывая на то, что правительство иногда, быть можетъ, будетъ вынуждено ее нарушать, и въ такомъ случаѣ лучше не давать обѣщанія. Въ концѣ концовъ грамата такъ и не была утверждена государемъ [2]). Самый жгучій въ то время—крестьян-

скій вопросъ не былъ ясенъ для большинства членовъ Комитета. Такъ, по поводу одного случая, сотрудники государя выразили мнѣніе, что „внезапное ограниченіе помѣщичьей власти могло подать поводъ къ неповиновенію крестьянъ и къ большимъ безпорядкамъ. Е. В., повидимому, почувствовалъ силу такихъ доводовъ". Когда, по почину Мордвинова, поддержаннаго Лагарпомъ, въ Комитетѣ заговорили о безправномъ положеніи крестьянъ и вообще низшихъ классовъ населенія, и государь, соглашаясь съ Мордвиновымъ на разрѣшеніе не дворянамъ покупать землю, предлагалъ дозволить мѣщанамъ покупать крестьянъ, то члены Комитета высказались противъ послѣдняго предложенія; однако они поддержали проектъ разрѣшенія покупки земель разночинцами. Когда же государь предложилъ на обсужденіе проектъ Зубова о запрещеніи продажи людей безъ земли и о расписаніи дворовыхъ людей по цехамъ, то члены Комитета указали на рядъ затрудненій при исполненіи этой мѣры; собственнаго плана ни у кого изъ нихъ не оказалось. Новосильцовъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на проектъ Зубова, указывалъ на финансовыя затрудненія при выкупѣ дворовыхъ и въ особенности на то, что весьма трудно устроить выкупленныхъ людей. Ему представлялось два исхода: или переселеніе дворовыхъ, что стоитъ очень дорого и что совершается такъ дурно, или, что дворовые, послѣ выкупа, сдѣлаются бездомными бродягами. Какъ будто переходъ дворовыхъ въ казенные крестьяне былъ невозможенъ! Еще замѣчательнѣе, что тотъ же Новосильцовъ запугивалъ государя проявленіемъ неудовольствія въ обществѣ по поводу слуховъ о склонности государя къ освобожденію крестьянъ и по поводу мѣръ, которыя къ этому клонились бы. Государь, казалось, началъ колебаться. Правда, другіе члены Комитета старались утвердить государя въ мысли о необходимости улучшить положеніе крестьянъ. Интересно, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по вопросу о Ливонскихъ крестьянахъ, Новосильцовъ уже поддерживалъ мѣры, клонящіяся къ освобожденію крестьянъ [1]).

Все это указываетъ на то, что члены Комитета не имѣли опредѣленныхъ убѣжденій въ важнѣйшихъ вопросахъ русской дѣйствительности и —главное—въ средѣ самихъ членовъ не было согласія въ вопросахъ, дастаточно ясныхъ для либерально настроенныхъ людей той эпохи. Но мы только что видѣли, что членамъ Комитета приписываютъ желаніе провести рядъ ши-

роко задуманныхъ реформъ. Это, конечно, самый капитальный пунктъ. Но и въ данномъ случаѣ замѣчается та же неопредѣленность во взглядахъ членовъ, отсутствіе программы, отсутствіе дѣйствительной работы, нѣтъ, наконецъ, реальныхъ слѣдовъ многолѣтней работы. Между прочимъ, князь Чарторыйскій сообщаетъ подробность довольно комическаго свойства: Новосильцовъ завелъ себѣ спеціальный департаментъ faiseurs de projets, состоявшій изъ нѣсколькихъ „талантливыхъ людей", большею частью авантюристовъ весьма сомнительной честности,—изъ тѣхъ, которые наплывали въ Россію при началѣ всякаго новаго царствованія [1]).

Кажется, члены Комитета не одинаково смотрѣли на сущность его занятій. Такъ, Чарторыйскій нигдѣ не говоритъ объ основныхъ задачахъ Комитета или партіи молодыхъ людей; между тѣмъ, онъ очень подробно сообщаетъ объ основныхъ идеалахъ Сенатской партіи, намекая лишь на то, что и члены Комитета мечтали объ установленіи болѣе прочныхъ формъ правленія. По Чарторыйскому, секретный Комитетъ—кружокъ друзей, которые сходятся поболтать о разныхъ государственныхъ вопросахъ. „Тутъ обсуждались—говоритъ онъ—различные планы реформъ. Не было предмета, который не послужилъ бы предлогомъ спора... Хотя это собранія въ теченіе долгаго времени были простымъ passe-temps и безтолковыми спорами, однако по справедливости можно сказать, что всѣ реформы первыхъ годовъ царствованія Александра I разсматривались на этихъ собраніяхъ" [2]). Эта характеристика весьма близка къ ходу занятій въ Комитетѣ, какъ это описано въ протоколахъ Строганова. Правда, составитель протоколовъ очень часто съ досадой отмѣчаетъ, что въ засѣданіяхъ не выполнялся планъ работы. Но является вопросъ: всѣ-ли были освѣдомлены о планѣ? Дѣло въ томъ, что Строгановъ, посовѣтовавшій Александру I учредить Комитетъ, представилъ такой планъ государю. Въ этомъ планѣ есть кой-какіе намеки на конечную цѣль занятій Комитета.

Въ разговорѣ Строганова съ государемъ выяснилась необходимость разобраться въ „массѣ идей". Строгановъ предложилъ сначала заняться реформой администраціи раньше, чѣмъ faire une constitution proprement dit. По мнѣнію собесѣдниковъ, надо было прежде всего опредѣлить права гражданина. По мнѣнію Строганова, права гражданина сводятся къ

утвержденію правъ собственности и къ тому, чтобы доставить всякому неограниченную возможность дѣлать то, что не вредно другому. Государь къ этому прибавилъ еще черту въ демократическомъ духѣ,—чтобы не было преградъ для тѣхъ, кто можетъ выдвинуться заслугами [1]). Дальнѣйшій планъ Строганова заключался въ томъ, чтобы всѣ реформы исходили исключительно отъ государя, т. е. чтобы онѣ обсуждались и изготовлялись въ тѣсномъ кружкѣ, и затѣмъ, чтобы реформа администраціи предшествовала общей реформѣ. Поэтому онъ полагалъ, что необходимо при работахъ соблюдать строжайшій секретъ, чтобы работа съ государемъ была организована такъ, чтобы она не возбуждала ничьего любопытства, наконецъ, чтобы члены Комитета были въ курсѣ дѣлъ во всей области администраціи. Развивая эти идеи въ запискѣ, поданной государю, Строгановъ настаиваетъ на необходимости предшествующихъ реформъ въ области администраціи, за чѣмъ уже долженъ послѣдовать государственный общій законъ; и эта перемѣна требуетъ, по его мнѣнію, предварительной и долгой подготовки. Въ одной запискѣ государю онъ говоритъ: „Итакъ, если я вѣрно понялъ мысль Вашего Величества, можно установить слѣдующее: реформа должна быть созданіемъ государя и тѣхъ, которыхъ онъ выберетъ своими сотрудниками, и никому постороннему не должно быть извѣстно, что Ваше Величество взяли на себя починъ такого дѣла. За симъ мы установили, что реформа должна коснуться всѣхъ отраслей администраціи и что возможное созданіе конституціи могло бы быть лишь послѣдствіемъ этой предварительной работы. Ваше Величество высказали мнѣ по этому поводу, что установка здраваго управленія, пріобрѣтя всеобщее довѣріе, сдѣлалась бы залогомъ чего-то необходимаго, возвышеннаго, но при условіи, чтобъ, при трудности исполненія, она бы была искренняя въ способѣ ея введенія. Выражаясь такъ, Ваше Величество, надо полагать, желаете дать свободу, при неприкосновенности имущества, ввести управленіе справедливое, на почвѣ нуждъ родной страны, и этимъ подготовить умы принять даруемое безъ опасеній и съ радостью, какъ законъ, оберегающій всѣхъ и каждаго отъ произвола на общее благо“ [2]).

Самое интересное, конечно, было бы опредѣленіе и развитіе этого основного закона. Но сколько нибудь детальныхъ опредѣленій мы не встрѣчали. Едва ли не самое полное опре-

дѣленіе конституціи, на которомъ сходились государь и Строгановъ, состояло въ признаніи необходимости изданія такихъ законовъ, которые „arrêtent le pouvoir arbitraire de changer une règle et fixent la manière dont on doit procéder à un changement“ [1]); къ этому Строгановъ присоединялъ необходимость опредѣленія правъ собственности и свободы въ размѣрѣ, который не давалъ бы возможности приносить вреда себѣ и другимъ [2]). Эти опредѣленія слишкомъ еще неточны.

Но въ замѣткахъ самого Строганова, очевидно написанныхъ имъ, чтобы оформить и закрѣпить свою мысль, читаемъ нѣсколько болѣе опредѣленую, хотя всетаки слишкомъ общую формулировку. „Конституція есть законное признаніе правъ народа и тѣхъ формъ, въ которыхъ онъ можетъ осуществлять эти свои права. Для укрѣпленія дѣйствительности этихъ правъ необходимо имѣть обезпеченіе,—что посторонняя власть не воспрепятствуетъ пользованію этими правами. Гдѣ нѣтъ такого обезпеченія, которое воздерживало бы правительство отъ мѣръ, противныхъ интересамъ народа, тамъ нѣтъ и конституціи. Такимъ образомъ, въ понятіи о конституціи три части: установленіе правъ, пользованіе ими и обезпеченіе ихъ“. Выясняя свою мысль далѣе, авторъ замѣтки опредѣляетъ основную задачу конституціоннаго закона въ такихъ выраженіяхъ. „Конституція есть законъ, который устанавливаетъ способъ наблюденія надъ составленіемъ административныхъ законовъ; эти послѣдніе, по необходимости, подлежа исправленіямъ, измѣненіямъ и пр., должны подвергаться измѣненіямъ по извѣстному порядку, непреложному, неизмѣнному, который не дастъ мѣста произволу и посему уменьшаетъ зло, которое можетъ произойти вслѣдствіе различія въ дарованіяхъ тѣхъ, кто стоитъ во главѣ государства“ [3]). Но нигдѣ не встрѣчается намека, какимъ образомъ можетъ быть удержанъ и охраненъ населеніемъ основный законъ. Повидимому, такой планъ и не былъ еще выработанъ, такъ какъ Строгановъ предполагалъ сначала изучить всѣ существующія конституціи и затѣмъ составить общее уложеніе, т. е. выполнить ту работу (т. е. въ кружкѣ трехъ-четырехъ лицъ), которую не выполнила Екатерининская комиссія; только послѣ этого окажется возможность mettre la constitution en activité [4]). Замѣчательно, что во всѣхъ опредѣленіяхъ правъ гражданина, приведенныхъ у Строганова, нѣтъ точной формулировки правъ политическихъ. Въ бумагахъ Ко-

митета сохранились черновые наброски Строганова—планъ общаго уложенія. Положимъ, это только наброски, но въ нихъ любопытна одна черта: въ сохранившихся статьяхъ обозначены права верховной власти, но нѣтъ ея обязанностей; указаны гражданскія права населенія, но не обозначено правъ политическихъ [1]). Еще интереснѣе слѣдующее: Строгановъ очень увлекался планомъ Безбородки о преобразованіи государственнаго правленія въ Россіи. По его мнѣнію, этотъ un chef d'oeuvre et est le canevas de tout ce qu'il aurait à faire.

Но Безбородко сочинялъ свой планъ по повелѣнію Екатерины Великой. Очень возможно, что въ рукахъ членовъ Комитета была записка Безбородки о проектѣ реформъ въ высшемъ управленіи, составленномъ въ концѣ Екатерининскаго царствованія и представляющемъ перестройку центральнаго управленія по образцу губернскаго [2]). Во всякомъ случаѣ, Кочубей, говоря по поводу этого проекта, старался утвердить государя въ мысли, что, по убѣжденію кн. Безбородки, въ Россіи, государствѣ необъятнаго пространства, возможна только неограниченная власть [3]).

Однимъ словомъ, съ какой бы стороны мы ни присматривались къ задачамъ Неоффиціальнаго Комитета, мы не можемъ быть удовлетворены постановкой въ немъ вопросовъ. Основная мысль Строганова о конечной цѣли работъ Комитета далеко не вполнѣ, повидимому, была имъ изложена государю, и несомнѣнно послѣдній плохо воспринималъ внушаемое ему его молодымъ другомъ (объ этомъ съ досадой говоритъ и самъ Строгановъ) и крѣпко держался совѣтовъ Лагарпа. Но не изъ чего не видно, чтобы весь составъ Комитета воспринялъ конечную цѣль работъ: для него ясна была только задача „исправленія администраціи". Если и встрѣчаемъ изрѣдка намеки на „общій планъ реформъ" [4]), то они плохо согласуются съ заявленіями членовъ Комитета (въ томъ числѣ и Строганова) о согласіи ихъ съ взглядами Лагарпа не уменшать власти государя и настойчиво всѣми проводимымъ принципомъ „не связывать себѣ рукъ" дарованіемъ какихъ либо полномочій Сенату или другому учрежденію [5]). Что отсутствовала принципіальная задача (всѣми открыто признанная) завершить реформу предоставленіемъ гарантій населенію, могутъ свидѣтельствовать мемуары Чарторыйскаго, наиболѣе политически развитаго изъ своихъ сотоварищей и наиболѣе

чуткаго къ вопросу: повидимому, онъ даже не предполагаетъ о существованіи какого нибудь опредѣленнаго плана работъ. Графъ Строгановъ старается убѣдить императора въ необходимости планомѣрной работы; но его политическіе взгляды очень темны, онъ еще долженъ самъ учиться. Онъ даже не можетъ понять той нелогичности, которая вытекаетъ изъ основныхъ положеній его плановъ: три-четыре лица, даже обставленные департаментомъ faiseurs des projets (каковой былъ, какъ передаютъ, у Новосильцова) не въ состояніи выполнить возлагаемыхъ на нихъ работъ; онъ не замѣчаетъ того, что административный строй и сводъ законовъ находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ формой государственнаго устройства. Сперанскій все это понималъ и начиналъ реформу сверху. При изученіи дѣятельности Неоффиціальнаго Комитета обращаетъ на себя вниманіе еще одна сторона. Мечты о реформѣ идутъ своимъ чередомъ, не выходя изъ темноты неопредѣленности даже къ концу дѣятельности Комитета. Члены Комитета не всегда успѣваютъ подготовиться къ докладамъ, тормозятъ проекты, подготовленные стариками. Но зато они охотно вмѣшиваются во всѣ мелочи управленія, стараясь навязать государю свои мнѣнія. Фактически Комитетъ превращается не въ учрежденіе, гдѣ вырабатывается планъ реформъ, но въ собраніе нѣсколькихъ совѣтниковъ государя, которые стремятся руководить государемъ, управлять съ нимъ и за него. Обращаетъ на себя вниманіе эта таинственность работъ Комитета, основной девизъ его — стоять въ курсѣ всего управленія. Правда, Александръ I самъ не проявлялъ склонности къ систематической работѣ, хотя всетаки горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть поскорѣе проекты реформъ.

Комитетъ стремится урегулировать работу государя съ его министрами, личныя отношенія государя къ иностраннымъ посламъ, вмѣшивается въ назначеніе лицъ высшаго управленія и т. д. [1]). Во всемъ этомъ проглядываютъ черты личной опеки даннаго кружка лицъ надъ государемъ. Правда, Чарторыйскій сообщаетъ, что девизомъ друзей императора было— стоять выше личныхъ интересовъ, не стремиться къ почестямъ. Но, замѣчаетъ тутъ же князь,—„я былъ единственнымъ вѣрнымъ послѣдователемъ этого девиза, который вполнѣ соотвѣтствовалъ моему частному положенію“ [2]). Оказывается, что Новосильцовъ успѣлъ захватить себѣ очень вліятельное по-

ложеніе [1]), равно какъ и Кочубей. Друзья императора не разъ пробовали дѣйствовать энергично на государя и требовали смѣны старыхъ дѣльцовъ молодыми [2]); конечно, они о себѣ не забывали, и, при учрежденіи министерствъ, оказались недовольными распредѣленіемъ портфелей, сдѣланнымъ государемъ [3]). Всѣ эти черты проливаютъ новый свѣтъ на Неоффиціальный Комитетъ: повидимому, мы не очень будемъ далеки отъ истины, высказавъ предположеніе, что въ средѣ членовъ Комитета не недоставало желанія руководить управленіемъ государства и что къ этому сводилась практическая цѣль нѣкоторыхъ его членовъ; отсюда понятно предостереженіе, сдѣланное Александру Лагарпомъ. Зная Кочубея и Новосильцова, такой выводъ не покажется весьма гипотетичнымъ. Если это такъ, то и учрежденіе министерствъ не лишено личныхъ соображеній. Въ сущности, учрежденіе министерствъ является единственнымъ практическимъ послѣдствіемъ дѣятельности Неоффиціальнаго Комитета.

Иное впечатлѣніе производитъ Сенатская партія. Было бы ошибкой въ ея средѣ искать послѣдователей демократическихъ идей. Это—аристократы, своими привычками, своимъ отношеніемъ къ государю и къ государству, напоминающіе старыхъ московскихъ бояръ; таковы: братья Воронцовы, Мордвиновъ, старый графъ Строгановъ и др. Къ нимъ примыкали дѣльцы, вышедшіе изъ Екатерининской школы, въ родѣ Завадовскаго и Трощинскаго. Всѣ они, не стѣсняясь, говорятъ „стрѣчу" своему государю. Они понимали важность даннаго момента и ихъ заботы выходили за предѣлы тѣснаго круга личныхъ отношеній. Естественно, ихъ симпатіи клонились къ аристократическимъ формамъ правленія. Въ практической дѣловитости представителей старой партіи не можетъ быть сомнѣнія. Однако, несправедливо было бы укорять членовъ Сенатской партіи въ ихъ стремленіи къ застою, въ томъ, что они неспособны были понять важность и настоятельность реформъ. Вѣдь проекты, касающіеся улучшенія крестьянскаго быта и свободной покупки земли лицами всѣхъ состояній, исходили отъ Мордвинова, Зубова и Румянцева. Члены Неоффиціальнаго Комитета съ полнымъ презрѣніемъ относились къ Сенату, какъ къ собранію инвалидовъ [4]). Интересно, что во всѣхъ случаяхъ, когда государь желалъ обратиться къ Сенату или къ Непремѣнному Совѣту для обсужденія какого нибудь проекта, чле-

ны Комитета старались отклонить государя отъ такого намѣренія; они старались увѣрить государя въ томъ, что проекты реформъ не встрѣтятъ одобренія среди Совѣта [1]). Такъ было, напр., съ вопросомъ объ улучшеніи участи крѣпостныхъ крестьянъ. Ожиданіе членовъ Комитета не оправдалось, и нѣкоторые члены Совѣта отнеслись съ живымъ вниманіемъ къ вопросу, высказавъ при этомъ весьма либеральныя мнѣнія. Достаточно вспомнить о томъ, что и въ Сенатѣ вопросъ о правахъ Сената вызвалъ оживленныя пренія, при чемъ раздавались весьма не двусмысленные намеки по адресу недавняго прошлаго. Въ доказательство сказаннаго можно было бы привести еще и тотъ фактъ, что въ средѣ членовъ Непремѣннаго Совѣта намѣчалась ясно тенденція удержать за собой значеніе законодательнаго собранія [2]). Всѣ эти проявленія общественнаго настроенія, господствовавшаго въ то время, особенно важны потому, что они высказывались въ средѣ, лично не связанной съ государемъ, не знавшей тогдашнихъ его мечтаній, въ такой средѣ, которая весьма была удалена отъ работъ Александра I-го по приведенію въ порядокъ „безобразнаго зданія нашего правленія“.

И это вполнѣ понятно, потому что члены старой партіи успѣли многое вынести на своихъ плечахъ. Въ самомъ началѣ царствованія Александра I, Завадовскій писалъ графу С. Р. Воронцову: „Заживаютъ раны отъ муки прежней по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ. Ибо Ангелъ со стороны кротости и милосердія царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали, измѣряй потому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда никто не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя. Милый другъ, возблагословимъ счастливое время и что въ немъ окончимъ нашъ вѣкъ!“ [3]). Неудивительно поэтому, что Завадовскій несмотря на свою старость и недуги, съ жаромъ принимается за работу по составленію уложенія—„исправить, очистить наши законы, писанные во мракѣ невѣжества“, роется въ кучѣ книгъ „теоретическаго законовѣдства, которое не клеится съ русскимъ бытомъ“. „Не надѣюсь, говоритъ онъ далѣе, чтобы стало моей жизни окончить преважное дѣло, а непомѣрно хочется истребить кнутъ, котораго я не видалъ ни въ натурѣ, ни въ дѣйствіи; одно наименованіе поднимало и поднимаетъ во мнѣ всю ненависть“ [4]).

Завадовскій, какъ и его друзья Воронцовы, принадлежалъ къ числу „душесильныхъ людей“, въ средѣ которыхъ критика государственнаго порядка считалась гражданскимъ долгомъ. Вообще ссылка на то, что „старики“ были только дѣльцами и практиками, далеко не справедлива, какъ и многое изъ того, что о нихъ говорили. Мы только что видѣли, что Завадовскій, которому нельзя отказать въ извѣстной подготовкѣ, приступалъ къ дѣлу, къ пересмотру законовъ, стараясь пріобрѣсти и теоретическія познанія. Да и другіе представители той же партіи обладали обширными свѣдѣніями въ государственныхъ наукахъ, были основательно свѣдущи во всемъ, что касалось Россіи. Политико-экономическіе трактаты Мордвинова, оффиціальныя записки обоихъ Воронцовыхъ, трактатъ Трощинскаго о министерствахъ—дѣлаютъ честь ихъ авторамъ.

Все сказанное подготовляетъ насъ къ тому выводу, что и въ средѣ членовъ старой партіи вопросъ о реформахъ нашелъ себѣ горячихъ защитниковъ. Сущность реформъ была высказана ими прямо и настоятельно. Проводимыя ими идеи были по тому времени довольно практичны и удобоисполнимы, такъ какъ идеалы стариковъ требовали весьма умѣренныхъ перемѣнъ, основанныхъ на историческомъ развитіи Россіи, и при томъ такихъ, которыя могли бы послужить залогомъ дальнѣйшаго политическаго прогресса. Ихъ идеалы были проникнуты аристократическими тенденціями, а практическое осуществленіе ихъ казалось для нихъ возможнымъ, утвердивъ права Сената и предоставивъ ему новыя прерогативы.

Внѣшній поводъ, который далъ возможность высказаться большинству дѣятелей, былъ указъ императора отъ 5 іюня 1801 г., которымъ Сенату предлагалось опредѣлить свои старинныя права. Очевидно, этотъ указъ былъ изданъ Александромъ I для того, чтобы въ первые же моменты своего царствованія успокоить общественное мнѣніе и дать ему намекъ на возможность реформъ. Указъ послужилъ сигналомъ для открытаго выраженія давнишнихъ желаній. Этотъ вопросъ разрабатывался въ оффиціальныхъ сферахъ болѣе года и привелъ къ двумъ узаконеніямъ, въ сильной мѣрѣ противорѣчившимъ одно другому,—къ указу 8 сентября 1802 года о преимуществахъ Сената и къ указу объ учрежденіи министерствъ, изданному въ тотъ же день.

Обсужденіе указа о правахъ Сената въ самомъ Сенатѣ

подало поводъ нѣкоторымъ его членамъ, дѣлая намеки на факты предшествующаго періода, указать на необходимость коренныхъ перемѣнъ. Сенатомъ было принято мнѣніе графа В. В. Завадовскаго и представлено на утвержденіе государю. Оно является какъ бы сводным мнѣніемъ всего Сената, такъ какъ въ немъ собраны почти всѣ аргументы, которые тогда приводились въ защиту сенатскихъ правъ. Въ своей запискѣ Завадовскій прежде всего останавливается на исторической роли Сената. По его мнѣнію, Петръ Великій, удержавъ въ лицѣ монарха законодательную власть, предоставилъ всю исполнительную власть Сенату: онъ обязанъ былъ наблюдать за единообразнымъ примѣненіемъ закона, былъ мѣстомъ Верховнаго суда и расправы. Слѣдовательно, въ рукахъ Сената сосредоточивались власти: судебная, исполнительная и охранительная. Послѣ короткаго періода униженія, Сенатъ поднялся въ своемъ значеніи при Елизаветѣ, но при Екатеринѣ Великой права Сената снова нарушены: властолюбивыя лица стремились занять мѣсто Сената у кормила правленія, Сенатъ уподобился „немощному тѣлу“: „Се образъ порабощеннаго Сената, въ которомъ молчать было тяжко, говорить было бѣдственно!“ — восклицаетъ авторъ. Нарисовавъ историческую картину жизни Сената, Завадовскій заключаетъ, что права и обязанности Сената, его основное право, заключаются въ его исполнительной и охранительной власти: Сенатъ управляетъ всѣми гражданскими мѣстами Имперіи, выше его—одна только власть самодержавнаго государя. Отсюда Сенатъ обязанъ заботиться о соблюденіи законовъ, о правосудіи и „вообще пользѣ народной“. Изъ этого вытекаетъ далѣе право Сената ходатайствовать у престола „по всякимъ народнымъ нуждамъ“, а также увеличивать налоги по докладу о томъ государю; для послѣдней цѣли Сенатъ долженъ имѣть свѣдѣнія о всѣхъ частяхъ государственной экономіи. Въ этомъ правѣ Сената ходатайствовать о народныхъ нуждахъ, нельзя не видѣть прямого указанія на то, что авторъ записки предполагаетъ придать Сенату право законодательной иниціативы. Въ извѣстной мѣрѣ та же мысль проглядываетъ и въ статьѣ, по которой каждому сенатору должно быть предоставлено право замѣчать о вредѣ, происходящемъ въ государствѣ, и стремиться къ его прекращенію. Наконецъ, ту же мысль слѣдуетъ видѣть и въ послѣдней статьѣ, дающей Сенату право

дѣлать представленія на изданные государемъ законы и указы, если таковые покажутся Сенату противными прежде изданнымъ, вредными для государства, или же не ясными. Интересно, что въ указѣ Сенату 8-го сентября выпущено то мѣсто сенатскаго мнѣнія, которое говоритъ о правѣ ходатайства о народныхъ нуждахъ и о наложеніи податей. Къ этому слѣдуетъ еще добавить, что въ мнѣніи Завадовскаго сенаторамъ предоставляется право объявлять Высочайшіе указы; въ случаѣ разногласія въ рѣшеніяхъ самаго Сената (всякое сенатское рѣшеніе должно быть единогласное), двое сенаторовъ при генералъ прокурорѣ докладываютъ о спорномъ дѣлѣ государю [1]). Въ запискѣ Завадовскаго проведенъ взглядъ сенатскаго большинства. Въ ней ясно сказалась основная тенденція—утвердить за Сенатомъ во всемъ объемѣ власть исполнительную, судебную и контрольную, снабдивъ его при этомъ въ слабой мѣрѣ законодательной иниціативой.

Современники развивали тѣ же взгляды, стараясь ихъ подтвердить какъ новыми доводами, такъ и яснѣе намѣтить дальнѣйшій путь политическаго развитія. Такъ, графъ Александръ Воронцовъ въ своей запискѣ о внутреннемъ состояніи Россіи (1801 г.) исходитъ изъ мысли, что Россія „никогда прямо устроена не была". Однако онъ указываетъ, что Петровскія установленія оказались весьма пригодными для государства. Поэтому, по его мнѣнію, эти установленія не слѣдуетъ отмѣнять, но кое въ чемъ исправить. Изложивъ далѣе вкратцѣ судьбы высшаго управленія отъ Петра Великаго до Александра I, съ цѣлью указать на рядъ отступленій отъ „прямого" управленія, авторъ подходитъ къ основному своему выводу о той роли, какую, по его мнѣнію, долженъ играть Сенатъ. Она состоитъ въ слѣдующемъ: „Толь пространное государство, каково здѣшнее, не можетъ въ цѣлости остаться и жители пользоваться спокойствіемъ и личною безопасностью подъ царствованіемъ государя съ большою властью и способями; а потому подъ нимъ же, въ помощь ему мѣсто, какъ Сенатъ, и было на то учреждено Петромъ Великимъ, а для дѣлъ, не терпящихъ времени,—Совѣтъ". Такимъ образомъ, Сенатъ является властью, посредствующею между государемъ и государствомъ [2]). Но оставался еще вопросъ, какимъ образомъ опредѣлить положеніе этого посредника, какимъ образомъ власть его сдѣлать прочною для того, чтобы учрежденіе

не подвергалось постояннымъ перемѣнамъ. Ближе къ этому вопросу подходитъ другая записка, принадлежащая перу одного изъ Воронцовыхъ. Здѣсь прежде всего объясняется, что въ вопросѣ о возстановленіи правъ Сената дѣло касается не однихъ лицъ, но цѣлаго учрежденія. Этимъ опровергается тотъ аргументъ, который приводили противники Сената. Сенатъ, возстановленный въ правахъ, сдѣлается хранилищемъ закона; сверхъ того онъ представитъ изъ себя „во многихъ случаяхъ родъ власти, посредствующей между государемъ и народомъ, и нѣкоторымъ образомъ ступенію многимъ облегченіямъ и смягченіямъ суровости правленія древняго“[1]) Такимъ путемъ авторъ подходитъ очень осторожно къ основной своей мысли, которую старается еще подкрѣпить въ заключеніи. По его мнѣнію, достойно добродѣтельныхъ правилъ государя „исподоволь готовить путь къ устроенію правительства болѣе сходственнаго съ человѣческимъ. Государь императоръ для столь важнаго предмета никакихъ жертвъ, конечно, не пожалѣетъ“. Оговорившись, непосредственно затѣмъ, что авторъ представляетъ себѣ Россію, непремѣнно управляемую монархомъ съ большою властью, онъ однако оговаривается: „Но обезпеченіе личной безопасности и преграда отъ суровости, происходящей иногда отъ злоупотребленія власти, можетъ однако же вмѣститься и съ сохраненіемъ нужной власти монарху“. Вотъ почему посредствующая власть между государемъ и подданными будетъ „первымъ шагомъ, да и большимъ къ сему великому предмету“. Впрочемъ, кромѣ этого перваго шага, Воронцовъ тутъ же рекомендуетъ заимствованіе нѣкоторыхъ установленій изъ великой англійской хартіи и прежде всего знаменитаго закона о личной безопасности[2]).

Вообще Воронцовъ нигдѣ не задается вопросомъ о той формѣ, какую долженъ принять Сенатъ въ роли посредствующей власти. Зато онъ настаиваетъ на томъ, чтобы кромѣ утвержденія власти Сената, дарованы были непосредственно нѣкоторыя права подданнымъ. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчателенъ составленный Александромъ Воронцовымъ проектъ „всемилостивѣйшей грамоты, русскому народу жалуемой“. Эта грамота была представлена Александру I для утвержденія въ день его коронаціи; она такъ и осталась проектомъ. Въ ней были собраны нѣкоторыя обѣщанія—„нашимъ словомъ, за насъ

и преемниковъ нашихъ"—коренныхъ законовъ. Въ числѣ ихъ находилось подтвержденіе дворянской грамоты, городового положенія, права свободнаго выѣзда за границу, общія права собственности, личной безопасности и давности гражданской и уголовной; въ ней постановлялось, что задержанный можетъ требовать своего освобожденія, если онъ не будетъ въ теченіе трехъ дней потребованъ къ суду для допроса; что наказанія за оскорбленіе Величества должны быть прилагаемы къ однимъ только прямымъ дѣяніямъ, а не къ словамъ и сочиненіямъ и нѣк. др.; сверхъ того, правительство обѣщало усовершенствованіе закона, свободу вѣры, мысли и слова, наконецъ, что до изданія общаго устава судопроизводства, не будетъ издано никакихъ новыхъ постановленій, а если таковыя понадобятся, то будутъ изданы по докладу Сената въ общемъ совѣщаніи съ коллегіями [1]).

То, чего не договаривали Воронцовы, было высказано другими членами Сената и Совѣта. Въ Сенатскомъ архивѣ, на запискѣ Державина находится слѣдующая замѣтка одного консервативнаго современника: „Трое ходили тогда съ „проектами" въ карманѣ—рѣченный Державинъ, кн. Пл. Зубовъ съ своимъ изобрѣтеніемъ, и графъ Никита Петр. Панинъ съ „установленіемъ" англійскимъ, передѣланнымъ на русскіе нравы и обычаи. Новосильцову стоило тогда большого труда наблюдать за Царемъ, чтобы не подписалъ котораго-либо изъ проектовъ... Жалѣю, что въ бумагахъ моихъ я не нашелъ второго мнѣнія Державина, которое извѣстно подъ названіемъ его кортесовъ [2])".

Значитъ, проекты были, и только выжидался подходящій моментъ.

II.

Не всѣ „изобрѣтенія" этого періода до насъ дошли, но ихъ было больше, чѣмъ полагаетъ авторъ замѣтки. Проектъ Зубова [*]) состоялъ въ дарованіи Сенату характера представительнаго собранія. Того же мнѣнія держался и Мордвиновъ. Въ своемъ мнѣніи, прочитанномъ въ Совѣтѣ, Мордвиновъ исходитъ изъ общихъ представленій о власти; онъ различаетъ

---

[*]) Онъ не дошелъ до насъ или еще не открытъ.

деспотическое правительство, въ которомъ нѣтъ раздѣленія между законодательной, судебной и исполнительной властями, и „монархическое", въ которомъ всѣ три власти дѣйствуютъ особо и независимо одна отъ другой. Переходя далѣе къ указу государя о предоставленіи Сенату его правъ, онъ полагаетъ, что цѣль этого указа,—„чтобы устроеніе и усовершенствованіе воспріяло новыя силы", намекая при этомъ на установленіе коренныхъ законовъ и обезпеченіе правъ личности. По его мнѣнію, поэтому, Сенатъ въ запискѣ о своихъ правахъ не отвѣчаетъ на сущность запроса государева. До сихъ поръ Сенатъ никакихъ правъ не имѣетъ, такъ какъ не онъ самъ обладалъ правами, но они ему давались. Права государственныя вообще и не должны быть основаны на „нѣкоторыхъ малочисленныхъ лицахъ", потому что въ нихъ права не будутъ имѣть опоры: „Доколѣ Сенатъ не будетъ избранный отъ народа, то въ настоящемъ положеніи онъ имѣетъ достаточно власти и силы".

При такомъ только условіи Сенатъ сдѣлается политическимъ тѣломъ и долженъ явиться представителемъ знатнаго сословія: „желательно, чтобы Сенатъ сдѣлался тѣломъ политическимъ". Права на нѣкоторыхъ только лицахъ основанныя, не могутъ имѣть твердости: малѣйшая власть можетъ ихъ измѣнить, или совсѣмъ нарушить. Права политическія должны быть основаны на „знатномъ сословіи, весьма уважаемомъ, дабы и самыя права воспріяли такое же уваженіе". По мнѣнію Мордвинова, начало избирательному праву уже положено Екатерининскимъ законодательствомъ, а въ настоящее время обстоятельства благопріятствуютъ для дарованія правъ избранія въ Сенатъ.

Практическое осуществленіе этого права въ проектѣ Мордвинова ограничивается скромнымъ желаніемъ, чтобы каждая губернія присылала въ Сенатъ по два депутата, избираемыхъ на три года. Избранные сенаторы должны печься о благѣ той губерніи, изъ которой они присланы, и представлять предъ центральнымъ правительствомъ ея интересы [1]). Таковъ несложный проектъ Мордвинова. Мы остановились на немъ потому, что онъ только недавно сдѣлался извѣстнымъ въ полномъ видѣ.

Проектъ Державина хорошо извѣстенъ. Онъ представлялъ себѣ Сенатъ какъ верховное правительство, въ рукахъ

котораго сосредоточены власть законодательная, судебная, исполнительная и оберегательная (охранительная): исполнительная власть раздѣляется на департаменты подъ надзоромъ министровъ. По проекту Державина, кандидаты въ сенаторы избираются изъ чиновниковъ первыхъ четырехъ классовъ чинами-же первыхъ пяти классовъ; изъ трехъ кандидатовъ государь избираетъ одного сенатора. Этотъ чиновничій Сенатъ обладаетъ весьма большими правами. Державинъ полагалъ, что его проектъ основанъ на идеяхъ, занимавшихъ императрицу Екатерину II въ послѣдніе годы ея царствованія. Кое-что въ его проектѣ, дѣйствительно, привнесено изъ екатерининскихъ замѣтокъ; однако, сюда же внесено много такихъ добавленій, и притомъ столь неудачныхъ, которыя показываютъ весьма малую опытность автора въ государственномъ управленіи.

Присматриваясь къ тому, что сохранилось до насъ о политическихъ стремленіяхъ партіи старыхъ дѣльцовъ, мы, конечно, не можемъ не признать, что они не представили сколько-нибудь широкаго и обстоятельно развитаго плана. Мнѣніе Мордвинова представляетъ собою только намекъ, основную нить, которую предстояло еще разработать. Державина же нельзя считать точнымъ выразителемъ идей кружка, такъ какъ онъ, примыкая къ кружку въ томъ смыслѣ, что раздѣлялъ многіе его предразсудки, не понималъ, однако, его реформаторскихъ стремленій, не сознавалъ исторической роли Сената, наконецъ не былъ свѣдущъ въ государственномъ устройствѣ Западной Европы. И еще слѣдуетъ имѣть въ виду, что Державинъ въ проектѣ своей оригинальной конституціи, по всей видимости, излагалъ идеи, нравившіяся тогда самому государю; такимъ образомъ онъ хотѣлъ влить въ проектъ Екатерины мысли Александра I. Трудно сказать, насколько удачнымъ комментаторомъ ихъ онъ явился. Оставляя въ сторонѣ, по указаннымъ причинамъ, проектъ Державина, надо помнить, что старики не имѣли повода составлять полнаго проекта, о чемъ ихъ не спрашивали: поэтому для потомства важны не столько проекты ихъ, сколько основныя мысли. Основная же идея ихъ ясна: исходя изъ мысли о необходимости изданія нѣкоторыхъ коренныхъ законовъ для всѣхъ гражданъ, они стремились превратить Сенатъ въ представительное учрежденіе, которое явилось бы посредническимъ звеномъ между высшей властью и населеніемъ. Подъ общимъ

собирательнымъ именемъ Сената они разумѣли нѣсколько коллегій, изъ которыхъ каждая несла бы и выполняла бы особыя функціи въ государственномъ управленіи, т. е. законодательныя, исполнительныя и судебныя. Предполагая полную независимость каждой части правительства, они видѣли в общемъ собраніи Сената достаточную гарантію по охраненію основныхъ законовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что такая схема носитъ аристократическую окраску, хотя эти люди не были лишены сознанія необходимости реформъ въ пользу низшаго населенія. Указанная схема нарасла исторически, и въ этомъ ея главная заслуга, Значеніе ея ясно и изъ того, что многія идеи, высказанныя въ запискахъ того времени, вошли въ число основныхъ законовъ страны. Эта схема, дѣйствительно, могла быть органически слита съ губернскими учрежденіями. Наконецъ, она опиралась на историческую роль Сената. Интересно, что въ средѣ противниковъ Сенатской партіи были лица, которыя умѣли понять значеніе для государства высказанныхъ сю идей. Чарторыйскій, ничего не сообщающій намъ объ идеяхъ своихъ друзей, даетъ очень ясное понятіе объ основныхъ положеніяхъ своихъ противниковъ. Отъ него не могъ укрыться фактъ историческаго значенія Сената: говоря о Сенатѣ, „старики" говорили на языкѣ, понятномъ старымъ москвитянамъ и ласкающемъ слухъ аристократіи [1]); въ Сенатѣ они видѣли первый шагъ къ дальнѣйшему развитію страны. Хотя молодые друзья императора не могли противопоставить сенатскому проекту своего, однако въ ихъ средѣ всякая мысль о расширеніи правъ Сената вызывала рѣзкую оппозицію, а тогдашній составъ его—презрительное къ себѣ отношеніе.

Проектъ указа о правахъ Сената, равно какъ и проектъ расширенія его правъ, подвергся въ Неоффиціальномъ Комитетѣ довольно суровой критикѣ. Сотрудники государя старались отклонить его отъ мысли утвердить наиболѣе важныя положенія сенатскаго мнѣнія и проектовъ. Кочубей полагалъ достаточнымъ обнародованіе указа съ изложеніемъ порядка занятій въ Сенатѣ, не упоминая о его правахъ и преимуществахъ [2]). Другіе члены, и въ особенности Новосильцовъ, разбивали докладъ по частямъ. Новосильцовъ старался провести ту мысль, что Сенатъ никогда не былъ законодательнымъ собраніемъ и не можетъ быть таковымъ въ будущемъ. Госу-

дарю даже и неудобно было бы даровать значительныя права Сенату, такъ какъ этимъ онъ „связалъ бы себѣ руки и не могъ бы сдѣлать всего задуманнаго на общую пользу, и встрѣтилъ бы въ невѣжествѣ этихъ людей помѣху“, наконецъ, права Сената могли быть не безопасны, въ случаѣ борьбы между верховною властью и правительственными учрежденіями; поэтому Новосильцовъ предполагалъ ограничить Сенатъ исключительно судебною властью [1]). Сотрудники государя не могли примириться также съ предоставленіемъ Сенату исполнительной власти. Лагарпъ боялся, что права Сената въ этомъ отношеніи уменшатъ права государя. Другіе же сотрудники приводили тотъ аргументъ, что государю не слѣдуетъ связывать себѣ рукъ и что лучше не стѣснять себя и устроить управленіе по собственному желанію. Первое время государь очень настаивалъ на предоставленіи Сенату исполнительной власти. Его мысль заключалась въ томъ, что онъ хотѣлъ бы только слѣдить за администраціей, получать свѣдѣнія обо всемъ, происходящемъ въ государствѣ, и не имѣть на нее вліянія. Точно также государь въ первое время отстаивалъ охранительную власть Сената; полагая, что это учрежденіе является „необходимымъ противовѣсомъ абсолютизма“ [2]).

При такихъ условіяхъ, очень понятно, что въ средѣ молодыхъ сотрудниковъ государя проектъ избираемаго Сената не встрѣтилъ сочувствія. Повидимому, выборное начало Сената нравилось первоначально самому государю; онъ даже не прочь былъ предоставить выборъ кандидатовъ въ сенаторы губернаторамъ, но былъ остановленъ Новосильцовымъ [3]). По словамъ протоколовъ Строганова, государю нравились идеи, заключающіяся въ проектахъ Зубова и Державина. Проектъ Зубова превращалъ Сенатъ въ законодательное собраніе; поэтому сначала въ Неоффиціальномъ Комитетѣ рѣшено было остановиться на державинскомъ проектѣ. Но затѣмъ молодые сотрудники государя „сочли нужнымъ отклониться“ отъ идей, заключавшихся въ обоихъ проектахъ, желая сохранить за правительствомъ „свободу въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ“ и затѣмъ устроить судную часть [4]). Съ большимъ трудомъ членамъ Комитета удалось отклонить государя отъ выборнаго начала въ Сенатъ. Въ своихъ аргументахъ противъ этого начала они ссылались на неудовлетворительность вообще дворянскихъ выборовъ и, главнымъ образомъ, на то, что по-

добныя мѣры въ Россіи еще были несвоевременны [1]). Графъ Строгановъ замѣчаетъ, что государь, повидимому, сталъ раздѣлять эти мнѣнія. Члены Комитета старались даже уничтожить ту статью проекта сенатскаго указа, по которой сенаторы подлежатъ суду только самого Сената [2]); эта статья, однако, сохранилась въ высочайше утвержденномъ указѣ о Сенатѣ.

Такъ какъ тогда же сотрудниками государя разрабатывался министерскій уставъ, то члены Комитета „для согласованія" съ нимъ сенатскаго устава постарались уничтожить статью указа, по которой губернаторы и предсѣдатели присутственныхъ мѣстъ въ чрезвычайныхъ или сомнительныхъ случаяхъ (т. е. когда дѣло касалось разъясненія закона) должны были бы испрашивать разрѣшенія Сената; точно также уничтожена статья, по которой Сенатъ долженъ былъ вѣдать обо всѣхъ донесеніяхъ, присылаемыхъ генералъ-прокурору губернскими прокурорами. Въ обоихъ случаяхъ сотрудники государя опасались, чтобы не произошло столкновенія изъ-за правъ между Сенатомъ и министерствами [3]). Между тѣмъ въ дѣйствительности уничтоженіемъ этой статьи, они подрывали двѣ основныя функціи Сената, которыя ему неизмѣнно принадлежали въ теченіе цѣлаго столѣтія, именно: толкованіе закона и контроль надъ мѣстной администраціей. Въ одномъ только члены Комитета поддержали Сенатъ: государь не одобрялъ тѣхъ статей, которыя касались контроля Сената надъ министрами и права Сената дѣлать представленія на высочайшіе указы [4]). Какъ извѣстно, впрочемъ, обѣ эти статьи на практикѣ не получили никакого значенія.

Такимъ образомъ проектъ указа о правахъ Сената, основанный на сенатскомъ мнѣніи, былъ значительно профильтрованъ въ Неоффиціальномъ Комитетѣ. Въ дѣйствительности мнѣніе Сената о своихъ правахъ подверглось еще бо́льшимъ измѣненіямъ, чѣмъ тѣ спорные пункты, о которыхъ передаютъ протоколы. Очень можетъ быть, что это дѣло рукъ Новосильцова, редактировавшаго указъ. Это надо имѣть въ виду, такъ какъ въ историко-юридической литературѣ, даже у Градовскаго, утвердилось почему-то мнѣніе, что указъ 8-го сентября 1802 г. подтверждаетъ собою цѣликомъ мнѣніе Сената о своихъ правахъ. Такъ, Сенату не придано права ходатайствовать передъ государемъ о народныхъ нуждахъ и права распредѣлять налоги, съ доклада государю; у Сената отнята его испол-

нительная власть. Вообще, по указу 8 сентября Сенатъ является хранителемъ законовъ, отчасти съ контролирующимъ характеромъ. Но указъ не даетъ Сенату никакихъ средствъ для осуществленія этого контроля. Сенатъ не имѣетъ никакой иниціативы, за исключеніемъ права дѣлать представленія на Высочайшіе указы. За Сенатомъ не подтверждено права, чтобы изъ него только одного выходили подтвердительные указы въ присутственныя мѣста и чтобы черезъ него только объявлялись Высочайшіе указы по дѣламъ, производящимся въ присутственныхъ мѣстахъ. У него отнято право представлять государю кандидатовъ въ губернаторы и въ президенты коллегій. На все это есть указанія въ сенатскомъ мнѣніи.

Нѣкоторыя важныя для Сената статьи редактированы иначе, чѣмъ желалъ Сенатъ. Такъ, рѣшенія дѣлъ въ департаментахъ должны быть единогласными, а въ общемъ собраніи—по большинству двухъ третей голосовъ; между тѣмъ какъ въ то время очень настаивали на порядкѣ единогласныхъ рѣшеній. Въ своемъ мнѣніи Сенатъ сдѣлалъ указаніе на то, что для правильнаго наблюденія за дѣлами въ государствѣ, онъ долженъ имѣть свѣдѣнія обо всемъ ходѣ дѣлъ. На это отвѣчаетъ 5-я статья указа, говорящая, что всѣ именные указы должны вноситься въ Сенатъ тѣми мѣстами и лицами, которымъ они даны будутъ, за исключеніемъ подлежащихъ особливой тайнѣ; о поступленіи въ Сенатъ донесеній губернскихъ прокуроровъ вовсе не упоминается. Право Сената быть единственнымъ истолкователемъ закона превратилось въ статью (7-ю), редактированную, по настоянію членовъ Неоффиціальнаго Комитета, въ весьма общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, вслѣдствіе чего присутственныя мѣста, будучи независимыми отъ Сената, едва ли нашли бы поводъ обращаться къ нему за разрѣшеніемъ сомнѣній. Интересно, что въ указъ о „правахъ“ Сената внесенъ рядъ канцелярскихъ обрядностей, въ помѣщеніи которыхъ не трудно узнать вліяніе Кочубея.

Однимъ словомъ, долго ожидаемый указъ, о „правахъ“ Сената является актомъ, устанавливающимъ его безправіе.

Причиною этого безправія Сената былъ Неоффиціальный Комитетъ. Онъ не выставилъ полной программы государственнаго преобразованія. Но зато онъ готовилъ параллельно съ критикой указа Сенату учрежденіе министерствъ. Это учреж-

деніе въ однихъ отношеніяхъ должно было стать рядомъ съ Сенатомъ, въ другихъ—замѣнить его.

Надо замѣтить, что члены старой партіи не были противниками министерствъ; но они понимали дѣло совершенно иначе. Они понимали, что есть рядъ дѣлъ высокой важности, которыя не могутъ быть поручены Сенату и которыя издавна ему не принадлежали, каковы дѣла первыхъ трехъ коллегій (военной, морской и иностранной); понятны были также непрактичность и неудобство сношеній государя по всѣмъ дѣламъ съ Сенатомъ, такъ какъ знали, что на практикѣ послѣ Петра I го государи не присутствовали въ Сенатѣ; наконецъ, ясно было, что каковы бы не были права Сената, верховная власть была надѣлена очень обширными полномочіями. Притомъ Сенатъ, по ихъ понятіямъ, стоялъ между государемъ и народомъ. При такихъ условіяхъ представитель власти не могъ оставаться безъ извѣстнаго круга совѣтниковъ. Въ XVIII в., при нѣсколько аналогичныхъ условіяхъ, такими совѣтниками государя являлись разные случайные люди, фавориты. Братья Воронцовы и люди ихъ понятій стремились къ тому, чтобы избавиться отъ этихъ случайностей и окружить государя отвѣтственными и всѣмъ извѣстными совѣтниками. Такими совѣтниками и явились бы министры. Но и они рѣшали бы дѣла не единолично, съ глазу-на-глазъ съ государемъ, но въ общемъ совѣтѣ; въ этомъ совѣтѣ кромѣ министровъ, имѣющихъ опредѣленный кругъ обязанностей, засѣдаютъ и еще другіе члены совѣта. Графъ С. Р. Воронцовъ, съ жаромъ проповѣдывавшій идеи совмѣстнаго обсужденія дѣлъ съ государемъ въ совѣтѣ, образцомъ такого учрежденія ставилъ англійское министерство. Хорошо извѣстны его письма къ гр. Н. П. Панину. Здѣсь доказывается, что доклады Панина, сдѣланные императору наединѣ, могутъ повести къ различнымъ нежелательнымъ осложненіямъ. Докладчикъ легко можетъ сдѣлать ошибку и ввести въ заблужденіе государя, политика государства не будетъ имѣть во всѣхъ частяхъ необходимой связи. Рѣшеніе дѣлъ въ Совѣтѣ полезно и необходимо для государя и для государства: „Единственное средство, чтобы государь не былъ вольно или невольно обманываемъ начальниками управленій и пріобрѣталъ опытность въ дѣлахъ и въ познаніи людей, состоитъ въ обсужденіи всѣхъ дѣлъ общимъ собраніемъ Совѣта: въ противномъ случаѣ, онъ будетъ постоянно

обманываемъ вольно или невольно, выслушивая наединѣ начальниковъ управленій, которые сдѣлаются деспотами, а деспотизмъ министровъ въ тысячу разъ хуже единоличнаго произвола государя". Въ томъ же духѣ Воронцовъ пишетъ государю, предостерегая его отъ министерскаго деспотизма [1]). Въ письмѣ къ брату, написанномъ въ томъ же 1801 г., онъ указываетъ на цѣлый рядъ опасностей для государя отъ единоличныхъ докладовъ и совѣтовъ его министровъ: министры представятъ государю дѣло въ ложномъ свѣтѣ, подадутъ лукавые совѣты, невѣрно выполнятъ его приказанія, онъ попадетъ цѣликомъ въ зависимость отъ своихъ совѣтниковъ и министровъ, какъ это было въ прошлыя царствованія, а министры преслѣдуютъ только свои личныя цѣли [2]). Такимъ образомъ люди, присмотрѣвшіеся къ порядку управленія въ XVIII в., понимали государственное значеніе совѣта министровъ, но съ ужасомъ смотрѣли на возможность утвержденія министерскаго деспотизма.

Въ извѣстномъ отношеніи съ ними сходились и молодые совѣтники Александра I. Исходя изъ другихъ основаній, чисто теоретическихъ, они видѣли въ министерствѣ очень удобное орудіе для управленія. Они понимали значеніе личной иниціативы въ дѣлѣ управленія и были убѣждены въ томъ, что министерство явится лекарствомъ отъ всѣхъ золъ тогдашняго управленія. Въ то же время нѣкоторые изъ нихъ признавали и необходимость общихъ совѣщаній министровъ. Молодые сотрудники полагали учредить министерства по примѣру Западной Европы, сосредоточить однородныя дѣла въ каждомъ министерствѣ, опредѣлить кругъ ихъ дѣятельности, централизовать управленіе и такимъ образомъ увеличить отвѣтственность главныхъ начальниковъ управленія. Они надѣялись, что это введетъ извѣстный порядокъ и методичность въ управленіи государствомъ, наконецъ министерство явится средствомъ для уничтоженія разныхъ злоупотребленій, взяточничества, воровства [3]). Посмотримъ, какъ отлились эти предположенія въ проектѣ закона.

Такимъ образомъ были высказаны очень широкія предположенія. Многія изъ мыслей, которыя высказывали члены Комитета, весьма нравились и государю. Онъ, подобно своему отцу императору Павлу, искалъ средствъ направить государственную машину такъ, чтобы въ его рукахъ сосредоточива-

лись всѣ нити управленія, чтобы онъ могъ за всѣмъ наблюдать,—учредить строгій порядокъ въ государственномъ управленіи и „устранить вредъ, происходящій отъ произвола“ [1]). Съ другой стороны, и сотрудники государя полагали, что лучше поручать какую-либо часть администраціи одному лицу, чѣмъ многимъ [2]). Очевидно, къ той же цѣли клонились заботы сотрудниковъ Александра I, когда они стремились урегулировать занятія государя съ его совѣтниками. Впервые рѣчь о министерствѣ зашла въ засѣданіи 18 ноября 1801 г. Поводомъ къ поднятію вопроса было уже извѣстное намъ письмо къ государю С. Р. Воронцова. Новосильцовъ воспользовался мыслью своего противника и составилъ по этому поводу особую записку, въ которой излагалъ, на основаніи доводовъ Бэкона, большія удобства подобнаго министерскаго совѣта. Но тутъ же среди членовъ Комитета возникли соображенія другого рода. Въ Англіи, на которую ссылались Новосильцовъ и Воронцовъ, министерство состоитъ изъ людей, преслѣдующихъ одни и тѣ же политическіе взгляды; въ Россіи же весьма часто министры бываютъ не согласны съ собою во взглядахъ. И вотъ въ средѣ членовъ возникаетъ странная идея: поставить министерство въ Россіи въ такое положеніе, чтобы съ одной стороны отнять у министра возможность употреблять во зло довѣріе государя, но съ другой стороны желательно, чтобы не считали государя, состоящимъ подъ опекой министерскаго совѣта, потому что въ Россіи не довѣряютъ министрамъ. Сначала въ Комитетѣ возникла мысль объ учрежденіи совѣта по проекту Воронцова, т. е. состоящаго изъ министровъ и безпортфельныхъ совѣтниковъ государя. Даже въ вопросѣ о министерствахъ Комитетъ сразу становится на ложную дорогу. Члены Комитета стали втупикъ при вопросахъ о согласномъ или несогласномъ министерствѣ (Строгановъ впослѣдствіи высказался за согласное министерство). Лагарпъ пошелъ еще далѣе, указывая государю на опасность, которая можетъ произойти для его власти, если министерскій совѣтъ будетъ согласенъ во взглядахъ [3]).

Однако, съ теченіемъ времени, въ Комитетѣ получаетъ преобладаніе мысль о министерствахъ, какъ объ особомъ учрежденіи, отдѣльномъ отъ проектированнаго ранѣе совѣта. Чарторыйскій представилъ государю записку, которая и послужила основнымъ матерьяломъ для закона объ образованіи

министерствъ. Онъ предполагалъ раздѣлить всю администрацію между нѣсколькими министрами, въ рукахъ которыхъ находились бы всѣ нити управленія. При каждомъ министрѣ долженъ быть совѣтъ изъ старшихъ чиновниковъ. Повидимому, судебную власть предполагалось организовать особо отъ Сената. Послѣднему предполагалось оставить надзоръ за администраціей, въ томъ числѣ и за министрами. Всѣ были въ восхищеніи отъ этого проекта, а государь даже говорилъ, что онъ „никогда не видѣлъ столь яснаго, какъ эта записка, и что его восхищала увѣренность въ томъ, что, слѣдуя этою стезею, можно было достигнуть желаемой имъ реформы [1])". Въ настоящее время трудно понять, чѣмъ восхищались „молодые" государственные люди въ этомъ незрѣломъ твореніи князя Чарторыйскаго, такъ какъ и послѣ полугодичной работы Комитета надъ первоначальнымъ проектомъ, онъ вышелъ очень неудачнымъ въ окончательной редакціи. Если записка, читанная княземъ Чарторыйскимъ, и есть та, которая сохранилась въ бумагахъ Строганова (по нашему мнѣнію это весьма вѣроятно), то она сразу ставитъ министерства на ту почву, съ которой ихъ тщетно пытался сдвинуть Сперанскій: исходя изъ принципа признанія неограниченной власти главы государства, записка въ министерствахъ видитъ непосредственное проявленіе этой власти въ дѣлахъ административныхъ, т. е. передаетъ ей то, чего она фактически не имѣла въ XVIII в., благодаря умѣряющей власти Сената. Непонятно также и то, какимъ путемъ и къ какимъ реформамъ можно было подойти, исходя изъ образованія министерства. Мысли членовъ Комитета о министерствахъ выясняются еще изъ того поясненія къ указу, которое было представлено засѣданію 24 марта Кочубеемъ. Здѣсь говорилось, что съ введеніемъ новыхъ учрежденій императоръ надѣется дать управленію ходъ наиболѣе сообразный къ упроченію общаго благоденствія. Далѣе излагались причины учрежденія министерствъ и объяснялось, что Петръ Великій не успѣлъ дать удобнаго порядка управленію, что сознавалось всѣми его преемниками (это введеніе Кочубея не попало въ законъ).

Въ работахъ Комитета при обсужденіи проекта учрежденія министерствъ имѣютъ интересъ двѣ стороны: вопервыхъ, отношеніе министерствъ къ другимъ высшимъ учрежденіямъ и, во-вторыхъ, выработка самаго министерскаго механизма.

Такъ какъ въ то время существовалъ при государѣ Совѣтъ и такъ какъ не была оставлена мысль Воронцова о министерскомъ Совѣтѣ, то надлежало прежде всего согласовать всѣ эти учрежденія. По мнѣнію Комитета, министры должны войти въ составъ Совѣта[1]). Роль Совѣта предполагалась слѣд.: вопросы, превышавшіе власть министра, предполагалось передавать на разсмотрѣніе Совѣта; государь по такому дѣлу издавалъ указъ на основаніи доклада министра и мнѣнія Совѣта. Интересно, что Кочубей въ Комитетѣ упорно настаивалъ на томъ, чтобы всѣ дѣла не отдавались на разсмотрѣніе Совѣта, и даже онъ не желалъ опредѣленія тѣхъ случаевъ, когда дѣла обязательно должны были бы вноситься въ Совѣтъ, на чемъ настаивалъ государь[2]). Изъ этого видно, что онъ не желалъ принять во вниманіе мысли Воронцова о министерскомъ деспотизмѣ. Съ увѣренностью можно сказать, что и остальные члены Комитета не сочувствовали идеѣ расширенія правъ Совѣта. Такъ какъ государь „упрямился" въ этомъ вопросѣ (какъ въ подобныхъ случаяхъ любилъ выражаться графъ Строгановъ), то, повидимому, именно вслѣдствіе этого среди членовъ Неоффиціальнаго Комитета появляется мысль объ особомъ учрежденіи—Комитетѣ министровъ. Эта мысль появляется на сцену въ весеннихъ засѣданіяхъ Неоффиціальнаго Комитета, когда, члены его очень торопили государя утвержденіемъ министерскаго устава. Комитетъ министровъ является въ Новосильцовской переработкѣ устава. По его предположенію всѣ текущія дѣла должны рѣшаться въ Комитетѣ министровъ, а „важнѣйшіе вопросы"—въ Совѣтѣ. Каждый министръ докладывалъ предварительно въ Комитетѣ представляемый имъ къ утвержденію государя докладъ. Для государя было неясно, почему не вносить всѣ дѣла въ Совѣтъ; очевидно, ему показалось страннымъ это нагроможденіе учрежденій съ одинаковыми функціями. Ему нашли два возраженія: направленіе дѣлъ въ Совѣтъ зависитъ отъ воли государя, обращеніе же министровъ по всѣмъ дѣламъ въ Совѣтъ—затруднитъ ихъ[3]). Такимъ образомъ зарождалось въ очень неопредѣленныхъ чертахъ учрежденіе, имѣвшее столь важное значеніе во всѣ послѣдующія правленія. Ясно одно, что члены Неоффиціальнаго Комитета всячески сремились съузить кругъ оффиціальныхъ совѣтниковъ государя.

Гораздо труднѣе было совладать членамъ Комитета съ

традиціонной властью Сената. Борьба съ сенатскими правами намъ извѣстна. За Сенатомъ было оставлено право контроля министровъ по ихъ отчетамъ, представляемымъ государю [1]. Но зато члены Комитета предложили, чтобы высочайшіе указы на имя министровъ представлялись бы ими Сенату, полагая, что такой порядокъ въ изданіи указовъ слагаетъ съ министровъ отвѣтственность, налагаемую на нихъ контрасигнованіемъ указовъ [2]). Было и еще старое учрежденіе Петровскаго времени, отношеніе котораго къ новымъ министерствамъ слѣдовало выяснить, это—коллегіи. Кочубей явился противникомъ коллегій, предполагая замѣнить ихъ канцеляріями при министрахъ. Его поддерживали Строгановъ и Новосильцовъ. Однако, благодаря настоянію государя, поддержаннаго Чарторыйскимъ, коллегіи на первое время были сохранены [3]).

При такихъ условіяхъ происходили въ Неоффиціальномъ Комитетѣ пренія объ учрежденіи министерствъ. Очень не трудно подмѣтить, что членами Комитета не были затронуты многіе важные вопросы государственнаго управленія. Министерства не были отграничены отъ другихъ учрежденій, предѣлы власти и отвѣтственности министровъ не были опредѣлены и т. д. Члены Комитета стремились лишь къ тому, чтобы министры явились абсолютными хозяевами въ отмежевываемой имъ области, снять съ нихъ всякую тѣнь отвѣтственности, уединить ихъ дѣятельность отъ другихъ высшихъ учрежденій. Опуская много серьезныхъ сторонъ въ проектируемомъ учрежденіи, члены Комитета, особенно Новосильцовъ, много заботятся о разныхъ мелочахъ, въ родѣ вопроса о разсылкѣ повѣстокъ на засѣданія, о пріемныхъ дняхъ у министра, о схемѣ ихъ докладовъ (предлагая, чтобы въ докладѣ было вступленіе, изложеніе предмета и заключеніе) и т. п. При всемъ томъ указъ о министерствахъ подготовлялся среди строгой таинственности, такъ что даже Трощинскій и Беклешовъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались значительныя отрасли управленія, узнали только наканунѣ изданія указа о государственномъ переустройствѣ. Даже и канцелярскій порядокъ оказался неудовлетворительнымъ. Однимъ словомъ,—скажемъ словами Градовскаго,—„вообще первое учрежденіе министерствъ носитъ на себѣ характеръ поспѣшной работы, торопливаго желанія доставить своимъ идеямъ торжество въ принципѣ, хотя въ самой несовершенной формѣ съ тѣмъ, чтобы въ по-

слѣдствіи дать ей болѣе совершенную организацію. Оно было временнымъ перемиріемъ новыхъ французско-канцелярскихъ порядковъ съ прежними Петровскими учрежденіями,—перемиріемъ, послѣ котораго должно было послѣдовать окончательное паденіе этихъ послѣднихъ“ [1]). Сперанскій, прекрасный знатокъ всего механизма правительственныхъ учрежденій, тоже былъ очень недоволенъ новыми министерствами.

Таковы были первыя министерства по указу 8 сентября 1802 г. (ихъ было восемь: военное, морское, иностранныхъ дѣлъ, коммерціи, народнаго просвѣщенія, юстиціи, финансовъ и государственнаго казначейства). Еще болѣе замѣчательно слѣдующее обстоятельство: учрежденіе о министерствахъ вводило цѣлую реорганизацію въ систему высшихъ государственныхъ учрежденій, но по своему механизму новое министерство весьма мало отличалось отъ коллегій Павловскаго времени съ ихъ директорами, отмѣненными Александромъ I вскорѣ по вступленіи на престолъ; мало того, министерства оказались въ органической связи съ нѣкоторыми учрежденіями и попытками реформъ XVIII вѣка. Такимъ образомъ, учредители министерствъ, черпая уроки государственной мудрости на западѣ, вводили учрежденія, подготовленныя русскою жизнью; но объ этомъ рѣчь будетъ ниже.

Указы 8 сентября 1802 г. о преимуществахъ и должности Сената и объ учрежденіяхъ министерствъ завершаютъ собою первую эпоху Александровскаго царствованія. Результатъ этотъ не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ, возлагавшимся обществомъ. Около Александра I, съ момента его воцаренія, стали люди двоякаго направленія. Одни—поставили ясную, хотя и очень скромную программу реформъ; другіе—какъ будто стремились къ болѣе широкимъ планамъ, но въ дѣйствительности не имѣли опредѣленной схемы и не были единодушны. Откладывая какую то реформу, которую наиболѣе прямодушные изъ нихъ сами еще не успѣли формулировать, они употребили все свое вліяніе на государя для того, чтобы удержать его отъ всякихъ уступокъ въ пользу либеральныхъ тенденцій; и въ то же время нѣкоторые изъ молодыхъ друзей стремятся проложить себѣ широкій путь къ власти при государѣ-другѣ; государь внимательно прислушивался къ голосамъ обѣихъ партій... и пошелъ за Лагарпомъ, совѣтовавшимъ ему удержать власть. Въ результатѣ два указа, въ которыхъ видно желаніе

удовлетворить обѣ партіи. Оба указа противорѣчатъ въ извѣстной мѣрѣ одинъ другому, такъ какъ пышныя фразы о преимуществахъ сенатской должности парализуются учреждаемыми министерствами, но и новыя министерства получили не права, а обязанности.

Почему въ одинъ день появились эти два указа? Потому что Александръ I, по словамъ одного хорошо знавшаго его современника, каждому старался приподнести любимое его кушанье. Почему получили преобладаніе совѣты Лагарпа, пока шли партійные споры? Потому что, по словамъ того же современника и друга, Александръ I охотно готовъ бы былъ даровать свободу всему міру, если бы міръ поклялся исполнять его желанія.

III.

Н. И. Тургеневъ сохранилъ любопытный анекдотъ о Н. С. Мордвиновѣ. Мордвиновъ очень любилъ разсказывать, что, когда шла рѣчь объ организаціи министерствъ, Александръ I настаивалъ на отвѣтственности министровъ по закону. „Но, государь,—возразили ему,—если министръ откажется контрасигновать указъ Вашего Величества, то будетъ ли такой указъ имѣть обязательную силу безъ этой формальности?“— „Конечно, отвѣчалъ государь, указъ во всякомъ случаѣ долженъ быть исполненъ“ [1]).

Этотъ разсказъ хорошо опредѣляетъ положеніе вещей. Министръ явился гибкимъ исполнителемъ, но не учрежденіемъ, обставленнымъ извѣстною законною формою. Первые министры вскорѣ были разочарованы, и отъ нихъ не могла укрыться вся недостаточность новаго учрежденія. Современное общество въ общемъ встрѣтило министерство крайне недружелюбно. Отъ того времени до насъ дошло больше голосовъ противъ министерствъ, чѣмъ за нихъ. Задачей настоящей статьи и будетъ знакомство съ тогдашними мнѣніями. Въ данномъ случаѣ сужденія современниковъ пріобрѣтаютъ большой интересъ, такъ какъ разъясняютъ намъ и настроеніе общества и его взглядъ на то, что государство теряло и что оно пріобрѣтало съ введеніемъ новыхъ учрежденій; наконецъ, сужденія современниковъ знакомятъ насъ съ теоретическими взглядами людей

того времени на вновь установленное государственное устройство. Для насъ, привыкшихъ къ министерскому режиму, всѣ эти соображенія людей, знавшихъ коллегіальное управленіе, вообще представляютъ многоразличный интересъ.

Нѣкоторые современники передаютъ намъ лишь то впечатлѣніе, которое произвела на нихъ реформа. Это—непосредственное наблюденіе, безъ сложныхъ теоретическихъ разсужденій; другіе, напротивъ, писали цѣлые трактаты, безспорно заслуживающіе вниманія съ точки зрѣнія развитія идей въ сферѣ государственнаго права. Прежде всего надо прислушаться къ первымъ: это голосъ современнаго общества.

Едва ли не самую рѣзкую характеристику министерства находимъ въ запискахъ Вигеля, вообще сурово относящагося къ тогдашнимъ преобразованіямъ. „Кажется, говоритъ онъ, простой разсудокъ въ самодержавномъ государствѣ указываетъ на необходимость коллегіальнаго управленія. Тамъ, гдѣ верховная власть находится въ однѣхъ рукахъ, и гласъ народа, чрезъ представителей его, не можетъ до нея доходить, власть главныхъ правительственныхъ лицъ должна быть умѣряема совѣщательными сословіями, составленными изъ мужей, болѣе или менѣе опытныхъ. Если сужденія ихъ, споры, даже несогласія нѣкоторыхъ замедляютъ ходъ дѣлъ, зато передъ государемъ они одни только обнажаютъ истину, выказываютъ ему способныхъ людей для каждаго мѣста и такимъ образомъ облегчаютъ ему выборы“. Вигель задается вопросомъ о томъ, что означаетъ по русскимъ законамъ отвѣтственность министровъ. Передъ кѣмъ министры будутъ отвѣчать? „Передъ государемъ, который долго уважаетъ въ нихъ свой выборъ, котораго дѣлаютъ они участникомъ своихъ ошибокъ, и который, не признавшись въ оныхъ, не можетъ ихъ удалить? Передъ народомъ, который ничто? Передъ потомствомъ, о которомъ они не думаютъ? Развѣ ролько передъ своею совѣстью, когда невзначай есть она въ которомъ-нибудь изъ нихъ“.—„Можетъ быть когда-нибудь случится, что разсѣянный государь ввѣрится небрежнымъ министрамъ, которые ввѣрятся лѣнивымъ директорамъ, которые ввѣрятся неблагоразумнымъ и неопытнымъ начальникамъ отдѣленій, а они ввѣрятся умнымъ и дѣятельнымъ, но не всегда благонамѣреннымъ и добросовѣстнымъ столоначальникамъ, тогда сіи по-

слѣдніе безъ общей цѣли и связи будутъ одни управлять дѣлами государства*).

Приблизительно на той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Д. П. Руничъ, пользующійся такою печальною извѣстностью въ исторіи нашего просвѣщенія. Его взглядъ на вопросъ объ учрежденіи министерствъ—это отголосокъ тогдашнихъ ходячихъ мнѣній той части общества, которая не неотносилась благосклонно къ Александровскимъ преобразованіемъ. Руничъ считаетъ учрежденіе министровъ „первыми шагами къ конституціоннымъ порядкамъ". Съ его точки зрѣнія, при неограниченномъ монархическомъ образѣ правленія не существуетъ общественнаго права, которое основывается на свободѣ прессы, несмѣняемости должностныхъ лица, гласности и отвѣтственности министра. Тутъ существуетъ только „обычное право", но оно „не есть политическое право", примѣняясь только къ преступленіямъ, наказаніямъ и къ жалобамъ, возникающимъ между частными лицами. Въ такихъ странахъ, по мнѣнію Рунича, „самою естественною" является коллегіальная форма правленія. „Министръ,—поясняетъ онъ,—есть безапелляціонный хозяинъ въ своемъ министерствѣ, его совѣтники или деректоры не суть равныя ему лица, но его подчиненные, участь которыхъ всецѣло зависитъ отъ министера: а онъ, въ свою очередь, не боится никакой отвѣтственности, кромѣ немилости своего монарха, и является только исполнителемъ его воли. Прежнія коллегіи, во главѣ которыхъ стоялъ презендентъ и нѣсколько членовъ, были юридическими, или административными учрежденія, рѣшенія которыхъ можно было обжаловать генералъ-прокурору. Министерства суть не что иное, какъ большія канцеляріи, подчиненныя непосредственно министру; когда русскій министръ говоритъ о своемъ министерствѣ, то онъ говоритъ о самомъ себѣ. Будучи единственнымъ докладчикомъ у монарха, онъ является вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ выразителемъ его воли и не подлежитъ никакой отвѣтственности, никакому контролю, не можетъ встрѣтить никакой оппозиціи. То же самое можно сказать о всѣхъ его подчиненныхъ. Они только исполняютъ его предписанія или его волю". Министерства—признакъ конституціонной формы правленія, но они принесутъ только вредъ тамъ, гдѣ нѣтъ свободы личной и свободы слова. По словамъ автора записокъ, учрежденіе министерствъ взволновало тогдашнюю администра-

цію: „учрежденіе министерствъ и введеніе конституціонныхъ порядковъ въ русскую администрацію перевернули вверхъ дномъ всѣ правовыя отношенія, всю юрисдикцію. Самодержавіе „царя сочеталось съ властью Государственнаго". Совѣта". Всполошилась не только администрація, но также и все дворянство. Дальнѣйшая дѣятельность Сперанскаго только подкрѣпила, по словамъ Рунича, мечтанія однихъ и тревожный трепетъ другихъ. „Словомъ, самый недальновидный человѣкъ понималъ, что вскорѣ наступятъ новые порядки, которые перевернутъ вверхъ дномъ весь существующій строй. Объ этомъ уже говорили открыто, не зная еще, въ чемъ именно состоитъ угрожающая опасность. Богатые помѣщики, имѣвшіе крѣпостныхъ, теряли голову при мысли, что конституція уничтожитъ крѣпостное прьво и что дворянство должно будетъ уступить шагъ впередъ плебеямъ".

Недовольство высшаго сословія было всеобщее [1]).

Отзывы Вигеля, Рунича, И. И. Дмитріева, Сумарокова и др. интересны какъ отзывы, передающіе намъ толки въ обществѣ. Современниковъ, непризнававшихъ пользы перехода къ новымъ формамъ управленія, или предвидѣвшихъ невозможность такого перехода, одинаково пугалъ министерскій режимъ: первые видѣли въ немъ переходъ къ конституціи, вторые ясно предвидѣли начало режима съ министерскимъ произволомъ.

Въ средѣ голосовъ, шедшихъ изъ нѣдръ общества, бывшихъ выраженіемъ мнѣній извѣстной его части, на первомъ планѣ надо, конечно, поставить голосъ знаменитаго перваго исторіографа. Н. М. Карамзинъ отличался рѣдкимъ чутьемъ, которое всегда дѣлало его передовымъ общественнымъ дѣятелемъ. Карамзинъ подалъ свою записку императору Александру I какъ разъ тогда, когда начавшаяся національно-религіозная реакція получала первое свое опредѣленіе. Сарказмы его записки направлены какъ противъ преобразованій первыхъ годовъ, такъ и противъ поправокъ, внесенныхъ реформами Сперанскаго. Послѣднее обстоятельство нисколько не умаляетъ значенія Карамзинской записки для цѣли нашего вопроса, но даже увеличиваетъ ея цѣнность: толки о нововведеніяхъ ко времени разрыва съ Наполеономъ сильно обострились; а между тѣмъ отношенія къ нимъ среди общества отлились въ опредѣленную форму. Легко предвидѣть, что въ Карамзинской запискѣ нашли себѣ мѣсто эти толки. Въ виду сказан-

наго, весьма понятно, что записка Карамзина представляетъ собою глубокій интересъ: это—по справедливому замѣчанію М. П. Погодина, политическое завѣщаніе Карамзина, и не столь его личное (прибавимъ), сколь завѣщаніе значительной части общества, устами которой говорилъ Карамзинъ.

Знаменитый историкъ исходитъ изъ того общаго принципа что „всякая новость въ государственномъ порядкѣ есть зло, къ коему надобно прибѣгать только въ необходимости: ибо одно время даетъ надлежащую твердость уставамъ; ибо мы болѣе уважаемъ то, что давно уважаемъ и всѣ дѣлаемъ лучше по привычкѣ". Въ средѣ русскихъ учрежденій такою почетною давностью, имѣющею право на уваженіе, пользуется Петровскій Сенатъ. Представленіе о Сенатѣ Карамзина такое, какое было у всѣхъ защитниковъ этого учрежденія, т. е. какъ Сенатѣ Елизаветинскаго времени: по словамъ Карамзина, Сенатъ издавалъ законы, повѣрялъ дѣла коллегій, рѣшалъ ихъ сомнѣнія. Никакого другого учрежденія въ государствѣ не нужно было. Между тѣмъ совѣтники Александра, вмѣсто исправленія старыхъ законовъ, поспѣшили создать новое учрежденіе. Министерства приведены въ дѣйствіе, когда не было издано еще наказа министрамъ. На мѣстахъ „знаменитыхъ чиновниковъ" коллегій появились „маловажные чиновники", безотвѣтственные за спиною министра. Компетенція министерствъ очень обширна, особенно министерства внутреннихъ дѣлъ. Произошла большая путаница въ распредѣленіи дѣлъ. Но—главное „Министры стали между государемъ и народомъ, заслоняя Сенатъ, отнимая его силу и величіе; хотя подвѣдомые ему отчетами, но сказавъ: „я имѣлъ счастье докладывать государю", заграждали уста сенаторамъ, и сія мнимая отвѣтственность была доселѣ пустымъ обрядомъ. Указы, законы, предлагаемые министрами, одобряемые государемъ, сообщались сенату только для обнародованія. Выходило, что Россіею управляли министры, т. е. каждый изъ нихъ по своей части могъ творить и разрушать".

Правда, изъ министровъ составляется комитетъ, но онъ похожъ на разноземцевъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ потому, что одинъ министръ не свѣдущъ въ дѣлахъ другого, да и кромѣ того министры не имѣютъ нужды въ сговорчивости другъ-друга. Отвѣтственность министровъ на практикѣ не можетъ имѣть никакого значенія потому, что министровъ

избираетъ государь, а „худой министръ есть ошибка государева“. Учрежденіе совѣта, по его мнѣнію, также не можетъ послужить сдержкою министрамъ. Вообще всѣ новыя преобразованія Карамзину представляются крайне не зрѣлыми [1]).

Таковы въ высшей степени интересныя замѣчанія Карамзина. Онъ, какъ и другія лица, далеко стоявшія отъ кормила правленія, критиковалъ министерства съ точки зрѣнія теоретической. Но люди, ближе стоявшіе къ дѣлу, замѣтили въ новыхъ учрежденіяхъ еще одну сторону, именно крайнюю ихъ неудовлетворительность въ качествѣ административнаго механизма, что вызывало ропотъ въ средѣ бюрократовъ. Въ запискахъ Г. Р. Державина очень подробно изложены первые нетвердые шаги новаго учрежденія. Онъ указываетъ на отсутствіе инструкціи, опредѣляющей кругъ ихъ дѣятельности, права и обязанности. Министры сразу же стали злоупотреблять своей властью, особенно въ денежныхъ дѣлахъ, подрядахъ и т. п. Извѣстны также и тѣ столкновенія, которыя имѣлъ первый министръ юстиціи со своими коллегами, повсдшія къ его отставкѣ [2]).

Кромѣ причинъ теоретическихъ, заключавшихся въ краткости и неясности перваго учрежденія министерствъ, были еще и причины другого свойства, происходившія вслѣдствіе выбора первыхъ министровъ и того недовѣрія, которое питалъ государь къ этимъ лицамъ: какъ извѣстно, министрами были назначены дѣльцы стараго закала, лично несимпатичные Александру I, за исключеніемъ одного графа Кочубея, занимавшаго средину между „молодыми“ и „старыми“ совѣтниками государя. Такъ, военнымъ министромъ былъ назначенъ—Вязмитиновъ, морскимъ Мордвиновъ, иностранныхъ дѣлъ—графъ Воронцовъ, юстиціи—Державинъ, внутреннихъ дѣлъ—графъ Кочубей, коммерціи—графъ Румянцевъ, финансовъ—графъ Васильевъ и народнаго просвѣщенія—графъ Завадовскій. Въ помощники къ нѣкоторымъ изъ нихъ были назначены молодые сотрудники государя:—Новосильцовъ—товарищемъ министра юстиціи, Чарторыйскій—иностранныхъ дѣлъ и Строгановъ—внутреннихъ дѣлъ.

Неудивительно, что такое министерство было составлено, по выраженію Завадовскаго, изъ „стихій противуборствующихъ“ [3]). Мордвиновъ принужденъ былъ выйти въ отставку черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ учрежденія министерствъ.

Въ своемъ прошеніи объ отставкѣ онъ рѣзко указываетъ на нарушенія манифеста 8 сент. 1802 г., вслѣдствіе чего на министрѣ остается отвѣтственность, тогда какъ его дѣятельность парализуется сепаратными указами: „Силою манифеста каждый изъ министровъ поставленъ посредникомъ между государемъ и народомъ и подвергнутъ отвѣту за всѣ части его управленія. О семъ вѣдаетъ вся Имперія; но что черезъ объясненныя противоположности я одинъ изъ носящихъ званіе министровъ, связываюсь въ способахъ дѣятельнаго перехожденія онаго и усиливаются время отъ времени препинанія въ моихъ распорядкахъ“ [1]). Нѣсколько позже тѣ же причины вызвали прошеніе объ отставкѣ со стороны князя Чарторыйскаго (въ 1806 г.), въ которомъ князь объяснялъ, что по „духу“ учрежденія о министерствахъ государь долженъ бы быть избавленъ отъ вмѣшательства въ массу мелочей.

Вслѣдствіе этого единство въ управленіи нарушено, и министры явились совѣтниками отвѣтственными передъ публикою, но не имѣющими вліянія на дѣла управленія [2]).

Съ другой стороны, отъ лицъ, близко стоявшихъ къ дѣлу, не могли укрыться недостатки новой машины, которыхъ старались избѣгнуть при учрежденіи министерствъ. И. И. Дмитріевъ, самъ министръ юстиціи, жалуется на развитіе различныхъ инстанцій, служащихъ къ проволочкѣ дѣла и къ ябедничеству, на случайность въ выборѣ министерскихъ чиновниковъ и т. д. [2]).

Всѣ приведенныя выше замѣчанія не совсѣмъ полно охватываютъ обстановку, въ которой пришлось дѣйствовать первымъ министерствамъ. Новое положеніе дѣлъ наиболѣе подробную характеристику получило въ запискѣ графа Кочубея, представленной имъ государю въ 1806 г.

По словамъ Кочубея, первыя министерства состояли „изъ людей не только не сходныхъ между собою въ правилахъ, но и не входящихъ даже въ тѣ главные виды, кои при учрежденіи министерства были предполагаемы. И сіе разнообразіе, съ самаго начала оказавшееся, не только впослѣдствіи не было отвращаемо, но даже было можетъ быть главнымъ поводомъ заключеній, неблагонамѣреніемъ распространяемыхъ, что признано не безъ нужнымъ питать сей родъ противодѣйствія, въ томъ предположеніи, что отъ таковаго раздѣленія можетъ произойти болѣе пользы для вѣрности дѣлъ, нежели отъ еди-

помыслія въ производствѣ оныхъ, какъ будто гдѣ есть на свѣтѣ правительство, въ которомъ по части управленія допускается раздѣленіе между исполнителей!" Разномысліе среди министерствъ способствовало потерѣ „всякаго уваженія и довѣренности къ высшему правительству" и распространяло неудовольствіе въ обществѣ. Единомысліе среди министровъ, о которомъ мечтаетъ Кочубей, должно было заключаться въ томъ, чтобы „люди, соединенные одною цѣлью въ ихъ должности, соединены были въ общихъ ихъ правилахъ и чтобъ всѣ виды ихъ съ точностію соотвѣтствовали видамъ Вашего Величества. Нельзя желать, чтобъ при разсужденіяхъ ихъ не было разногласій, но должно желать, чтобъ споры, производясь безъ личныхъ какихъ-либо побужденій, имѣли цѣлію единственную пользу предметовъ или дѣлъ, по коимъ они происходить могутъ, должно желать чтобъ, мѣры, принятыя въ Комитетѣ, хотя бы то было и противъ частнаго мнѣнія кого либо изъ министровъ, удерживаемы были внѣ ихъ сословія такъ точно, какъ бы предложены они были всѣми ими совокупно. Должно желать, чтобъ министры не дозволяли себѣ обнаруживать въ Сенатѣ или вообще предъ публикою мнѣній, противныхъ мѣрамъ, уже принятымъ, чтобъ никто изъ нихъ не присвоялъ себѣ права быть защитникомъ древнихъ установленій, противъ такъ называемыхъ новизнъ, вводимыхъ другими, словомъ, чтобъ при различіи мнѣній въ разсужденіяхъ, одинъ былъ голосъ министерства въ исполненіи. Доколѣ въ составѣ его не будетъ сего единства, дотолѣ нельзя ожидать, чтобъ положенія правительства были единообразно понимаемы и уважаемы".

Если нельзя достигнуть выбора людей единомысленныхъ, то лучше, заявляетъ Кочубей, обратиться къ старому режиму,—„паки въ Сенатъ", чѣмъ оставаться при настоящей неопредѣленности и нетвердомъ ходѣ правительственныхъ дѣлъ [1]).

Другой знатокъ министерскаго начала и творецъ всей нынѣшней его системы, М. М. Сперанскій, также находилъ крупные недостатки учрежденія 1802 г. Въ своей извѣстной запискѣ о государственныхъ установленіяхъ онъ ссылается на докладъ министра внутреннихъ дѣлъ 1803 г. (по словамъ Державина, этотъ докладъ составленъ Сперанскимъ же), въ которомъ, главнымъ образомъ, подчеркивается сложность обрядовъ канцелярскихъ. Главныя недостатки учрежденія 1802 г.,

по мнѣнію Сперанскаго, заключаются въ смѣшеніи дѣлъ и власти между Сенатомъ и министерствами, въ отсутствіи преградъ для самопроизвольныхъ дѣйствій министра и, наконецъ, въ неопредѣленности власти его и недостаткѣ отвѣтственности [1]).

Мы выслушали мнѣнія цѣлаго ряда современниковъ. Одни изъ нихъ боялись новыхъ учрежденій потому, что видѣли въ нихъ начало государственнаго переворота, другіе, сообразивъ, что переворота ожидать нечего, увидѣли зло въ проявленіяхъ министерскаго произвола. Мы собрали мнѣнія такихъ современниковъ, которые передаютъ намъ настроеніе тогдашняго общества, толки, слухи. Но съ другой стороны выше показано, что въ новыхъ учрежденіяхъ открылись дефекты самаго механизма. Можно было бы скептически отнестись къ голосамъ изъ публики. Но по вопросу за и противъ министерствъ высказались многіе государственные люди. Разобраться въ этихъ мнѣніяхъ представляетъ большой интересъ: тутъ мы имѣемъ дѣло съ цѣльными теоретическими взглядами, подкрѣпляемыми богатой практикой ихъ авторовъ.

Начнемъ съ защитниковъ теоріи единоличнаго министерскаго управленія. На первомъ планѣ, конечно, слѣдовало бы поставить М. М. Сперанскаго. Однако, онъ не вступалъ въ полемику съ противниками и о его взглядахъ можно судить по самому учрежденію министерствъ 1811 г., по запискѣ о государственныхъ установленіяхъ, наконецъ, по вводнымъ замѣчаніямъ къ проекту 1809 г. Въ общемъ, теоретическая обосновка Сперанскаго сводится къ необходимости точнаго опредѣленія власти министровъ, строгой ихъ отвѣтственности и, наконецъ, къ комбинаціи совѣщательнаго начала, въ видѣ общаго присутствія отдѣленій министерства и совѣта министра съ единоличною властью послѣдняго. Но съ другой стороны Сперанскій допускалъ широкую свободу дѣйствій отвѣтственной исполнительной власти: въ цѣляхъ упорядоченія и ускоренія управленія онъ считалъ необходимымъ создать въ государствѣ исполнительную власть, облеченную законными полномочіями и подлежащую законной же отвѣтственности. Сперанскій исправилъ министерскій уставъ согласно своимъ воззрѣніямъ.

Впрочемъ, реформа, произведенная Сперанскимъ въ строѣ министерствъ, и его защита этого учрежденія стоятъ совершенно особнякомъ въ этомъ вопросѣ, потому что Сперанскій,

на ряду съ установленіемъ реальнаго контроля за дѣятельностью министровъ, на ряду съ уничтоженіемъ Комитета министровъ, стремился воздвигнуть такой государственный строй, который опирался бы на общественномъ мнѣніи, и въ которомъ общественные элементы принимали бы участіе. Однако, надо отдать честь государственному такту Сперанскаго, что онъ не рѣшался нарушить священныя традиціи Сената въ тотъ періодъ своей дѣятельности, когда онъ не былъ еще призванъ для составленія общаго плана государственнаго преобразованія (см. его проектъ 1803—1804). Изъ этого между прочимъ видно, что Сперанскій, бывшій тогда правою рукою Кочубея, не могъ вліять на кампанію противъ Сената, веденную Кочубеемъ.

Болѣе подробное теоретическое обоснованіе министерствъ можно найти въ двухъ запискахъ графа Кочубея, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ; одной изъ записокъ мы уже пользовались. Его теоретическія построенія были несложны и вообще отличались апріорнымъ характеромъ. По убѣжденію Кочубея, государственное управленіе имѣетъ три главныя и необходимыя свойства: единство и скорость дѣйствія, отвѣтственность его органовъ и обшее всѣхъ частей соображеніе [1]). По мнѣнію Кочубея, эти мысли были положены въ основаніе при образованіи министерства: правительству желательно было дать необходимую связь, которой оно не имѣло, государю нужно было знать въ точности, какъ дѣйствуетъ государственная машина.

Образцомъ лучшаго устройства были признаны европейскія западныя государства, почему и явилось желаніе „поставить Россію въ нѣкоторое равенство съ державами, которыя привели управленія свои въ степень, соотвѣтственную просвѣщенію и обстоятельствамъ настоящаго времени". Во всѣхъ этихъ доказательствахъ лежитъ неясно выраженная мысль централизаціи государственнаго управленія.

Кочубей понимаетъ, что противъ министерствъ выдвинуты серьезныя доказательства и что въ учрежденіи министерствъ осталось много недодѣланнаго. Кочубей возражаетъ по первому поводу и стремится опредѣлить курсъ, по которому должны пойти министерства. Первый аргументъ противъ министерства заключался въ ихъ безотвѣтственности и въ возможности министерскаго деспотизма. Кочубей полагаетъ, во-

преки дѣйствительности, что отчеты министровъ Сенату достаточно обезпечиваютъ отъ ихъ самовластія, почему вообще министерскій деспотизмъ не что иное, какъ химера[1]). Даже болѣе того: нигдѣ въ Западной Европѣ отвѣтственность министровъ „не можетъ быть подвержена столь сильному и никакимъ препятствіямъ не подверженному взысканію, какъ въ формѣ Россійскаго самодержавнаго правленія“ [2]). Несмотря на это, Кочубей проводитъ цѣлый рядъ мыслей, утвержденіе коихъ закономъ должно было бы вести къ полной безотвѣтственности министра. Такъ, по мнѣнію Кочубея, министръ отвѣчаетъ только за то, что онъ подписываетъ, т. е. онъ является безотвѣтсвеннымъ начальникомъ своихъ подчиненныхъ, имъ же самимъ назначенныхъ и вполнѣ отъ него зависящихъ. Кочубей стремится къ тому, чтобы снять даже тѣнь сенатскаго надзора. Сенатъ никоимъ образомъ не долженъ вмѣшиваться въ управленіе. Отъ него должны быть отняты нѣкоторыя функціи, которыя ему предоставлены закономъ. Такъ, министръ долженъ получить право распоряжаться суммами, не положенными по штату, докладывая о нихъ Комитету министровъ, или государю; министръ указываетъ подвѣдомымъ ему мѣстамъ „способы въ исполненіи“ законовъ (т. е. разъясненіе законовъ); министръ обращаетъ вниманіе на недостатокъ законовъ какой-либо отрасли управленія, т. е. ему принадлежитъ инииціатива закона; въ случаѣ отсутствія закона министръ своимъ предписаніемъ „развязываетъ затрудненіе“, если время не терпитъ, и затѣмъ докладываетъ государю. Снабженный такими полномочіями министръ фактически дѣйствуетъ безконтрольно потому, что Сенатъ получаетъ лишь годичный отчетъ министра и можетъ лишь требовать объясненій по поводу его управленія [3]). Къ этому надо добавить, что губернскія учрежденія имѣютъ отношенія только къ министерству [4]). Полагая, что отвѣтственность министра совершенно обезпечивается Сенатомъ, Кочубей нигдѣ не задается вопросомъ о томъ, какое значеніе можетъ имѣть наблюденіе Сената, не имѣющаго средствъ провѣрить министра, въ томъ случаѣ, если отчетъ министра не будетъ одобренъ Сенатомъ, но въ то же время получитъ Высочайшее утвержденіе.

Проводя далѣе идею объ отграниченіи министерствъ отъ Сената, Кочубей явился проводникомъ дальнѣйшей централизаціи государственнаго управленія, На этомъ пути не стояли

старыя коллегіи. Кочубей исходилъ изъ той „истины“, что „корпусамъ“ несвойственно вѣдать правительственныя дѣла потому, что коллегія не достаточно отвѣтственна, „корпусу“ несвойственно также самолюбіе, которое побуждаетъ къ дѣятельности отдѣльную личность [1]). Исходя изъ этой основной мысли, Кочубей, уже черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ учрежденія министерствъ, подалъ государю записку объ уничтоженіи коллегій; онъ признавалъ общее несоотвѣтствіе коллежскаго обряда съ министерскимъ управленіемъ. При своемъ установленіи, коллегіи „были свойственны тогдашнія степени просвѣщенія и нравовъ, когда надо было связать злоупотребленіе власти многосложными формами“. Коллегіи отличаются „многотрудными обрядами“, задерживающими дѣлопроизводство. Между министромъ и коллегіями происходитъ безцѣльная переписка. На этомъ основаніи министръ предлагалъ замѣнить коллегіи канцеляріями, установивъ строгій порядокъ и формы производства дѣлъ: одинъ чиновникъ могъ съ равнымъ успѣхомъ и даже скорѣе рѣшить тѣ дѣла, которыя ранѣе подлежали коллегіальному обряду. Эта записка и послужила поводомъ къ окончательному закрытію петровскихъ коллегій. Но старое управленіе было еще не согласно съ усиленною централизаціей въ области мѣстнаго управленія. Основныя черты губернскаго управленія заключались въ коллегіальности губернскаго правленія и въ наблюдательной дѣятельности губернскихъ прокуроровъ. И то и другое Кочубею представлялось аномаліей. Съ особенной рѣзкостью онъ возстаетъ противъ губернскихъ прокуроровъ, которые препятствуютъ успѣшной распорядительности губернатора, находятся съ ними въ непрерывныхъ пререканіяхъ, подрывая такимъ образомъ престижъ мѣстныхъ властей. На этомъ основаніи онъ требуетъ согласованія губернскаго управленія съ министерскимъ и большей самостоятельности губернскаго начальства [2]).

Такимъ образомъ, Кочубей въ своихъ государственныхъ взглядахъ является строгимъ централистомъ. Но намъ уже приходилось отмѣтить, что его представленія о министерскомъ началѣ были слишкомъ теоретичны: самъ Кочубей признавалъ, въ цитированной нами запискѣ 1806 г., что на практикѣ дѣятельность министровъ встрѣчала неодолимыя препятствія: въ качествѣ министра, къ которому даже расположенъ государь, Кочубей не могъ провести на практикѣ своихъ взглядовъ.

Современники, принадлежавшіе къ противной партіи, отлично это понимали, но они не закрывали также глазъ и на то, что министръ, стѣсняемый въ однихъ случаяхъ, часто въ мелочахъ, могъ проявлять свое самовластіе въ другихъ случаяхъ

Прислушаемся къ тому, что же говорили противъ министерствъ государственные люди противнаго лагеря. И въ данномъ отношеніи починъ критики министерствъ въ ихъ тогдашнемъ видѣ принадлежитъ графу С. Р. Воронцову. Онъ не былъ принципіальнымъ противникомъ министерства, и былъ въ восторгѣ при первомъ извѣстіи о проектѣ. Но Воронцовъ представлялъ себѣ министерство въ формѣ проектируемаго имъ совѣта министровъ. Разумѣется, новое министерство, даже и Комитетъ министровъ, не удовлетворяли основнымъ его взглядамъ. Изъ подъ пера С. Р. Воронцова вылилась самая рѣзкая критика министерствъ со многими пророческими указаніями на будущее. Поводомъ къ запискѣ Воронцова послужили отчетъ по министерству внутреннихъ дѣлъ и проекты наставленія министрамъ, составленные Кочубеемъ. Со взглядами Кочубея мы уже знакомы и знаемъ, что эти взгляды положены въ основу дальнѣйшаго развитія этого учрежденія. Вотъ почему очень интересно ознакомиться съ критикой новаго учрежденія, исходившей изъ подъ пера такого умнаго, честнаго и образованнаго государственнаго мужа, какимъ былъ графъ Семенъ Романовичъ. Прежде всего Воронцовъ разбиваетъ доводы Кочубея (въ запискѣ по поводу отчета по мин. вн. д. за 1803 г.) о томъ, что министерскій деспотизмъ невозможенъ потому, что министры суть лица „избранныя": „Укажите мнѣ страну, гдѣ бы государь, чтобы назначить министра, прибѣгалъ къ гаданью на бобахъ, или металъ жребій... всѣ великіе визири въ Турціи, всѣ министры въ Персіи и въ Марокко суть равнымъ образомъ лица избранныя. Хорошее обезпеченіе противъ министерскаго деспотизма!" „Кушелевъ, Обольяниновъ, необузданный Державинъ и другіе—были также лица избранныя". Предложеніе Кочубея, чтобы губернаторы давали отчетъ министрамъ помимо Сената, даетъ поводъ Воронцову развить свою мысль дальше. При такомъ положеніи Сената, онъ не можетъ довести до свѣдѣнія государя о злоупотребленіяхъ власти, совершаемыхъ этими „избранными лицами": „государь останется въ невѣдѣніи о томъ, какъ управляются его подданные; ибо онъ будетъ получать доклады только отъ

этихъ избранныхъ лицъ, которыя будутъ всегда въ одно и то же время и судьями и подсудимыми". Государь не будетъ даже имѣть способа провѣрить свой выборъ. Сенатъ становится ненужнымъ и его слѣдуетъ упразднить. Воронцовъ не одобряетъ и того, что императорскіе указы объявляются министрами; министры мѣняются, про нихъ могутъ и не знать, а Сенатъ извѣстенъ и уважаемъ. Объявленіе указа Сенатомъ служитъ для населенія нѣкоторой гарантіей, что законъ изданъ послѣ предварительнаго разсмотрѣнія; между тѣмъ можетъ случиться, что министръ представитъ докладъ государю „безъ свидѣтелей",—„когда государь могъ быть чѣмъ-нибудь развлеченъ и нерасположенъ обсудить доводы за и противъ предложеннаго къ подписанію указа". Между тѣмъ Сенатъ, послѣ извѣстнаго инцидента съ предложеніемъ Потоцкаго, не рѣшится представить императорскому величеству о вредѣ изданнаго указа. При такихъ условіяхъ даже и въ этомъ отношеніи Сенатъ не можетъ контролировать министровъ. Представленіе Сенату министерскихъ отчетовъ—пустая формальность, такъ какъ министръ въ своихъ отчетахъ ссылается на обстоятельства, невѣдомыя Сенату. Скорбя о потерѣ Сенатомъ своихъ правъ, Воронцовъ указываетъ, что мысль Петра Великаго при учрежденіи Сената заключалась въ томъ, что „великая страна не можетъ быть управляема во всѣхъ частяхъ своимъ государемъ", ввѣрить же управленіе государства нѣсколькимъ лицамъ безъ надзора за ними, значило бы „поставить десять или двѣнадцать деспотовъ", потому что они легко могутъ ввести въ заблужденіе государя и онъ „не узнаетъ про ихъ злоупотребленія и вредъ, ими причиняемый". Воронцовъ одобряетъ учрежденіе министерствъ, считаетъ ихъ необходимымъ, особенно признаетъ полезнымъ учрежденіемъ Комитетъ министровъ, потому что, по его мнѣнію, министры должны бы обсуждать всѣ дѣла въ присутствіи государя. Но сентябрьскіе уставы подверглись искаженію вслѣдствіе униженія Сената. Въ заключеніе, Воронцовъ напоминаетъ Кочубею, что и онъ не останется долго на своемъ посту: слѣдуетъ только присмотрѣться къ быстрой смѣнѣ министровъ. И тогда вся Россія будетъ его упрекать въ томъ, что имъ „придуманъ, введенъ и укорененъ министерскій деспотизмъ, т. е. величайшее бѣдствіе, ужаснѣйшій бичъ, отъ котораго страждутъ подданные и ослабѣваетъ любовь ихъ къ государю; ибо угнетае-

мый человѣкъ сначала проклинаетъ министра-угнетателя, а потомъ перестаетъ любить государя, попускающаго своимъ визирямъ угнетать несчастныхъ подданныхъ“. Воронцовъ понимаетъ разницу между министрами-фаворитами XVIII в. и новымъ министерствомъ: то было зло случайное, неузаконенное, теперь оно узаконено[1]).

Воронцовъ высказалъ свои мысли въ частномъ письмѣ къ Кочубею въ самомъ началѣ дѣятельности министерствъ; опытъ прошлаго далъ ему возможность высказать нѣкоторыя предположенія на счетъ будущаго; и чѣмъ дальше русскіе государственные люди присматривались къ дѣятельности министерствъ, тѣмъ болѣе они приходили къ заключеніямъ, высказаннымъ Воронцовымъ. Часто сами, стоя во главѣ министерствъ, государственные люди должны были признаваться въ томъ, что новое министерское управленіе не придало скорости въ исполненіи дѣлъ, не уничтожило канцелярщины и злоупотребленій; а между тѣмъ сдѣлало вполнѣ возможнымъ проявленіе министерскаго деспотизма и ничѣмъ не гарантируетъ отъ поспѣшныхъ и необдуманныхъ мѣръ.

Воронцовъ говорилъ о министерствахъ по учрежденію 1802 г.; но послѣ реформы Сперанскаго положеніе дѣла не измѣнилось, даже ухудшилось, вслѣдствіе особыхъ полномочій, данныхъ Комитету министровъ. Наиболѣе основательную критику министерскаго устава встрѣчаемъ въ запискѣ министра юстиціи Д. П. Трощинскаго.

Онъ находитъ, что самъ по себѣ уставъ 8-го сентября 1802 г. могъ бы представить достаточную гарантію хорошаго управленія, такъ какъ онъ не уничтожалъ коллегій и сохранялъ за Сенатомъ верховное право надзора[2]). Основная мысль Трощинскаго заключается въ томъ, что наилучшей формой управленія для Россіи могутъ быть только коллегіи. „Исключеніе всякаго произвола изъ государственнаго управленія есть цѣль коллежскаго обряда“. Самый обрядъ представляетъ собою „прозорливое сцѣпленіе“ всѣхъ средствъ, препятствующихъ нарушенію власти со стороны чиновниковъ[3]). Всякое дѣло въ коллегіяхъ должно быть рѣшено на точномъ основаніи закона, взвѣшивается многими лицами, подвержено постоянному и единообразному надзору; власть чиновника въ коллегіи строго ограничена, что препятствуетъ проявленію произвола; скорость въ рѣшеніи дѣлъ коллегіею гораздо болѣе

обезпечена, чѣмъ при безконечной волокитѣ по министерскимъ канцеляріямъ [1]). Всѣхъ этихъ сторонъ не обезпечиваетъ министерское управленіе. Въ данномъ случаѣ чиновникъ обязанъ неограниченнымъ повиновеніемъ министру; но, не будучи подверженъ какому бы то ни было контролю, онъ легко можетъ злоупотреблять довѣренностью министра. Фактически министры находятся въ полномъ подчиненіи у своихъ чиновниковъ, являются ихъ „суперъ-арбитрами", „слѣпымъ орудіемъ" [2]). Фактически министръ все дѣлаетъ, не имѣя надъ собою никакого наблюденія; но и зависящіе отъ него органы, начиная отъ департаментовъ и кончая уѣздными управленіями, точно также остаются безъ контроля [3]). Всѣ подчиненные министру органы являются безгласными и безпрекословными исполнителями видовъ министра. Такая централизація „блеститъ наружностью, но ни мало не связываетъ произвола".

При такихъ условіяхъ все государственное управленіе зависитъ отъ цѣлой цѣпи чиновниковъ, подвержено ихъ личнымъ цѣлямъ и взглядамъ, замедляется или ускоряется въ зависимости отъ массы случайностей. И все это облекается канцелярской тайной, сквозь которую не можетъ проникнуть никакое наблюденіе. Весьма несправедливо увлеченіе западно-европейскими порядками. Форма единоличнаго управленія употребляется во всѣхъ азіатскихъ государствахъ, но она здѣсь разорительна для государства, противуположна выгодамъ государя. Единоличная форма мыслима только или тогда, когда всѣ чиновники обладаютъ одинаковою честностью, или когда чиновники „встрѣчаютъ преграду въ народныхъ установленіяхъ, имѣющихъ достаточную силу для составленія противувѣсія ихъ произволовъ" [4]). Это очень важная мысль, которую дальше очень обстоятельно развиваетъ Трощинскій.

Министерства во Франціи или въ Англіи повели бы къ тѣмъ же послѣдствіямъ, какъ и правленіе азіатскихъ визирей, если бы эта форма „не была смягчаема непрерывнымъ бдѣніемъ народа, знающаго, удостовѣреннаго въ правахъ своихъ, обладающаго средствами къ защитѣ сихъ правъ и противуполагающаго непрестанныя преграды злоупотребленіямъ министровъ" [5]). Правленіе въ этихъ государствахъ „только часть государства, въ Россіи же правленіе все; здѣсь правленіе возбуждается или общественною волею или общественнымъ мнѣніемъ; въ Россіи же правленіе не встрѣчаетъ ни въ чемъ

противудѣйствія и ничѣмъ не возбуждается за отсутствіемъ законныхъ установленій и общественнаго мнѣнія". Поэтому въ Россіи должны существовать государственныя установленія, которыя должны предотвращать произволъ[1]). Въ самомъ дѣлѣ, въ Россіи низшій классъ общества не имѣетъ ни гражданскихъ, ни политическихъ правъ, среднее состояніе не имѣетъ средствъ для охраненія своихъ правъ, а дворянство пользуется нѣкоторымъ вліяніемъ только въ качествѣ чиновниковъ. Однимъ словомъ, при безгласности народа, въ Россіи существуютъ только два класса: „управляющіе и управляемые", изъ которыхъ первые могутъ дѣлать все, а послѣдніе ничего, даже въ законномъ пользованіи небольшимъ числомъ правъ и преимуществъ, „дарованныхъ законами". При такихъ условіяхъ правленіе приметъ совершенно олигархическій характеръ, если государь не будетъ защитою притѣсняемыхъ[2]). Но наблюденіе за исполненіемъ законовъ является самою главною задачею, а это возможно только при коллежской формѣ управленія и при наблюденіи со стороны прокуратуры[3]). Законы сами по себѣ безгласны: ни судья, ни чиновникъ, къ которымъ законы обращаются, не могутъ наблюдать за собою, почему и необходимо наблюденіе со стороны особаго учрежденія[4]). Между тѣмъ наблюденіе начальниковъ за подчиненными является не болѣе, какъ игрою словъ[5]).

Развивъ свое общее положеніе, Трощинскій подвергаетъ жестокой критикѣ ту часть установленія 1810—1811 г.г., которая говоритъ о предѣлахъ власти министровъ. По закону министры „суть орудія верховноисполнительной власти". Въ этомъ отношеніи министры должны бы явиться „орудіями невинными, ни за что не отвѣчающими" [6]). Въ дѣйствительности власть министра не имѣетъ никакихъ предѣловъ, а отсюда и нѣтъ предѣловъ власти подчиненныхъ имъ чиновниковъ[7]); но съ другой стороны и отвѣтственность министровъ, по мнѣнію Трощинскаго, сводится къ слѣдующему: по закону министры не отвѣтственны за то, что они дѣлаютъ, и подвержены неопредѣленной отвѣтственности за то, чего они не дѣлаютъ[8]).

Трощинскаго часто обвиняютъ въ томъ, что его критика министерскихъ учрежденій является пристрастной, направленной противъ Сперанскаго. Нельзя отрицать извѣстной раздражительности, проявляемой авторомъ записки. Но въ тоже время нельзя не признать того, что основная мысль записки с

значенiи коллежскаго управленiя основана на глубокихъ соображенiяхъ и на опытѣ генералъ-прокурора, при дѣйствiи коллегiй, и министра, при новомъ министерскомъ уставѣ. Немного позже, графъ Д. А. Гурьевъ, тогдашнiй министръ финансовъ, также въ своей запискѣ настоятельно совѣтовалъ возвращенiе къ коллегiальной формѣ управленiя и исполнительной роли Сената, исходя изъ той же основной мысли и указывая на рядъ практическихъ недостатковъ устава[1]). И чѣмъ дальше продолжала дѣйствовать министерская машина, тѣмъ рельефнѣе въ ней стали сказываться недостатки, намѣченные первыми ея критиками. Въ этомъ отношенiи любопытный матерiалъ представляютъ собою журналы Особаго Комитета, учрежденнаго 6 декабря 1826 г. подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея.

Въ Комитетѣ 6 декабря работали государственные люди при условiяхъ, исключающихъ личные или партiйные счеты въ вопросахъ, касающихся министерскаго начала: не всѣ его члены принимали участiе въ преобразованiяхъ начала XIX в., и вообще условiя и задачи ихъ дѣятельности были совершенно иныя. Въ этомъ отношенiи сужденiя членовъ Комитета представляютъ особый интересъ: ими въ послѣднiй разъ было подвергнуто анализу министерское начало въ Россiи при условiяхъ неограниченной монархiи.

Главный упрекъ министерствамъ, высказанный въ началѣ Николаевскаго царствованiя, — министерскiй деспотизмъ, не оправдываемый скоростью въ рѣшенiи дѣлъ; въ связи съ этимъ стоитъ широкое и неопредѣленное влiянiе Комитета Министровъ.

Знакомство съ высказанными тогда взглядами мы начнемъ съ записки Мордвинова, относящейся къ 1826 г. Ея нѣтъ въ дѣлахъ Комитета 6-го декабря, но время ея составленiя и самый характеръ ея указываютъ, что мы имѣемъ дѣло съ запиской или читанной въ самомъ Комитетѣ, или во всякомъ случаѣ предназначавшейся для него, наконецъ, въ крайнемъ случаѣ составленной по поводу работъ Комитета. По мнѣнiю Мордвинова, Александръ I, учредивъ министерства, дозволилъ министрамъ „отступать отъ законовъ, но только отвѣчать за послѣдствiя". „Съ тѣхъ поръ въ правленiи Россiи не всегда слѣдовали законамъ, а большею частью оно стало производиться по министерскимъ мнѣнiямъ, кои государь императоръ

утверждаетъ, и мнѣнія часто замѣняли законы. Сколько ни уважительна была для таковой перемѣны причина, и сколь, повидимому, ни полезнымъ казалось учрежденіе Министерствъ, но уничтоженіе власти, исполняющей свято законы, и замѣщеніе оной другою, ничѣмъ не ограниченною и свободною, по умозаключеніямъ своимъ дѣйствующей, могло содѣлать управленіе Россіи не твердымъ, часто измѣняемымъ, часто произвольнымъ, всегда зависящимъ отъ умственныхъ способностей и душевныхъ качествъ правителей". Сила законовъ такимъ образомъ ослабѣла. Стали возникать различныя неудобства, особенно когда министры успѣли устранить отъ себя отвѣтственность за свои дѣянія. Только отвѣтственность министровъ могла бы „воздержать самовластіе" ихъ, „остановить самонадѣянность", „оградить права личныя и до собственности относящіяся подвластныхъ имъ людей, и увеличить ихъ заботливость о доставленіи каждому и всѣмъ вообще высшей степени благосостоянія". Но министры, для избѣжанія отвѣтственности, открыли выходъ — Комитетъ Министровъ. Они вносятъ въ Комитетъ даже мелочныя дѣла: всякое дѣло въ такомъ случаѣ разрѣшается Комитетомъ и утверждается государемъ. Этому стали слѣдовать и подчиненныя мѣста; никто законно не можетъ быть преслѣдуемъ. Директоры департаментовъ безмолвствуютъ, такъ какъ судьба ихъ въ рукахъ министровъ. Отсюда замедленіе въ дѣлахъ и исполненіе ихъ замѣняется бумагописаніемъ: бумаги размножились и дѣло, которое могло быть исполнено капитанъ исправникомъ или городничимъ, проходитъ во всѣ высшія инстанціи. Особенно потерпѣло при министерствахъ правосудіе, потому что тяжебныя дѣла стали поступать въ Комитетъ Министровъ.

Необходимо, поэтому, провести принципъ раздѣленія властей. Чтобы возстановить порядокъ, надо возстановить при министрахъ коллегіи. Въ заключеніи Мордвиновъ доказываетъ преимущества коллегіальнаго управленія, ссылаясь между прочимъ и на доказательство, высказанное въ Петровскихъ Регламентахъ.

Въ самомъ Комитетѣ 6 декабря два лица подвергли основательной критикѣ составъ высшихъ учрежденій въ Россіи: мы имѣемъ въ виду записки статсъ-секретаря Балугьянскаго и графа Гурьева.

Характеризуя министерскую власть въ Россіи, Балугьян-

скій обращаетъ вниманіе на слѣдующіе ея недостатки. Недостатокъ въ порядкѣ изданія законовъ заключается въ томъ, что Комитетъ Министровъ завладѣлъ всей законодательной властью и сверхъ того министры подносятъ узаконенія прямо на утвержденіе государя о такихъ предметахъ, которые по существу своему требуютъ предварительнаго разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ. Такое отступленіе отъ законнаго пути, какъ это доказываетъ исторія, ведетъ государство „въ разстройство и умъ подданныхъ въ мѣшательство". Захвативъ въ свои руки много власти, Комитетъ Министровъ занимается мелочами, отнимающими много времени у его членовъ. Недостатки министерской власти заключаются въ неопредѣленности власти министровъ, въ многочисленности чиновничества и безконечности письмоводства. Характеризуя министерскій строй, Балугьянскій подчеркиваетъ крайній его бюрократизмъ, безконечное „движеніе дѣлъ" и произволъ министровъ. Заваленный мелочами, министръ только подписываетъ множество бумагъ, которыя очень медленно движутся по канцеляріи. Между тѣмъ „произволъ и деспотизмъ всѣхъ чиновниковъ отъ министра до послѣдняго. Въ нашемъ вѣкѣ гдѣ деспотизмъ? въ царяхъ! Взглянемъ на европейскихъ государей! гдѣ деспотизмъ? Онъ есть въ управляющихъ мѣстахъ и лицахъ, дѣйствующихъ съ совершенно неопредѣленною властью, въ замѣшательствѣ порядка въ производствѣ дѣлъ". При семъ томъ масса мелочей представляется на усмотрѣніе государя такъ, что государь является министромъ всѣхъ министровъ. Способъ исправленія указанныхъ недостатковъ Балугьянскій видитъ въ нѣкоторыхъ мѣрахъ сокращенія дѣлопроизводства и въ превращеніи министра въ предсѣдателя коллегіи. Отсюда проистечетъ цѣлый рядъ весьма важныхъ послѣдствій, начиная съ удовлетворенія общественнаго мнѣнія, болѣе довѣряющаго въ Россіи коллегіальному управленію, и пресѣченія министерскаго произвола. Въ защиту коллегіальности министерскаго управленія Балугьянскій приводитъ весьма важное соображеніе: по его мнѣнію, министерство не есть исполнительный органъ, но правительственный. Кругъ дѣйствій министерства заключается въ соображеніи проектовъ, предписаній, рѣшеній, разсмотрѣніи счетовъ и отчетовъ. Исполненіе же производится подчиненными уже органами. Въ этомъ опредѣленіи заключается не малый интересъ и оно вѣрно характеризуетъ

дѣятельность министровъ, только въ послѣднее время идущихъ на пути превращенія въ исполнительные органы.

Записка министра финансовъ Гурьева, сочиненная еще въ 1816 г. и разсматривавшаяся въ Комитетѣ 6-го декабря, стоитъ почти на той же точкѣ зрѣнія, какъ и записка предыдущаго автора; она также рекомендуетъ превратить департаменты въ коллегіи. Такой совѣтъ при министрѣ имѣлъ бы „объясняющій" голосъ; однако, министры всѣ проекты законовъ и указовъ обязаны вносить въ Сенатъ, а остальное рѣшать собственною властью. Сенатъ же долженъ явиться высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ съ раздѣленіемъ на департаменты, соотвѣтственно министерствамъ. Такимъ образомъ министръ оказался бы посредникомъ между двумя совѣтами: коллегіей при министерствѣ, подготовляющей проекты законовъ подъ его руководствомъ, и коллегіей сенатской, окончательно разсматривающей проектъ.

Интересно, что Комитетъ 6-го декабря склонился къ мысли объ учрежденіи при министрахъ особыхъ совѣтовъ съ широкой компентенціею, изъ лицъ, не зависящихъ отъ министра; такъ дѣло стояло въ засѣданіи 26-го января, хотя въ послѣдующихъ засѣданіяхъ компетенція этого совѣта была сильно понижена [1]).

IV.

Мы познакомились съ одной стороны съ исторіей возникновенія министерствъ въ Россіи и упадка стараго Сената, съ другой—съ тѣмъ рядомъ мнѣній, который былъ высказанъ, съ точки зрѣнія теоретической и общественной, о новомъ учрежденіи. Выводы той и другой части нашей статьи были уже не разъ подчеркнуты и нѣтъ нужды ихъ повторять. Но историкъ разсматриваетъ данное явленіе не только съ точки зрѣнія той общественной атмосферы, въ которой оно рождается: желательно еще уяснить себѣ мысль и происхожденіе самаго историческаго факта.

Прежде всего изслѣдованное явленіе замѣчательно тѣмъ, что возбудило въ высшей мѣрѣ общественный интересъ, такъ рѣдко пробуждающійся въ Россіи. Положимъ, Екатерининская эпоха чревата событіями высокой политической важности, бу-

дившими общество; слѣдуетъ помнить также и вліяніе на умы „просвѣщеннаго вѣка". И тѣмъ не менѣе было бы ошибкою только этими, въ извѣстной мѣрѣ внѣшними, моментами объяснять общественное настроеніе, такъ рѣзко высказавшееся по данному вопросу; такое объясненіе было бы близорукимъ.

Русское общество XVIII в. видѣло въ Сенатѣ, хотя и часто упадавшемъ подъ давленіемъ болѣе сильныхъ учрежденій и лицъ, политическую опору, органъ, при помощи котораго общество проводило свои взгляды; даже болѣе того: Сенатъ былъ органомъ, при помощи котораго оно принимало участіе въ управленіи государствомъ. Фактически Сенатъ XVIII в. былъ учрежденіемъ политическимъ, и такъ на него смотрѣли современники. Разумѣется, говоря о русскомъ обществѣ XVIII в., надо имѣть ввиду существенную оговорку: подъ обществомъ надо разумѣть дворянство, и преимущественно то многочисленное родовитое дворянство, которое служило въ обѣихъ столицахъ, или которое имѣло неослабѣвающія съ ними связи; это дворянство было весьма вліятельно. Въ рукахъ этого общества фактически находилось управленіе страной: почти на всѣ должности опредѣленіе шло изъ Сената, а на сенаторовъ всегда можно было, при тогдашнихъ сильно развитыхъ родственныхъ и другихъ связяхъ, произвести давленіе. Прибавьте къ этому права личныя и по управленію и самоуправленію, дарованныя жалованной грамотой дворянству, и станетъ яснымъ, что жалованная грамата и Сенатъ могли казаться своего рода конституціонными гарантіями для тогдашняго дворянства, дававшими имъ личныя и имущественныя привилегіи и обезпечивавшими участіе въ управленіи страной.

Такимъ образомъ, отстаиваніе правъ Сената и подчиненныхъ ему коллегій имѣло глубокій политическій смыслъ для людей, или не предвидѣвшихъ возможности получить иныя гарантіи, или не стремившихся къ нимъ.

Въ XVIII в. управленіе и законодательство складывались изъ двухъ группъ—Сената и коллегій, причемъ Сенатъ иногда законодательствовалъ, и представителя верховной власти съ окружающими его лицами, съ дворомъ (но не учрежденіями, что очень важно). Монархъ, согласно строю существовавшихъ узаконеній, только законодательствовалъ, но не управлялъ; слѣдовательно, примѣненіе закона во всей его полнотѣ принадлежало Сенату съ подчиненными ему органами. Конечно,

на практикѣ такого планомѣрнаго расчлененія управленія и законодательства не было, ибо монархъ ничѣмъ не былъ ограниченъ и всякое его повелѣніе было закономъ. Но вмѣшательство верховной власти въ порядкѣ исполнительномъ, или судебномъ было актомъ сравнительно рѣдкимъ, случайнымъ, изрѣдка прорѣзывавшимъ судебно-административную атмосферу; такіе факты касались обыкновенно вліятельныхъ лицъ, между тѣмъ какъ сѣренькая будничная жизнь, въ направленіи административномъ и судебномъ, текла совершенно самостоятельно, не направляемая представителемъ верховной власти. Только Екатерининская эпоха, столь нелюбимая консерваторами начала XIX в., была такимъ временемъ, когда власть начинала становиться въ болѣе непосредственныя отношенія къ объекту управленія.

Итакъ, въ XVIII в. Россія управлялась не лицами, но учрежденіями. Основная правительственная машина находилась въ рукахъ коллегій, подчиненныхъ Сенату. Коллегіи за разъясненіями обращались въ Сенатъ. Сенатъ же хранилъ и объяснялъ законы и контролировалъ коллегіи и губерніи. Хотя Сенатъ самъ переживалъ періоды униженія, но и тогда для коллегій онъ представлялъ грозную силу. Дѣятельность Сената запечатлѣна чертами, которыя снискали ему всеобщее уваженіе современниковъ. Правда, Сенатъ имѣлъ одинъ недостатокъ: обладая обширными полномочіями, онъ не имѣлъ прямой и непосредственной связи съ носителемъ верховной власти. Генералъ-прокуроръ, „око" государево, иногда оказывался между государемъ и Сенатомъ, иногда терялъ всякое значеніе. Петръ Великій непосредственно сносился съ „господами—сенатомъ", но для его преемниковъ это оказалось не подъ силу. Между государемъ и Сенатомъ появляются новыя учрежденія, какъ Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ,—съ законодательными полномочіями (Кабинетъ—во вторую половину своего существованія); или учрежденія съ совѣщательною или исполнительною компетенціями, каковы Кабинетъ въ началѣ своего существованія, Конференція при Елизаветѣ и Совѣты при Петрѣ III и Екатеринѣ II. При помощи всѣхъ этихъ учрежденій верховная власть проявляла свою волю.

Каковъ бы ни былъ характеръ этихъ учрежденій, но для политическихъ умовъ XVIII в. они являлись отступленіями отъ нормальнаго порядка вещей; общество относилось къ нимъ съ

ненавистью и надеждою на скорое прекращеніе. Иногда изъ среды самого общества исходилъ протестъ и оно бралось за оружіе для совершенія безкровной революціи. На ряду съ учрежденіями господствовалъ фаворъ. Но фаворъ чувствовалъ себя надменно и стыдливо, закрываясь лицами и учрежденіями (даже при Биронѣ). Фаворъ вноситъ въ управленіе безпорядокъ, путаницу въ дѣла, выхватывая у власти указы, едва ли не чаще по дѣламъ личнаго свойства, рѣдко по общественнымъ. Такимъ образомъ и фаворъ мало затрогивалъ среднія учрежденія, т. е. коллегіи, губерніи, частью и Сенатъ.

Такъ, съ какой бы мы точки зрѣнія не разсматривали административный и судебный строй XVIII в., мы во всякомъ случаѣ вынесемъ убѣжденіе, что этотъ строй направлялся учрежденіями, подчиненными опредѣленнымъ законамъ. Эта правительственная машина была нѣсколько сложная, неповоротливая. Но въ ней были и хорошія, здоровыя стороны: учрежденія были слишкомъ удалены отъ власти, дѣйствовали на основаніи законовъ, и самая удаленность давала мало поводовъ по мелкимъ случаямъ издавать новые законы. Этимъ и объясняется относительная прочность Петровскихъ учрежденій.

Если взвѣсить все вышесказанное, то станетъ понятнымъ почему русскіе люди XVIII в. боялись вліянія въ управленіи лицъ и предпочитали коллегіальный строй. Для нихъ было понятно, что съ появленіемъ у трона министровъ фаворитовъ съ облеченною закономъ властію, вліяніе дворянскаго общества неминуемо должно было пасть. При сильно-развитыхъ родственныхъ и другихъ связяхъ, въ многочисленной средѣ членовъ коллегій и Сената всякая дворянская семья могла найти себѣ заступниковъ и ходатаевъ, что должно было сократиться при появленіи министровъ. Было и еще соображеніе: коллегіи и Сенатъ—мѣста подчиненныя, на нихъ можно было жаловаться. Но какъ апеллировать на министра, облеченнаго довѣріемъ свыше? Въ мѣстномъ управленіи тоже послѣдовалъ переломъ: съ губернаторомъ, назначеннымъ Сенатомъ, спорить было легче, чѣмъ съ губернаторомъ, избраннымъ министромъ.

Все сказанное—одна сторона въ исторіи изучаемаго учрежденія. Но въ немъ есть еще и другая сторона. Несмотря на все противорѣчіе съ коллегіальными порядками XVIII в., ми-

нистерства, однако, явились не неожиданно, и почва для нихъ наростала въ періодъ господства коллегій. Все это уже очень хорошо выяснено въ литературѣ, и повторять здѣсь нѣтъ нужды. Надо всегда только помнить, что вмѣстѣ съ министерствами народилось еще новое учрежденіе въ видѣ Комитета Министровъ.

Напомнимъ, что министерскій комитетъ какъ бы случайно промелькнулъ въ Учрежденіи 1802 г., совсѣмъ не предполагался Учрежденіемъ 1810 г., но тѣмъ не менѣе, въ силу указовъ императора Александра I 1805, 1808 и 1812 гг., получилъ огромное вліяніе на дѣла и сдѣлался важнѣйшимъ учрежденіемъ въ государствѣ. Права Сената и Государственнаго Совѣта были смяты.

Въ теченіе XVIII в. время отъ времени нарастали учрежденія, напоминающія собою Комитетъ Министровъ и появлялись лица съ полномочіями министровъ. Екатерина II предпочитала поручать извѣстные роды дѣлъ отдѣльнымъ лицамъ; такимъ образомъ она подрывала коллегіи и положила начало министерствамъ. При помощи своихъ довѣренныхъ лицъ, она входила въ непосредственное управленіе государствомъ. Но министры Екатерины II не составляли никакого особаго комитета. Прецедентъ министерскаго комитета былъ раньше: съ извѣстными ограниченіями такіе прецеденты надо видѣть и въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ и въ Кабинетѣ Министровъ. Ихъ законодательная компетенція является прямой предшественницей таковой же компетенціи Комитета: законодательная власть всѣхъ этихъ учрежденій основывалась на томъ, что государь или присутствовалъ въ засѣданіяхъ, или же утверждалъ сдѣланныя ими предположенія. Съ другой стороны, въ В. Т. Совѣтѣ и въ Кабинетѣ сидѣли президенты трехъ главныхъ коллегій, наиболѣе видные вельможи въ государствѣ, т. е. представители министерствъ, наряду съ членами, не имѣвшими портфелей, хотя иногда получавшими веденіе опредѣленнаго ряда дѣлъ. Такимъ образомъ XVIII в. уже намѣтилъ какъ систему единоличнаго управленія въ видѣ министровъ, такъ и комитетъ министровъ. Законодательство XIX в., несмотря на убѣжденіе составителей учрежденія 1802 г. въ заимствованіи новой формы съ Запада, оформило и дало окончательное пре-

обладаніе такимъ учрежденіямъ, начало которымъ положено въ XVIII в.

Таково отношеніе министерствъ къ предшествующей имъ исторіи высшихъ учрежденій въ Россіи.

Но введеніе министерскаго управленія означало собою цѣлый переворотъ въ устройствѣ управленія. Критиками этого учрежденія намѣчены важнѣйшія стороны измѣненій, но и критики не все предвидѣли. Министерства вносили въ управленіе доведенную до высшей степени централизацію, отъ квартальнаго до министра и выше. Но это—централизація бюрократическаго, бумажнаго характера, страшная снаружи, безопасная для исполнителей по существу. Она вводила въ управленіе личный элементъ и личныя отношенія. Будучи неограниченнымъ выразителемъ верховной власти, она поставила органы свои въ положеніе, при которомъ контроль ихъ дѣятельности, даже жалобы на нихъ явились бы критикой учрежденія, не подлежащаго никакой критикѣ. Поэтому быстро исчезаютъ всѣ выработанныя XVIII в. формы контроля дѣятельности администраціи: принижена прокуратура, отмѣнены сенаторскія ревизіи, вышелъ изъ примѣненія исконный русскій обычай челобитій и непосредственнаго обращенія къ верховной власти со стороны подданныхъ, столь смягчавшій управленіе даже въ XVII вѣкѣ. Не говоримъ уже о такихъ явленіяхъ, какъ полное смѣшеніе административныхъ распоряженій съ законодательными постановленіями, періодами даже полное прекращеніе планомѣрной законодательной дѣятельности и т. п. явленіяхъ, хорошо освѣщенныхъ критиками новыхъ учрежденій. Можно согласиться съ послѣдними, что министерства при русскомъ государственномъ строѣ внесли много нежелательныхъ въ управленіе явленій и не уничтожили тѣхъ недостатковъ, противъ которыхъ они были направлены.

Примѣчанія.

Стр. 58: 1) Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь р. 181. 2) Пыпинъ, Общ. дв. при Ал. I; Градовскій, Высшая админ. въ Россіи и генер.-прокуроры; Шильдеръ, Импер. Александръ I, т. II; Дмитріевъ въ ст. о Сперанскомъ, Щегловъ въ своей Ист. Гос. Сов. 3) Пыпинъ, Общ. движ., р. 71, 4) Ibidem, р. 75.

Стр. 59: 1) Ibidem, р. 82. 2) Щегловъ, Госуд. Сов. въ Р., I, 727. 3) Ibidem, р. 88. 4) Настоящая статья въ „Вѣстн. вс. ист.“ напечатана до

появленія въ свѣтъ почтеннаго изслѣдованія Великаго Князя Николая Михайловича о графѣ Строгановѣ, обогатившаго науку изданіемъ подлинныхъ протоколовъ Н. К. При переизданіи статьи нами внесены необходимыя исправленія, вызванныя появленіемъ названнаго труда, хотя нашъ общій взглядъ на дѣятельность Н. К. не могъ измѣниться даже и послѣ изданія подлинныхъ протоколовъ.

Стр. 60: 1) Архивъ кн. Воронцова, т. XXX, р. 264. 2) Щегловъ. Госуд. Сов. въ ц. Ал. I, р. 124. 3) Memoires, I, р. 124. 4) Memoires, I, 272. 5) Арх. Вор., XII, 274. 6) Арх. Вор. XIV, 124.

Стр. 61: 1) Сбор. И. Р. И. О., т. 90, р. 209. 2) Ср. въ протоколахъ Н. К. 3) Богдановичъ, Ист. ц. Ал. I, I, 170. 4) Ibidem, р. 73. 5) Вел. кн. Николай Михайловичъ, гр. Строгановъ, II. 192.

Стр. 62: 1) Рус. Арх., 1871 г., р. 715. 2) Проток. Н. К., 42—3 (Богдановичъ).

Стр. 63: 1) Ibidem, р. 46, 50, 51, 61.

Стр. 64: 1) Mem., I, 271. 2) Mem., 269.

Стр. 65: 1) Шильдеръ 331—2. 2) Графъ Строгановъ, т. I, р. 94 и т. II, р. 25.

Стр. 66: 1) Шильдеръ 339. 2) Гр. Строгановъ, II, 28. 3) Ibid., II, 40—41. 4) Шильдеръ, II, 342.

Стр. 67: 1) Въ прил. у Богдановича. 2) См. въ ст. Коркунова о проектѣ Державина, „Сборникъ статей". 3) Богдановичъ, I, 131, Зап. Строганова, 331 и 333. 4) Гр. Строгановъ, II, 61, 101. 5) Ibidem, 100, 139.

Стр. 68: Протоколы Н. К., 40—1, 77, 77 и др. 2) Mem., I, 267.

Стр. 69: 1) Ibidem, 271, Богдановичъ I. 2) Mem., 270. 3) Mem., 320. 4) Mem. 305.

Стр. 70: 1) Проток. Н. К., Щегловъ, Гос. Сов. при А. I, 173. 2) Щегловъ Гос. Сов. при А. I. 3) Арх. Вор., XII, 264. 4) Ibidem, 267.

Стр. 73: 1) Чтенія, 1864, кн. I. Стр. 24: 2) Арх. Воронц., т. 29, р. 461.

Стр. 74: 1) Арх. Воронц., т. 12, р. 457. 2) Ibidem, р. 462.

Стр. 75: 1) Шильдеръ, т. II, р. 76. 2) Коркуновъ, Сб. статей.

Стр. 76: 1) Архивъ гр. Мардвиновыхъ, т. III.

Стр. 78: 1) Memoires, т. I., р. 304—307. 2) Протоколы р. 81 (по Богдановичу).

Стр. 79: 1) Ibidem, 45. 2) Протоколы, р. 48, 49, 56. 3) Протоколы, 3[illegible] 4) Ibidem, 56, 57.

Стр. 80: 1) Ibidem, 60. 2) Ibidem, ст. 59. 3) Ibidem, 70. 4) Ibidem, 97.

Стр. 83: 1) Русск. Арх. 1874. 996, 1091. 2) Арх. Воронц. т. X, р. 98; 3) Czartoryski, Memoir. I, 313.

Стр. 84: 1) Протоколы, 46 (Богдановичъ). 2) Ibidem, 48. 3) Ibidem, 53. 4,

Стр. 85: 1) Ibidem, 65.

Стр. 86: 1) Ibidem, р. 65. 2) Ibidem, 79. 3) Ibidem, р. 81.

Стр. 87: 1) Ibidem, р. 81. 2) Ibidem, р. 73. 3) Ibidem, 73.

Стр. 88: 1) Сборн. соч., т. I, р. 289.

Стр. 89: 1) Tourgeneff, La Russie, II, р. 201.

Стр. 92: 1) Записки Рунича въ „Русской Старинѣ" 1901 г., февр. р 349—356.

Стр. 94: 1) Записка въ „Рус. Арх." 1870. 2) Записки Державина въ VI т. Соч. р. 877 сл. 3) Арх. Воронц. т. XII, р. 296.

Стр. 95: 1) Арх. Мордв. III р. 70. 2) Арх. 1871 г. р. 712—714. 3) Взглядъ на мою жизнь р. 183.

Стр. 96: 1) Сбор. И. Р. И. О., т. 90, р. 204—206.

Стр. 97: 1) Арх. ист. и практ. св. Калачева 1859 г., кн. III, а также Сборн. И. Р. И. О., т. 30, р. 440.

Стр. 98: 1) Сб. И. Р. Ист. Общ., т. 90, р. 204.

Стр 99: 1) Зап. 1803 г. Арх. Воронц. XI т. р. 452. 2) Зап. 1814 г., Сборн. т. 90, р. 9. 3) Арх. Воронц. XI р. 463, 452—454. 4) Ibidem, р. 455.

Стр. 100: 1) Записка 1803 г., Арх. Вор. XI, 450. 2) Зап. 1806 г. Сборн., т. 90, р. 201, 210, Зап. 1814 г., р. 16.

Стр. 103: 1) Записка 1803 г., Русск. Арх. 1881 г., р. 155—161, тоже въ Арх. Воронц. т. XV. 2) Сборн. И. Р. И. О., III, р. 34—35. 3) Ib., 37.

Стр. 104: 1) Ibidem, 38—39. 2) Ibidem, 41. 3) Ib., 43. 4) ib., 45. 5) Ib., 48.

Стр. 105: 1) ibidem, р. 49. 2) ibidem, р. 55—56. 3) ibid., р. 58. 4) ibidem. р. 82. 5) ibid., р. 83. 6) ibid., р. 72. 7) ibid., р. 74. 8) ibidem, р. 75.

Стр. 106; 1) Сборникъ, т. 90 р. 39.

Стр. 107: 1) Сборн. И. Р. И. О., т. 74, р. 49 и 77.

Политическіе идеалы М. М. Сперанскаго.

I.

Странная судьба, которую испыталъ Сперанскій при жизни, какъ будто продолжаетъ тяготѣть и въ отношеніяхъ послѣдующихъ поколѣній къ великому наслѣдію его глубокаго ума. Современники интересовались Сперанскимъ, много о немъ говорили и писали, но все это—вѣсти, слухи, обрывки субъективныхъ впечатлѣній; никто изъ современниковъ великаго государственнаго мужа не оставилъ намъ яркаго его облика. И современная намъ историко-юридическая наука часто говоритъ о Сперанскомъ, часто вращается въ кругѣ вопросовъ, имъ выдвинутыхъ или разрѣшенныхъ; но ни личность Сперанскаго, ни его политическіе идеалы не изучены какъ слѣдуетъ и не оцѣнены по достоинству. Сперанскій еще ждетъ своего біографа, а его государственные взгляды еще ждутъ разъясненія. Быть можетъ, самое величіе этой личности, сложность имъ сдѣланнаго, развитаго теоретически, но не приложеннаго къ жизни останавливаютъ изслѣдователя.

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій въ своей государственной дѣятельности имѣлъ, помимо личныхъ достоинствъ, одно важное преимущество предъ современниками. Дѣтство, юношество и сама служебная карьера его сложились совсѣмъ необычнымъ образомъ для государственныхъ людей того времени: онъ имѣлъ полную возможность изучить русскую дѣйствительность, матеріальную и духовную обстановку разныхъ классовъ народа—отъ хижины до престола. И онъ умѣлъ наблюдать жизнь, на высотѣ своего положенія Сперанскій не чуждался общенія съ простолюдиномъ. Во время ссылки, въ Нижнемъ

и въ Перми, Сперанскаго можно было встрѣтить среди народной уличной толпы, въ кабакѣ. Изученіе жизни снизу доверху сдѣлало изъ Сперанскаго убѣжденнаго сторонника „истинной“ монархіи и такихъ формъ управленія, которыя сдѣлали бы личность гражданина свободной. Въ противоположность современникамъ, онъ былъ глубоко увѣренъ въ способности русскаго общества къ зрѣлой политической жизни. Такое убѣжденіе онъ, конечно, вынесъ изъ изученія дѣйствительности. Но та же дѣйствительность научила его, что для того, чтобы, по его словамъ, „пробить толщу“, надо сначала получить безопасность и право думать надъ государственнымъ устройствомъ. Въ противномъ случаѣ всякіе законы будутъ только палліативомъ. Вотъ почему Сперанскій явился убѣжденнымъ проводникомъ законности и права въ государственномъ устройствѣ; вотъ почему онъ такъ горячо проводилъ мысль о „коренныхъ“ законахъ, которымъ всѣ сверху донизу должны подчиняться.

Надо, впрочемъ, сдѣлать оговорку, что мечты объ „истинномъ“ управленіи, законности съ конца прошлаго столѣтія занимали русское общество и представителей власти; только не всѣ одинаково его понимали. Императоръ Павелъ въ своей государственной дѣятельности явился горячимъ поборникомъ „законности“, но она отлилась въ его представленіи въ форму безропотнаго подчиненія полицейскимъ порядкамъ. Не менѣе горячимъ поклонникомъ законности былъ императоръ Александръ I, хотя понятіе гражданской свободы въ его міровоззрѣніи приняло слишкомъ туманныя очертанія и къ концу жизни онъ сдѣлался сторонникомъ „порядка“ въ управленіи, не допускавшаго, однако, общественной самодѣятельности. Большинство русскихъ людей не столько теоретически, какъ инстинктивно понимало значеніе законности.

Отъ всѣхъ своихъ современниковъ Сперанскій отличался стройностью и ясностью государственныхъ идеаловъ: вводя законность и право въ сферу государственнаго управленія, онъ давалъ себѣ отчетливый отвѣтъ, что такое законъ, право, почему введеніе его въ государственный механизмъ необходимо, какое вліяніе оно произведетъ на управляемыхъ и насколько послѣдніе подготовлены къ новымъ правовымъ порядкамъ. Могутъ спорить о томъ, насколько приложимы были къ тогдашней жизни его идеалы, можетъ быть даже, насколько

вѣрны были его наблюденія, но нельзя отрицать стройности, послѣдовательности и искренности политическихъ убѣжденій Сперанскаго.

Современники не понимали его. Современникамъ его проекты казались плодомъ французофильства, англоманства. Отголосокъ этихъ воззрѣній можно встрѣтить и въ литературѣ нашего времени. Правда, какъ человѣкъ широко образованный, Сперанскій въ своихъ проектахъ не чуждался формъ иностраннаго законодательства, особенно французскаго. Однако его проекты и теоретическое ихъ развитіе носятъ на себѣ печать изученія русской дѣйствительности. Не даромъ императоръ Александръ I въ одномъ разговорѣ указывалъ на то, что Сперанскій испортилъ проекты, потому что все „обрусилъ“.

Дѣйствительно, въ запискахъ Сперанскаго, даже временъ составленія проектовъ, сказывается не только пониманіе настоящаго положенія вещей, но и знаніе историческаго прошлаго. Если бы свое пониманіе русской исторіи онъ изложилъ въ формѣ ученыхъ изслѣдованій, то его работы, безъ сомнѣнія, составили бы эпоху въ русской наукѣ.

Вообще Сперанскій былъ способенъ къ серьезному изученію предмета. Его переписка свидѣтельствуетъ о весьма разностороннихъ и глубокихъ интересахъ. Онъ продожалъ учиться нѣмецкому и еврейскому языкамъ даже въ Сибири. Кромѣ переписки и проектовъ, о научномъ направленіи занятій Сперанскаго свидѣтельствуютъ замѣтки, проспекты и отрывки его статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ „Въ память М. М. Сперанскаго“ (изданъ Императорскою Публичною Библіотекой). Изученіе математики, философіи и общественно-юридическихъ наукъ оставило слѣды въ этихъ замѣткахъ. Изъ нихъ видно, что Сперанскій любилъ обращаться къ Ньютону, Лейбницу, Фихте, Шеллингу и Канту, писалъ статьи этическаго направленія („Воля“, „Нравственность“, „Нравъ“ и др.), переходилъ къ русской исторіи и писалъ о Русской Правдѣ и пр.; среди набросковъ мы даже встрѣчаемъ планъ романа.

Очевидно, знаніе настоящаго и пониманіе прошлаго вселило въ Сперанскаго глубокую увѣренность въ жизнеспособность русскаго общества. Эта вѣра не покидала его въ теченіе всей жизни. Послѣ ссылки онъ съ жаромъ отдается составленію полнаго собранія законовъ и свода и такимъ обра-

зомъ продолжаетъ работать,—только нѣсколько инымъ образомъ,—надъ водвореніемъ въ государствѣ той же законности, о которой онъ мечталъ на зарѣ своей дѣятельности. Такимъ образомъ опала и градъ оскорбленій со стороны современниковъ не измѣнили основного направленія дѣятельности Сперанскаго, заставивъ лишь примѣниться къ обстоятельствамъ.

Въ этомъ отношеніи Сперанскій выгодно отличается отъ нѣкоторыхъ своихъ либеральныхъ современниковъ, напримѣръ, Строганова, Новосильцова и Кочубея.

Что политическіе идеалы Сперанскаго не явились плодомъ случайнаго чтенія иностранныхъ авторовъ или служебной его карьеры, что онъ еще въ юности размышлялъ о вопросахъ государственныхъ, доказываетъ, между прочимъ, проповѣдь, произнесенная имъ 8 октября 1761 г., т. е. еще на девятнацатомъ году своей жизни, въ Александроневской лаврѣ: видно, уже тогда Сперанскій интересовался капитальнѣйшими вопросами государственной жизни, именно отношеніями между представителями власти и населеніемъ.

Эта проповѣдь замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Она интересна и по основной своей тенденціи и потому, что является документомъ, впервые дающимъ намъ характеристику міровоззрѣнія еще столь юнаго будущаго государственнаго мужа. Проповѣдь сказана на евангельскій текстъ: „Не бойся, отселѣ будеши человѣки ловя“ (Лук., 5, 10). Основная тема проповѣди—недостаточность человѣческой мудрости и просвѣщенія, не подкрѣпленнаго истинною нравственностью и любовію къ людямъ: „просвѣщеніе безъ нравовъ“—„призракъ совершенства“. Проповѣдникъ касается жизни цѣлыхъ человѣческихъ обществъ и тогда уже высказываетъ идею, лежавшую въ основаніи его взглядовъ въ періодъ зрѣлаго творчества: основа, побуждающая людей собраться воедино,—лежитъ, во взаимныхъ выгодахъ, а выгоды должны быть связаны со взаимными довѣріемъ и добротой. „Разумъ дастъ наилучшій чертежъ для образованія общества, напишетъ наилучшіе законы, предусмотритъ неудобства, ограничитъ силу властей“, но при „развращенномъ сердцѣ“ онъ самъ же поведетъ къ „безначалію“ и „замѣшательству“. Несомнѣнно, тутъ уже мы имѣемъ весьма прозрачную характеристику послѣднихъ годовъ Екатерининскаго царствованія. Но проповѣдникъ далѣе разсуждаетъ: „Премудрый государь“ можетъ высоко поднять въ

глазахъ свѣта свое правленіе, ему можетъ удивляться свѣтъ; „но если ты не будешь—обращается онъ къ такому правителю—на тронѣ человѣкъ... не низойдешь съ престола для отренія слезъ послѣдняго изъ твоихъ подданныхъ; если твои знанія будутъ только пролагать пути твоему властолюбію; если ты употребишь только къ тому, чтобы искуснѣе позлатить цѣпи рабства, непримѣтнѣе наложить ихъ на человѣковъ и чтобъ умѣть казать любовь къ народу и, изъ подъ завѣсы великодушія, искуснѣе похищать его стяжанія на прихоти твоего сластолюбія и своихъ любимцевъ, чтобъ поддержать всеобщее заблужденіе, чтобъ изгладить совершенно понятіе свободы, чтобъ сокровеннѣйшими путями провесть къ себѣ всѣ собственности твоихъ подданныхъ, дать чувствовать имъ тяжесть твоея десницы и страхомъ увѣрить ихъ, что ты болѣе, нежели человѣкъ: тогда, со всѣми твоими дарованіями, со всѣмъ симъ блескомъ, ты будешь только счастливый злодѣй; твои ласкатели внесутъ имя твое золотыми буквами въ списокъ умовъ величайшихъ, но поздняя исторія черною кистію прибавитъ, что ты былъ тиранъ твоего отечества". Столь же рѣзко онъ характеризуетъ судью, знающаго законы, но необладающаго добрымъ и прямымъ сердцемъ, и, наконецъ, дѣлаетъ общее горячее заключеніе—призывъ къ единенію разума, совѣсти и доброты сердца.

Это твореніе юнаго Сперанскаго—первый проблескъ его политической мысли. Оно дорого для историка, потому что совершенно отчетливо говоритъ ему, что Сперанскій крѣпко задумывался надъ многими вопросами гораздо ранѣе, чѣмъ судьба поставила его въ положеніе человѣка, призваннаго составить планъ преобразованія: его основныя мысли были продуманы не ad hoc для составленія плана, не вычитаны изъ первой попавшейся иностранной книжки (какъ не разъ его враги старались утвердить о немъ именно такое мнѣніе), но были плодомъ серьезныхъ наблюденій, изученія и размышленій.

И дѣйствительно, еще будучи небольшимъ чиновникомъ, Сперанскій въ первые годы, даже дни, правленія императора Александра I пытается провести въ жизнь свои теоріи; объ этомъ знали его покровители и обращались къ содѣйствію его пера. Только недавно, въ извѣстной книгѣ о графѣ Строгановѣ, принадлежащей перу великаго князя Николая Михайловича, опубликовано извѣстіе, весьма замѣчательное въ этомъ

отношенiи; на проектѣ коронацiоннаго манифеста,—„всемилостивѣйшей грамоты, русскому народу жалуемой"—составленномъ графомъ Воронцовымъ и не утвержденномъ Акександромъ I, имѣются поправки, сдѣланныя рукою Сперанскаго: значитъ, съ нимъ тогда совѣтовались. А между тѣмъ эта грамота должна была бы явиться первой конституцiонной хартiей.

Въ 1803 г. Сперанскiй получаетъ порученiе составить планъ государственнаго преобразованiя (порученiе исходило отъ государя, но черезъ другихъ лицъ). Заданiе состояло въ томъ, чтобы дать преобразованiе всего административнаго устройства при условiи сохраненiя въ неприкосновенности „основныхъ началъ" государственнаго строя. До насъ дошелъ черновой набросокъ плана 1803 г. Но схема его чрезвычайно любопытна: предлагая ввести раздѣленiе властей (на законодательную, исполнительную и судебную) и нѣкоторыя преобразованiя въ высшей администрацiи, Сперанскiй вездѣ старается подчеркнуть тотъ основной мотивъ, что подобнаго рода мѣры будутъ имѣть только кажущееся приближенiе къ формамъ „истинной монархiи", и что послѣдняя немыслима безъ политическихъ органовъ, и что гораздо цѣлесообразнѣе и честнѣе, не закрываясь формами, дать государству „истинно монархическое" устройство *).

Мы обратили вниманiе на эти бiографическiя черты въ дѣятельности Сперанскаго съ тою цѣлью, чтобы разсѣять, на основанiи ново-опубликованныхъ данныхъ, предубѣжденiе—остатокъ давнишнихъ партiйныхъ и личныхъ счетовъ—будто основной планъ Сперанскаго (1809 г.) явился скороспѣлымъ творенiемъ, результатомъ еще несложившихся государственныхъ убѣжденiй и наблюденiй его автора.

Намъ представляется также весьма несправедливымъ, когда Сперанскаго обвиняли (а иногда обвиняютъ и теперь) въ томъ, что паденiе способствовало рѣзкому измѣненiю его взглядовъ. Ссылаются иногда на его переписку; пониженный тонъ нѣкоторыхъ писемъ не соотвѣтствовалъ прежнему отношенiю автора ихъ къ адресатамъ. Но надо представить себѣ положенiе автора частнаго письма, который знаетъ, что его

*) Подъ истинною монархiею тогда разумѣли, въ противоположность деспотiи, монархiю, облеченную конституцiонными формами.

письмо будетъ перлюстровано и съ комментаріями доведено до свѣдѣнія самой высокой особы въ государствѣ, что его письмо, даже зашитое въ шапку вѣрнаго слуги, будетъ перехвачено. Тяжело, несомнѣнно, дѣйствуетъ на человѣка съ убѣжденіями и такое положеніе, когда „квартальные, приставы, вся полицейская сволочь является поминутно, стерегутъ самое дыханіе“ (письмо Сперанскаго къ Столыпину изъ Персіи),—когда сегодня человѣкъ не знаетъ, что будетъ съ нимъ завтра.

Но къ чести Сперанскаго слѣдуетъ сказать, что если онъ и падалъ духомъ, то въ немъ всегда таилась и искра вѣры и надежды въ свои политическія убѣжденія, онъ не переставалъ мечтать, даже дѣлать попытки возвратиться къ прежнимъ своимъ планамъ. Только что переведенный изъ ссылки въ Перми губернаторомъ въ Пензу (опала еще продолжалась, хотя и была подслащена), онъ узнаетъ отъ своего друга Столыпина о петербургскихъ слухахъ, будто хотятъ составить какой-то комитетъ о реформахъ, и тотчасъ же даетъ наставленіе Столыпину подать совѣтъ, чтобы комитетъ былъ составленъ изъ нѣскольких губернаторовъ. И развиваетъ дальше свой планъ такъ: „Впослѣдствіи, когда дѣло оснуется, можно будетъ приглашать и губ. предводителей и даже духовныхъ нѣкоторыхъ лицъ, дабы такимъ образомъ, раздвигая постепенно кругъ дѣйствія, приготовить и образовать лучшее общее мнѣніе въ публикѣ представлять ручательство въ безопасности правилъ. Много можно сдѣлать добра, начавъ вещи не съ того конца, съ коего нынѣ по общимъ слухамъ, они начинаются. Кто мететъ лѣстницу съ низу? Очистите часть административную. Потомъ введите установительные законы, т. е. свободу политическую и затѣмъ постепенно приступите къ вопросу о свободѣ гражданской, т. е. къ свободѣ крестьянъ. Вотъ настоящій ходъ дѣла“.

Недаромъ Аракчеевъ такъ боялся Сперанскаго и не довѣрялъ ему.

Мы отмѣтили нѣсколько штриховъ изъ біографіи Сперанскаго только съ цѣлью оттѣнить систематичность развитія въ немъ его политическихъ убѣжденій и увѣренность въ нихъ даже въ тяжелыя для него годины.

Въ дѣятельности Сперанскаго есть двѣ стороны: онъ провелъ въ жизнь немногія изъ своихъ начинаній, но зато онъ

о многомъ думалъ и очень многое хотѣлъ сдѣлать. Въ виду этого его записки и проекты имѣютъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ чисто историческій интересъ. Ихъ поэтому необходимо изучать съ теоретической точки зрѣнія, какъ взгляды политическаго мыслителя. Мы постараемся подойти къ его проектамъ именно съ этой точки зрѣнія, и извлечемъ изъ его разновременныхъ записокъ общія основы политическихъ идей Сперанскаго. Мы постараемся изложить его взгляды, какъ политическаго мыслителя.

Историческіе вопросы о томъ, насколько эти взгляды были приложимы къ жизни, или о томъ, какое значеніе они имѣли въ современномъ Сперанскому и послѣдующемъ законодательствѣ, не будутъ интересовать насъ съ точки зрѣнія поставленной нами задачи.

Хотя записки Сперанскаго были написаны въ разное время, хотя въ нихъ, примѣняясь къ обстоятельствамъ, онъ высказывался то съ большею, то съ меньшею опредѣленностью, однако, нетрудно подмѣтить общую схему его воззрѣній. Она укладывается въ слѣдующія рубрики. Для того, чтобы доказать необходимость установленія „истинной" монархіи, Сперанскій критикуетъ современные ему недостатки государственнаго строя. Отъ критики онъ переходитъ къ положительной сторонѣ дѣла и излагаетъ свои теоретическія воззрѣнія на государственный строй. Затѣмъ слѣдуетъ поставить изложеніе самой схемы государственнаго управленія и законодательства. Къ послѣднему тѣсно примыкаютъ воззрѣнія Сперанскаго на сословныя отношенія.

II.

Сперанскій былъ глубокимъ знатокомъ современнаго ему русскаго государственнаго строя. Онъ прекрасно понималъ историческія явленія XVIII вѣка, отчего его критика имѣетъ капитальное значеніе.

Для того, чтобы подтвердить свои идеи о необходимости введенія въ Россіи „истинной" монархіи, основанной на незыблемыхъ законахъ, гармонически проведенныхъ по всѣмъ отраслямъ управленія, Сперанскій не разъ обращается съ вѣрною

и ѣдкою,—насколько позволяла форма офиціальной записки, представляемой самодержцу,—критикой какъ самаго положенія верховной власти, такъ и тѣхъ учрежденій и пріемовъ, въ которыхъ она себя проявляетъ. Власть самодержавная безъ „истинной“ монархіи недостаточна и проявляется часто ко вреду самой власти и управленія. Эту свою мысль Сперанскій старается доказать теоретически и исторически. „Верховное начало въ Россіи,—говоритъ онъ,—государь самодержавный, соединяющій въ особѣ своей власть законодательную, исполнительную и располагающій неограниченно всѣми силами государства“; это „начало никакихъ вещественныхъ предѣловъ не имѣетъ“. Единственный предѣлъ ея—„умственныя границы“, такъ что власть проводится въ дѣйствіе единообразнымъ порядкомъ.

Но такое положеніе власти тягостно въ извѣстной мѣрѣ ей самой.

Какъ ни проста эта верховная власть, но составъ ея „многосложенъ“. Всѣ власти, т. е. законодательная, исполнительная и судебная,—соединены въ одномъ лицѣ. Поэтому власть завалена множествомъ работы, которую выполнить нѣтъ силъ. „По разнообразію ихъ, пространству и многосложности ихъ предметовъ нельзя предполагать, что лицо державное, само собою и непосредственно на нихъ дѣйствуя, могло сохранить съ точностью ихъ предѣлы и во всѣхъ случаяхъ сообразить всѣ различныя ихъ отношенія“.

Многосложность и разнообразіе занятій монарха дѣлаютъ то, что н и ч т о не можетъ произойти безъ его указа. Отсюда проволочка въ дѣлахъ. Это замѣтно особенно на судѣ: „Инстанцій у насъ семь,—говоритъ одна изъ записокъ,—а рѣшить можетъ одна самодержавная власть. Если какое-нибудь дѣло воспріяло свое окончаніе, не пройдя всѣхъ инстанцій и безъ высочайшаго рѣшительнаго указа, то сіе могло случиться только или по кончинѣ тяжущихся, или по нерадѣнію ихъ, или потому, что имъ наскучило тягаться“. Да и для самой власти не всегда выгодно обладать столь обширными полномочіями. Напримѣръ, въ дѣлѣ собиранія налоговъ власть попадаетъ въ весьма щекотливое положеніе: „Есть мѣры, кои одно лицо, даже и всемогущее, не можетъ или не должно принимать на свою отвѣтственность. Таковы суть подати и налоги. Несвойственно и неприлично верховной власти пред-

ставляться въ видѣ непрерывной нужды и умножать народныя тягости. Пусть разсчитываютъ ихъ министры, присуждаетъ совѣтъ, а государь долженъ только прилагать къ нимъ печать своего необходимаго утвержденія". При этомъ всѣ учрежденія имѣютъ только совѣщательный характеръ. „Существо законодательныхъ нашихъ установленій состоитъ единственно въ совѣщательномъ соображеніи, т.-е. въ томъ: 1) чтобы признать и удостовѣрить необходимость новаго закона; 2) чтобы составить проектъ закона и представить его на усмотрѣніе единой истинной власти, законодательной власти государя".

Столь широкія полномочія верховной власти невыгодно отражаются на всемъ механизмѣ государственнаго управленія. Ни Государственный Совѣтъ, ни Сенатъ, ни министерства не имѣютъ положительныхъ законовъ. Компетенція этихъ учрежденій отличается спутанностью, и всѣ они по существу занимаются и законодательствомъ, и судомъ, и административными дѣлами.

Мѣстъ, издающихъ законы, много, но въ частности изданіе ихъ не предоставлено ни одному учрежденію. „Важнѣйшая часть государственнаго управленія — соображеніе законовъ, уставовъ и учрежденій —не имѣетъ у насъ никакого постояннаго положенія и нѣтъ мѣста, гдѣ бы дѣла государственныя постоянно и единообразно были уважаемы".

Въ дѣлѣ управленія нѣтъ единства и каждое дѣло можетъ поступать въ Совѣтъ, Сенатъ или Комитетъ министровъ.

И каждое изъ этихъ учрежденій—безгласно. Въ самомъ дѣлѣ, Непремѣнный Совѣтъ—мѣсто „произвольное", въ которое вмѣсто законовъ поступаютъ текущія дѣла. Въ Сенатѣ одинъ голосъ можетъ остановить рѣшеніе и перенести дѣло на усмотрѣніе государя. Да и вообще Сенатъ ничего не можетъ постановить безъ государева указа. Министры въ видѣ Высочайшихъ повелѣній издаютъ законы.

Однимъ словомъ, въ государствѣ нѣтъ политическаго органа, потому что ни одно учрежденіе не имѣетъ правъ. Отсюда вытекаютъ существенныя неудобства для государственнаго управленія: при множествѣ законовъ нѣтъ закона постояннаго; „отсюда происходитъ то всеобщее убѣжденіе, самимъ опытомъ оправданное, что нѣтъ въ Россіи закона постояннаго и что можно перемѣнить все по личнымъ случаямъ

и удобностямъ". Потому всѣ законы, учрежденія и мѣры правительства имѣютъ „видъ произвола и личнаго довѣрія, измѣняющагося по случаямъ и обстоятельствамъ". При такихъ условіяхъ учрежденія и законы не обладаютъ достаточнымъ достоинствомъ и уваженіемъ со стороны общества: „черезъ какія-нибудь 20 лѣтъ любой законъ подвергается измѣненію".

Такой порядокъ вещей не могъ приготовить общество и администрацію къ сознательному исполненію законовъ. Сами законы—не такъ плохи, какъ ихъ исполнители. Судьѣ трудно быть честнымъ тамъ, гдѣ нѣтъ „общаго мнѣнія, гдѣ нѣтъ публичности самаго суда". Сами судьи не учатся, но „творятся" волею монарха" и т. д.

Столь печальное положеніе государства требуетъ измѣненія, но не частичнаго, а общаго. Какъ бы хорошо не была исправлена законодательнымъ путемъ любая отрасль управленія, она, безъ связи съ общей реформой не произведетъ должнаго дѣйствія: все будетъ основываться на личныхъ качествахъ исполнителей, но не на общемъ положительномъ законѣ. Прежде всего всѣ должны получить полную увѣренность въ непреложности положительныхъ законовъ страны: „Всѣ жалуются,—говоритъ одна записка Сперанскаго,—на запутанность и смѣшеніе гражданскихъ нашихъ законовъ. Но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ? Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ предположеніи не имѣетъ твердаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда скрижали ихъ каждый день могутъ быть разбиты о первый камень самовластія". „Жалуются на запутанность финансовъ. Но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичнаго установленія, порядокъ ихъ охраняющаго. Жалуются на медленность успѣховъ просвѣщенія и разныхъ частей промышленности. Но гдѣ начало, ихъ животворящее? Къ чему послужитъ народу просвѣщеніе? Къ тому только, чтобы яснѣе обозрѣлъ онъ всю горесть своего положенія".

Такимъ образомъ, Сперанскій постепенно подходитъ въ своихъ доказательствахъ къ необходимости введенія въ Россіи формъ „истинной" монархіи. Главнымъ базисомъ для него служитъ современное положеніе вещей и сопряженная съ нимъ необезпеченность правъ личности.

Прежде всего государственная и общественная жизнь, по мнѣнію Сперанскаго, достаточно созрѣла для воспріятія новыхъ формъ правленія. Для этой цѣли Сперанскій приводитъ рядъ историческихъ соображеній изъ всеобщей и русской исторіи. Въ историческомъ развитіи каждаго народа есть извѣстные моменты, когда общество достигаетъ зрѣлости и неудержимо стремится къ достиженію политической свободы. Исторія западно-европейскихъ государствъ доказываетъ, что въ этомъ случаѣ тщетно власть державная силилась удержать его напряженіе, сопротивленіе ея воспалило только страсти, произвело волненія, но не остановило перелома". Можно было бы „много сберечь крови, если бы правители державъ своевременно усвоили себѣ духъ общества и сообразовали бы правленіе къ состоянію народа". Русская исторія представляетъ нѣсколько моментовъ проявленія общественной мысли, начиная съ царя Алексѣя Михайловича. Но только въ настоящее время общество созрѣло къ воспріятію новаго порядка вещей: „государство имѣетъ прямое направленіе къ свободѣ". Это „направленіе" общественнаго мнѣнія Сперанскій видитъ въ слѣдующихъ фактахъ. Компетенція власти остается прежней, но „моральная сила" ея несомнѣнно ослабѣла. „Съ горестью, но съ достовѣрностью можно сказать, что въ настоящемъ положеніи всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія".

По мнѣнію Сперанскаго, безполезно было бы искать причинъ такого печальнаго явленія въ личныхъ свойствахъ государственныхъ дѣятелей: „одна есть истинная сему причина: образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія". Всякаго рода частныя исправленія будутъ только палліативными мѣрами: въ обществѣ замѣтно „глухое, но сильное желаніе другого вещей порядка". Вотъ почему Сперанскій думаетъ, что „настоящая система правленія не свойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа".

Итакъ, сила общественнаго мнѣнія играетъ въ глазахъ Сперанскаго первенствующее значеніе. Общество готово для воспріятія „истинной" монархіи. Говоря о подготовкѣ общества, Сперанскій принималъ во вниманіе не только данное его состояніе, но и то возрождающее дѣйствіе, которое произведетъ въ странѣ введеніе свободныхъ учрежденій. Онъ и самъ

не всегда увѣренъ въ зрѣлости общественной мысли даннаго момента и всѣхъ классовъ населенія. Предвидя наиболѣе вѣскія возраженія въ этомъ пунктѣ, онъ старается ихъ отпарировать. Въ одной изъ записокъ онъ сознается, что быть можетъ, нѣкоторыя новыя установленія на первое время и вызовутъ недоразумѣнія; но общество, ободренное сознаніемъ своихъ политическихъ и гражданскихъ правъ, скоро привыкнетъ къ новому порядку вещей. Поэтому Сперанскій имѣетъ глубокую вѣру въ силу публичности, общественнаго мнѣнія и быстраго перевоспитанія общества подъ вліяніемъ новаго порядка вещей. „Россія скоро пожелаетъ знать, говоритъ онъ, что дѣлаетъ правительство и, познавая его труды, научится почитать его, любить свои законы, свой образъ правленія: ибо тогда они дѣйствительно будутъ для нихъ свои, когда они ихъ познаютъ". Такое правительство будетъ опираться въ управленіи на „народное мнѣніе"; по его мнѣнію, всякіе законы останутся мертвыми, если для ихъ исполненія отсутствуетъ свободная народная воля.

Такъ Сперанскій выясняетъ необходимость государственной реорганизаціи Россіи: эта необходимость вытекаетъ изъ самой сути государственнаго строя, изъ его тягостнаго и безпомощнаго положенія, а путь къ разрѣшенію вопроса слѣдуетъ искать въ свободномъ мнѣніи страны. Вообще Сперанскій очень заботится о томъ, чтобы привлечь къ участію въ управленіи „народное мнѣніе". Отсюда понятно, почему общество въ проектахъ Сперанскаго, играетъ столь важную роль. По проектамъ Сперанскаго всѣ акты государственной дѣятельности должны совершаться публично: засѣданія суда, Государственной Думы и даже исполнительнаго Сената.

Нельзя не замѣтить, что предоставляя видную роль общественной самодѣятельности, Сперанскій какъ будто забывалъ, говоря о „народномъ мнѣніи", о массѣ крестьянства, находившагося въ тяжеломъ рабствѣ. Онъ не могъ также не знать, что и мелкое полуграмотное дворянство, разбросанное на громадномъ пространствѣ имперіи, далеко еще отъ сознательной общественной жизни. Идеализація общества, вѣра въ возможность быстраго и прочнаго установленія новыхъ порядковъ не разъ подавали поводъ къ обвиненію Сперанскаго въ излишнемъ схематизмѣ, въ тщетной вѣрѣ въ силу предписаній, ука-

зовъ. Не отрицая извѣстной идеализаціи общества въ запискахъ Сперанскаго, не слѣдуетъ однако упрекать автора ихъ въ излишней вѣрѣ въ силу предписаній. Онъ не разъ съ ироніей говоритъ о томъ, что большое число законовъ не дѣлаетъ лучшими ни управителей, ни управляемыхъ: предписанія останутся мертвыми, если отсутствуетъ свободная воля ихъ исполненія. Если же онъ самъ радужно смотрѣлъ на послѣдствія измѣненій въ общественномъ строѣ отъ введенія проектируемыхъ имъ мѣръ, то въ этомъ сказывалась не вѣра въ букву приказа, но нѣчто иное. Какъ видно изъ предшествующаго изложенія, Сперанскій искренно вѣрилъ, что политическая свобода способна быстро воскресить лучшія стороны человѣческой натуры, пробудить въ ней сознаніе собственнаго достоинства и дать толчокъ общественной самодѣятельности. Итакъ, тутъ сказывается вѣра не въ букву закона, а въ лучшія способности человѣческаго духа: важно отмѣтить вліяніе этой стороны воззрѣній Сперанскаго на его проектъ.

Итакъ, мы разсмотрѣли вопросы о томъ, какъ объяснялъ себѣ Сперанскій необходимость установленія новыхъ формъ правленія. Въ общемъ, онъ исходилъ изъ наблюденій надъ отрицательными сторонами дѣйствительности и изъ вѣры въ положительное свойство человѣческой личности. Посмотримъ теперь, какъ теоретически представлялъ себѣ Сперанскій новый государственный строй.

III.

Предшествующее изложеніе уже выяснило ту логическую постройку, которою Сперанскій хочетъ доказать необходимость реформъ въ государственномъ строѣ. Онъ сочною кистью рисуетъ недостатки современнаго управленія. Власть всеобъемлюща, но ея безпредѣльность ей самой тягостна: она расплывается въ лицахъ, но не въ прочно установленныхъ формахъ, личное довѣреніе не всегда оправдывается исполнительными органами, при такихъ условіяхъ контроль превращается въ фикцію. Матеріалъ, для котораго нужно обновить государственный строй, т.-е. русское общество, достаточно къ тому подготовленъ; болѣе того, въ немъ уже зарождаются элементы,

которые необходимо удовлетворить новыми формами правленія. Сперанскій—не шаблонный составитель проектовъ въ духѣ времени, какихъ и тогда было не мало. Онъ глубокій политическій мыслитель, не только практикъ, но и теоретикъ. Въ его взглядахъ видно широкое знакомство съ философіей, теоріей и практикой права западно-европейскихъ государствъ. Но это знакомство съ наукой, необходимое для всякаго мыслителя, не дѣлаетъ изъ Сперанскаго подражателя. Его теоретическія построенія представляютъ собою стройное цѣлое: изъ нихъ логически вытекаетъ предлагаемое Сперанскимъ для приведенія Россіи въ лучшее состояніе.

Политическое ученіе Сперанскаго обстоятельно развиваетъ слѣдующіе три вопроса: ученіе о власти, ученіе о правахъ подданныхъ и ученіе о законѣ. Сообразно условіямъ, при которыхъ составлялись записки, и цѣли ихъ, Сперанскій не съ одинаковой подробностью трактуетъ объ этихъ вопросахъ: выдвигая ученіе о раздѣленіи властей и о законѣ, онъ сравнительно меньше останавливается на ученіи о существѣ власти и правахъ подданныхъ и, кажется, по весьма понятнымъ причинамъ: не задерживая своего высокаго оффиціальнаго читателя на щекотливыхъ вопросахъ, Сперанскій строитъ свои проекты однако такимъ образомъ, что и развиваемое имъ ученіе о законѣ и о раздѣленіи властей должно вести мысль къ предпочтенію „истинной монархіи“ инымъ формамъ правленія.

Развиваемое Сперанскимъ ученіе о существѣ власти покоится на двухъ посылкахъ. Первая заключается въ признаніи того, что государственный союзъ, на основаніи естественнаго права, въ самомъ себѣ носитъ источникъ власти, вторая основывается на признаніи раздѣленія властей. Въ обоихъ случаяхъ мы, слѣдовательно, встрѣчаемся съ общепризнанными теоріями того времени.

Общество существовало раньше появленія державной власти: сліяніе воли отдѣльныхъ индивидуумовъ составляетъ сущность державной власти. Въ „естественномъ состояніи“ каждый индивидуумъ имѣлъ свою волю, свой законъ и свое исполненіе. Эти три начала, присущія каждому индивидууму, породили три „силы“, которыя движутъ и управляютъ государствомъ, которыя составляютъ державную власть, т.-е. „си-

лу" законодательную, исполнительную и судебную. Соединеніе этихъ трехъ силъ рождаетъ верховную власть, раздѣленіе же ихъ создаетъ права подданныхъ.

Но державная власть можетъ пользоваться всѣми этими силами въ ихъ соединеніи – тогда правленіе будетъ деспотическое и государство окажется въ рабствѣ. Рабство бываетъ двоякаго рода: политическое и гражданское или одно только политическое; въ первомъ случаѣ подданные, не принимая участія въ государственномъ управленіи, не располагаютъ свободно и своею личностью и имуществомъ, въ другомъ—личность и имущество признаютса свободными. Безраздѣльное пользованіе державною властью всѣми государственными силами нарушаетъ ихъ равновѣсіе; оно возстанавливается, когда во власти соучаствуютъ подданные. Изъ такого раздѣленія возникаютъ политическія права подданныхъ. Хотя Сперанскій признаетъ возможность существованія правъ гражданскихъ, безъ правъ политическихъ, но объясняетъ, что въ этомъ случаѣ гражданскія права не имѣютъ твердыхъ основаній. „Истинныя права гражданскія должны быть основаны на правахъ политическихъ точно также, какъ и законъ гражданскій вообще не можетъ быть твердъ безъ закона политическаго". Таковы теоретическія представленія Сперанскаго о происхожденіи верховной власти и правъ подданныхъ. Отсюда понятно, что „власть или силы народа дѣйствительно всегда бываютъ больше силъ правительства, такъ какъ народъ самъ создаетъ свои силы, между тѣмъ какъ правительство бываетъ сильно и могущественно только въ той степени, въ какой допускаетъ это народъ". Разъ правительство черпаетъ свою власть отъ народа, то оно будетъ законно, если основывается „на общей волѣ народа". „Сила можетъ быть ограничена только силой. Созданія, исходящія только изъ личной воли монарха, не могутъ служить противовѣсомъ силѣ"; хотя обѣ власти имѣютъ одинъ и тотъ же источникъ, т. е. народную волю, но нація занимаетъ доминирующее положеніе, потому что власть правительства исходитъ отъ нея. Во избѣжаніе узурпаціи, народъ беретъ клятву, устанавливаетъ сенатъ, парламентъ, вообще устанавливаетъ основные законы страны во избѣжаніе „произвольнаго" правленія.

Отсюда вытекаютъ основныя свойства законнаго прави-

тельства: оно законно, если „основано на волѣ страны“ и если „существуетъ на извѣстныхъ условіяхъ“ и „исполняетъ эти условія“. Послѣднее замѣчаніе Сперанскаго находится въ той версіи записки 1809 г., которую передаетъ Тургеневъ. Текстъ, сообщаемый послѣднимъ, по всей вѣроятности, не былъ офиціальнымъ; таковымъ былъ текстъ, изданный г. Семевскимъ. Въ этомъ изданіи вопросъ объ источникѣ власти развитъ далеко не съ тѣмъ колоритомъ, который приданъ былъ ему въ черновомъ: принципъ народной воли носитъ весьма блѣдныя очертанія, а о правахъ подданныхъ ограничивать власть Сперанскій совсѣмъ не говоритъ.

Хотя теоретическія разсужденія Сперанскаго обоснованы на весьма распространенныхъ теоріяхъ, господствовавшихъ въ эпоху революцій, но это не должно парализовать интереса къ нимъ русскаго изслѣдователя. Напротивъ, интересъ этотъ еще усиливается, когда, слѣдя за разсужденіями Сперанскаго, мы подходимъ къ тому, какъ онъ прилагаетъ свои общіе теоретическіе взгляды къ русской дѣйствительности.

Общіе взгляды Сперанскаго разъясняютъ намъ, въ какой мѣрѣ справедливы нападки на него и современниковъ и историковъ. Его называли и называютъ законникомъ, теоретикомъ. Онъ стремился къ установленію законности, потому что жизнь представляла беззаконіе. Но въ его умѣ всегда носился обликъ закона органическаго, основного, т. е. такого, который покоится по народной волѣ, которому всѣ одинаково подчинены. Изъ предыдущаго ясно, какую роль и какое значеніе такіе законы должны играть въ странѣ. Въ этомъ отношеніи любопытна записка Сперанскаго „О силѣ правительства“ (читана государю въ 1811 г.), гдѣ самостоятельно и примѣнительно къ Россіи развивается мысль о тѣхъ „силахъ“, на которыхъ держится правительство. „Истинная сила правительства состоитъ: 1) въ законѣ, 2) въ образѣ правленія, 3) въ воспитаніи, 4) въ военной силѣ, 5) въ финансахъ“. Законы, по его мнѣнію, являются „первымъ источникомъ силы правительства“. Законы должны быть такъ устроены, чтобы оставить правительству довольно власти, чтобы дѣйствовать всегда во благо. Но такую силу можетъ дать правительству только „правильное законодательство“. Это положеніе Сперанскій иллюстрируетъ сравненіемъ Англіи съ Турціей, находя правительствен-

ную власть первой весьма сильною и второй—весьма слабою. По вопросу о второй силѣ правительства, т.-е. объ образѣ правленія, Сперанскій полагаетъ, что образъ правленія даетъ правительству истинную силу: 1) правильнымъ раздѣленіемъ дѣлъ, 2) единствомъ управленія, 3) выборомъ управителей. Прилагая эти требованія къ Россіи, авторъ записки находитъ, что „легко можно удостовѣриться, что и въ семъ отношеніи сила правительства у насъ всегда слаба. Мало есть государствъ, гдѣ бы управленіе, собственно такъ называемая администрація, менѣе было устроено".

Легко предвидѣть, что нашъ авторъ недоволенъ и постановкой воспитанія: оно должно носить „общественный характеръ", т. е. подготовлять людей къ государственной дѣятельности. Между тѣмъ, „всѣмъ извѣстно, что въ Россіи нѣтъ почти общественнаго воспитанія, ибо нѣтъ ни цѣлости въ планѣ, ни единообразія въ исполненіи. Великія издержки, сдѣланныя на сію часть правительствомъ, есть совершенная потеря времени и денегъ". Остальныя двѣ силы—финансы слабы, вслѣдствіе принятія неудовлетворительныхъ системъ, войско же „имѣетъ въ весьма нарочитой степени совершенства".

Итакъ, опредѣляя условія правительственной дѣятельности, Сперанскій неоднократно ставилъ вопросъ о коренныхъ законахъ страны.

Сперанскій съ особеннымъ вниманіемъ относился къ вопросу о содержаніи, назначеніи и раздѣленіи законовъ. Въ этомъ отношеніи онъ далъ столь точныя опредѣленія, которыя дѣлаютъ честь его уму.

Основной законъ это тотъ, который вытекаетъ изъ существа силъ государственныхъ. Для троякаго раздѣленія властей „потребны установленія, кои бы приводили ихъ въ дѣйствительное упражненіе". Отсюда возникаютъ законы органическіе, которые составляютъ тотъ цементъ, которымъ связываются, поддерживаются и уравновѣшиваются власти въ государствѣ. Общее назначеніе закона состоитъ въ обезпеченіи пользы и безопасности людей; законъ опредѣляетъ отношенія частныхъ лицъ къ государству (законъ государственный) и отношенія между частными лицами. Государственные законы бываютъ двоякаго рода: преходящіе и неизмѣнные, коренные. Въ государственной жизни существуетъ рядъ во-

просовъ, которые по существу своему являются преходящими; таковы, напр., вопросы войны и мира, государственной экономiи и пр. Но польза и безопасность людей требуютъ, чтобы государство выработало коренные законы; они должны опредѣлить „образъ, коимъ силы государственныя сопрягаются и дѣйствуютъ въ ихъ соединенiи". Такiе законы должны опредѣлить положенiе державной власти, сущность закона и, наконецъ, извѣстные органическiе законы. Подъ именемъ послѣднихъ Сперанскiй понимаетъ опредѣленiе формъ законодательства, суда, управленiя и, наконецъ, устройство „сословiя, въ коемъ всѣ сiи распорядки должны соединиться и чрезъ которое власть державная будетъ на нихъ дѣйствовать и принимать ихъ дѣйствiе". Таково опредѣленiе тѣхъ коренныхъ законовъ, которыми должна регулироваться государственная жизнь. Они доминируютъ во всемъ государственномъ строѣ, потому что основаны на народной волѣ. Это довольно отвлеченное представленiе о коренномъ законѣ, развитое Сперанскимъ въ проектѣ 1809 г., обосновывается въ запискѣ 1803 г. болѣе простыми и практическими соображенiями. Здѣсь онъ довольно осторожно касается вопроса о томъ, какимъ образомъ въ государствѣ самодержавномъ (мы видѣли, что тогда Сперанскому предлагалось составить проектъ коренныхъ законовъ при условiи сохраненiя самодержавiя) можно провести принципъ коренныхъ законовъ. Онъ полагаетъ, что „государь благонамѣренный" не найдетъ въ ограниченiи своей власти препятствiй для проявленiя своей дѣятельности. „Но самодержецъ, который бы захотѣлъ употребить во зло неограниченную его власть, встрѣтилъ бы твердую преграду своимъ насилiямъ, если не въ самихъ сихъ условiяхъ, то въ мнѣнiи, въ укорененности и привычкахъ народныхъ, особливо, когда привычки сiи долголѣтнимъ продолженiемъ добраго царствованiя въ сердцахъ укрѣпятся. Сiе укрѣпленiе всегда было прочнѣйшимъ, надежнѣйшимъ оплотомъ политической свободы и можетъ быть лучшей гарантiей закона".

Настаивая на незыблемости коренныхъ законовъ, Сперанскiй съ особеннымъ вниманiемъ перечисляетъ тѣ изъ нихъ, которые касаются правъ политическихъ, но мы уже знаемъ, что онъ такую же устойчивость придаетъ и законамъ гражданскимъ и судебнымъ. Такого свойства законы, по

ученію Сперанскаго, не стѣсняютъ однако быстроты въ дѣятельности государственной машины. Это потому, что подъ именемъ закона онъ разумѣетъ однѣ лишь наиболѣе важныя, основныя нормы права, опредѣляющія дѣятельность исполнительныхъ органовъ· всѣ же постановленія, имѣющія временный характеръ, издаются самою исполнительною властью, но подъ контролемъ законодательнаго сословія. Такимъ образомъ Сперанскій избавлялъ законодательную власть отъ излишней регламентаціи дѣятельности исполнительныхъ органовъ, предоставляя имъ широкую инициативу, но въ то же время онъ пытается точно установить разницу между закономъ и административнымъ распоряженіемъ. Заслуга Сперанскаго въ этомъ отношеніи по достоинству оцѣнена юридическою наукой, которая и въ настоящее время часто пользуется его опредѣленіями.

Административная власть, по мнѣнію Сперанскаго, есть только „исполненіе закона“; поэтому она имѣетъ дѣло съ фактами, подлежащими непрестаннымъ измѣненіямъ. Законъ долженъ установить общія нормы, въ которыхъ дѣйствуетъ административная власть. Поэтому, говоритъ онъ, „законъ имѣетъ предметомъ отношенія постоянныя и непремѣняемыя“. Сперанскій принимаетъ раздѣленія закона на три группы: законъ государственный, т. е. конституціонный, законъ гражданскій и законъ уголовный (послѣдніе два вида онъ называетъ „уложеніемъ“ въ отличіе отъ перваго); изданіе законовъ принадлежитъ высшей въ государствѣ власти. Какимъ бы образомъ ни была въ государствѣ составлена власть законодательная, никто, кромѣ нея, „не можетъ постановлять законовъ“. Это замѣчаніе Сперанскаго представляетъ базисъ, на которомъ основаны его взгляды на внутренній распорядокъ въ государственномъ строѣ. Онъ предвидитъ большую опасность, если исполнительная власть во всемъ будетъ испрашивать разрѣшеніе законодательной: въ отправленіи государственныхъ дѣлъ при такихъ условіяхъ не можетъ быть порядка. Но, съ другой стороны, не меньшая опасность грозитъ порядку, если власть исполнительная будетъ дѣйствовать „безъ соображенія съ закономъ государственнымъ“. Разумѣется, законодательная власть должна контролировать исполнительную и должна опираться на „добрыхъ исполнителей“. Словомъ, разсуждаетъ

онъ далѣе, „изящность закона есть всегда относительна къ способамъ исполненія и имъ соразмѣрна“.

Такъ разсуждаетъ Сперанскій въ проектѣ 1803 г.

Основныя мысли этого разсужденія встрѣчаемъ и во всѣхъ послѣдующихъ запискахъ. Въ проектѣ 1809 г. онъ ставитъ такую дилемму: „Если понятіе закона распространить на всѣ постановленія безъ изъятія, тогда все содѣлается предметомъ законодательнаго сословія, дѣла придутъ въ совершенное смѣшеніе и единство исполненія исчезнетъ“. Съ другой стороны, понятіе закона не должно парализовать дѣятельность исполнительной власти. Поэтому нужно найти истинную средину, на основаніи которой законъ будетъ отличаться отъ исполненія. Такую средину Сперанскій полагаетъ найти „въ простомъ началѣ“: „не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ“. Вытекающія изъ этого правила послѣдствія для политической и гражданской свободы онъ дѣлитъ опять-таки на двѣ группы: къ 1-ой онъ относитъ общія нормы; ко 2-й—такія, которыя должны быть регламентированы исполнительною властью. Даже и въ послѣдующее время, когда прошелъ для Сперанскаго періодъ блестящихъ мечтаній, онъ стремился, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы отдѣлить въ государственномъ правѣ понятіе закона отъ административнаго распоряженія, понимая сколь невыгодно для государства такое сплетеніе понятій. Въ концѣ 1809 г., когда Сперанскій уже начиналъ предвидѣть, что общій проектъ его преобразованій оттягивается введеніемъ въ жизнь, онъ подалъ императору Александру I записку о необходимости учрежденія Государственнаго Совѣта, т.-е. только одного изъ звеньевъ предположенныхъ преобразованій.

Въ этой запискѣ онъ настаивалъ на немедленномъ учрежденіи Совѣта: въ государствѣ нѣтъ учрежденія „для соображенія и составленія законовъ“, Сенатъ не можетъ быть таковымъ; существующій Совѣтъ тоже не удовлетворяетъ такому высокому назначенію, потому что онъ —„мѣсто произвольное, коего дѣйствія безгласныя, неопредѣлительны“, до сихъ поръ изданіе законовъ являлось „предметомъ личнаго довѣрія и переходя по случаямъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, никогда не имѣли ни единства, ни надлежащаго уваженія“. Въ сильномъ и обширномъ государствѣ, доказываетъ онъ далѣе,

управленіе не можетъ отличаться стройностью, если каждая отдѣльная часть его движется по своему направленію, не исходя изъ объединяющаго центра. Отсюда выходитъ то, что законы у насъ имѣютъ „видъ произвола и личнаго довѣрія“; на всякомъ шагу встрѣчается „великая несвязность“ въ законахъ. Законъ не можетъ имѣть свойственныхъ ему достоинства и важности потому, что онъ издается втайнѣ, „безъ всякаго публичнаго и единообразнаго ихъ уваженія“; часто по почину отдѣльныхъ лицъ, „дѣйствующихъ втайнѣ, пользуясь личнымъ довѣріемъ“. Законы часто вводятся и отмѣняются, отличаются такою неустойчивостью, что къ нимъ потеряно всякое уваженіе.

Такими соображеніями Сперанскій старался побудить колеблющагося императора къ учрежденію Государственнаго Совѣта.

И по возвращеніи изъ ссылки, наученный опытомъ Сперанскій все-таки не переставалъ настаивать на единообразіи въ изданіи законовъ и необходимости точнаго исполненія законовъ. „Власть самодержавнаго государя,—говоритъ онъ въ запискѣ (1827 г.). „О системѣ гражданскаго управленія“, - должна быть сокрыта подъ эгидою законовъ; верховная власть своимъ вмѣшательствомъ въ частныя дѣла не должна выводить дѣла изъ законнаго ихъ чтенія“.

Въ особенности должно ограничить поступленіе частныхъ прошеній на имя государя: „хотя государь, по свойству предоставленной ему Богомъ власти, есть лицо самое безпристрастное, но дабы рѣшить по истинѣ тяжбу или дѣло, нужно вполнѣ прочесть всѣ оныхъ акты и производства: въ силахъ ли монархъ, удрученный государственными трудами и безчисленными заботами, все сіе исполнить?“ Вообще государь, сдѣлавшись хранителемъ закона, отказавшись отъ вмѣшательства въ частныя дѣла, когда они могутъ быть рѣшены на точномъ основаніи закона, заслужитъ глубокую признательность своихъ подданныхъ. „Подданные станутъ его благославлять, когда увидятъ, что онъ есть первый хранитель государственныхъ уставовъ и что въ частныхъ тяжбахъ воля его не дѣйствуетъ. Правило сіе полезнѣе всѣхъ для самого государя. Оно, избавляя лицо его отъ безчисленныхъ жалобъ и неудовольствій частныхъ людей, доставитъ ему множество свободныхъ ча-

совъ заниматься предметами, собственно до государства касающимися".

Таковы были представленія Сперанскаго о законѣ; въ извѣстной мѣрѣ они повліяли на нашъ Сводъ Законовъ и нѣкоторое время воодушевляли бывшій кодификаціонный отдѣлъ. Сперанскій оставилъ прекрасныя начала, но не въ его силахъ оказалось закрѣпить ихъ въ русскомъ государственномъ правѣ.

Таковы тѣ элементы, на которыхъ, по мнѣнію Сперанскаго, зиждется „истинная“ монархія. Верховная власть состоитъ изъ трехъ государственныхъ „силъ“, т.-е. законодательной, административной и судебной; источникъ власти покоится на волѣ страны; общество проявляетъ свою волю въ законодательствѣ; для охраны правъ устанавливаются „коренные“ законы. Отсюда также понятно, что форма правленія, не объединяющая въ себѣ указанныхъ условій, должна быть признана неудовлетворительною. Сперанскій часто, для выясненія своей основной мысли, обращается къ вопросу о преимуществѣ той или иной системы правленія. Такъ, развивая мысль о томъ, что въ Россіи должно учредить правленіе „на непремѣняемомъ законѣ“, Сперанскій замѣчаетъ: „нельзя основать правленія на законѣ, если одна державная власть будетъ и составлять законъ и исполнять его“. Можно, конечно, разсуждаетъ Сперанскій, и при самодержавномъ правленіи облечь власть „внѣшними формами закона“ (т.-е. раздѣленіемъ ея на законодательную, исполнительную и судебную). Но гораздо предпочтительнѣе избрать не внѣшнюю форму, но оградить правленіе „внутреннею и существенною силой установленія“, учредить власть „на законѣ не словами, но самымъ дѣломъ“. Сравнивая обѣ системы правленія Сперанскій рѣшительно предпочитаетъ для Россіи вторую, потому что первая „имѣетъ только видъ закона, другая—самое существо его. Первая издалека готовитъ сама себѣ прекращеніе, а другая, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можетъ утвердиться, долгое время безъ важныхъ перемѣнъ постепенно слѣдовать за гражданскимъ усовершеніемъ; первая можетъ быть оправдана въ народѣ своевольномъ, непостоянномъ, преклонномъ ко всѣмъ новымъ умствованіямъ и особливо тогда, какъ народъ сей выходитъ изъ анархіи съ превратными привычками, но вторая одна можетъ быть свойственна народу, который имѣетъ бо-

лѣе добраго смысла, нежели пытливости, болѣе простого и твердаго разума, нежели воображенія, коего характеръ трудно обольстить, но легко убѣдить простою истиною, словомъ, она можетъ быть болѣе свойственна такому народу, коего нѣтъ нужды прельщать и обманывать по добронравію его и нѣкоторой лѣности, всѣмъ народамъ сѣвернымъ природной".

Есть и другія стороны превосходства въ строѣ истинной монархіи. Одна изъ нихъ—ответственность исполнительной власти. Въ „истинной монархіи" отвѣтственность исполнительныхъ органовъ, говоритъ онъ въ проектѣ 1803 г., основана на публичности дѣйствій правительства и контролѣ законодательнаго сословія. Такого рода отвѣтственности не можетъ быть въ деспотіи; послѣдняя можетъ достигнуть только точности исполненія, „но не ручается ни за совершенства, ни за твердость закона". Словомъ, разсуждаетъ далѣе Сперанскій, „отвѣтственность сія удостовѣряетъ только въ томъ, что все и самое зло дѣлается не иначе какъ по установленной правительствомъ формѣ".

Опредѣляя отрицательныя черты, несовмѣстимыя съ „истинною монархіею", Сперанскій подходитъ къ теоретическому опредѣленію того, что по его мнѣнію должно представлять правленіе „монархическое". Такъ, оно не можетъ быть основано въ странѣ, гдѣ половина населенія находится въ совершенномъ рабствѣ; оно должно покоиться на государственномъ законѣ: въ немъ должна быть отдѣлена власть законодательная отъ исполнительной. Но законодательная власть должна быть представлена въ лицѣ независимаго законодательнаго „сословія" и притомъ опирающагося на свободное общественное мнѣніе. Независимое сословіе не можетъ однако привиться къ странѣ, гдѣ существуетъ рабство и нѣтъ просвѣщенія. Общественное мнѣніе, столь необходимое для правительства, немыслимо однако безъ свободы „тисненія" (т.-е. печати). Въ истинной монархіи должна быть установлена строгая отвѣтственность исполнительной власти. Таковы качества, которыя необходимо развить въ государствѣ, переходящемъ на путь истинной монархіи. Такъ писалъ Сперанскій еще въ проектѣ 1803 г., когда онъ указывалъ на то, что Россія, подготовляясь къ истинной монархіи, должна предварительно освободиться отъ существующихъ въ ней недостат-

ковъ. Тогда же имъ уже точно опредѣлены и тѣ положительныя основы, на которыхъ должна покоиться истинная монархія, и которыя вполнѣ сходятся съ представленнымъ имъ позднѣе проектомъ конституціи.

Излагая общія теоретическія основы истинной монархіи, Сперанскій прекрасно понимаетъ, что одно начертаніе законовъ, какъ бы они хороши не были, не дѣлаетъ еще правленія вполнѣ устойчивымъ. Необходимо еще развить въ странѣ устои, на которыхъ должна покоиться вся организація государства. Недостаточно, чтобы общество получило законы; необходимо, чтобы оно могло контролировать движеніе государственнаго организма. Даже существованія законодательнаго сословія еще недостаточно. Истиннымъ охранителемъ государственныхъ законовъ является общественное мнѣніе. Но для того, чтобы оно могло контролировать государственный порядокъ, необходимы два условія: свобода печати и публичность всѣхъ дѣяній законодательной, судебной и административной власти.

IV.

Таковы общіе контуры „истинной монархіи". Выяснены были общія основы правъ подданныхъ и того органическаго закона, который охраняетъ эти права, и, наконецъ, способы ихъ охраненія. Но невыясненными еще остаются размѣры участія отдѣльныхъ слоевъ населенія, т.-е. соціальныя воззрѣнія Сперанскаго. Этотъ вопросъ стоитъ въ неразрывной связи съ общимъ строемъ его ученія.

Законъ, по ученію Сперанскаго, охраняетъ политическія и гражданскія права подданныхъ и регулируетъ отношенія ихъ къ верховной власти. Это приводитъ насъ къ изученію той части его воззрѣній, которыя касаются свойствъ политическихъ и гражданскихъ правъ населенія. Объ этомъ Сперанскій подробно трактуетъ въ своемъ проектѣ 1809 г. Общія теоретическія его воззрѣнія приложены здѣсь имъ къ тогдашнему положенію Россіи.

Въ положеніи русскихъ сословій Сперанскій различаетъ три класса. Къ первому классу онъ причисляетъ помѣщи-

чьихъ крестьянъ, которые не имѣютъ ни политической, ни гражданской свободы. Ко второму классу относятся купцы, мѣщане и государственные крестьяне, обладающіе гражданскими правами, но не имѣющіе политическихъ. Дворянство относится къ третьему классу: не имѣя политическихъ правъ, оно однако отличается отъ первыхъ тѣмъ, что на ряду съ государственною властью имѣетъ право владѣть крестьянами.

Гражданскія права, т.-е. безопасность лица и имущества, составляютъ первое и неотъемлемое достояніе всякаго человѣка, входящаго въ составъ общества. Человѣческой природѣ „противно", когда жизнь и имущество человѣка ничѣмъ не обезпечены. Отсюда рабство немыслимо въ правильно устроенномъ государствѣ. Оно должно быть искоренено и въ Россіи. Гражданская свобода раздѣляется на два вида: свобода личная и свобода вещественная (имущественныя права). Для личной свободы Сперанскій находитъ необходимымъ двѣ гарантіи: 1) никто не можетъ быть безъ суда наказываемъ и 2) никто не обязанъ отправлять личную службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другого. Права на имущество также должны быть гарантированы двумя неизмѣнными условіями: 1) всякому принадлежитъ свободное владѣніе и распоряженіе своею собственностью на основаніи общаго закона и 2) никто не обязанъ отправлять вещественной службы и платить податей, иначе какъ по закону. Разсуждая далѣе о томъ, всѣмъ ли классамъ населенія должны принадлежать права гражданскія въ полномъ ихъ объемѣ, Сперанскій дѣлитъ вообще гражданскія права на двѣ категоріи: на права, общія всѣмъ безъ различія, и на права особенныя. Къ первой относятся всѣ означенные четыре пункта личныхъ и вещныхъ правъ со слѣдующимъ однако ограниченіемъ: владѣніе населенными имѣніями принадлежитъ только извѣстному классу общества, т.-е. дворянству. Ко второй категоріи, т.-е. къ особеннымъ гражданскимъ правамъ, онъ относитъ право владѣнія населенными имѣніями и право быть изъятымъ отъ очередной службы, но съ обязательствомъ нести „особенную" службу. Послѣднее изъятіе Сперанскій вводитъ на томъ основаніи, что нѣкоторые роды высшей административной дѣятельности требуютъ спеціальной подготовки, воспитательной и образовательной: по-

этому такая служба должна заполняться лицами высшаго сословія.

На основаніи различія въ правахъ гражданскихъ, Сперанскій выводитъ сословное различіе. Это въ особенности примѣнимо къ Россіи, гдѣ землевладѣніе не можетъ обойтись наемнымъ рабочимъ и гдѣ существуетъ воинская повинность, требующая осѣдлости. На этомъ основаніи приходилось бы заключить, что Сперанскій не предвидитъ возможности освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ. Однако въ данномъ случаѣ онъ предполагаетъ отбываніе крестьянами повинностей по закону; но сверхъ того, мы знаемъ, что Сперанскій является врагомъ рабства и предполагаетъ возможнымъ освобожденіе крестьянъ: слѣдовательно, въ проектѣ 1809 г. онъ хотѣлъ дать помѣщичьимъ крестьянамъ личныя права и опредѣлить отношенія ихъ къ помѣщику путемъ закона,—очевидно, въ томъ предположеніи, что освобожденіе—естественное дѣло будущаго.

Признавая необходимымъ раздѣленіе гражданскихъ правъ и существованіе сословій, Сперанскій естественно предполагалъ и различіе въ правахъ политическихъ. Онъ исходитъ изъ того убѣжденія, что имѣющій недвижимую собственность или капиталъ въ извѣстномъ размѣрѣ болѣе способенъ, въ силу собственныхъ интересовъ, заботиться „о добротѣ закона". Это связывается и съ общимъ представленіемъ Сперанскаго о законѣ: законъ составляется въ защиту лица и собственности, почему чѣмъ болѣе человѣкъ заинтересованъ въ правахъ собственности, тѣмъ болѣе онъ будетъ заботиться объ ея сохраненіи. Объ интересахъ правъ личности онъ тутъ забываетъ. Есть и моральныя основанія, по его мнѣнію, для различія въ правахъ политическихъ: извѣстныя категоріи населенія,—какъ домашніе слуги, ремесленники, поденщики и „народъ рабочій";—едва ли обладаютъ достаточнымъ „разумомъ" и „любочестіемъ", чтобы быть допущенными къ законодательству. Разъ не всѣ слои общества могутъ быть допущены къ праву выбора, то тѣмъ болѣе нельзя допустить, разсуждаетъ Сперанскій, всеобщаго права представительства. Отсюда Сперанскій выводитъ раздѣленіе государства на три сословія: дворянство, среднее состояніе и „народъ рабочій". Первое сословіе обладаетъ всѣми правами гражданскими и политическими. Второе, состоящее изъ купцовъ, мѣщанъ, одно-

дворцевъ и поселянъ, владѣющихъ недвижимою собственностью „въ извѣстномъ“ размѣрѣ, обладаетъ политическими правами „по ихъ собственности“ и гражданскими за исключеніемъ правъ „особенныхъ“. „Народъ рабочій“, состоящій изъ помѣстныхъ крестьянъ, мастеровыхъ, ихъ работниковъ и домашнихъ слугъ, пользуется общими гражданскими правами, но не имѣетъ политическихъ. Переходъ изъ низшихъ состояній въ высшее вполнѣ свободенъ на основѣ пріобрѣтенія собственности и личныхъ заслугъ.

Изложеніе соціальныхъ взглядовъ Сперанскаго едва ли требуетъ особенныхъ разъясненій. Критиковать ихъ съ современной намъ точки зрѣнія было бы излишнимъ. По отношенію къ тому времени можно одно замѣтить: Сперанскій, очевидно, приноравливалъ современный ему соціальный строй къ проектируемой имъ формѣ истинной монархіи. Было бы неумѣстно видѣть со стороны Сперанскаго слишкомъ большую уступчивость тенденціямъ времени. Предполагаемая имъ отмѣна рабства и возможность перехода изъ одного состоянія въ другое уничтожаютъ подобное предположеніе. Но съ другой стороны нельзя не одобрить тѣхъ практическихъ соображеній, которыми руководствовался Сперанскій. Онъ былъ горячимъ противникомъ крѣпостного права, но не связывалъ реформы государственной съ его отмѣною, потому что правительство могло встрѣтить рѣзкую оппозицію со стороны могущественнаго тогда дворянскаго класса. Дѣйствительно, дворянство, не зная всего плана Сперанскаго, больше всего его ненавидѣло, какъ поборника эмансипаціи крестьянъ. Сперанскій же предлагалъ прежде провести реформу государственнаго строя, желательную и для большинства дворянства, въ увѣренности, что однимъ изъ слѣдствій ея будетъ неизбѣжное паденіе крѣпостного права. Но съ другой стороны, привлеченіе къ политической дѣятельности свободнаго крестьянства (казенныхъ) и всѣхъ собственниковъ придастъ проекту Сперанскаго демократическую окраску—такую, до которой не доходили современные ему государственные люди даже весьма либеральнаго направленія.

Мы сдѣлали краткій обзоръ политическихъ взглядовъ Сперанскаго. Наша цѣль заключалась лишь въ томъ, чтобы выяснить тѣ практическія соображенія, которыми руководился

этотъ замѣчательный государственный дѣятель при составленіи своихъ проектовъ. Сперанскій не писалъ спеціальныхъ политическихъ трактатовъ; его общіе теоретическіе взгляды разбросаны поэтому въ разновременныхъ запискахъ и проектахъ, которые ему приходилось представлять. Мы указали главнѣйшее, опуская многія частности, которыя однако вполнѣ заслуживали бы большаго вниманія. Однако, оставляя въ сторонѣ эти частности, въ предшествующемъ изложеніи, какъ кажется, въ достаточной мѣрѣ выяснено то теоретическое построеніе, на основѣ котораго Сперанскій составлялъ свои проекты, предлагавшіе или ввести въ Россіи полныя формы истинной монархіи или, по крайней мѣрѣ, улучшить современное ему положеніе вещей.

Сперанскій пришелъ къ убѣжденію въ необходимости коренныхъ измѣненій въ государственномъ строѣ путемъ тщательнаго ознакомленія съ современной ему дѣйствительностью. Усвоивъ политическіе идеалы второй половины XVIII вѣка, самостоятельно переработавъ ихъ, онъ пошелъ дальше своихъ образцовъ въ ясности многихъ правовыхъ опредѣленій. Весь складъ понятій Сперанскаго отлился въ его проектахъ. Къ знакомству съ нимъ мы теперь и перейдемъ.

V.

Сказанное достаточно характеризуетъ ту комбинацію высшихъ правительственныхъ учрежденій, какая естественно вытекаетъ изъ общихъ положеній Сперанскаго. Мы теперь и приступимъ къ изложенію этой стороны его органическаго проекта 1809 г.

Государство управляется при условіи строгаго раздѣленія трехъ государственныхъ „силъ". Разсуждая о соотношеніи этихъ силъ въ общемъ строѣ государственнаго механизма, Сперанскій указываетъ, что „можно облечь самодержавное правленіе внѣшними формами закона", оставивъ нетронутымъ его существо; такъ, можно установить законодательное сословіе, свободное только по внѣшности, можно установить исполнительную власть такъ, чтобы она имѣла внѣшній видъ отвѣтственности, будучи однако, въ дѣйствительности, зависимой; можно бы и суду дать всѣ преимущества „видимой свободы".

Но такія формы имѣютъ только одинъ видъ закона, который можетъ быть оправданъ только въ томъ случаѣ, если вводится среди народа, склоннаго къ анархіи. Въ Россіи такихъ условій не существуетъ, а потому положеніе въ ней законодательнаго сословія должно быть поставлено вполнѣ независимо и такъ устроено, „чтобы оно не могло совершать своихъ положеній безъ державной власти, но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное“.

Таково внѣшнее соотношеніе трехъ „государственныхъ силъ“. Оно выражается въ четырехъ государственныхъ установленіяхъ: государственномъ совѣтѣ, дѣйствующемъ подъ непосредственнымъ руководствомъ носителя державной власти, законодательнаго сословія, сената и министерствъ.

Каждое изъ этихъ учрежденій, будучи составною частью державной власти, распространяетъ свое дѣйствіе на всю имперію, опираясь на подчиненныя ему низшія правительственныя учрежденія.

Сперанскій выставляетъ три правила, по которымъ должны быть распланированы соотношенія этихъ учрежденій для успѣшнаго ихъ дѣйствія. Во-первыхъ, необходимо „всѣ степени силъ государственныхъ совмѣстить между собою“, т. е. расположить ихъ въ строго іерархическомъ порядкѣ, и притомъ такъ, чтобы объемъ ихъ компетенцій не переплетался. Второе правило состоитъ въ томъ, чтобы доставить возможность всѣмъ подданнымъ принять участіе во всѣхъ стадіяхъ дѣятельности властей, не прибѣгая притомъ къ слишкомъ большому раздробленію учрежденій. Третье правило, наконецъ, состоитъ въ выборѣ „средней мѣры“ въ опредѣленіи числа народныхъ представителей въ разныхъ учрежденіяхъ, такъ какъ и слишкомъ большое ихъ число и слишкомъ малое бываетъ вредно для успѣшной дѣятельности. Четвертое правило состоитъ въ соблюденіи слѣдующаго принципа: вопросы, касающіеся законодательства и суда, требуютъ содѣйствія многихъ лицъ въ сужденіи и единства въ утвержденіи (закона) и въ надзорѣ (надъ судомъ); между тѣмъ, отъ власти исполнительной надо требовать полнаго единства въ исполненіи. Эти принципы распланировки учрежденій должны быть поддержаны еще и другимъ: удобствомъ территоріальнаго дѣленія. Сперанскому не нравится тогдашнее раздѣленіе губерній (онъ непра-

вильно судилъ о принципахъ екатерининскаго раздѣленія губерній). Онъ предлагаетъ поэтому раздѣлить имперію на губерніи, съ населеніемъ отъ ста до трехсотъ тысячъ душъ каждую, губерніи на округи (отъ двухъ до пяти въ каждой) и округи на волости. Это дѣленіе касается центральной и западной Россіи; изъ него исключаются окраинныя области, какъ Сибирь, Кавказъ, Закавказскій и Астраханскій край съ Грузіей, Оренбургскій, Новороссійскій и земля войска Донскаго.

Такимъ образомъ Сперанскій придавалъ большое значеніе принципу раздѣленія властей, при условіи однако полной независимости законодательнаго сословія. При этомъ онъ стремился къ тому, чтобы, проводя до крайности принципъ раздѣленія, заставить всѣ учрежденія дѣйствовать въ полной гармоніи другъ съ другомъ: этого, по мнѣнію Сперанскаго, можно было достигнуть проведеніемъ указанныхъ имъ правилъ.

Кромѣ этихъ административныхъ принциповъ, всѣ учрежденія, по мысли Сперанскаго, должны быть проникнуты общими идеями политическаго характера. Такъ, прежде всего весьма характерную черту для своего времени представляетъ принципъ, по которому вся дѣятельность власти административной, судебной и законодательной носитъ публичный характеръ; во вторыхъ, не только законодательныя, но даже судебныя и административныя учрежденія опираются на народныхъ представителей въ видѣ совѣщательныхъ и контролирующихъ органовъ. Наконецъ, третью особенность всѣхъ учрежденій составляетъ начало косвенныхъ выборовъ въ довольно сложныхъ степеняхъ.

Теперь намъ остается познакомиться съ конкретно-проектированными Сперанскимъ учрежденіями. Прежде всего остановимся на порядкѣ законодательномъ.

Первой ступенью, въ которой выражалась бы законодательная дѣятельность общества, является волостная дума, собирающаяся каждые три года и состоящая изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности волостного района и изъ представителей каждаго пятисотнаго участка казенныхъ крестьянъ. Волостная дума вѣдаетъ: выборъ членовъ волостного правленія, выборъ депутатовъ въ окружную думу, представленіе окружной думѣ объ общественныхъ нуждахъ волости, составленіе списка двадцати „отличнѣйшихъ обывателей“ волости, и, наконецъ, она производитъ отчетъ въ сборахъ и упо-

требленіи суммъ, находящихся въ распоряженіи волостного правленія.

Такимъ образомъ, волостная дума—это съ одной стороны органъ мѣстнаго самоуправленія, съ другой—органъ, избирающій депутатовъ, засѣдающихъ въ слѣдующей высшей инстанціи. Собраніе волостной думы представляетъ собою нѣчто вродѣ вѣча всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности и выборныхъ отъ казенныхъ крестьянъ. Очевидно, эта дума должна быть довольно многочисленной тамъ, гдѣ преобладало мелкопомѣстное дворянство, или въ городахъ. Число лицъ, избираемыхъ такою думой въ качествѣ депутатовъ въ окружную думу, могло быть также не мало, потому что по проекту оно не должно превышать двухъ третей владѣльцевъ.

Слѣдующую ступень представляетъ окружная дума. Ея компетенція во всемъ сходна съ компетенціей волостной. Прежде всего эта дума является избирательнымъ учрежденіемъ, которое выбираетъ членовъ окружнаго совѣта, членовъ окружнаго суда и депутатовъ въ губернскую думу и затѣмъ изъ волостныхъ списковъ избираетъ двадцать „отличнѣйшихъ обывателей“. Затѣмъ она провѣряетъ отчетъ окружнаго начальства по расходамъ на мѣстныя нужды. Наконецъ, та же дума дѣлаетъ представленія объ общественныхъ нуждахъ на основаніи волостныхъ заявленій.

Третью ступень той же лѣстницы представляетъ губернская дума, компетенція которой буквально сходна съ компетенціей низшихъ ея органовъ, т.-е. заключается въ избраніи членовъ губернскаго совѣта, суда, депутатовъ въ государственную думу, въ составленіи списка „отличнѣйшихъ“ обывателей, въ провѣркѣ отчетовъ губернскаго управленія и, наконецъ, въ составленіи представленій на основаніи таковыхъ же, полученныхъ изъ окружныхъ думъ. Всѣ избирательные списки и представленія отправляются на имя канцлера государственной думы.

Присматриваясь къ этой схемѣ выборныхъ органовъ, надо прежде всего отмѣтить, что проектъ нигдѣ не говоритъ о срокахъ депутатскихъ полномочій окружной и губернской думъ. Но, по всей видимости, надо предполагать, что эти собранія, собираясь по примѣру волостныхъ каждые три года, составлялись изъ депутатовъ, каждый разъ переизбираемыхъ въ волостяхъ и посылаемыхъ въ округа, а отсюда въ губерніи. Въ

дѣятельности учрежденій обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что въ губернскихъ и окружныхъ думахъ составляются представленія объ общественныхъ нуждахъ исключительно на основаніи письменныхъ заявленій изъ низшихъ думъ. Въ этомъ правилѣ нельзя не видѣть нѣкотораго стѣсненія личной иниціативы депутатовъ. Очевидно, Сперанскій въ этомъ отношеніи стоялъ вообще на уровнѣ понятій того времени, которое видѣло въ депутатѣ лицо, обязанное поддерживать мѣстные интересы, согласно данной ему инструкціи. Этотъ взглядъ легъ въ основу депутатскихъ полномочій Екатерининской комиссіи. Однако, пріѣздъ депутата съ письменнымъ наказомъ отъ мѣстнаго общества не предварялъ еще условій дѣятельности самого депутата: польскій сеймъ и Екатерининская комиссія показываютъ, что депутаты, въ зависимости отъ различныхъ условій своей дѣятельности, могутъ явиться или узкими проводниками требованій наказовъ, или самостоятельными дѣятелями, для которыхъ наказы служатъ опорою ихъ требованій. Вообще проектъ Сперанскаго не даетъ разъясненія той роли, которую должны играть эти наказы. Даже не ясно: утверждаются ли, по обсужденіи, наказы низшей думы высшею, или же послѣдняя должна была ограничиться простою формулировкою. Сперанскій или не предвидѣлъ всѣхъ этихъ вопросовъ, или предоставлялъ жизни дать имъ то или другое направленіе, исходя изъ общаго своего убѣжденія о необходимости предоставить свободное выраженіе общественной самодѣятельности.

Если вопросъ о наказахъ можетъ представиться сомнительнымъ, съ точки зрѣнія политической дѣятельности депутатовъ, то безспорно, предлагаемый Сперанскимъ способъ выборовъ депутатовъ является весьма сложнымъ и такимъ, который не можетъ отчетливо представить настроеніе избирателей.

Завершеніемъ законодательнаго порядка является з а к о н о д а т е л ь н о е с о с л о в і е, подъ именемъ Г о с у д а р с т в е н н о й Д у м ы. Она созывается ежегодно, безъ всякаго призыва со стороны исполнительной власти, по коренному закону. Дѣятельность ея можетъ быть прервана или объявленіемъ отсрочки засѣданія до слѣдующаго года, или же увольненіемъ всѣхъ членовъ; но въ послѣднемъ случаѣ —при условіи объявленія списка новыхъ членовъ, выбранныхъ губернскими думами. Никакими иными способами членъ думы не можетъ быть устраненъ отъ исполненія своихъ обязанностей, развѣ по

рѣшенію верховнаго суда. Въ думѣ предсѣдательствуетъ канцлеръ; въ проектѣ однако не обозначено, является ли канцлеръ выборнымъ или по назначенію, секретарь же думы, во всякомъ случаѣ, назначается. Дума распадается на нѣсколько комиссій, избираемыхъ ею, по характеру государственной дѣятельности, напр., на комиссію законовъ государственныхъ, законовъ гражданскихъ, уставовъ, учрежденій и министерскихъ отчетовъ, комиссію финансовую и комиссію о государственныхъ нуждахъ. Комиссіи дѣйствуютъ подъ руководствомъ предсѣдателей и секретарей, избираемыхъ думою.

Вообще образъ дѣйствій государственной думы является не разработаннымъ. Такъ, напримѣръ, уставъ оставляетъ не разъясненнымъ даже вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ дѣйствуетъ государственная дума въ комиссіяхъ и въ какихъ случаяхъ она собирается въ полномъ составѣ. Но эти недостатки объясняются тѣмъ предположеніемъ Сперанскаго, что формы эти будутъ выработаны самою думою и изданы, какъ коренной законъ.

Однако въ проектѣ намѣчены важнѣйшія основы функціонированія думы.

Въ жизни конституціонныхъ учрежденій весьма важнымъ является порядокъ внесенія и утвержденія законовъ и особенно обезпеченіе правильнаго, ничѣмъ не нарушаемаго теченія конституціонной жизни. Хотя та часть проекта, которая опредѣляетъ составъ и дѣятельность думы, не даетъ отвѣта на всѣ эти вопросы, однако какъ разныя мѣста проекта 1809 г., такъ и записки другихъ годовъ позволяютъ уяснить мысль автора.

Намъ уже приходилось ссылаться на тѣ мѣста записокъ, въ которыхъ Сперанскій указываетъ на условія, гарантирующія прочность формъ истинной монархіи и выражающіяся во внѣшнихъ актахъ, напр., въ формальной присягѣ носителя власти. Дальнѣйшую гарантію онъ видѣлъ: во-первыхъ, въ самомъ сословіи, призванномъ къ власти, и, во-вторыхъ, въ силѣ общественнаго мнѣнія. Необходимымъ условіемъ независимости членовъ законодательнаго сословія является ихъ полная независимость отъ исполнительной власти; для обоихъ же условій необходима широкая публичность дѣйствій всѣхъ правительственныхъ органовъ и свобода печати (зап. 1803 г.).

Само собою разумѣется, что для того, чтобы законода-

тельное сословіе могло оказать въ необходимыхъ случаяхъ оппозицію, необходимо, чтобы въ самомъ учрежденіи его были обозначены моменты, побуждающіе его къ оппозиціи и къ охранѣ правъ, и затѣмъ, чтобы точно были опредѣлены степени прохожденія законодательнаго проекта до его утвержденія. Въ этихъ цѣляхъ, по мнѣнію Сперанскаго, необходимо установить, что никакой законъ не можетъ имѣть силы, если онъ „не составленъ" законодательнымъ собраніемъ (1809 г.). Въ соотвѣтствіи этому въ самомъ проектѣ устава государственной думы предвидится три случая, когда дума входитъ въ обсужденіе для принятія необходимыхъ мѣръ, по собственной инціативѣ. Это прежде всего, разсмотрѣніе представленій о государственныхъ нуждахъ, очевидно, на основаніи таковыхъ же представленій, исходящихъ изъ нижнихъ думъ. Важнѣе однако второй и третій случаи: дума, по собственной иниціативѣ, разсматриваетъ представленія объ уклоненіи отъ отвѣтственности правительственныхъ органовъ и представленія о мѣрахъ, нарушающихъ государственные коренные законы. Подъ послѣдними разумѣются случаи нарушенія личной, или политической свободы гражданъ. При нарушеніи политической свободы и уклоненіи правительственныхъ органовъ отъ отвѣтственности, законодательное сословіе по собственной иниціативѣ возбуждаетъ слѣдствіе противъ министра, предписавшаго незаконную мѣру.

Изъ этого между прочимъ вскрывается важный фактъ, что по мысли Сперанскаго, въ извѣстныхъ случаяхъ, даже при нормальной государственной жизни, государственная дума получала право законодательной иниціативы. Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрѣніе представленій нижнихъ думъ о государственныхъ нуждахъ естественно приводило бы къ изданію законодательныхъ постановленій. Во всѣхъ другихъ случаяхъ законодательная иниціатива находилась въ рукахъ державной власти и вносилась въ думу отъ ея имени однимъ изъ министровъ, или изъ членовъ государственнаго совѣта.

Законъ проходитъ три стадіи развитія. Во-первыхъ, предложеніе закона. Сперанскій особенно настаиваетъ на томъ, что оно должно принадлежать исключительно правительству, хотя, какъ мы только что видѣли, оно могло перейти и къ членамъ думы, при разсмотрѣніи общественныхъ нуждъ. Онъ

полагаетъ, что если источникъ закона окажется внѣ предѣловъ державной власти, то можетъ произойти „несвязность въ дѣлахъ“, могутъ появиться предложенія „неблаговременныя“, могутъ, наконецъ, произойти столкновенія между правительствомъ и законодательнымъ сословіемъ. Съ его точки зрѣнія разнообразіе населенія и степень его просвѣщенія побуждаютъ дать правительству широкую законодательную инициативу. Вреда отъ того произойти не можетъ, такъ какъ въ представленіи Сперанскаго державная власть проявляетъ свое дѣйствіе черезъ государственный совѣтъ. Вторая стадія въ прохожденіи закона есть уваженіе закона: оно принадлежитъ исключительно законодательному сословію. Утвержденіе закона принадлежитъ носителю верховной власти.

Уже изъ предыдущаго можно замѣтить, что компетенція законодательнаго сословія распадается на двѣ части: во-первыхъ, на уваженіе и составленіе закона, во-вторыхъ, „на взысканіе отвѣта во всѣхъ уставахъ и учрежденіяхъ“, т. е. высшій контроль. Разсмотрѣнію законодательнаго сословія подлежатъ только тѣ постановленія, которыя, по терминологіи Сперанскаго, подходятъ подъ категорію законовъ,—тѣ „коими вводится какая либо перемѣна въ отношеніяхъ силъ государственныхъ, или въ отношеніяхъ частныхъ людей между собою“. Другая категорія законовъ— уставы и учрежденія, опредѣляющіе способы исполненія законовъ. Они должны быть также „подъ отвѣтственностью“ законодательнаго сословія, потому что исполнительная власть можетъ изданіемъ своихъ уставовъ ниспровергнуть самый законъ. Во избѣжаніе коллизій между властью законодательнаго сословія и исполнительными органами, Сперанскій полагаетъ, что нѣкоторые уставы и учрежденія также должны быть представляемы на уваженіе думы. Вообще, по распредѣленію Сперанскаго, предметами законовъ служатъ: уложеніе государственное и законы органическіе, уложеніе гражданское, уголовное, коммерческое, сельское, равно какъ и дополненія ихъ и разъясненія. Къ категоріи уставовъ и учрежденій, вносимыхъ въ думу, относятся: уставъ судебный, уставы судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, о налогахъ и повинностяхъ, продажа и залогъ государственныхъ имуществъ и выдача исключительныхъ на нихъ привилегій, вознагражденіе частныхъ лицъ за имущества, отчуждаемыя для общественной пользы.

Такъ представлялъ себѣ Сперанскій устройство и положеніе въ государствѣ законодательнаго сословія.

Но Сперанскій былъ строгимъ сторонникомъ идеи раздѣленія властей въ государственномъ управленіи. Разрабатывая проектъ государственнаго устройства на совершенно новыхъ началахъ, онъ не могъ не остановиться надъ вопросомъ о соотношеніи власти исполнительной и судебной къ власти законодательной. И эти вопросы имъ прекрасно разработаны.

На первомъ планѣ послѣ законодательной власти стоитъ власть исполнительная. По проекту Сперанскаго вся исполнительная власть, и въ весьма широкомъ масштабѣ, принадлежитъ носителю державной власти въ государствѣ. Тутъ автору проекта пришлось оперировать надъ очень щекотливыми вопросами, и надо отдать полную справедливость его государственному уму: отлично понимая недостатки русскаго государственнаго строя, онъ сумѣлъ поставить дѣло такъ, что сохраняя высокое достоинство власти, нашелъ вѣрный путь обезвредить ненормальныя ея проявленія.

Державная власть проявляетъ свое дѣйствіе во всѣхъ трехъ частяхъ государственной власти: въ законодательствѣ, судѣ и исполненіи законовъ. Въ первомъ случаѣ ея роль сводится къ предложенію закона въ государственной думѣ и къ утвержденію акта, одобреннаго ею. Относительно суда, ей предоставлены надзоръ и охрана формъ и образовъ суда.

Въ дѣлѣ исполненія законовъ, прерогативы державной власти отличаются необходимой широтой. Въ распоряженіи правительства и на его отвѣтственности, въ общей формулировкѣ, находятся слѣдующіе важные предметы: 1) вопросы о войнѣ и мирѣ, 2) всѣ „великія мѣры", принимаемыя къ спасенію государства въ годины бѣдствій, 3) всѣ частныя инструкціи, учрежденія и распоряженія,—удостовѣряющія, изъясняющія и дополняющія прежніе уставы и учрежденія и разрѣшающія частныя въ нихъ сомнѣнія и затрудненія, въ 4-хъ, разумѣется, и вся широкая область исполненія закона и надзора за исполненіемъ. Возможной при примѣненіи этихъ мѣръ коллизіи между исполнительной властью и независимымъ отъ нея контролирующимъ органомъ,—законодательнымъ сословіемъ, предполагается избѣгнуть посредствомъ введенія троякаго рода основныхъ законоположеній. Первое заключается въ признаніи принципа (свойственнаго англійскому

государственному праву), что державная власть не отвѣтственна въ принятіи мѣръ, нарушающихъ законъ, равно и ея совѣтъ (т. е. государственный совѣтъ); отвѣтственны только исполнительные органы власти, министры, контрасигнующіе акты; наконецъ, третій принципъ, и весьма дальновидный, состоитъ въ томъ, что державная власть имѣетъ всѣ свои проявленія въ совѣщательныхъ органахъ, — государственномъ совѣтѣ и исполнительномъ сенатѣ.

Такимъ образомъ четыре учрежденія въ совокупности составляютъ правительственную власть: носитель державной власти, его министры, государственный совѣтъ и сенаты. Слѣдуетъ внимательно остановиться на ученіи Сперанскаго объ отвѣтственности министровъ и о совѣтахъ при особѣ государя.

Сперанскій имѣлъ предъ собою опыты не только русской исторіи XVIII в., но и опытъ дѣйствія министерской власти по учрежденію 1802 г. Эти опыты прошлаго научили его, что всякая отвѣтственность въ Россіи весьма трудно осуществлялась, тогда какъ всякая власть покоилась на личномъ довѣріи къ тому или другому сановнику. О министерствахъ по закону 1802 г. онъ былъ особенно невысокаго мнѣнія, такъ какъ власть министра на практикѣ оказалась безконтрольной, безграничной и не могущей проявить должной самостоятельности. „Министерское поведеніе" состоитъ „въ угодливости" и въ своеобразной тактикѣ, чтобы ничего на себя не принимать и казаться однако же дѣйствующимъ". Онъ отлично разъясняетъ, почему въ Россіи не можетъ получить развитія отвѣтственность министровъ: не было учрежденія политическаго и при томъ вполнѣ независимаго для того, чтобы контролировать исполнительные органы. Сенатъ не могъ сдѣлаться такимъ органомъ, ибо онъ зависитъ „отъ произволенія державной власти" и потому не можетъ замѣнить собою сословія политическаго, составленнаго изъ народныхъ представителей. „Если бы сами министры утвердить ее (отвѣтственность) пожелали, они не могли бы въ семъ успѣть, ибо гдѣ законъ самъ не стоитъ на твердомъ основаніи, тамъ и отвѣчать предъ нимъ нельзя". Но отсутствіе законной отвѣтственности очень вредно отражается на всемъ ходѣ управленія: въ глазахъ общества всѣ дѣйствія министровъ имѣютъ „видъ произвола", подвергаются постояннымъ нареканіямъ. Дѣйствительная от-

вѣтственность министровъ можетъ установиться только съ учрежденіемъ законодательнаго сословія. Слѣдуетъ оговориться, что, конечно, Сперанскій различаетъ отвѣтственность государственную и личную: первая состоитъ въ обязательствѣ со стороны правительства не допускать ничего противнаго законамъ, въ правильности принятыхъ министрами мѣръ и въ „добротѣ“ ихъ исполненія, вторая же есть только взысканіе со стороны монарха за неисполненіе предписанной министру мѣры.

Полное соотвѣтствіе принимаемыхъ правительствомъ мѣръ съ закономъ Сперанскій ставитъ краеугольнымъ камнемъ въ правильной дѣятельности государственнаго механизма. Правительственная власть своими распоряженіями „подъ видомъ исполненія законовъ“ можетъ „обезобразить ихъ и совсѣмъ уничтожить“, почему она и должна быть отвѣтственной передъ законодательной властью. Но Сперанскій также понималъ, что одно представленіе отчетовъ въ законодательное собраніе не можетъ обезпечить правильнаго исполненія законовъ. Отвѣтственность исполнительныхъ органовъ покоится на силѣ общественнаго мнѣнія. Послѣднее же способно правильно функціонировать при двухъ неизбѣжныхъ условіяхъ: при публичности дѣйствій правительства и при свободѣ печати (зап. 1803 г.). Сперанскій придавалъ очень большое значеніе отвѣтственности правительственной власти: она и есть истинное охраненіе закона и, „установляя ее, говоритъ онъ, государь самодержавный отступается отъ безотчетнаго управленія и въ лицѣ министровъ покоряетъ собственную свою власть закону“.

Но далеко не безопасно ограждать въ государствѣ правильное исполненіе законовъ одною отвѣтственностью исполнительныхъ органовъ, притомъ подчиненныхъ непосредственно державной власти: можетъ произойти совершенно нежелательная коллизія, борьба, что нарушитъ правильное теченіе государственной жизни. Это понималъ Сперанскій и, какъ мы полагаемъ, съ этою именно цѣлью онъ проектировалъ поставить державную власть въ непосредственную связь съ двумя совѣщательными органами. Проведеніе мѣръ, нарушающихъ коренные законы, чрезъ эти совѣты на практикѣ было бы дѣломъ весьма труднымъ.

Въ проектахъ Сперанскаго государственная власть „окружена“ во всѣхъ своихъ важныхъ дѣяніяхъ государственнымъ Совѣтомъ, „коего бытіе установляется не произво-

ломъ ея, но кореннымъ государственнымъ закономъ". Государственный совѣтъ, о которомъ говорилъ Сперанскій, и есть нынѣ дѣйствующій органъ, учрежденный императоромъ Александромъ I согласно проекту Сперанскаго, но къ сожалѣнію потерпѣвшій нѣкоторыя измѣненія въ послѣдующее время. Въ проектѣ Сперанскаго государственный совѣтъ именуется „сословіемъ"; черезъ него восходятъ къ державной власти всѣ дѣйствія „порядка законодательнаго, судебнаго и исполнительнаго", въ немъ только въ одномъ разсматриваются всѣ проекты законовъ, уставовъ и учрежденій, а по одобреніи ихъ государемъ направляются на уваженіе законодательнаго сословія; на утвержденіе и разсмотрѣніе совѣта вносятся всѣ дѣла, превышающія власть министра; его разсмотрѣнію подлежатъ всѣ внутреннія мѣры, принимаемыя правительствомъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ и предоставляемыя ему коренными законами страны; вопросы о войнѣ и мирѣ вносятся также на его уваженіе, наконецъ онъ же разсматриваетъ бюджетъ и ежегодные отчеты министровъ предварительно внесенія таковыхъ въ законодательное собраніе.

Итакъ, хотя правительственной власти проектомъ Сперанскаго предоставлено широкое право законодательной иниціативы и проведенія въ исполненіе законовъ, однако это пространство власти могло быть умѣряемо соучастіемъ въ управленіи Государственнаго Совѣта. Этотъ органъ долженъ былъ сдѣлаться учрежденіемъ, объединяющимъ и мѣры законодательныя (въ смыслѣ проектовъ) и примѣненіе уже изданныхъ законовъ на практикѣ, ибо ни одна законодательная мѣра и даже ни одинъ сколько нибудь важный правительственный актъ не могли воспріять свое дѣйствіе безъ разсмотрѣнія въ Совѣтѣ. Правда, Совѣтъ составляется изъ особъ, назначаемыхъ государемъ. Но высокое положеніе этого учрежденія и, повидимому, предполагавшаяся несмѣняемость его членовъ (за свои преступленія они подлежатъ особому верховному суду) могли бы служить извѣстною гарантіею безпристрастія и свободы этого учрежденія. Разумѣется, для этого необходимо существованіе и политическаго органа и контроля общественнаго мнѣнія. Вслѣдствіе отсутствія этихъ двухъ условій, нашъ Государственный Совѣтъ, дѣйствовавшій по закону Сперанскаго, сохранившимъ силу, съ нѣкоторыми обезличивающими его измѣненіями Николаевскаго періода, никогда не могъ воспріять

во всей полнотѣ законнаго своего назначенія: несмотря на это, исторія Государственнаго Совѣта богата указаніями на то, что онъ прислушивался къ голосу общественнаго мнѣнія.

Но по мысли Сперанскаго рядомъ съ Государственнымъ Совѣтомъ долженъ былъ дѣйствовать и правительствующій Сенатъ, его исполнительное отдѣленіе. Проектъ Сената не находится въ общемъ уложеніи 1809 г.; онъ представленъ авторомъ въ 1811 г., прошелъ въ Государственномъ Совѣтѣ, но не былъ введенъ въ дѣйствіе потому, что самъ Сперанскій впалъ въ немилость и отправленъ въ ссылку. Поэтому пока трудно съ достовѣрностью утверждать, предполагалъ ли Сперанскій связать Сенатъ съ органическимъ проектомъ 1809 г., или же Сенатъ былъ выдвинутъ только потому, что охлажденіе государя уже не давало надежды на проведеніе всей реформы, и Сперанскій по крайней мѣрѣ проектомъ Сената пытался поставить теченіе государственной жизни въ болѣе нормальныя условія. По нашему предположенію, болѣе вѣроятнымъ слѣдуетъ считать первое, т.-е. что реформу Сената Сперанскій связывалъ съ общимъ планомъ. Проектъ Сената является въ тѣсной связи съ проектомъ о реорганизаціи министерствъ, который тоже былъ представленъ Сперанскимъ позже, и кромѣ того проектъ 1811 г. въ основныхъ чертахъ намѣченъ авторомъ еще въ запискѣ 1803 г. Далѣе, проектъ правительствующаго Сената является вполнѣ естественнымъ скрѣпленіемъ, отдѣльныхъ министерствъ взамѣнъ Комитета министровъ, къ которому Сперанскій относился весьма враждебно.

„Правительствующій Сенатъ въ порядкѣ общихъ дѣлъ исполнительныхъ" по проекту Сперанскаго является по существу своему совѣтомъ министровъ съ нѣсколько расширеннымъ составомъ и компетенціею. Онъ состоитъ изъ управляющихъ министерствами, главноуправляющихъ, ихъ товарищей и изъ министровъ безъ портфелей. Въ немъ предсѣдательствуетъ самъ императоръ, или государственный канцлеръ. Къ обычной компетенціи Сената принадлежитъ принятіе мѣръ, по коимъ въ законѣ встрѣчаются „недоумѣнія или затрудненія", или мѣръ, требующихъ совокупнаго дѣйствія нѣсколькихъ министровъ, обнародованіе законовъ, дѣла по герольдіи. Но весьма важно, что въ Сенатѣ же разсматриваются всѣ дѣла, требующія высочайшаго указа, и тутъ же указы контрасигнуются подлежащими министрами; въ немъ обсуждаются дѣла,

касающіяся высшихъ чиновниковъ (назначеніе ихъ, награды), назначаемыхъ высочайшею властью и т. п. Сенатъ не издаетъ никакихъ новыхъ законовъ, но слѣдитъ за правильнымъ ихъ исполненіемъ и побуждаетъ въ этомъ направленіи всѣ чины имперіи.

Очень не трудно въ этомъ учрежденіи подмѣтить основную черту. Сперанскій хорошо понималъ, что единоличные доклады министровъ у государя весьма часто приводили къ мѣрамъ, нарушавшимъ основные законы государства, къ случайнымъ, наконецъ, что министры стремились покрыть свою отвѣтственность испрошеніемъ указовъ. Противъ этого направленъ проектъ Сената: испрошеніе указа приходилось дѣлать въ присутствіи многочисленнаго собранія, состоящаго не изъ однихъ министровъ, и проектируемую мѣру приходилось бы подвергнуть предварительному обсужденію.

Введеніе въ механизмъ государственнаго управленія Сената и Совѣта, не отнимая у державной власти и ея совѣтниковъ иниціативы, приводило однако къ совокупному обсужденію принимаемыхъ мѣръ. Правда, такой порядокъ можетъ показаться способнымъ замедлять движеніе въ дѣятельности правительственной власти. Но въ поясненіе мысли Сперанскаго можно привести рядъ вѣскихъ соображеній: 1) тогда государственная жизнь не знала столь быстраго темпа, какъ нынѣ; 2) авторъ боролся съ серьезными недостатками, прочно вкоренившимися въ государственный строй, 3) онъ всегда предполагалъ широкую самодѣятельность, на законномъ основаніи, министерствъ; 4) въ извѣстной мѣрѣ проектированный порядокъ уже возбуждалъ бы иниціативу министра, опирающагося на законъ и общественное мнѣніе. Наконецъ, надо помнить, что оба совѣта способны были предотвратить коллизіи правительственной власти съ государственной думой и послѣдней внушили бы больше довѣрія къ предлагаемымъ законопроектамъ.

Мы ознакомились съ основными чертами государственныхъ воззрѣній Сперанскаго. Самое развитіе дальнѣйшаго плана административнаго устройства не представляетъ для насъ теоретическаго интереса. Отмѣтимъ только двѣ характерныя черты.

Отъ министерскаго управленія Сперанскій безусловно требовалъ единства въ дѣйствіяхъ всѣхъ частей его, точнаго рас-

предѣленія дѣлъ между вѣдомствами и строгаго сообразованія съ законами и уставами. Однако единство плана управленія, коему такъ много удѣлялъ вниманія Сперанскій, отнюдь не предрѣшало извѣстнаго схематизма, навязываемаго всѣмъ мѣстностямъ и національностямъ, составляющимъ русское государство. Онъ только не интересуется въ своихъ проектахъ мѣстными особенностями,—просто потому, что пишетъ ихъ для центральныхъ частей государства. Онъ отлично понималъ, что единство плана управленія не должно препятствовать мѣстнымъ различіямъ: „Странно было бы желать, говоритъ онъ, чтобы народы, въ образѣ жизни, въ привычкахъ и степени просвѣщенія и промышленности различные, покорялись съ равною удобностію единому образу управленія“. Но для всѣхъ могутъ существовать общія правила.

Дѣйствительно, проектъ Сперанскаго предполагалъ широкое признаніе мѣстныхъ особенностей. Интересно, что Сперанскій высказывалъ къ нимъ уваженіе еще тогда, когда національный вопросъ въ Россіи не игралъ существенной роли. Въ этомъ отношеніи любопытна мысль Сперанскаго выдѣлить въ особое управленіе области, имѣющія существенныя бытовыя отличія.

Затѣмъ, въ самой схемѣ губернскаго управленія Сперанскій уже въ то время предоставлялъ мѣстнымъ элементамъ широкое участіе въ мѣстномъ управленіи. Его проектъ клонился къ упрощенію губернской администраціи, къ приданію ей единства и къ комбинаціи мѣстнаго управленія съ совѣщательными и контролирующими органами, состоящими изъ выборныхъ представителей. Таковы его совѣты: губернскій, окружный и волостной. Они напоминаютъ наше земство, но съ той разницей, что онъ вводитъ мелкую земскую всесословную единицу въ видѣ волости, совершенно самостоятельную, а высшія инстанціи дѣйствовали въ качествѣ совѣтовъ, исполнительными органами которыхъ была общегосударственная администрація, окружная и губернская. При полной независимости совѣтовъ, они однако не могли оказаться лишь въ положеніи совѣщанія при администраціи и, напротивъ, для нихъ представлялась возможность, заботясь о чисто земскихъ дѣлахъ, получить вліяніе и на общую администрацію. Правда, при такой схемѣ возможно предвидѣть рѣзкія столкновенія, но они не-

избѣжны и при системѣ правительственнаго надзора за земскими учрежденіями.

Таково устройство законодательной и исполнительной власти въ проектѣ Сперанскаго. Намъ остается лишь въ нѣсколькихъ словахъ представить его мнѣніе объ устройствѣ суда.

Съ современной точки зрѣнія многія мысли Сперанскаго о судѣ не являются новыми. Но это потому, что многія его идеи были имъ же впослѣдствіи привиты русскому законодательству, войдя въ сводъ законовъ и уложеніе о наказаніяхъ, нѣкоторыя идеи сдѣлались достояніемъ закона болѣе поздняго времени. Но для того времени это были новыя мысли, шедшія далеко впереди наличнаго законодательства. Таковы, напр., простыя мысли объ отдѣленіи слѣдственной части отъ суда, объ отграниченіи понятій о формѣ и обрядахъ суда отъ самого сужденія о дѣлѣ, особенно въ дѣлахъ уголовныхъ, гдѣ очень многое должно быть предоставлено совѣсти судящаго, о судѣ присяжныхъ.

Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и въ дѣлѣ суда Сперанскій стоялъ впереди практики нашего времени. Прежде всего онъ безусловно проводилъ принципъ „народнаго выбора судей“. „Сословіе судебное, говоритъ онъ, должно быть такъ образовано, чтобъ въ бытіи своемъ оно зависѣло отъ свободнаго выбора, и одинъ только надзоръ формъ судебныхъ и охраненіе общей безопасности принадлежало правительству“. Въ его представленіи „самый поразительный признакъ самовластія деспотическаго въ государствѣ есть, когда верховная воля, дающая общій законъ, сама прилагаетъ его къ частнымъ случаямъ“. Въ представленіи Сперанскаго контроль исполнительной власти въ дѣлѣ суда можетъ выражаться только въ наблюденіи за правильностью формъ и обрядовъ, для чего достаточно назначаемыхъ президентовъ суда *). Всѣ остальные судьи, отъ волостного до членовъ сената, должны быть избираемыми и совершенно независимы отъ администраціи. Даже верховный судъ, судебный сенатъ, не только состоитъ изъ избираемыхъ судей, но независимость его подчеркнута двумя условіями: должность сенатора несовмѣстима ни съ какими другими должностями по назначенію отъ правительства, и самъ

*) Но и президенты назначаются изъ тѣхъ двадцати „отличнѣйшихъ обывателей“, которыхъ избираютъ округа и губерніи.

Сенатъ расчлененъ на четыре палаты и удаленъ изъ столицы. Судебный Сенатъ предполагалось учредить въ четырехъ городахъ (Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани). Это приближало высшее судебное мѣсто къ населенію и въ то же время удаляло его отъ вліянія высшаго правительства.

VI.

Мы изложили общую схему проекта Сперанскаго, отмѣтивъ въ немъ наиболѣе характерныя идеи. Думается, что далеко не безполезно будетъ еще разъ бросить общій взглядъ на это твореніе великаго политическаго ума.

Но прежде всего, съ точки зрѣнія исторической, является весьма важнымъ вопросъ о томъ, насколько Сперанскій былъ самостоятеленъ въ составленіи своего плана: вѣдь въ Сперанскомъ видѣли,—и готовы видѣть, человѣка, увлекшагося Наполеоновскимъ режимомъ и стремившагося перенести его въ Россію. На это можно категорически отвѣтить, что конституціонный планъ Сперанскаго не является заимствованіемъ, или даже отраженіемъ ни одной изъ тогда извѣстныхъ конституцій, примѣненіе коихъ можно было бы предложить для Россіи, т. е. ни французской, ни англійской. Но несомнѣнно, онъ внимательно изучилъ и ту и другую и въ свой планъ старался внести наиболѣе раціональныя—здоровыя и жизнеспособныя основы политической жизни, выработанныя въ тогдашнихъ конституціонныхъ странахъ, или современною ему наукой. Намъ представляется это наблюденіе чрезвычайно важнымъ и при изученіи идей Сперанскаго и при оцѣнкѣ его проекта.

Что касается англійскаго строя, то, какъ кажется, въ общемъ міровоззрѣніи Сперанскаго можно найти отвѣтъ, почему имъ заимствованы отсюда однѣ черты и оставлены другія. Сперанскій прекрасно оцѣнивалъ значеніе органическаго роста націи и ея учрежденій. Но англійскія учрежденія покоятся на высоко развитомъ правосознаніи цѣлой націи. Условія, создавшія это высокое развитіе народа, заключались въ прочности принципа личной неприкосновенности, въ широкой свободѣ слова и публичныхъ собраній, въ прочно организованномъ мѣстномъ самоуправленіи, въ независимости и выборности судебнаго института. Но эти принципы привились къ англій-

скому народу путемъ органическимъ и именно въ силу этого англійская нація предоставила своему правительству самую широкую свободу дѣйствій, безъ стѣсненій и нарушеній свободныхъ учрежденій страны. Сперанскій въ своемъ проэктѣ и въ своихъ пояснительныхъ запискахъ вездѣ проводитъ названные принципы англійской свободы, ставя ихъ краеугольнымъ камнемъ „истинной монархіи“. Но эти принципы надо еще ввести въ народную жизнь, народъ и правительство еще должны навыкнуть относиться къ нимъ съ уваженіемъ, наконецъ, необходимъ еще общій подъемъ націи въ культурномъ отношеніи. Широкая самостоятельность правительственныхъ органовъ, безъ строго опредѣленныхъ конституціею способовъ контроля, не могла быть предложена странѣ, гдѣ самостоятельность исполнительныхъ органовъ не отличалась на практикѣ отъ самовластія, гдѣ общество было принижено, гдѣ поэтому формы контроля должны покоиться не на обычаяхъ страны, но на твердо установленныхъ законахъ. Министерство изъ большинства палаты не могло быть рекомендовано тамъ, гдѣ нѣтъ сложившихся политическихъ партій.

Можетъ быть, руководствуясь именно этими соображеніями, Сперанскій въ свой проектъ вводитъ начало англійской свободы, широкое мѣстное управленіе, но примѣнительно къ русскимъ условіямъ проводитъ рядъ постановленій касательно фактическаго контроля надъ администраціей. Но по отношенію къ областямъ, гдѣ преобладали особыя историческія или національныя особенности, Сперанскій готовъ былъ не останавливаться на мѣстномъ самоуправленіи общаго типа, но предоставить болѣе широкія условія мѣстной жизни.

Что касается французской конституціи, то Сперанскій сумѣлъ изъ нея выдѣлить нѣкоторыя здоровыя черты и сумѣлъ избѣжать отрицательныхъ ея особенностей, что придаетъ его проекту полную самостоятельность. Проектъ Сперанскаго гораздо шире даже сравнительно съ республиканской конституціей III года. Въ послѣдней были нѣкоторые принципы, нецѣлесообразность коихъ впослѣдствіи сдѣлалась ясной, напр. раздѣленіе учрежденія, имѣющаго инціативу закона (Совѣтъ пятисотъ) отъ учрежденія, утверждающаго законъ (Совѣтъ старѣйшинъ), принципъ частичнаго обновленія совѣтовъ и администраціи, устраненіе собраній кантональныхъ избирателей отъ какого бы то ни было участія въ мѣстныхъ

дѣлахъ и т. п. Нечего говорить о томъ, какъ далекъ проектъ Сперанскаго отъ монархической конституціи VIII г. съ дополненіями временъ консульства и имперіи. Это была конституція, предоставлявшая всю власть консуламъ, при которыхъ конституціонныя учрежденія явились лишь декораціей. Основные принципы ея состояли въ слѣд. Нація была лишена права выборовъ, ибо она только составляла списки лицъ рекомендуемыхъ ею правительству, изъ которыхъ уже правительство должно было назначать членовъ законодательнаго корпуса, администраторовъ, судей. Она вводила охранительный Сенатъ, имѣвшій весьма странную роль стража конституціи. Публичность дѣйствій властей или была совсѣмъ устранена, или ограничена. Эта конституція (особенно съ Наполеонскими дополненіями) передавала назначеніе судей въ руки правительства, она не признавала мѣстнаго самоуправленія, ибо всѣ органы въ общинахъ, округахъ и департаментахъ замѣщались по назначенію отъ правительства, въ томъ числѣ и мѣстные совѣты. Не говоримъ уже о той странной роли, которую получило первенствующее учрежденіе — законодательный корпусъ: онъ не имѣлъ ни права законодательной иниціативы, ни права обсужденія закона (онъ только принималъ, или отвергалъ законъ), ни права контроля исполнительной власти.

Таковы были основные принципы конституціи VIII года. Можно ли, зная проектъ Сперанскаго, говорить о заимствованіи имъ своего плана изъ французской конституціи?

Но въ послѣдней были черты, которыя Сперанскій сумѣлъ оцѣнить по достоинству. Это — министерство, назначаемое правительствомъ (первымъ консуломъ, потомъ императоромъ) и государственный совѣтъ, окружающій верховную власть. Уже были указаны основанія, по которымъ Сперанскій предпочиталъ для Россіи внѣпартійное министерство. Что касается государственнаго совѣта, то это — прекрасное созданіе революціонной Франціи. Совѣтъ игралъ важнѣйшую роль во всѣхъ реформахъ Наполеона и смягчалъ его абсолютизмъ. По словамъ Тьера, государственный совѣтъ „являлся лучшимъ изъ учрежденій для образованнаго самодержавія, желающаго достигнуть истины". Дѣйствительно, государственный совѣтъ въ проектѣ Сперанскаго весьма близокъ къ французкому, иногда даже сходится въ отдѣльныхъ статьяхъ.

Но въ другихъ случаяхъ Сперанскій, оцѣнивая недоста-

тки французской конституціи, старается аналогичныя учрежденія въ своемъ планѣ поставить въ условія, при которыхъ подобные недостатки не могли бы быть привиты новымъ учрежденіямъ. Въ такое именно положеніе онъ ставитъ мѣстное самоуправленіе (волость) и управленіе округа и губерніи, контролируемое собраніемъ выборщиковъ и окруженное избираемыми ими же совѣтами, изолируетъ выборы и институтъ судей отъ вліянія администраціи, придаетъ законодательную инициативу и широкій контроль государственной думѣ и пр. Вообще, если бы нужно было искать на Западѣ сравненій для плана Сперанскаго, то такое сопоставленіе слѣдовало бы дѣлать не съ современными ему учрежденіями, но по духу и цѣли, съ другимъ, болѣе позднимъ созданіемъ великаго государственнаго ума — съ германской конституціей, которая составлялась тогда, когда уже можно было оцѣнить дѣйствіе и французскаго и англійскаго образцовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вложенныя въ проектъ Сперанскаго начала вкратцѣ могутъ быть формулированы слѣдующимъ образомъ. Сперанскій даетъ исполнительной власти широкія полномочія,—въ ея рукахъ почти исключительно сосредоточивается инициатива закона и вся область его примѣненія (за исключеніемъ суда). Но этотъ объемъ власти не можетъ послужить для нарушенія конституціи. Носитель верховной власти, дѣйствуя въ государственномъ совѣтѣ и исполнительномъ сенатѣ, удаленъ отъ вліянія отдѣльныхъ лицъ, проявленіе его воли получаетъ закономѣрное теченіе и, преломляясь черезъ высокіе совѣщательные органы, найдетъ поддержку страны. Неконституціонная же мѣра встрѣтитъ отклоненіе прежде, чѣмъ послужитъ предметомъ рѣзкой критики со стороны оппозиціи, разжигающей страсти населенія. Такимъ образомъ законодательная и правительственная дѣятельность могли бы получить болѣе спокойное теченіе. При этомъ всякая мѣра, предложенная государственной думой на основаніи заявленій мѣстныхъ обществъ, волостей, округовъ, губерній, явилась бы какъ бы вотумомъ всего народа и, слѣдовательно, имѣла бы весьма важное значеніе. Наконецъ, мѣры и законопроекты правительства могутъ найти поддержку или критику въ тѣхъ же вотумахъ общинъ, волостей, округовъ и губерній.

Такимъ образомъ получается постоянное общеніе законодательной и правительственной власти съ мѣстными единицами

и между ними устанавливается живое взаимодѣйствіе. Не газеты, не клубы, не партіи — всѣ эти трудно учитываемые и субъективные элементы національной политики, но большинство голосовъ каждой данной волости и всѣхъ волостей имперіи оказывали бы вліяніе на политику. Такой порядокъ вещей переноситъ политическую агитацію изъ крупныхъ городскихъ центровъ въ село, что весьма справедливо по отношенію къ сельской Россіи. Такая агитація не подъ силу небольшой трескучей политической партіи какого бы то ни было направленія, но вопросъ, затрагивающій жизненные интересы всей страны, найдетъ откликъ и въ селахъ. Можетъ быть, на первое время сельское населеніе оказалось бы весьма консервативнымъ элементомъ, но подчиненіе такому режиму вполнѣ справедливо, если не смотрѣть на государственную реорганизацію съ узко-субъективной точки зрѣнія.

Но относительно условій, въ которыхъ оказалась бы законодательная дѣятельность по проектамъ Сперанскаго, могутъ быть сдѣланы два сильныхъ возраженія. Первое—что законодательная дѣятельность можетъ двигаться крайне замедленнымъ темпомъ. Проектъ закона, предлагаемый въ исполнительномъ сенатѣ (хотя это и не обязательно), проходитъ въ государственный совѣтъ, оттуда—на уваженіе государственной думы. Но можетъ случиться, что дума или само правительство будутъ выжидать мнѣній общинъ въ видѣ представленій о мѣстныхъ нуждахъ. Второе возраженіе заключается въ томъ, что личная дѣятельность депутата при такихъ условіяхъ можетъ проявляться менѣе интенсивно. Наконецъ, депутатъ является въ государственную думу не по прямому избранію.

При сужденіи объ этихъ вопросахъ, надо помнить основную черту законопроекта Сперанскаго: законодательная власть проявляетъ себя въ особо важныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ изданіи законовъ органическаго свойства, или уставовъ и учрежденій. Такимъ образомъ область законодательной дѣятельности является нѣсколько ссуженной. При такихъ условіяхъ нѣсколько замедляемый въ своемъ теченіи ходъ законодательныхъ работъ только можетъ служить съ пользою для дѣла.

Но въ проектѣ Сперанскаго есть одна въ высшей степени важная черта. Обыкновенно въ конституціонныхъ госу-

дарствахъ существуетъ двѣ палаты, изъ которыхъ верхняя является de jure контролирующихъ аппаратомъ по отношенію къ нижней, но de facto нисходитъ на степень простой декораціи, такъ какъ составляется или изъ чиновъ по назначенію отъ короны, или непрямой подачей голосовъ (палата лордовъ и французскій сенатъ). Въ дѣйствительности роль этихъ учрежденій незначительна. Между тѣмъ нельзя отрицать того важнаго значенія, которое можетъ имѣть для страны учрежденіе, достаточно самостоятельное, и призванное къ кормилу правленія внѣ зависимости отъ партійной агитаціи, умудренное опытомъ, или обладающее техническими свѣдѣніями. Въ проектѣ Сперанскаго верхняя палата по идеѣ своей была призвана къ обработкѣ законопроекта, т. е. къ важнѣйшей стадіи законодательной работы. Такая работа требуетъ отвлеченія отъ партійности, опыта, техническихъ свѣдѣній, и она возлагалась на государственный совѣтъ. Вообще надо считать весьма опаснымъ, когда законопроектъ, въ его технической особенно части, составляется подъ вліяніемъ взглядовъ только какой-нибудь одной партіи. Это сознается иногда и двигателями парламентской жизни,когда подготовительныя комиссіи создаются внѣ зависимости отъ принадлежности къ той или иной политической группѣ. Современный парламентскій депутатъ является прежде всего органомъ своей партіи и имѣетъ въ этомъ смыслѣ большое сходство съ газетнымъ органомъ. Въ этомъ сильная сторона и депутата и парламента, но въ этомъ и его слабость. Какъ членъ опредѣленной партіи, депутатъ нервно отражаетъ своею дѣятельностію текущія событія государственной и общественной жизни. Эта черта очень полезна при контролѣ надъ правительственною дѣятельностью, но можетъ давать отрицательные результаты, если будетъ оказывать вліяніе на законодательную дѣятельность. При такихъ условіяхъ и опытность парламентскаго министерства не устраняетъ возможной ошибки большинства, потому что министръ—продуктъ своей партіи.

Такимъ образомъ, возможная медленность (только возможная) при подготовленіи и прохожденіи проекта закона по плану Сперанскаго, искупалась бы возможностью основательной подготовки проекта и, наконецъ, даже аппеляціи къ мнѣнію страны.

При такихъ условіяхъ нѣтъ особенной нужды въ томъ, чтобы законопроектъ исходилъ изъ нѣдръ представительнаго

собранія, въ лицѣ министерства изъ большинства. Но мы видѣли, что государственная дума Сперанскаго не лишена законодательной инціативы и въ ея руки переданы могущественныя средства для воздѣйствія на жизнь страны—государственный бюджетъ и контроль надъ дѣятельностью министерства.

Но можетъ возбудить сомнѣніе мысль Сперанскаго о предоставленіи широкой и сильной власти исполнительнымъ органамъ. Нами уже были указаны начала, вслѣдствіе которыхъ проектъ Сперанскаго не могъ привести къ самовластію (государственный совѣтъ и исполнительный сенатъ). Но кромѣ того, съ точки зрѣнія теоретической, нельзя не признать вѣрной основную мысль Сперанскаго: правительство должно быть сильно, но обязано дѣйствовать закономѣрно, а населеніе должно имѣть всѣ способы для контроля. Самодержавіе парламента, проникающаго во всѣ мелочи административной дѣятельности,—черта, не приносящая здоровой политической жизни странѣ. Отъ того самодержавіе парламентовъ ограничивается въ дѣйствительности или народнымъ мнѣніемъ (напр. въ Англіи), или самою конституціонною хартіею (напр. въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ или во Франціи).

Но проектъ Сперанскаго замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что онъ предоставлялъ обществу и его избранникамъ широкое право контроля: надъ дѣятельностью высшихъ правительственныхъ органовъ—въ лицѣ государственной думы, въ губерніи и округѣ—въ лицѣ избранныхъ населеніемъ губернскихъ и окружныхъ совѣтовъ и общихъ губернскихъ и окружныхъ думъ. Но и помимо этого оффиціальнаго контроля—мы хорошо знаемъ—Сперанскій вызывалъ къ жизни контроль общества.

Намъ остается отмѣтить послѣднюю черту общаго характера въ проектѣ Сперанскаго—непрямые выборы представителей. Никакихъ объясненій самъ авторъ проекта не даетъ по этому поводу. Разумѣется, система косвенныхъ выборовъ всегда имѣетъ слишкомъ много отрицательныхъ сторонъ, такъ что едва ли можетъ найти многихъ защитниковъ. Но, очевидно, такая мѣра могла быть рекомендована въ цѣляхъ уменьшенія въ странѣ острой политической агитаціи, свойственной прямому голосованію. Одно можно сказать въ оправданіе этой части проекта Сперанскаго, что практиковавшіяся въ его время си-

стемы выборовъ были крайне неудовлетворительны: старая англійская давала преобладающее вліяніе крупнымъ лордамъ, практика французскихъ конституцій (до VIII года) передавала дѣло выборовъ въ руки крайнихъ политическихъ клубовъ, терроризовавшихъ болѣе спокойное или индиферентное большинство кантональныхъ выборщиковъ,—не говоря уже о сложности и искусственности самыхъ выборныхъ системъ. Вообще Сперанскій, насколько можно уяснить себѣ его мысль, направлялъ свой проектъ, чтобы избѣжать политической борьбы. Такъ, онъ ставитъ условіемъ, чтобы выборы въ сосѣднихъ губерніяхъ не происходили одновременно и притомъ въ различныхъ группахъ губерній совершались бы въ разные годы.

Нужно замѣтить, что государственной наукѣ и практикѣ не удалось еще выработать идеальной системы выборовъ. При прямой системѣ выборовъ избиратель нерѣдко вотируетъ за данное лицо, зная о немъ только изъ публикацій партіи, личныхъ качествъ котораго онъ оцѣнить поэтому не можетъ (что для избирателя не безразлично): избиратель даетъ свой голосъ за извѣстную партію, программу. Въ партіи же небольшое число ея вождей намѣчаютъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, по существу, и тутъ выборы не прямые, двойные. При системѣ косвенныхъ выборовъ, избиратель выбираетъ группу довѣренныхъ лицъ, которые уже изъ своей среды выбираютъ депутата. Но если при этомъ, какъ это обыкновенно практикуется, избирательная группа занята только выборами, то такой способъ, затемняя желанія всѣхъ избирателей, способенъ только обезцвѣтить выраженія ихъ воли.

Система Сперанскаго занимаетъ срединное положеніе. Волостной избиратель посылаетъ своего депутата въ округъ съ тремя порученіями: избрать представителя въ слѣдующую инстанцію, представить въ округѣ нужды волости, заняться мѣстными дѣлами. При двухъ послѣднихъ дѣлахъ, выяснятся личныя способности избранника и его политическія убѣжденія, и въ губернское собраніе, или въ государственную думу онъ явится не какъ кандидатъ, намѣченный вождями партіи, но въ силу своихъ личныхъ качествъ и убѣжденій. Разумѣется, и въ окружныхъ и въ губернскихъ собраніяхъ намѣтятся партіи, направленія. Большинство и пошлетъ своего избранника, но руководствуясь уже болѣе широкими данными, чѣмъ признаніе избранникомъ программы.

Заканчивая вопросъ, сдѣлаемъ еще оговорку. Сперанскій нигдѣ не объясняетъ, какое голосованіе онъ предполагаетъ—тайное, или открытое.

VII.

Въ 1809 г. обширный проектъ государственнаго преобразованія, составленный Сперанскимъ, былъ имъ представленъ на утвержденіе императора. Самый проектъ былъ составленъ по порученію государя. Но, очевидно, онъ не нашелъ въ немъ того, что искалъ, и нашелъ то, чего не ожидалъ. Начались колебанія. Становилось замѣтнымъ охлажденіе къ Сперанскому. За нимъ учрежденъ надзоръ, главной пружиной котораго явился Александръ I. Поведена была сложная интрига, и въ началѣ 1812 г. Сперанскій уже оказался „измѣнникомъ", арестованъ и сосланъ въ нижній Новгородъ. Оффиціально причина столь внезапной перемѣны никогда не была объявлена, и самъ Сперанскій не оставилъ подробностей потомству. Но неумолчная исторія вынесла свой судъ.

Изъ этого обширнаго проекта введены были въ жизнь только двѣ части: Государственный Совѣтъ и министерства. Такимъ образомъ, въ жизнь вошла только часть обширнаго плана. Современный Государственный Совѣтъ и министерства дѣйствуютъ на основѣ закона 1810 и 1811 гг. И это составляетъ крупную заслугу Сперанскаго. Дѣло въ томъ, что учрежденіемъ Государственнаго Совѣта и министерствъ въ значительной мѣрѣ извлечены были тѣ недостатки въ управленіи, о которыхъ говорили въ послѣдніе годы XVIII и въ первые годы XIX столѣтій: управленіе было объединено въ рукахъ министровъ съ опредѣленными полномочіями и не расплывалось среди отдѣльныхъ лицъ. Съ другой стороны, учрежденіе Совѣта съ опредѣленными функціями придало извѣстную правильность и осмотрительность въ дѣлѣ изданія законовъ. Появилось учрежденіе, въ которомъ законъ, переданный въ Совѣтъ Высочайшею волей, подвергался обсужденію. Такимъ образомъ, если не уничтожилась, то значительно уменьшилась возможность изданія закона по какимъ либо случайнымъ соображеніямъ. Поэтому Сперанскій былъ вполнѣ правъ, когда въ своемъ общемъ отчетѣ за 1810 годъ съ благородною от-

кровенностью писалъ государю: „Совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной, дотолѣ разсѣянной, разнообразной, дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянства, твердости и единообразія... Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже неизмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическимъ“. Этотъ великій шагъ въ народную жизнь, этотъ переходъ къ формамъ истинной монархіи, по мнѣнію Сперанскаго, совершенъ потому, что, учредивъ Государственный Совѣтъ, придавъ ему форму публичнаго учрежденія, ввѣривъ ему обсужденіе законовъ, верховная власть тѣмъ самымъ опредѣлила свое направленіе. И дѣйствительно, Сперанскій былъ правъ въ своей характеристикѣ того значенія, которое долженъ былъ получить Государственный Совѣтъ въ государственномъ управленіи: несмотря на колебанія въ направленіи политики, Государственный Совѣтъ занялъ въ теченіе XIX в. почетное мѣсто среди правительственныхъ учрежденій: общество навыкло съ довѣріемъ относиться къ мнѣнію большинства въ Совѣтѣ.

Таковы были политическіе идеалы Сперанскаго и размѣры практическаго ихъ осуществленія. Какъ извѣстно, на этомъ не окончилась государственная дѣятельность Сперанскаго.

Возвращенный изъ ссылки, онъ былъ поставленъ императоромъ Николаемъ I во главѣ комиссіи законовъ. Конечно, теперь онъ уже не имѣлъ прежняго вліянія, и время для широкихъ преобразованій прошло. Но и въ качествѣ руководителя комиссіей по составленію Свода законовъ Сперанскій продолжалъ дѣлать то, что могъ, въ прежнемъ направленіи своихъ идеаловъ: путемъ изданія Свода Сперанскій стремился къ установленію въ государствѣ законности. Впрочемъ, эта сторона дѣятельности Сперанскаго уже не входитъ въ задачу статьи.

Мнѣ остается въ заключеніе напомнить въ общихъ чертахъ обликъ Сперанскаго, какъ политическаго мыслителя и какъ государственнаго дѣятеля.

Выросши въ такой средѣ, которая наиболѣе непосредственнымъ образомъ, на собственной спинѣ, ощущала проявленіе произвола, Сперанскій, занявъ первенствующее положеніе въ государствѣ, стремился къ тому, чтобы провести въ

государственный механизмъ такіе законы, которые обезпечивали бы гражданскія и политическія права личности. Онъ прекрасно понималъ причину тѣхъ недуговъ, которые испытывало государство. Онъ понималъ, что для развитія правильной государственной жизни необходимы свобода личности и устраненіе произвола.

По его мнѣнію, никакіе законы не будутъ хороши до тѣхъ поръ, пока личность гражданина, какъ исполняющаго предписанія закона, такъ и та, которая слѣдитъ за исполненіемъ ихъ, не будетъ обезпечена. Сперанскій, далѣе, сознавалъ, какое громадное значеніе имѣетъ для правильной государственной жизни общественное мнѣніе, свободно высказываемое, и на этомъ основаніи онъ въ своемъ планѣ преобразованія отводилъ широкое участіе общественныхъ элементовъ въ управленіи.

Конечно, многія изъ истинъ, высказанныхъ въ свое время Сперанскимъ, для насъ являются общепризнанными. Но это нисколько не уменьшаетъ значенія Сперанскаго, какъ государственнаго дѣятеля и какъ политическаго мыслителя: надо, вѣдь, сопоставить его съ той средой, съ тѣмъ уровнемъ общественныхъ понятій, которыя господствовали въ его время. И тогда на фонѣ раболѣпнаго общества передъ нами выдвинется съ особенною яркостью величавая фигура Сперанскаго.

Это не царедворецъ, снискающій себѣ благоволеніе, не трепещущій обыватель, забитый и изгнанный, не столько умомъ, сколько инстинктивно сознающій тѣ или иные недостатки режима. Передъ нами гражданинъ въ лучшемъ значеніи этого понятія, неуклонно идущій къ цѣли.

Безспорно, лучшіе люди александровской эпохи исповѣдывали тѣ же идеи, которыя стремился водворить Сперанскій. Но была громадная разница между отчетливостью и ясностью его политическаго міровоззрѣнія и сентиментальною туманностью воззрѣній его современниковъ. Какъ государственный дѣятель, Сперанскій успѣлъ провести сравнительно немного изъ того, что онъ предполагалъ сдѣлать; но въ этомъ не его вина. Впрочемъ, и то, что сдѣлалъ Сперанскій, имѣетъ важное государственное значеніе. Потомство всегда будетъ съ благодарностью цѣнить то, что сдѣлано Сперанскимъ, а историкъ и государственный дѣятель со вниманіемъ отнесутся къ тѣмъ идеаламъ, которые проповѣдывалъ Сперанскій.

Новыя записки декабриста.

(По поводу книги: Записки Сергѣя Григорьевича Волконскаго (декабриста). Изданіе князя М. С. Волконскаго. С.-Пб. 1901 г.).

Князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій принималъ очень видное участіе въ дѣятельности Тайнаго общества, которое закончилось 14-мъ декабря 1825 года. Однако о степени его участія и въ особенности о самой личности до сихъ поръ было извѣстно очень мало; изъ донесенія Слѣдственной комиссіи и изъ записокъ декабристовъ можно было только догадываться, что князь Волконскій занималъ видное мѣсто въ Тайномъ обществѣ (онъ былъ первоначально причисленъ судомъ къ первому разряду обвиненныхъ). Теперь появились записки кн. С. Г. Волконскаго.

Очень понятно, что онѣ вызываютъ большой интересъ. Интересъ этотъ двоякаго рода: въ исторіи декабристовъ есть не мало невыясненныхъ наукою моментовъ, при чемъ многое затемняется противорѣчивыми показаніями участниковъ и современниковъ; это особенно касается дѣятельности общества на югѣ; съ другой стороны вниманіе историка привлекаетъ личность кн. Волконскаго, какъ участника громкихъ и серьезныхъ событій того времени. Къ сожалѣнію, изданныя теперь записки далеко не вполнѣ оправдываютъ интересъ, возбуждаемый именемъ автора. Прежде всего надо замѣтить, что записки не охватываютъ всей жизни кн. Волконскаго: онъ не успѣлъ окончить своихъ мемуаровъ, и они обрываются на допросѣ Волконскаго императоромъ Николаемъ I. Такимъ образомъ процедура слѣдствія, суда, жизнь въ Сибири не нашли себѣ мѣста въ запискахъ. Правда, князь М. С. Волконскій, издатель

записокъ отца, дополнилъ этотъ періодъ жизни кн. С. Г. на основаніи какъ изданныхъ матеріаловъ, такъ и по архивнымъ даннымъ, собраннымъ въ семейномъ архивѣ, мѣстныхъ сибирскихъ архивахъ и въ архивѣ Третьяго Отдѣленія. Этотъ этюдъ о ссылкѣ и жизни въ Сибири кн. С. Г. представляютъ собою большой историческій интересъ, но, конечно, не замѣняетъ того, что мы могли бы найти въ мемуарахъ. Прежде чѣмъ перейти къ оцѣнкѣ того историческаго матеріала, который даютъ разсматриваемые мемуары, прослѣдимъ въ короткихъ чертахъ важнѣйшіе моменты въ жизни кн. С. Г. Волконскаго: это введетъ насъ въ круговоротъ событій, участникомъ которыхъ онъ былъ и которыя онъ описываетъ въ своихъ мемуарахъ.

Кн. С. Г. Волконскій родился въ 1788 году и умеръ на 78 году жизни. Онъ воспитывался въ извѣстномъ въ то время Петербургскомъ пансіонѣ аббата Карла Никола, откуда вышло не мало извѣстныхъ впослѣдствіи дѣятелей. Записанный съ дѣтства въ военную службу, онъ на 18 году жизни, въ 1806 году, поступилъ поручикомъ въ кавалергарды. Онъ тотчасъ же отправился въ дѣйствующую армію въ качествѣ адъютанта при главнокомандующемъ графѣ М. Ѳ. Каменскомъ. Но послѣ извѣстнаго бѣгства стараго главнокомандующаго изъ арміи, кн. Волконскій поступилъ въ штабъ Остермана, при которомъ и испыталъ первое свое боевое крещеніе въ битвѣ подъ Пултускомъ. Съ этого момента начинается боевая жизнь молодого офицера.

Онъ лично участвовалъ въ войнѣ 1806—1807 годовъ, былъ раненъ при Прейсишъ-Эйлау и окончилъ кампанію въ качествѣ свитскаго офицера при главнокомандующемъ графѣ Бенигсенѣ. Кн. С. Г. былъ въ войскѣ, когда велись извѣстные переговоры въ Тильзитѣ и, подобно другимъ своимъ современникамъ, испыталъ то чувство униженія, которое тогда уже высказывалось императоромъ Александромъ по отношенію къ своимъ войскамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувство раздраженія, которое было вызвано въ русскомъ обществѣ Тильзитскимъ миромъ.

По возвращеніи изъ арміи въ Петербургъ, для кн. Волконскаго наступила обычная военная жизнь тогдашняго гвардейца: военная муштровка смѣнялась кутежами и разными „шалостями“. Эту пустую жизнь изрѣдка прорѣзывали дуэли и столкновенія изъ-за мелочей фронтовой выправки: эти факты—съ

кѣмъ бы они изъ товарищей не случались—волновали офицерское общество. Эта жизнь, столь извѣстная по массѣ другихъ записокъ, описана кн. Волконскимъ очень живо; не мало приведено наблюденій о лицахъ, очень извѣстныхъ въ то время.

При наступленіи войны съ Турціей, молодой офицеръ снова попадаетъ въ дѣйствующую армію въ качествѣ адъютанта при графѣ Н. М. Каменскомъ. Военный историкъ, безъ сомнѣнія, найдетъ очень много интереснаго въ разсказахъ кн. Волконскаго о Турецкой кампаніи: рядъ очень живыхъ описаній главнѣйшихъ моментовъ войны (напримѣръ, дѣла подъ Шумлой, Браиловымъ, Батиной и др.), живыя характеристики дѣйствующихъ лицъ—все это представитъ большой интересъ для историка войны и военнаго быта. Однако молодой офицеръ, позволявшій себѣ рѣзкія сужденія о дѣятельности главнокомандующаго, былъ высланъ изъ арміи подъ благовиднымъ предлогомъ. Въ Петербургѣ для Волконскаго снова наступила обычная столичная жизнь. Впрочемъ, положеніе флигель адъютанта, полученное имъ теперь, создавало для него очень удобный пунктъ для наблюденія. Однако Волконскій мало интересовался придворною жизнью и неохотно касается ея въ своихъ запискахъ. Для наблюденія за теченіемъ государственныхъ дѣлъ онъ былъ тогда еще слишкомъ молодъ, да, повидимому, и не интересовался ими.

Двѣнадцатый годъ снова приводитъ Волконскаго къ наблюденію надъ цѣлымъ рядомъ болѣе интересныхъ для него обстоятельствъ. Въ походъ онъ двинулся сначала при главной квартирѣ. Наблюденія, сдѣланныя имъ во время пребыванія двора въ Вильнѣ, подтверждаютъ то, что уже хорошо извѣстно. При началѣ военныхъ дѣйствій, Волконскій выполнилъ нѣсколько удачныхъ порученій; такъ, ему пришлось переѣзжать черезъ Могилевъ въ то самое время, когда французы уже готовились занять городъ: Волконскій провезъ приказанія изъ главной квартиры въ отступающіе корпуса арміи. Послѣ отъѣзда государя въ Петербургъ, Волконскій былъ назначенъ при отрядѣ генерала Винценгероде. Капитальная часть записокъ касается описанія дѣятельности этого отряда во все протяженіе войны. Это описаніе представляетъ собою большой интересъ и новизну, такъ какъ дѣятельность этого отряда сравнительно мало извѣстна. Передвиженія отряда и всю боевую его жизнь авторъ рисуетъ сочными красками. Корпусъ

Винценгероде имѣлъ первоначальной цѣлью тревожить тылъ непріятельской арміи, наступавшей на петербургскую дорогу. Но затѣмъ послѣ сдачи Смоленска, отрядъ началъ отступленіе по направленію къ Можайску. Во время занятія французами Москвы, легкій кавалерійскій отрядъ Винценгероде кружилъ подъ Москвой, въ десяти—пятнадцати верстахъ отъ столицы, на петербургскомъ трактѣ. Это былъ первый изъ русскихъ отрядовъ, вступившій въ Москву послѣ оставленія ея французской арміей. Затѣмъ онъ раздѣлился на нѣсколько партизанскихъ отрядовъ, однимъ изъ которыхъ командовалъ кн. Волконскій. Съ корпусомъ Винценгероде авторъ записокъ прошелъ по Германіи и былъ подъ Лейпцигомъ. Кн. Волконскій не участвовалъ въ первомъ занятіи Парижа, такъ какъ взялъ отпускъ по болѣзни.

Когда прекратились военныя дѣйствія и армія возвратилась въ Россію, кн. Волконскій взялъ отпускъ и отправился путешествовать по западной Европѣ. Моментъ для наблюденій—въ высшей степени удачный. Въ качествѣ частнаго человѣка кн. С. Г. Волконскій былъ въ Вѣнѣ, когда тамъ засѣдалъ конгрессъ. Изъ своего посѣщенія Вѣны и наблюденія за жизнью русскаго двора, онъ вынесъ то же непріятное чувство обиды, которое отмѣтили и другіе очевидцы: русскій государь какъ бы чуждался своихъ подданныхъ, окружилъ себя иностранцами и оказался подъ вліяніемъ иностранной политики. Изъ Вѣны кн. Волконскій отправился въ Парижъ и Лондонъ. Въ Парижѣ онъ былъ не только въ интересный моментъ, но и попалъ въ кругъ людей, которые пользовались въ то время европейской извѣстностью: онъ бывалъ въ салонѣ госпожи Сталь, встрѣчался съ Бенжаменомъ Констаномъ, былъ принятъ королевой Голландской—герцогиней Сентъ-ле. Хорошо ознакомившись съ цвѣтомъ тогдашней легитимистической аристократіи, кн. Волконскій вынесъ о ней весьма неблагопріятное впечатлѣніе. Въ Лондонѣ кн. Волконскій попадаетъ совсѣмъ въ иной кругъ людей. Руководителемъ его здѣсь, въ ознакомленіи съ лондонскимъ обществомъ, является видный членъ оппозиціи Робертъ Вильсонъ, который доставляетъ русскому путешественнику возможность знакомства съ лордомъ Греемъ и другими парламентскими дѣятелями. Свобода слова и сходокъ въ Англіи и парламентскія пренія производятъ замѣтное впечатлѣніе на двадцатишести-лѣтняго русскаго генерала. Какъ

только разнесся слухъ о возвращеніи Наполеона во Францію, кн. Волконскій отправился въ Парижъ и здѣсь присутствовалъ въ дни бѣгства короля и водворенія императора. Однако долгъ службы заставилъ его покинуть Парижъ и отправиться въ армію, которую онъ встрѣтилъ во Франкфуртѣ. Волконскому пришлось вторично побывать въ Парижѣ, во время его вторичнаго занятія союзными войсками.

На этомъ кончается первая часть записокъ. Волконскій возвратился въ Россію, полный наблюденіями надъ иною жизнью и иными порядками. На свободѣ было время подвести итоги этимъ наблюденіямъ. Теперь его жизнь становится болѣе осмысленной, а вскорѣ его охватываетъ кипучая дѣятельность совсѣмъ иного рода. Сначала Волконскій командовалъ бригадою, расположенной на Волыни, затѣмъ на короткое время выходилъ въ отставку, объѣхавъ по своимъ домашнимъ дѣламъ югъ и западъ Россіи. Вторично онъ вступилъ на службу, уже будучи членомъ Тайнаго общества и, повидимому, не безъ намѣренія способствовать распространенію охватившихъ его идей въ военной средѣ. Онъ получилъ командованіе бригадой, центромъ которой была знаменитая Каменка.

Такимъ образомъ, какъ раньше кн. Волконскій былъ въ центрѣ военной и придворной жизни, такъ теперь онъ очутился въ центральномъ пунктѣ дѣятельности южнаго общества. Вотъ рядъ замѣчательныхъ событій, участникомъ или зрителемъ которыхъ пришлось быть кн. Волконскому. Нечего и говорить, что для автора записокъ было открыто широкое поле для наблюденій. Къ сожалѣнію, записки далеко не удовлетворяютъ всѣмъ тѣмъ запросамъ, съ которымъ приступаетъ къ нимъ читатель. Это вполнѣ понятно, такъ какъ въ мемуарахъ наиболѣе рельефно выдѣляется то, что ближе всего интересуетъ ихъ автора.

Надо вспомнить отзывъ о кн. С. Г. Волконскомъ одного изъ товарищей его по обществу и ссылкѣ — Н. В. Басаргина, чтобы объяснить направленіе его мемуаровъ. Вспоминая о товарищескихъ бесѣдахъ, во время перехода изъ Читы въ Петровскій заводъ, онъ передаетъ, что кн. Волконскій „говорилъ прекрасно, съ одушевленіемъ, *особенно, когда дѣло шло о военныхъ дѣйствіяхъ*“ [1]). Дѣйствительно, и въ

[1]) Девятнадцатый вѣкъ, кн. I, стр. 145.

изданныхъ мемуарахъ, написанныхъ уже на склонѣ лѣтъ, говоритъ прежде всего человѣкъ, живо интересующійся военнымъ дѣломъ. Военными событіями авторъ увлекается, передаетъ ихъ очень живо; не менѣе интереснаго историкъ встрѣтитъ въ описаніяхъ подробностей военнаго быта и въ характеристикахъ военныхъ дѣятелей.

Съ этой точки зрѣнія, большой интересъ представляетъ и та позиція, которую занялъ авторъ мемуаровъ: избѣгая разсказовъ объ общихъ планахъ военныхъ дѣйствій, онъ останавливается на томъ, чему онъ былъ свидѣтелемъ, или, въ рѣдкихъ случаяхъ, на томъ, что передавали ему изъ достовѣрныхъ источниковъ. О такомъ направленіи своихъ записокъ самъ авторъ много разъ заявляетъ (стр. 53 и др.), да это и вытекаетъ изъ ихъ характера. При составленіи записокъ, кн. Волконскій старался быть объективнымъ, о чемъ и самъ не разъ заявляетъ (стр. 259). Но, конечно, эти заявленія историкъ приметъ съ осторожностью: не трудно замѣтить весьма пристрастное отношеніе автора къ нѣкоторымъ изъ своихъ современниковъ, напримѣръ, къ А. И. Чернышеву, за которымъ онъ отказывается признать какія бы то ни было военныя достоинства (282, 288 и др.), даже и въ дѣлѣ подъ Суасономъ (стр. 301), къ С. М. Каменскому и др. (стр. 87, 100); столь же пристрастно хвалитъ авторъ дѣятельность Винценгероде и т. д. Конечно, эти обычныя свойства мемуаровъ нисколько не препятствуютъ признанію большихъ достоинствъ во вновь появившемся въ печати памятникѣ громкихъ событій.

Зато наблюденія кн. Волконскаго внѣ военной сферы, къ сожалѣнію, весьма блѣдны. Легко объяснить причину такого ихъ характера: авторъ былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ мало подготовленъ для наблюденій за политической жизнью. На его настроеніи отражалось, правда, настроеніе всего тогдашняго русскаго общества, вызываемое русскими побѣдами и русской дипломатіей; но все это факты, слишкомъ хорошо извѣстные, почему и не имѣютъ характера новизны. Неподготовленность автора къ серьезнымъ наблюденіямъ въ особенности сказалась при посѣщеніи имъ Парижа и Лондона: наблюденія его весьма поверхностны; повидимому, для него осталась непонятной происходившая въ то время въ Англіи столь извѣстная борьба изъ-за хлѣбныхъ пошлинъ.

Бо́льшаго можно было бы ожидать отъ описаній прид-

ворнаго быта. Но тутъ ясно сказалось нерасположенiе автора къ придворной жизни. Къ чести автора надо замѣтить, что эта черта развилась въ немъ не послѣ событiй, перенесшихъ его въ Сибирь: изъ многихъ передаваемыхъ имъ фактовъ ясно, что и въ юности нашъ авторъ весьма скептически относился къ снисканiю благъ въ обстановкѣ дворцовой жизни.

Таковъ характеръ первой и наиболѣе обширной части записокъ. Предоставляя военнымъ историкамъ провѣрку описанныхъ кн. Волконскимъ военныхъ событiй и бiографамъ отдѣльныхъ личностей—оцѣнку высказанныхъ имъ замѣчанiй и приведенныхъ фактовъ, намъ остается отмѣтить, что въ запискахъ кн. Волконскаго встрѣчается нѣсколько любопытныхъ фактовъ, касающихся центральной фигуры того времени—императора Александра Павловича. Познакомимся съ двумя такими разсказами. Волконскiй сообщаетъ, что даже изъ религiознаго обряда царь любилъ дѣлать, „какъ бы сказать, театральное, вахтъ-парадное представленiе". Въ подтвержденiе онъ приводитъ случай, бывшiй передъ пасхальной заутреней: „Я и товарищъ мой Лопухинъ опоздали къ назначенному часу, а какъ мы обязаны были находиться въ той комнатѣ, гдѣ свита государева его ждала, то, боясь встрѣтить государя, для избѣжанiя онаго, хотѣли пробраться черезъ церковь домашнюю, удобный для насъ входъ, чтобъ добраться до нашего мѣста. Но едва подошли къ церкви по заднему ходу, какъ у дверей видимъ: придворный лакей воспрещаетъ намъ взойти въ церковь. На спросъ нашъ „почему?" онъ намъ отвѣчалъ: „Нельзя, тамъ Государь".—Да что жъ онъ тамъ дѣлаетъ, вѣдь служба не началась?—На это онъ отвѣчалъ намъ: „Дѣлаетъ репетицiю церковнаго служенiя". Мы,—дай Богъ ноги" (стр. 154). Или вотъ еще другой подобный фактъ. Волконскiй былъ посланъ изъ армiи генераломъ Винценгероде съ донесенiями къ государю. Даже и спѣшныя донесенiя изъ дѣйствующей армiи проходили черезъ опеку графа Аракчеева. Передъ обратнымъ отправленiемъ въ армiю, государь приказалъ Волконскому быть у себя. Государь вручилъ ему письмо и при этомъ сказалъ: „Вотъ тебѣ письмо къ Винценгероде; онъ пойметъ меня и убѣдится, что я имѣю полное уваженiе и довѣрiе къ нему, но въ ходѣ дѣлъ административныхъ, надо имъ давать общiй ходъ, и поэтому, какъ тѣ бумаги, которыми онъ былъ недоволенъ, такъ и тѣ, которыя впередъ могутъ быть

ему не по мыслямъ и сердцу, пусть его не тревожатъ, и пусть онъ кладетъ ихъ подъ красное сукно и не даетъ исполненія. Онъ и я, мы другъ друга понимаемъ, и ему нечего тревожиться. Поблагодари его отъ меня за преданность и службу. Черезъ нѣсколько часовъ потребуетъ тебя для отправленія графъ Алексѣй Андреевичъ, ты не говори, что я тебя требовалъ къ себѣ, и что ты получилъ отъ меня конвертъ для врученія Винценгероде". Я указываю на эти послѣднія слова, какъ странный фактъ того, что государь себя подчинялъ какой-то двуличной игрѣ съ Аракчеевымъ, и какъ доказательство силы Аракчеева у государя" (стр. 195).

Эти факты очень любопытны, хотя и не придаютъ новыхъ штриховъ для характеристики личности государя.

Авторъ записокъ общими чертами рисуетъ петербургскую жизнь своего времени. Среди его разсказовъ есть одинъ, заслуживающій полнаго вниманія со стороны историка. Этотъ разсказъ передаетъ циркулировавшіе въ обществѣ слухи о паденіи Сперанскаго. Для біографовъ этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля большою новостью является разсказъ объ одной подробности послѣдняго доклада Сперанскаго у государя. Оказывается, что кн. Волконскій былъ дежурнымъ флигель адъютантомъ въ этотъ день, т. е. 17-го марта 1812 г. Волконскій разсказываетъ, что Сперанскій, явившись съ докладомъ къ государю, нѣкоторое время просидѣлъ съ нимъ, велъ разговоръ и былъ позванъ къ государю.

Докладъ продолжался довольно долго. Выйдя изъ кабинета, Сперанскій сказалъ князю: „Ну, нонче хорошъ для меня день, государь долго и благосклонно меня выслушивалъ" (стр. 139). Этотъ моментъ, весьма не безразличный для біографа, до сихъ поръ передавался совсѣмъ въ другой версіи. Корфъ, по словамъ кн. А. Н. Голицына и графа П. В. Голенищева-Кутузова, разсказываетъ, что Сперанскій вышелъ изъ кабинета въ большомъ смущеніи, съ заплаканными глазами и, по словамъ Кутузова, вмѣсто бумагъ, сталъ укладывать въ портфель свою шляпу и, наконецъ, упалъ на стулъ. Эта сцена разсказана и М. А. Дмитріевымъ [1]). Новѣйшій историкъ эпохи г. Шильдеръ повторяетъ этотъ разсказъ [2]).

---

[1]) Корфъ, Жизнь гр. Сперанскаго, ч. III, стр. 15.

[2]) Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе, т. III, стр. 41.

Весь этотъ разсказъ, несмотря на то, что его передаютъ нѣсколько лицъ, не внушаетъ большого довѣрія, — едва ли Сперанскій былъ способенъ такъ потеряться: надо имѣть въ виду, что по заявленію самого государя, какъ это видно изъ разсказа де-Санглена, Сперанскій, являясь къ докладу, зналъ о предстоящемъ его исходѣ и былъ весьма хладнокровенъ [1]).

Еще обращаетъ на себя вниманіе одна маленькая подробность: Голенищевъ-Кутузовъ увѣряетъ, что Сперанскій укладывалъ портфель въ секретной комнатѣ; изъ передачи словъ Александра I, находящейся у де-Санглена, видно, что Сперанскій вошелъ въ кабинетъ съ портфелемъ и вовсе не вынималъ оттуда бумагъ [2]). Всѣ эти обстоятельства, на первый взглядъ довольно мелкія, придаютъ большую вѣроятность разсказу кн. Волконскаго и не нарушаютъ той цѣльности, которою отличался характеръ Сперанскаго въ этотъ періодъ. Надо еще замѣтить, что кн. Волконскій былъ пораженъ, какъ и другіе его современники, удаленіемъ Сперанскаго, интересовался этимъ событіемъ и, по собственному признанію, изложилъ все то, что могъ узнать (стр. 145).

Передаваемый имъ разсказъ де-Санглена (стр. 141) объ арестѣ Сперанскаго совпадаетъ съ разсказомъ въ запискахъ послѣдняго [3]). Послѣднія замѣчанія имѣютъ значеніе по отношенію къ разсказу кн. Волконскаго объ извѣстномъ Армфельдѣ. Этотъ выходецъ настраивалъ аристократическую молодежь противъ „выскочекъ изъ демократическаго слоя“ (стр. 144). Волконскій дѣлаетъ очень вѣроятное предположеніе, что бесѣды Армфельда съ молодежью имѣли цѣлью не одно только смѣщеніе Сперанскаго, но клонились къ установленію государственнаго управленія на аристократическихъ началахъ. Вслѣдствіе этого извѣстный разсказъ о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Сперанскому Армфельдомъ и Балашевымъ, пріобрѣтаетъ болѣе вѣроятія, хотя и не подтверждается вполнѣ [4]).

Такова первая часть записокъ кн. С. Г. Волконскаго.

---

[1]) Шильдеръ, стр. 369.

[2]) Шильдеръ, стр. 369.

[3]) Шильдеръ, III, стр. 42.

[4]) Правдоподобность этого разсказа обыкновенно отрицаютъ (срав. ст. «Императоръ Александръ I и гр. Армфельдъ», въ Русской Старинѣ 1896 г., т. 87, стр. 340). Но при этомъ недостаточно оцѣниваютъ запи-

Переходя ко второй ихъ части, т.-е. къ той, которая посвящена дѣятельности Тайнаго общества и участію въ немъ самого автора, надо прежде всего замѣтить, что она отличается большой краткостью (стр. 397—446): видимо, старость брала свое, авторъ торопится и иногда повторяется. Мы укажемъ на главнѣйшіе факты дѣятельности самого князя Волконскаго въ обществѣ и свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о своихъ соучастникахъ и о задачахъ общества; нѣкоторыя изъ этихъ указаній даютъ новыя свѣдѣнія или касаются такихъ, о которыхъ существуютъ противорѣчивыя извѣстія. Съ этой точки зрѣнія мы и разсмотримъ содержаніе записокъ о декабристахъ.

Одинъ изъ декабристовъ, Свистуновъ, писалъ когда-то по поводу изданія записокъ барона Розена, что изданныя записки декабристовъ ограничиваются описаніемъ послѣдняго момента кровавой драмы и нисколько не объясняютъ предшествующихъ обстоятельствъ, приведшихъ къ роковой развязкѣ; онъ желаетъ, чтобы въ запискахъ были выяснены причины, приведшія къ образованію Тайнаго общества, его дѣятельность, убѣжденія, чувства, стремленія, въ немъ господствовавшія [1]). Эти пожеланія по отношенію къ запискамъ декабристовъ вполнѣ справедливы, хотя бы и не въ такой широкой мѣрѣ. Записки кн. Волконскаго весьма поверхностно касаются причинъ, породившихъ Тайное общество. Мало того, авторъ, избѣгающій говорить вообще о самомъ себѣ, немного поэтому сообщаетъ намъ о тѣхъ причинахъ, которыя привели его самого къ участію въ Тайномъ обществѣ. Надо имѣть въ виду, что кн. Волконскій вступилъ въ общество не вслѣдствіе мимолетнаго увлеченія или личнаго раздраженія; онъ, наконецъ, является однимъ изъ старыхъ членовъ общества (съ 1819 г.), которыхъ въ 1825 году было немного. Между тѣмъ, для провѣрки настроенія общества 20 годовъ, записки кн. Волконскаго пріобрѣтаютъ особый интересъ въ средѣ другихъ

сочку, найденную Корфомъ въ бумагахъ Сперанскаго („Жизнь гр. Сперанскаго", ч. III, стр. 7), и намекъ самого Сперанскаго въ извѣстномъ Пермскомъ письмѣ (Пыпинъ, „Общественное движеніе" изд. 1885 г., стр. 487). Основная цѣль Армфельда нисколько не мѣшала Александру I держать въ своихъ рукахъ всѣ нити этого похода противъ любимца и руководить Армфельдомъ и Балашевымъ,—что выставляетъ на видъ Шильдеръ.

[1]) Русскій Архивъ 1870, стр. 1634—1635.

записокъ его сотоварищей: послѣдніе писали свои записки въ такой періодъ жизни, когда взгляды ихъ на окружающую жизнь, настроеніе ихъ сильно измѣнились (не въ смыслѣ перемѣны коренныхъ убѣжденій). Записки кн. Волконскаго въ этомъ отношеніи составляютъ исключеніе. Отъ нихъ вѣетъ 20-ми годами, какъ будто онѣ писались въ то время; это отразилось даже на своеобразномъ языкѣ автора. Семидесятилѣтній старикъ, искупившій разгульную жизнь молодости серьезной работой въ зрѣломъ возрастѣ и затѣмъ многолѣтними страданіями, является передъ глазами читателя кающимся грѣшникомъ, когда вспоминаетъ о разгулѣ въ молодости (стр. 284), объ излишней склонности къ вину (стр. 61), о проявленіи малодушія (стр. 286) и проч. Зато въ своихъ разсказахъ онъ охотно подчеркиваетъ такіе факты, которые заключаютъ въ себѣ ту или иную нравственную сентенцію (напр. стр. 252, 279, 281, 78 и друг.). Эта нравственная чистота, чуткость проявлялась еще и въ молодости (стр. 78), хотя авторъ изъ скромности рѣдко говоритъ о хорошихъ своихъ качествахъ. Уже эта чуткость дѣлала то, что все дурное, замѣчаемое имъ въ жизни, всякая несправедливость рѣзко запечатлѣвались въ его памяти (напр., стр. 86 и др.). Слѣдя за тѣмъ, что изъ мрачныхъ сторонъ жизни тверже запечатлѣлось въ авторѣ записокъ, можно объяснить себѣ, какимъ образомъ въ его понятіяхъ складывалось недовольство существующимъ порядкомъ въ государствѣ. Уже въ бытность въ Лондонѣ онъ обратилъ вниманіе на факты, свидѣтельствующіе о силѣ закона въ странѣ (стр. 350).

Авторъ записокъ самъ сознается, что событія 1814 и 1815 годовъ вселили въ него „вмѣсто слѣпого повиновенія и отсутствія всякой самостоятельности, мысль, что гражданину свойственны обязанности отечественныя, идущія, по крайней мѣрѣ, на ряду съ вѣрноподданническими". Уже возвратившись изъ похода, онъ полонъ новыми идеями и старается ввести въ свои отношенія къ офицерамъ и солдатамъ совсѣмъ новую струю:—„ввести въ отношенія начальника къ подчиненнымъ болѣе мягкости и теплоты: былъ учтивъ съ господами офицерами и дружески попечителенъ о нижнихъ чинахъ, старался заслужить общее ихъ довѣріе и любовь, чего можно достичь и безъ упадка въ дисциплинѣ, вопреки убѣжденію старой грубой палочной системы" (стр. 387).

Не менѣе интересно сознаніе кн. Волконскаго о поворотѣ его мыслей послѣ объявленія конституціи въ Польшѣ: „Но не умолчу, что во время этой стоянки дошла до меня вѣсть о рѣчи Императора Александра на первомъ, въ царствованіе его, польскомъ сеймѣ, въ которомъ слова его о намѣреніи его распространить и въ Россіи вводимый имъ конституціонный порядокъ управленія, сильное произвело впечатлѣніе въ моемъ сердцѣ, какъ по любви моей къ отечеству, такъ и по желанію моему, чтобы отечество выдвинулось изъ грязной колеи внутренняго своего быта. Съ этой поры моей жизни думы мои приняли другое направленіе, а измѣненіе, встрѣтившееся въ служебномъ моемъ бытѣ, дало совсѣмъ другое направленіе моей жизни" (стр. 396). Вотъ настроеніе, которымъ проникнутъ былъ кн. Волконскій наканунѣ своего вступленія въ Тайное общество.

Дружеская бесѣда съ М. Ѳ. Орловымъ ввела его въ число членовъ Тайнаго общества. Нужно замѣтить, что умственные запросы кн. Волконскаго какъ до вступленія въ общество, такъ и послѣ него были гораздо шире, чѣмъ о томъ можно судить по запискамъ. Такъ уже въ 1812 году онъ былъ принятъ въ массонскую ложу Соединенныхъ Друзей, былъ однимъ изъ основателей ложи Трехъ Добродѣтелей (1816—1819 годовъ), гдѣ былъ вторымъ и первымъ надзирателемъ [1]). Въ письмахъ А. И. Тургенева (1819 годъ) есть указанія на то, что князь С. Г. Волконскій интересовался исторіей Карамзина и, повидимому, былъ неудовлетворенъ ею, какъ и его другъ М. Ѳ. Орловъ [2]). Судя по связи Орлова съ Библейскимъ обществомъ, можно предположить такую же связь съ обществомъ и кн. Волконскаго. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить извѣстный фактъ знакомства кн. Волконскаго съ Пушкинымъ и переписку съ нимъ [3]). Всѣ эти указанія необходимо было привести для того, чтобы съ одной стороны пояснить, что въ запискахъ кн. Волконскаго мы далеко не встрѣчаемъ всѣхъ тѣхъ впечатлѣній, какія онъ переживалъ; съ другой стороны, чтобы показать, что дѣятельность Волконскаго въ обществѣ не была проявленіемъ пустого тщеславія, какъ ее характери-

---

[1]) Пыпинъ, Обществ. движеніе, стр. 920.

[2]) Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, т. I, стр. 339 и 347.

[3]) Русскій Архивъ, 1881 г., кн. I, стр. 427.

зуетъ „Донесеніе“ [1]), что повторяется и историками [2]). О вліятельномъ положеніи Волконскаго въ обществѣ даетъ понять въ своихъ замѣткахъ и Липранди [3]). Прежде чѣмъ перейти къ другимъ сторонамъ дѣятельности общества, какъ это изображено въ запискахъ, остановимъ вниманіе на двухъ фактахъ, касающихся и лично Волконскаго и общества. Біографъ гр. П. Д. Киселева неоднократно заявляетъ, что Киселевъ, будучи начальникомъ штаба второй арміи, ничего не зналъ о существованіи Тайнаго общества [4]). Декабристы, въ томъ числѣ и Якушкинъ [5]), полагали, что Киселеву было извѣстно о Тайномъ обществѣ, но онъ на него смотрѣлъ сквозь пальцы. Разговоръ, сообщаемый авторомъ записокъ съ граф. Киселевымъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что начальнику штаба хорошо были извѣстны задачи общества, тѣмъ болѣе, что жена Киселева приходилась сестрой генералу Виту (стр. 425). Извѣстенъ также разсказъ о томъ, что государь, на пути въ Таганрогъ, дѣлалъ смотръ бригадѣ Волконскаго и посовѣтовалъ ему больше заниматься своей дивизіей, чѣмъ политикой; это было предостереженіе [6]). Волконскій передаетъ этотъ эпизодъ совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ: Волконскому не пришлось падать къ ногамъ государя и униженно благодарить за незаслуженную милость: напротивъ, государь остался доволенъ бригадой, замѣчаніе свое о политикѣ государь сдѣлалъ во время смотра. Волконскій, по совѣту Киселева, передалъ государю „полное довѣрія письмо“, послѣ чего получилъ разъясненіе, что онъ не понялъ государя (стр. 434—435).

Намъ остается еще разсмотрѣть нѣсколько вопросовъ, касающихся дѣятельности Южнаго общества. Напомнимъ, что князь Волконскій, вмѣстѣ съ В. Л. Давыдовымъ были, по словамъ „Донесенія“, представителями думы въ Каменкѣ [7]). Вмѣстѣ съ Давыдовымъ онъ два раза ѣздилъ въ Петербургъ по дѣламъ общества, вмѣстѣ съ другими членами общества былъ

---

[1]) Донесеніе слѣдственной коммиссіи, стр. 39.

[2]) Богдановичъ, Исторія царствованія Императора Александра I, т. IV, стр. 457.

[3]) Русскій Архивъ, 1866 г., стр. 1478 и т. д.

[4]) Заблоцкій-Десятковскій, Гр. Киселевъ и его время, т. I, стр. 243

[5]) Записки И. В. Якушкина, Лейпцигъ, 1874, стр. 57.

[6]) Богдановичъ, т. VI, стр. 502—3.

[7]) Русская Старина, 1872 г., т. V, стр. 775.

на извѣстномъ съѣздѣ въ Москвѣ, наконецъ, на съѣздѣ съ представителями польскаго тайнаго общества въ Кіевѣ. Все это—важнѣйшіе моменты подготовительныхъ работъ общества. Посмотримъ, что новаго по этимъ вопросамъ даютъ разсматриваемыя записки.

Какъ извѣстно, о московскомъ съѣздѣ въ январѣ 1821 г., на которомъ рѣшено было закрыть „Союзъ Благоденствія", разсказываютъ весьма разнорѣчиво. Извѣстенъ разсказъ Якушкина, одного изъ участниковъ, о странномъ поведеніи на съѣздѣ М. Ѳ. Орлова. Разсказъ этотъ противорѣчитъ тому, что до сихъ поръ извѣстно о М. Ѳ. Орловѣ и кромѣ того отрицается какъ сыномъ Орлова (со словъ отца), такъ и однимъ изъ участниковъ съѣзда—Граббе [1]); показаніе объ Орловѣ „Донесенія" [2]) сходно съ тѣмъ, что заявляетъ о немъ сынъ. Съ другой стороны, нѣтъ нужды заподозрѣвать правдивости показаній Якушкина [3]), подкрѣпляемой авторомъ очень содержательной „записки о тайныхъ обществахъ" [4]). Такъ какъ съѣздъ продолжался около мѣсяца, то, очевидно, до насъ дошли показанія о различныхъ его моментахъ, согласовать которыя теперь не легко.

Такъ, хотя Комаровъ [5]), по свидѣтельству князя Волконскаго и Якушкина, не принималъ участія въ засѣданіяхъ, однако въ „Донесеніи" сохранился, со словъ Комарова, очень рельефный разсказъ объ одномъ изъ засѣданій; едва ли Комаровъ рѣшился бы на слѣдствіи измыслить такія детали [6]). Кажется, можно сдѣлать предположеніе, что занятая М. Ѳ. Орловымъ позиція заключалась въ предложеніи двоякаго рода средствъ: или въ болѣе дѣятельной работѣ общества, или въ его закрытіи. Выборъ того или другого былъ необходимъ, такъ какъ общество дѣйствовало вяло, въ немъ сказывались сильныя разногласія, а между тѣмъ правительство уже слѣдило за нимъ, что сдѣлалось извѣстнымъ московскому съѣзду.

Обсужденіе кончилось тѣмъ, что „Союзъ Благоденствія"

---

[1]) Русская Старина, 1874 г., мартъ, стр. 374.
[2]) Донесеніе слѣдственной комиссіи, стр. 23.
[3]) Русская Старина, 1872 г., VII, стр. 597.
[4]) Русскій Архивъ, 1875, III, стр. 628.
[5]) Русскій Архивъ, 1871, III, стр. 628.
[6]) Донесеніе, стр. 23.

былъ признанъ закрывшимся. Князь Волконскій не былъ участникомъ засѣданій съѣзда, такъ какъ на немъ рѣшено было дать право голоса только членамъ основателямъ, каковымъ онъ не былъ; въ такомъ же положеніи оказался и Комаровъ (объ этомъ показаніе изданныхъ записокъ не совсѣмъ сходится съ другими). Но какъ лицо, бывшее въ Москвѣ съ Бурцевымъ и Орловымъ [1]), онъ первый принесъ извѣстія въ Тульчинъ. Никакихъ подробностей о совѣщаніяхъ мы у Волконскаго не встрѣчаемъ. Онъ утверждаетъ только, что съ самаго начала засѣданій сдѣлалось извѣстнымъ, что правительство учредило за обществомъ надзоръ и что потому осторожность требуетъ закрыть общество, а членамъ дѣйствовать по одиночкѣ въ его цѣляхъ. М. Ѳ. Орловъ присталъ къ этому рѣшенію. Въ частности по вопросу о вліяніи на твердость убѣжденій Орлова предположенной женитьбы его на Е. Н. Раевской, Волконскій сообщаетъ слѣдующее. Онъ вмѣстѣ съ Орловымъ изъ Тульчина прибылъ въ Кіевъ, гдѣ послѣдній сдѣлалъ предложеніе Е. Н. Раевской черезъ ея брата А. Н. и получилъ отъ послѣдняго согласіе съ условіемъ выхода изъ Тайнаго общества. Орловъ ѣхалъ въ Москву „въ шаткомъ убѣжденіи, что ему дѣлать“ (стр. 410—412). Такимъ образомъ, показанія Волконскаго не разъясняютъ подробностей съѣзда, но сопоставленныя съ другими даютъ прочное представленіе о причинахъ оффиціальнаго закрытія „Союза“ [2]), въ частности

---

[1]) Впрочемъ, И. В. Якушкинъ говоритъ, что на послѣднія засѣданія съѣзда былъ приглашенъ, въ числѣ другихъ, и князь Волконскій; здѣсь было объявлено о закрытіи „Союза Благоденствія“, но безъ разъясненія собравшимся того, что рѣшено основать главныя четыре думы. Какъ извѣстно, Бурцевъ оффиціально объявилъ въ Тульчинѣ о закрытіи „Союза“, вышелъ изъ общества и не основалъ, какъ это было предположено въ Москвѣ Тульчинской думы (Записки Якушкина, стр. 74, 76). Такъ какъ дума была основана въ Тульчинѣ, съ Пестелемъ и Юшневскимъ во главѣ, на томъ же засѣданіи, въ которомъ Бурцевъ вышелъ изъ общества, и такъ какъ впослѣдствіи Волконскій явился связующимъ звеномъ между Сѣвернымъ и Южнымъ обществами, то вполнѣ вѣроятно, что отъ Волконскаго не было скрыто предложеніе объ основаніи новыхъ отдѣловъ и о новомъ направленіи въ дѣятельности общества.

[2]) Ср. Басаргинъ, Девятнадцатый вѣкъ, кн. I р. д. 73 к. Ту же причину выставляетъ и записка о тайныхъ обществахъ; между прочимъ онъ разсказываетъ, что Н. И. Тургеневъ разсылалъ особые циркуляры о закрытіи общества; весьма возможно, что такіе же циркуляры разсылалъ и Орловъ, о чемъ говоритъ „Донесеніе“.

они намекаютъ на то, что предстоящая женитьба не осталась безъ вліянія на выходъ Орлова изъ состава общества.

О другомъ съѣздѣ, съ поляками, Волконскій сообщаетъ болѣе положительныя свѣдѣнія. Какъ извѣстно, „Донесеніе" приписываетъ Южному обществу обѣщаніе, данное полякамъ о возстановленіи Польши въ полномъ ея составѣ [1]). Съѣздъ съ поляками происходилъ въ январѣ 1825 года на квартирѣ у Волконскаго. По кардинальному вопросу о границахъ Польши, Пестель далъ нѣсколько уклончивый отвѣтъ полякамъ, признавъ Польшу федеративнымъ тѣломъ, но въ то же время заявивъ, что полякамъ не слѣдуетъ мечтать о невозможномъ.

Вотъ разсказъ автора записокъ: „Пестель сказалъ: ‚О границахъ не ставить кондицій, мы клониться должны къ общему дѣлу: союзъ Польши съ Россіей не долженъ быть въ ущербъ послѣдней. Вы ищете совокупнаго дѣйствія съ нами; что издавна русское, то должно остаться русскимъ. Мы по національности составимъ федеративное цѣлое, не требуйте замысловатыхъ уступокъ. Вы найдете въ насъ братьевъ и гранью между нами не будетъ произволъ какого-либо сословія. Мы желаемъ добра и самостоятельности Польшѣ, но первое наше дѣло—отстаивать свое отечество. Однимъ словомъ, согласитесь по этому вопросу ожидать и довольствоваться тѣмъ, что вамъ дадимъ, а не мечтайте о невозможномъ. Главное дѣло—это на обоюдныхъ правилахъ устроить возстаніе, не въ отвлеченныхъ мысляхъ, а на дѣлѣ; мы начнемъ, и вы начинайте". Этотъ разговоръ положилъ конецъ сарматскимъ попыткамъ поляковъ, не имѣющимъ никакого историческаго основанія, и главная цѣль общаго дѣйствія къ возстанію въ одно время при объявленіи отъ насъ, была единогласно принята. Вотъ не вымышленный, но чисто фактическій разговоръ" (стр. 416—412).

Этотъ отвѣтъ, повидимому, разъясняетъ холодность поляковъ по отношенію къ обществу [2]).

---

[1]) Довесеніе слѣдственной комиссіи, стр. 32.

[2]) Ср. заявленія Свистунова. Русскій Архивъ, 1870 г. стр. 1640. Богдановичъ приводитъ изъ слѣдственнаго дѣла показаніе Волконскаго, противорѣчащее тому, что онъ говоритъ въ запискахъ (т. 6. р. 477); но показаніе Волконскаго въ изложеніи Богдановича не выдѣлено отъ другихъ. Во всякомъ случаѣ Волконскій еще до вступленія въ общество не долюбливалъ поляковъ и не признавалъ законными ихъ широкихъ притязаній.

Что касается задачъ Южнаго общества и содержанія „Русской Правды", то Волконскій мало говоритъ объ этихъ вопросахъ; между прочимъ онъ категорически завѣряетъ, что цареубійство было принято основнымъ догматомъ въ Южной думѣ, но что эта „мѣра въ основаніи своемъ имѣла не безусловное приведеніе въ дѣйствительность, но была какъ бы обуздывающимъ предохранительнымъ средствомъ отъ удаленія членовъ изъ общества: согласіе на такую мѣру не давало уже возможности къ выходу; удаленіе же изъ членовъ общества не уменьшало полной отвѣтственности на первоначальное согласіе. Это изложеніе не есть вымыселъ, теперь мною придуманный, но чистая того времени уловка; и это я высказываю по сущей истинѣ" (стр. 412—413). Впрочемъ, настроеніе Южнаго общества было таково и въ немъ шли такія приготовленія, которыя должны были предвидѣть всякій исходъ.

Эта сторона въ направленіи общества наиболѣе можетъ интересовать читателя мемуаровъ, принадлежащихъ перу виднаго его дѣятеля. Къ сожалѣнію, Волконскій въ данномъ случаѣ кратокъ и даетъ не болѣе того, что уже извѣстно,— остовъ безъ конкретныхъ данныхъ. Приводимъ въ сокращеніи этотъ разсказъ въ виду его важнаго значенія: „Южная и Сѣверная думы приняли два различныхъ направленія: первая положила себѣ цѣлью демократическій переворотъ; вторая—монархически-конституціонный. Несмотря на это разногласіе цѣлей и средствъ, обѣ думы, не дѣйствующія совокупно, не прекращали сношеній между собою. Двигателемъ по Южной думѣ былъ Пестель; по Сѣверной—Никита Муравьевъ. Ежегодно я и Василій Львовичъ Давыдовъ ѣздили въ Петербургъ для совѣщаній, соображеній и свода успѣховъ по каждому отдѣлу. Дѣла Южнаго общества, замышляющаго радикальный переворотъ (теперь скажу можетъ быть несбыточный, преждевременный), быстрыми шагами подвигались впередъ. Дѣйствія же Сѣвернаго общества, какъ по существу своему, такъ и по принятымъ имъ началамъ, были не такъ живительны, и болѣе относились къ приготовленію разныхъ проектовъ конституціи... Для успѣшнаго переворота надо просторъ, увлеченіе, а по переворотѣ—надо сильную волю, чтобы избѣгнуть анархіи, и къ этой цѣли клонилось постановленіе Южнаго общества, чтобъ при удачѣ вслѣдъ за переворотомъ учредить временное правительство на три года, а впослѣдствіи отобрать отъ народа

или черезъ назначенныхъ отъ него довѣрителей, чего и что хочетъ Россія" (стр. 420).

Слѣдовательно, естественно было подумать, какъ оградить себя отъ домогательствъ падшаго правительства, чѣмъ и занятъ былъ Пестель.

Волконскій не сообщаетъ содержанія „Русской Правды" въ надеждѣ, что она будетъ когда-нибудь напечатана. Интересно его заявленіе, что „Русская Правда" въ ихъ кружкѣ считалась кодексомъ, по которому должно быть установлено управленіе въ Россіи въ случаѣ успѣха; мало того, онъ завѣряетъ, что записки о финансовомъ положеніи и судопроизводствѣ въ Россіи, опубликованныя впослѣдствіи за границею Н. И. Тургеневымъ, получили свое начало во время подготовительныхъ работъ общества, такъ какъ выработка предварительнаго устава по части военной и административной была поручена Пестелю, а по части финансовой и судопроизводства—Тургеневу (стр. 422—423). Эти свѣдѣнія о Тургеневѣ являются новостью; замѣтимъ, что Якушкинъ не считаетъ „Русской Правды" законодательнымъ проектомъ, почему и въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ заподозрѣвается точность показаній „Донесенія" [1]). Въ этомъ отношеніи свидѣтельство князя Волконскаго, человѣка очень близкаго къ Пестелю и находившагося подъ непосредственнымъ его вліяніемъ, заслуживаетъ большого вѣроятія.

Мы исчерпаемъ важнѣйшіе факты касательно декабристовъ, если отмѣтимъ еще извѣстіе объ адресѣ Императору Александру I, составленномъ М. Ѳ. Орловымъ въ 1815 г., съ просьбой объ уничтоженіи крѣпостного права; на адресѣ были подписи князя И. В. Васильчикова, графа Воронцова, Блудова и другихъ (стр. 407—408). Это фактъ новый, и достовѣрность его не подлежитъ оспариванію въ виду дружбы автора записокъ съ Орловымъ.

Таковы важнѣйшіе факты, сообщаемые записками князя С. Г. Волконскаго. Мы остановились только на такихъ, которые касаются спорныхъ въ исторіи декабристовъ вопросовъ. Слѣдуетъ добавить, что въ запискахъ есть рядъ любопытныхъ подробностей объ извѣстномъ Шервудѣ и сношеніяхъ его съ Вадковскимъ; въ особенности интересенъ и новъ разсказъ о томъ, что дѣлалось въ Тульчинѣ во время арестовъ. Въ за-

---

[1]) Пыпинъ, Общественное движеніе, р. 438—440.

ключеніе слѣдуетъ сказать, что, какъ историческій матеріалъ, записки даютъ много новаго и интереснаго изъ области военнаго быта. По отношенію къ исторіи тайныхъ обществъ, онѣ далеко не оправдываютъ ожиданій, которыя возбуждаетъ самое имя автора. Тѣмъ не менѣе, правдивость хотя и сжатаго разсказа безспорно поможетъ правильному уясненію многихъ сторонъ той общественной дѣятельности, которая подготовила 14-е декабря 1825 г.

Страница изъ исторіи крѣпостного права въ XVIII—XIX вв.

I.

Въ половинѣ XVIII в. крѣпостное право въ областяхъ Рѣчи Посполитой Польской достигло столь широкаго развитія, что стало вызывать оппозицію среди болѣе образованной части общества. Юристы того времени опредѣляютъ крѣпостное право такими чертами, которыя почти не отдѣляютъ крѣпостного отъ раба. Такъ, одинъ изъ правовѣдовъ опредѣляетъ состояніе крѣпостныхъ слѣдующимъ образомъ: 1) подданные не только сами, но и съ потомствомъ принадлежатъ владѣльцу; послѣдніе имѣютъ право ихъ продать, подарить или переселить въ другое мѣсто; 2) бѣглаго подданнаго владѣлецъ имѣетъ право разыскивать; 3) подданные не могутъ вести безъ своего пана ни гражданскихъ, ни уголовныхъ дѣлъ и 4) крестьянинъ не имѣетъ собственности и ничего не можетъ завѣщать изъ имущества, которымъ онъ пользуется [1]). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что крестьяне не могутъ вступить въ бракъ безъ разрѣшенія своего господина. Вообще шляхтичъ въ своемъ имѣніи былъ абсолютнымъ монархомъ [2]). Само собой разумѣется, что право суда и наказанія до смертной казни включительно принадлежало помѣщикамъ. Правда, что послѣднее право, т.-е. право смертной казни, не опиралось на опредѣленные законы страны, и даже Литовскій Статутъ опредѣляетъ наказаніе шляхтичу за убійство крестьянина. Однако, фактически шляхта повсемѣстно пользовалась и правомъ смерт-

---

[1]) Prawo civilne albo szczególne narodu Polskiego etc. ułożone przez X. T. Ostrowskiego. T. I, Варш., 1784 г., p. 42—45.

[2]) Tadeusz Korzon, Wewnętrzne dzieje Polski. T. I, p. 365.

ной казни, толкуя по-своему одно постановленіе сейма 1573 года [1]). Только закономъ 1768 г. это право было отмѣнено [2]).

Не удивительно поэтому, что положеніе крестьянъ, какъ его рисуютъ современники, было очень тяжелое. „Они,—говоритъ одинъ изъ современниковъ,—мало отличаются отъ скота, не имѣютъ никакой собственности, живутъ со дня на день, гніютъ въ грязи и бѣдности; благодаря недостатку въ свѣтѣ и жизненныхъ припасахъ гибнетъ половина ихъ потомства, которое увеличило бы населеніе, да и сами они погибаютъ отъ голода, когда случится неурожайный годъ. Нужно сознаться, что какая бы судьба не постигла Польшу, ихъ положеніе не можетъ ухудшиться“.

Произволъ и насиліе, проистекающіе изъ одной природной жестокости, были рѣдки, по справедливому замѣчанію одного историка [3]). Но это обстоятельство мало смягчаетъ почти повсемѣстную практику, ведшую къ отягощенію крестьянъ барщиной и податями; къ этому надо прибавить и способы понужденія къ работѣ. Встрѣчаются имѣнія въ самой Польшѣ, въ которыхъ за полуволоку лучшей земли требовалась барщина по 4, 5 и 6 дней въ недѣлю съ шестеркою воловъ или съ четверкой лошадей, не говоря уже о различныхъ податяхъ и повинностяхъ [4]).

Въ литовско-русскихъ областяхъ положеніе крестьянства не было лучше, чѣмъ въ коронныхъ земляхъ. По словамъ одного современника, здѣсь барщина въ 3—6 дней съ панскою запряжкою была обычной. Кромѣ барщины требовались еще такъ называемые гвалты, т.-е. помочи, требовавшіеся отъ 6 до 12 разъ въ годъ; на гвалты выходило все рабочее населеніе

---

[1]) Ст. 4 Варш. генер. конфедераціи 1573 г. подтверждала обязанность подданныхъ повиноваться своимъ господамъ, „какъ и прежде“. Но если бы они выказали непослушаніе подъ предлогомъ религіи, то можно наказать ихъ по усмотрѣнію владѣльца. Неясность текста заключается въ словахъ tam in spiritualibus, quam in secularibus, т. е. можно разумѣть bonis или rebus и можно толковать о наказаніи за проступки въ церковномъ и гражданскомъ отношеніи. Въ 1573 г., конечно, имѣли въ виду первый смыслъ.

[2]) Korzon, p. 368; Мякотинъ, Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ, p. 54.

[3]) Мякотинъ, p. 67.

[4]) Мякотинъ, 67.

двора. Сверхъ барщины повсемѣстно требовалась еще сторожевая повинность и многія другія. Само собой разумѣется, что подати и подачки взимались съ крестьянъ своимъ чередомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже взималась плата за пастьбу скота. Разумѣется, самой тяжелой повинностью была барщина; обыкновенной нормой рабочаго дня считалось 8 часовъ въ зимнемъ днѣ и 12 часовъ въ лѣтнемъ. Но во многихъ случаяхъ крестьяне работали по 12 час. въ день зимой и по 19 часовъ лѣтомъ. Эти свѣдѣнія, сообщаемыя анонимнымъ авторомъ современной брошюры „Nie wszyscy błądzą", вовсе не являются преувеличеніемъ. Эти показанія можно провѣрить по инвентарямъ помѣщичьихъ имѣній. Конечно, въ этихъ инвентаряхъ не будетъ любопытныхъ бытовыхъ подробностей.

Оказывается, что дѣйствительно барщина по 3—4 дня съ полуволоки земли (9 дес.) была довольно обычнымъ явленіемъ. Къ этому надо присоединить сторожевую повинность, подводную, гвалты, толоки и разныя другія повинности. Что касается податей, то онѣ отличаются большимъ разнообразіемъ [1]).

Такимъ образомъ, отзывы современниковъ о тяжеломъ положеніи литовско-русскаго крестьянства въ XVIII вѣкѣ не

---

[1]) Для подтвержденія сказаннаго приведемъ нѣсколько данныхъ изъ инвентарей частно-владѣльческихъ имѣній XVIII вѣка.

Такъ, по инвентарю 1758 года имѣнія Зерченичи, принадлежавшаго Іосифу Селявѣ, съ полуволоки тяглой земли (т. е. такой, съ которой шла барщина, пригонъ) полагалось барщины 2 мужскихъ и 2 женскихъ дня въ недѣлю, молотьба и сторожа по очереди, 12 гвалтовъ и 6 подводъ въ Ригу; изъ податей и подачекъ: подымнаго 4 злотыхъ, куръ—двое, льну—15 ручекъ, грибовъ—одинъ вѣнокъ, орѣховъ—одинъ гарнецъ, ягодъ—одинъ гарнецъ, яицъ—десять. (Историко-юридическіе матеріалы, извлеченные изъ Витебскаго архива. т. 27, 325).

По инвентарю имѣнія Кеминъ Оршанскаго повѣта, принадлежавшаго панамъ Лускинымъ, 1761 года различались тяглыя и купичныя волоки. Здѣсь съ цѣлой тяглой волоки требовалось только 4 дня пригону, т. е. барщины (2 мужскихъ и 2 женскихъ дня). Но сверхъ того, крестьяне обязаны исполнять и другія ординарныя услуги, согласно обычаямъ. Къ числу повинностей также отнесены подорожчина съ письмами (т. е. развозка писемъ), куда пошлютъ, сторожа дворная, мужская и женская, молотьба по очереди, мытье полотенъ и овецъ, бѣленье полотенъ, собираніе огородныхъ овощей; всѣ эти повинности требуются сверхъ барщины, которая сама по себѣ не мала сравнительно съ другими. Но сверхъ этихъ разнообразныхъ повинностей въ этомъ имѣніи тяглые крестьяне платили весьма большія по

преувеличены, такъ какъ инвентари представляютъ собою точныя данныя.

Не удивительно, что писателей того времени поражало въ польско-литовскомъ крестьянинѣ его крайне забитое состояніе. Едва ли не самыя горячія страницы, посвященныя крестьянству, мы встрѣчаемъ у извѣстнѣйшаго писателя XVIII в. знаменитаго ксендза Сташица: „Пять частей польскаго народа стоитъ предъ моими глазами. Я вижу милліоны существъ, изъ которыхъ одни ходятъ полунагія, другія прикрыты шкурой или грубой сермягой; всѣ они высохшія, захудалыя, обросшія волосами, закоптѣлыя; глаза у нихъ глубоко запали, грудь безустанно работаетъ. Грустныя, оглупѣвшія и глупыя, они мало чувствуютъ и мало думаютъ; впрочемъ, это ихъ величайшее счастье. Съ трудомъ можно открыть въ нихъ разумную душу. Съ перваго взгляда ихъ наружность скорѣе похо-

---

дати, а именно: чиншу—9 злотыхъ, подымнаго—1 злотъ 15 грошей, кромѣ того, бочку жита, бочку овса и обычныя мелочи, какъ гуси, куры, яйца и прочее. Въ томъ же имѣніи были и куничники, т. е. оброчные крестьяне, которые платили съ волоки 40 злотыхъ чиншу и 1 злотъ 15 грошей подымнаго, исполняя, при этомъ многія мелкія послуги (ibidem, т. 19, р. 150—162).

Въ имѣніи Ботвиновкѣ Новогрудскаго уѣзда, принадлежавшаго Антону Жуковскому, съ полуволоки земли полагалось 4 дня пригону, 5 злотыхъ чиншу и, сверхъ того, собирались разные мелкіе сборы.

Въ имѣніи Русиновѣ съ полуволоки полагалось пригону тоже 3—4 дня, сверхъ того 12 гвалтовъ и 2 урока (на урокъ выходили по одному рабочему изъ избы). Разумѣется, взималась плата за чиншъ, подымное, подорожчина и прочее (Ibidem, т. 19, р. 165).

Иногда бывали и болѣе сложныя повинности и сборы. Такъ, въ имѣніи Вымно Витебскаго уѣзда, принадлежавшемъ Лукомскому (по инвентарю 1722 г.) въ числѣ повинностей была и такая, что одинъ человѣкъ изъ каждой хаты долженъ былъ являться въ воскресные и праздничные дни въ церковь на богослуженіе: съ волоки тяглой земли здѣсь требовалось 4 дня барщины, нѣсколько стоповъ, возка лѣса, сторожа, молотьба, гвалты на починку гребли и проч. При этомъ чиншъ былъ великъ—20 злотыхъ и сверхъ того требовалось съ волоки 5 бѣлокъ, 20 лубовъ, одну копу драницъ, кромѣ куръ, яицъ и проч. (Ibidem, т. 27, № 19).

Въ одномъ имѣніи Любчановѣ, принадлежавшемъ Витебской іезуитской коллегіи, крестьяне были освобождены отъ барщины, но зато они платили 5 злотыхъ чиншу, 5-й снопъ всякаго хлѣба и массу мелкихъ сборовъ и повинностей (Ibidem, № 10).

жа на звѣря, чѣмъ на человѣка. Хлопъ является самымъ позорнымъ названіемъ. Пищей имъ служитъ хлѣбъ съ мякиной, а черезъ четверть года (послѣ сбора)—хлѣбные суррогаты; напиткомъ для нихъ служитъ вода и, обжигающая внутренности, водка. Жилищами имъ служатъ ямы или шалаши, немного возвышающіеся надъ землей. Солнце туда не проникаетъ. Они наполнены смрадомъ и тѣмъ благодѣтельнымъ дымомъ, который, очевидно, убавляетъ имъ свѣта для того, чтобы они меньше видѣли свою не-долю; чтобы они меньше страдали,— онъ днемъ и ночью душитъ ихъ, сокращая ихъ несчастную жизнь, особенно убивая малютокъ. Въ этой смрадной и дымной темницѣ на гнилой подстилкѣ отдыхаетъ хозяинъ, утомленный дневной работой; рядомъ съ нимъ спитъ малая нагая дѣтвора на томъ же самомъ ложѣ, на которомъ стоитъ корова съ теленкомъ и лежитъ свинья съ поросятами... Добрые поляки! Вотъ роскошная жизнь той части народа, отъ которой зависитъ судьба вашей Рѣчи Посполитой! Вотъ человѣкъ, который васъ кормитъ! Вотъ положеніе крестьянина въ Польшѣ“ [1]).

Въ этихъ словахъ блестящаго публициста безспорно много правды. Но историкъ, присматриваясь къ интересующему насъ явленію, долженъ замѣтить, что и среди этого моря страданій были оазисы улучшенной крестьянской доли,—улучшенной, конечно, относительно. Прежде всего крѣпостной строй Рѣчи Посполитой не зналъ одного явленія, столь распространеннаго въ сосѣдней Россіи—оброчныхъ крестьянъ, отпускаемыхъ въ города на заработки подъ условіемъ платежа оброка. Такой видъ пользованія трудомъ крѣпостного трудно отличимъ отъ рабовладѣнія въ собственномъ смыслѣ. Литовско-русскій и польскій крестьянинъ былъ крѣпче къ землѣ, чѣмъ его великорусскій собратъ. Въ этомъ же смыслѣ надо отмѣтить и ту особенность западно-русскаго крестьянства, что оно не знало класса дворовыхъ въ собственномъ смыслѣ. Губернскіе редакціонные комитеты западныхъ губерній всѣ оттѣнили тотъ фактъ, что понятіе двороваго человѣка не приложимо къ мѣстнымъ условіямъ. Дворовые здѣсь не брались на всю жизнь во дворъ помѣщика, такимъ образомъ не разрывали связей съ семьею [2]). Указанныя двѣ особенности западно-русскаго

---

[1]) Przestrogi dla Polski, изд. 1709 г., р. 210—212.

[2]) Матеріалы по исторіи упраздненія крѣп. права въ Россіи.

крестьянства сложились такимъ образомъ. Крестьянство не тяготѣло къ городамъ, потому что не могло конкурировать съ бойкимъ мѣщанствомъ. Поэтому для развитія оброчной системы не было подходящей почвы. Съ другой стороны, служба помѣщичьяго двора слагалась изъ двухъ элементовъ: приказчичьяго и чернорабочаго. Служба перваго рода даже у среднихъ помѣщиковъ выполнялась мелкой шляхтой, которой въ краѣ было очень много. Чернорабочій элементъ долгое время пополнялся изъ невольной челяди, т. е. рабовъ въ собственномъ смыслѣ, а съ исчезновеніемъ ся (въ XVII вѣкѣ) замѣненъ во дворахъ паробками, которые временно брались изъ среды крѣпостныхъ, иногда же и свободными наемными рабочими.

Итакъ, польско-литовскій крестьянинъ не отрывался навсегда отъ земли и семьи, подобно своему великорусскому собрату.

Затѣмъ необходимо отмѣтить, что до самаго присоединенія западно-русскихъ земель къ Россіи, здѣсь сохранился, повидимому, довольно численный классъ свободныхъ земледѣльцевъ, такъ называемыхъ вольныхъ похожихъ людей. Подъ Вильной, напримѣръ, у рѣдкаго помѣщика были крѣпостные крестьяне, но большею частью люди вольные, перехожіе, долго не засиживающіеся у одного и того же владѣльца [1]). Вообще званіе свободныхъ людей, признаваемое законами и обычаями, очень оригинальнымъ образомъ иногда сохранялось въ рядахъ крестьянства: напримѣръ, въ XVIII вѣкѣ еще встрѣчаемъ званіе свободнаго человѣка „старцева сына": старцами въ XVI вѣкѣ назывались представители волостей, замѣненные потомъ войтами и исчезнувшіе изъ состава сельской администраціи; тѣмъ не менѣе потомство такого старца дорожитъ грамотками, опредѣляющими его генеалогію, какъ свободнаго земледѣльца. Сохранившійся разрядъ вольныхъ похожихъ людей былъ вѣроятною причиною того явленія, что въ XVIII в. толпы великорусскихъ крестьянъ перебѣгали въ предѣлы Рѣчи Посполитой [2]).

Рядомъ съ вольнымъ перехожимъ крестьянствомъ до конца XVIII вѣка сохранился и еще другой разрядъ свободнаго крестьянства—это путное боярство. Основною повинностью

---

[1]) Lubomirski: Rolnicza ludność w Polsce, p. 62 прим.

[2]) Ibidem, p. 62, прим.

этого разряда въ болѣе древнее время была служба по развозкѣ писемъ; они употреблялись также и въ военной службѣ въ качествѣ военно-служилыхъ людей. Привиллегированное положеніе путныхъ бояръ давало имъ возможность пользоваться большими надѣлами, нести меньшія повинности, и наконецъ, пользоваться правами собственности на имущество подъ контролемъ, однако, помѣщика.

Наконецъ, надо еще отмѣтить одну особенность въ крѣпостномъ строѣ Рѣчи Посполитой. Помѣщикъ не только фактически, какъ въ Великороссіи, но и юридически былъ монархомъ въ своей маетности. Онъ издавалъ законы, на основаніи которыхъ его подданные могли пользоваться всѣми гражданскими правами, которыхъ лишалъ ихъ законъ государственный. Отчасти, впрочемъ, гражданскія права крѣпостныхъ держались въ силу обычая [1]).

Вообще изученіе актовъ крупныхъ помѣщичьихъ экономій можетъ дать въ этомъ отношеніи любопытный матеріалъ и освѣтить интереснѣйшія стороны въ исторіи крѣпостного права. Мы нѣсколько остановимся на этомъ вопросѣ, благодаря тому, что въ нашемъ распоряженіи находятся акты крестьянскихъ сдѣлокъ имѣнія Негневичей, принадлежавшаго Радзивилламъ и бывшаго съ конца XVIII вѣка въ арендѣ у Хрептовичей, и имѣнія Щорсъ, принадлежавшаго послѣднимъ. Обѣ крупныя маетности—маленькія государства. Здѣсь крестьяне и бояре пользовались всѣми гражданскими правами. Обыкновенно сдѣлки совершаются на господскомъ дворѣ въ присутствіи приказчиковъ; но не изъ чего не видно, чтобы отъ двороваго управленія зависѣло разрѣшеніе сдѣлокъ; очевидно, панскій дворъ имѣетъ значеніе присутственнаго мѣста, уряда, предъ которымъ заключаются акты. Дворъ, конечно, долженъ былъ имѣть свѣдѣнія о заключенныхъ сдѣлкахъ для раскладки податей и повинностей. Такъ, Тимохъ Хлѣбовичъ въ присутствіи „добрыхъ людей“—свидѣтелей -раздѣлился со своимъ старшимъ сыномъ Яномъ, выдѣливъ ему надѣлъ земли и часть движимости. Изъ раздѣленнаго акта видно, что Янъ пытался было получить часть хлѣба, купленнаго старшимъ братомъ уже послѣ раздѣла, и обращался къ пану. Однако, актъ скрѣпленъ только свидѣтелями. Въ немъ встрѣчаемъ и любопытную уря-

---

[1]) Ibidem, прим.

довую приписку, дающую понятіе о цѣли представленія панскому двору крестьянскихъ актовъ: „1 іюля 1783 г. совершался раздѣлъ между вышеупомянутыми особами при названныхъ же свидѣтеляхъ; этотъ актъ на дворѣ Негневицкомъ утвержденъ для свѣдѣнія и доказательства на будущее время и для экономическихъ распоряженій“. Такъ гласитъ приписка помѣщичьяго приказчика. Трое родныхъ братьевъ Персюковичей явились во дворъ и объявили свой „добровольный раздѣлъ“. Господскій приказчикъ записалъ раздѣлъ съ припискою, что всѣ панскія повинности раздѣлившіеся теперь обязаны отбывать каждый за себя.

И все. Итакъ, мы видимъ, что въ крестьянской средѣ совершаются раздѣлы имущества какъ движимаго, такъ и недвижимаго. Продажныхъ актовъ и залоговыхъ очень много среди разбираемыхъ документовъ. Крестьяне вездѣ называютъ свою землю „вѣчною собственностью“. Такъ, „подданная“ Радзивилловскаго с. Остафьева Юста Васильева продаетъ свой наслѣдственный участокъ, доставшійся ей отъ отца, Алексѣю Гайку „на вѣчныя времена“. Продавщица и свидѣтели скрѣпляютъ актъ собственноручными крестиками. Двое подданныхъ, братья Амельяновичи, имѣя нужду въ деньгахъ, продаютъ свою „собственную сѣножать“ другимъ двумъ своимъ роднымъ братьямъ „на вѣчность“. Продавцы всегда заявляютъ въ актахъ продажу отъ своего имени, и отъ имени женъ и дѣтей своихъ и продажный актъ совершается въ пользу покупателя, его жены, дѣтей и потомства. Купчія содержатъ формулу, опредѣляющую права новаго владѣльца—владѣть на вѣчныя времена, право отдавать его, дарить кому угодно, мѣнять и „вообще распоряжаться, какъ своею собственностью“. Нарушеніе права владѣнія со стороны наслѣдниковъ или родственниковъ продавца обезпечивается назначеніемъ „вины“, т. е. штрафа въ пользу покупателя и панскаго двора за нарушеніе владѣнія и за вчиненіе о немъ иска.

Все это обычныя формы актовыхъ сдѣлокъ, какъ онѣ заключались между всѣми свободными людьми государства. Рядомъ съ купчими крѣпостями встрѣчаемъ много и залоговыхъ актовъ. Въ своемъ правѣ отдавать въ залогъ землю—крестьяне не сомнѣваются; эти акты обыкновенно заключаются безъ всякихъ помѣхъ со стороны дворовыхъ властей. Закладные оговариваютъ только права, вытекающія изъ обычныхъ

семейно-правовыхъ воззрѣній, бытующихъ въ крестьянской средѣ. Яковъ Панфиловичъ, нуждаясь въ деньгахъ, закладываетъ „свой собственный“ участокъ земли, обсудивъ это дѣло предварительно со своими братьями. На основаніи соглашенія съ братьями, Яковъ ставитъ условіемъ, что заложенная земля можетъ быть выкуплена только имъ самимъ или его дѣтьми, но не братьями. Очевидно, существуетъ право семейнаго выкупа и закладывающіе въ данномъ случаѣ устраняютъ это право. Въ другихъ случаяхъ не случается подобныхъ оговорокъ; иногда лишь вводится условіе, по которому залогоприниматель обязывается платить чиншъ съ состоящей въ его пользованіи земли.

Итакъ, мы наблюдаемъ въ крестьянской средѣ данной мѣстности свободное распоряженіе землей и движимымъ имуществомъ. Слѣдуетъ добавить, что семейно-обычное право ничѣмъ не стѣснено. Только что были приведены факты семейныхъ раздѣловъ. Подданные Дмитръ и Крестина Буханы совершаютъ дарственную запись на свой участокъ земли въ пользу своей дочери Наталіи и ея мужа, отдаляя отъ этого имущества всѣхъ своихъ родственниковъ. Супруги Ларскіе, не будучи въ состояніи сами вести своего хозяйства, принимаютъ въ свой домъ зятя—примака, записываютъ ему и своей дочери землю, строенія, скотъ „на вѣчныя времена“. Крестьянинъ, далѣе, распоряжается своимъ имуществомъ по завѣщанію. Такъ, Параска Мелашкова, имѣющая свой „вѣчистый участокъ пашни и огорода“, на смертномъ одрѣ завѣщаетъ это свое имущество „на вѣчность“ въ полную собственность, съ отдаленіемъ всѣхъ родныхъ подъ угрозою платежа штрафа на дворъ, своей братовой (т. е. женѣ брата), пріютившей завѣщательницу въ ея старческіе годы.

Этими бѣглыми указаніями исчерпываются всѣ важнѣйшіе случаи распоряженія имуществомъ. Пришлось остановиться на этихъ фактахъ, какъ совершенно новыхъ и очень любопытныхъ. Но въ нихъ еще есть спеціальный интересъ: если сопоставить эти крестьянскіе акты, писанные въ XVIII вѣкѣ, съ такими же актами н. XVI вѣка, когда понятіе крестьянской собственности имѣло больше юридическихъ основаній, и съ явками крестьянскихъ сдѣлокъ въ книгахъ нынѣшнихъ волостныхъ правленій, когда крестьянская собственность признана закономъ, то вскрывается любопытная черта—сходство, даже

полное тожество, актовъ и формъ распоряженія собственностью какъ въ понятіи населенія, такъ даже въ формѣ актовъ. Очевидно, въ эпоху наибольшаго развитія крѣпостного права крестьянинъ продолжаетъ считать свои участки своею собственностью. Конечно, распоряженіе этою собственностью не было гарантировано государственнымъ закономъ и совершалось постольку свободно, поскольку суверенная власть пана не вмѣшивалась, или соглашалась на акты распоряженія. Во всякомъ случаѣ указанный рядъ фактовъ вскрываетъ цѣлые оазисы крѣпостного міра, гдѣ признавалась за крестьяниномъ важнѣйшая сторона гражданскихъ правъ человѣка—право собственности.

Положеніе огромныхъ помѣщичьихъ маетностей весьма сходно съ положеніемъ обширныхъ королевщинъ и государственныхъ имуществъ. Главное преимущество „подданныхъ“— „добръ столовыхъ и земскихъ Рѣчи Посполитой“ (такъ назывались эти земли) заключалось въ томъ, что они могли приносить жалобы на своихъ администраторовъ и пожизненныхъ держателей. Для этой цѣли существовалъ особый ассесорскій судъ. Положимъ, съ сильными старостами (управителями) и арендаторами не легко было тягаться въ этомъ шляхетскомъ судѣ; на иски крестьянъ о грабежахъ и насиліяхъ подавались встрѣчные иски о крестьянскихъ бунтахъ, неповиновеніи и неуплатѣ податей. Но тѣмъ не менѣе можно встрѣтить и выигранные крестьянами иски. Надо помнить, что среди арендаторовъ и старостъ иногда бывали люди и безъ протекцій, бывали арендаторы евреи: всѣмъ этимъ не легко было выпутаться. Опорнымъ пунктомъ для крестьянъ и мѣщанъ королевскихъ и земскихъ имѣній были инвентари, т. е. подворныя описи, съ обозначеніемъ надѣловъ и отбываемыхъ за нихъ платежей и повинностей; были и общія инструкціи для управленія имѣніями, были, наконецъ, и королевскіе инстигаторы, т. е. чиновники, наблюдавшіе какъ за цѣлостью поземельныхъ владѣній, такъ и за пріемами ихъ управленія.

Въ инвентари заносилась „старина“ крестьянскихъ повинностей, за неподвижностью которой населеніе зорко слѣдило. Вотъ почему, несмотря на самоуправство администраціи на королевскихъ земляхъ крестьянамъ жилось все-таки лучше, чѣмъ на помѣщичьихъ; здѣсь было гораздо больше чиншевиковъ. Мало того, наканунѣ паденія Рѣчи Посполитой государ-

ство даже задалось реформой въ управленіи столовыми имѣніями. Было произведено тщательное подворное описаніе крестьянскихъ усадебъ; крестьянскія хозяйства были раздѣлены по размѣрамъ надѣльной земли и хозяйственному инвентарю на добрыя, среднія и слабыя. Былъ установленъ новый размѣръ повинностей сообразно зажиточности крестьянъ. Но это уже было поздно.

Ко всему сказанному можно было бы добавить еще одно указаніе. И въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ крестьянскія повинности опредѣлялись инвентарями. Въ жизни Рѣчи Посполитой были особыя условія, которыя не для всѣхъ мѣстностей дѣлали возможнымъ частыя, особенно огульныя повышенія повинностей. Причина эта—слабость администраціи и ея полная независимость отъ центральнаго правительства. Въ случаѣ бунта крестьянъ, если въ немъ не были заинтересованы сосѣдніе помѣщики, владѣлецъ былъ предоставленъ самому себѣ и защитѣ своихъ гайдуковъ или служилой шляхты. Еще болѣе безсиленъ былъ помѣщикъ въ случаѣ бѣгства крестьянъ: только сильныя связи или правильная война съ сосѣднимъ владѣльцемъ могла возвратить убѣжавшихъ, или свезенныхъ крестьянъ. Нечего и говорить, что помѣщики, жившіе на пограничьи съ Украйной, еще болѣе были безпомощны въ этомъ отношеніи.

II.

Мы указали какъ на тѣ факты, которые рисуютъ намъ развитіе крѣпостного права, такъ и на рядъ условій, которыя должны были его смягчать въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Несмотря на послѣднія, все-таки картина получается тяжелая. Поэтому становится вполнѣ понятной тревога, поднятая публицистами второй половины XVIII вѣка. Они горячо взывали къ чувству гуманности современнаго имъ общества и придумывали различные проекты освобожденія крестьянъ или улучшенія ихъ участи. Голоса аболюціонистовъ раздаются съ университетскихъ каѳедръ, въ журналистикѣ, въ отдѣльныхъ политическихъ трактатахъ. Полемика велась со всею страстностью, столь свойственною польскому темпераменту, охватывая всѣ провинціи, всѣ слои общества. „Отъ рѣки Мухавца,—гово-

ритъ князь Любомірскій,—и на сѣверъ до Балтійскаго побережья, на западъ до Варты все общество было объято мыслью о крестьянской реформѣ. Въ болотистомъ Полѣсьѣ, на берегахъ многолюднаго Нѣмана, среди песчанаго Мазовша, на Балтійскомъ побережьи, въ Великопольшѣ всѣ женщины, администраторы, городскіе лавники, служители алтаря—всѣ преклонили головы передъ правами кмета, сознавая, что и для него пробилъ часъ". Многіе помѣщики охотно идутъ навстрѣчу новымъ вѣяніямъ; устраиваютъ самоуправляющіяся сельскія громады, опредѣляютъ повинности крестьянъ и проч. Мысль объ освобожденіи проникаетъ не только въ среду шляхты, но и въ крестьянство [1]).

Нельзя назвать слишкомъ преувеличенной картину, нарисованную глубокимъ знатокомъ вопроса: мысль объ эмансипаціи начинала овладѣвать умами. Безспорно, чувство гуманности, подогрѣтое философскими теоріями Запада, играло въ этомъ движеніи видную роль; не забывались и политическіе мотивы. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи даже и наиболѣе видные публицисты, какъ Коллонтай со всей своей „кузницей", не заходили слишкомъ далеко: оставляя политическую власть въ рукахъ шляхты, они предлагали даровать крестьянамъ свободу личную, религіозную, гражданскія права, опредѣлить ихъ положеніе въ государствѣ путемъ законодательства, наконецъ, создать имъ государственныхъ опекуновъ изъ среды шляхты же. Отстраняя мысль о правахъ политическихъ, авторы указывали, однако, тотъ политическій мотивъ, что при тогдашнемъ положеніи Польши ей нужно пріобрѣсть любовь крестьянъ къ родинѣ и свободѣ, опереться на этотъ многочисленный классъ. „Польша погибнетъ,—пророчески предсказываетъ знаменитый Коллонтай,—если весь народъ не будетъ имѣть интереса любить свое отечество и защищать свою свободу" [2]).

Но наиболѣе интересная для насъ сторона вопроса заключается не въ этихъ мотивахъ. Большинство авторовъ разъясняли въ своихъ работахъ и экономическую сторону вопроса. Онъ сводился къ выясненію бо́льшей продуктивности свободнаго труда.

---

[1]) Rolnicza ludnosc w Polsce, p. 72—74.

[2]) Мякотинъ, p. 142, сл.

Въ данномъ случаѣ выдающуюся роль въ исторіи польской мысли сыграла доктрина физіократовъ. Польское общество всегда чутко относилось къ наукѣ о сельскомъ хозяйствѣ. Понятно, что эта доктрина въ земледѣльческой странѣ произвела сильное впечатлѣніе[1]).

Дѣйствительно, въ крѣпостнической средѣ того времени иногда пробивается мысль, что подневольный трудъ не продуктивенъ. Это сознаніе иногда выносилось изъ практическихъ наблюденій[2]). На ряду съ этимъ экономисты занимаются теоретической разработкой вопроса. Стоя на почвѣ физіократической доктрины, они старались доказать тѣсную связь экономическаго состоянія страны съ благосостояніемъ ея земледѣльца: „Каждый край счастливъ до тѣхъ поръ, пока земледѣліе въ немъ процвѣтаетъ, такъ какъ оно есть основа торговли,—пишетъ одинъ изъ авторовъ Торговаго Дневника.—Но какъ можетъ процвѣтать земледѣліе, если шляхтичъ притѣсняетъ хлопа?" Крестьянинъ, не имѣя правъ собственности ни на землю, ни на плоды рукъ своихъ, не можетъ быть хорошимъ работникомъ[3]). Профессора-экономисты проповѣдывали ту же идею съ высоты каѳедръ и въ ученыхъ трактатахъ. Извѣстный и въ русской литературѣ по переводу своего сочиненія на русскій языкъ, ксендзъ Стройновскій поучалъ молодежь Виленскаго университета, что только земледѣліе является источникомъ народнаго богатства. На этомъ основаніи онъ требовалъ, чтобы правительство дало крестьянамъ свободу и гражданскія права, перенесло налоги на земельную собственность[4]). Тотъ же тезисъ съ горячностью защищалъ представитель каѳедры въ Краковѣ ксендзъ Поплавскій, послѣдователь физіократовъ[5]).

Въ ряду многочисленныхъ писателей и ученыхъ видное мѣсто принадлежитъ въ развитіи этой стороны вопроса знаменитому и вліятельному въ то время публицисту, ксендзу Сташицу. Остроту ума онъ соединялъ со страстностью проповѣд-

---

[1]) Тогдашніе журналы были полны статьями, разъясняющими это участіе. О вліяніи доктрины физіократовъ см. статью Marchlewskiego: Fizyokratyzm w Polsce, „Bbl. Warsz.", 1896.

[2]) Факты у Любомірскаго, p. 72.

[3]) Korzon, p. 407.

[4]) Ibidem, p. 347. [5]) Ibidem, p. 387.

ника. Въ своемъ позднѣйшемъ трудѣ „Предостереженіе Польшѣ“, какъ и въ болѣе раннемъ „Замѣчанія о жизни Яна Замойскаго“, Сташицъ не только взываетъ къ чувству гуманности польскаго шляхетства, но и сочными красками рисуетъ сельско-хозяйственныя условія того времени. Сташицъ исходитъ изъ высокаго представленія о характерѣ и вліяніи на націю земледѣльческаго труда: земледѣліе есть источникъ богатства страны, ея свободы, моральнаго и культурнаго преуспѣянія. На земледѣльческомъ классѣ держатся всѣ остальные классы, такъ какъ отъ земледѣлія зависитъ промышленность и торговля страны. Но въ Польшѣ земледѣльцы находятся въ тяжелой неволѣ. Этотъ классъ бѣденъ и неразвитъ. Тамъ, гдѣ хлопъ бѣденъ, находится въ рабствѣ, тамъ вся страна бѣднѣетъ и ей грозитъ неволя. Между тѣмъ вообще экономическое положеніе Польши очень плачевно: производительный классъ находится въ угнетеніи, а классы непроизводительные (духовенство и шляхта) предаются роскоши. Сельское хозяйство находится въ полномъ упадкѣ [1]. Одной изъ общихъ причинъ экономическаго упадка Польши Сташицъ считаетъ обширность владѣльческихъ маетностей: онѣ менѣе производительны, чѣмъ небольшія имѣнія при болѣе равномѣрномъ распредѣленіи поземельной собственности [2]. Поэтому онъ возстаетъ противъ сосредоточенія обширныхъ земельныхъ имуществъ въ рукахъ государства и духовенства. Ставъ на эту общую точку зрѣнія, Сташицъ обстоятельно доказываетъ экономическое паденіе Польши въ зависимости отъ несвободнаго труда. Польша представляетъ печальный видъ малонаселенной страны, бѣдной, несмотря на естественныя богатства [3]. Главный недостатокъ ея — отсутствіе свободнаго земледѣльца—собственника [4]. Хозяйство ведется не раціонально: фольварки въ имѣніяхъ очень обширны, никакихъ меліораціонныхъ затратъ не дѣлается, имѣнія приносятъ ничтожный доходъ [5]. Но самое ужасное зло, источникъ всѣхъ бѣдъ—это подневольный трудъ земледѣльца, этотъ „дикій способъ земледѣлія“. Рабочій день на панщинѣ стóитъ странѣ дороже, чѣмъ приносимая его работою польза. Совершенно противно человѣческой природѣ, чтобы человѣкъ съ усердіемъ работалъ на пользу другого.

---

[1]) Przestrogi dla Polski, изд. 1790 г., p. 126—142. [2]) Ibidem, p. 164. [3]) Ibidem, p. 184. [4]) Ibidem, p. 190. [5]) Ibidem, p. 191—197.

Хлопъ на барщинѣ только изыскиваетъ способы, какъ бы облегчить свой трудъ, какъ бы обмануть надсмотрщика. Барщина развиваетъ въ человѣкѣ лѣнь и безпечность. Между тѣмъ свободный трудъ въ нѣсколько лѣтъ могъ бы удвоить продуктивность земли, увеличить ея населеніе. „Страна съ барщиннымъ трудомъ всегда будетъ находиться въ одномъ и томъ же состояніи, не пойдетъ впередъ[1]). Кромѣ моральныхъ причинъ, крѣпостное право еще имѣетъ причину, дѣлающую во всѣхъ отношеніяхъ непродуктивнымъ трудъ холопа—отсутствіе у него собственности и права на нее: онъ даже не имѣетъ права улучшить трудомъ свое положеніе. Хлопъ не только самъ не имѣетъ собственности, но онъ—собственность другого. Хлопъ, даже имѣющій сбереженіе, не сдѣлаетъ затратъ на хозяйственныя улучшенія, не будетъ держать хорошаго инвентаря и т. д., такъ какъ у него нѣтъ увѣренности въ своихъ правахъ на свое же имущество[2]). Сташицъ предвидитъ обычныя возраженія изъ шляхетской среды и спѣшитъ ихъ отпарировать. „Каждый шляхтичъ обыкновенно повторяетъ, что польскій хлопъ слишкомъ глупъ, не трудолюбивъ, лѣнивъ; поэтому ему нельзя давать ни суда, ни свободы. Но никто изъ шляхты не сознаетъ, или не желаетъ сознать того, что онъ самъ этому причиной, что хлопъ польскій такой же человѣкъ, какъ нѣмецкій крестьянинъ. Не природа польскаго хлопа является причиной его недостатковъ, но неурядица среди господствующей въ Польшѣ шляхты. Нашъ хлопъ въ Польшѣ не преобразится до тѣхъ поръ, пока не перемѣнится шляхта. Шляхтичъ упрекаетъ польскаго хлопа въ страшномъ пьянствѣ, а между тѣмъ каждый шляхтичъ въ своей деревнѣ, въ мѣстечкѣ выставляетъ по 5—6 корчемъ, подобно силкамъ, для ловли этого хлопа“[3]).

Въ сочиненіяхъ Сташица собраны обычные для литературы того времени аргументы, и собраны въ болѣе компактномъ видѣ. Онъ же даетъ и наиболѣе распространенный отвѣтъ на вопросъ о томъ, какъ и чѣмъ надо улучшить положеніе крестьянъ. Польскіе публицисты не заходили далеко въ этомъ вопросѣ: они считали переходъ съ барщины на чиншъ совершенно достаточнымъ обезпеченіемъ матеріальнаго благо-

---

[1]) Ibidem, p. 197—200 и 221—225.

[2]) Ibidem, p. 218—221. [3]) Ibidem, p. 245—6.

состоянія крестьянской массы, слѣдовательно, они мечтали о превращеніи крѣпостного въ лично свободнаго арендатора шляхетской земли. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ и Сташицъ. Считая систему чинша наиболѣе выгодной съ точки зрѣнія экономической, онъ допускалъ, однако, рядомъ съ нею и систему издѣльной работы арендатора, вмѣсто чинша [1]). Мы остановились нѣсколько подробнѣе на взглядахъ Сташица какъ потому, что онъ наилучшимъ образомъ отразилъ мнѣнія современниковъ, такъ и потому, что на крестьянской реформѣ графа Іоахима Хрептовича, о которой мы потомъ разскажемъ, несомнѣнно отразились не только литературное, но и личное вліяніе Сташица: между ними существовали дружескія отношенія.

Какъ видно уже изъ сочиненія Сташица, въ программѣ аболюціонистовъ кореннымъ пунктомъ является вопросъ объ очиншеваніи крестьянскихъ земель при условіи личной свободы, или даже при сохраненіи нѣкоторыхъ феодальныхъ правъ помѣщика [2]). Многіе авторы съ настойчивостью разъясняютъ, что чиншъ выгоднѣе панщины для самихъ пановъ. „Я высчиталъ,—говоритъ авторъ очень интереснаго по данному вопросу сочиненія „Uwagi nad uwagami",—въ весьма многихъ селахъ, что очень умѣренный чиншъ съ хлопскихъ грунтовъ больше принесетъ прибыли, нежели взыскиваемые сборы; но тотъ проявитъ мудрость, кто на первый разъ назначитъ небольшой сборъ... Были уже такіе примѣры..., гдѣ издавна было введено закупничество и очиншеваніе земель, тамъ и хлопъ живетъ лучше и имѣніе приноситъ бо́льшій доходъ [3]).

И эта общая тенденція не оставалась на бумагѣ. Въ самой помѣщичьей средѣ замѣчается стремленіе къ переводу крѣпостныхъ на чиншъ [4]). Шляхта начинала задумываться надъ состояніемъ сельскаго хозяйства. Тогдашніе экономисты и публицисты, доказывая паденіе сельско-хозяйственнаго производства, писали на основаніи хорошо подмѣченныхъ явленій: позднѣйшіе выводы науки подтвердили, что съ развитіемъ крѣпостныхъ отношеній сельское хозяйство, торговля и промышленность въ Польшѣ пали [5]).

---

[1]) Ibidem, p. 202—204. [2]) См. матеріалъ въ книгѣ Мякотина, стр. 109, 115, 123, 128, 140, 154.

[3]) Korzon, p. 419.

[4]) Stawiski: Poszukiwania do ist. rolnictwa krajowego, 1858, p. 244.

[5]) Ibidem, p. 185, 231.

Такимъ образомъ, для польскаго помѣщика того времени являлись побужденія двоякаго рода для реформъ въ своихъ имѣніяхъ: во-первыхъ, въ немъ проснулось чувство гуманности; во-вторыхъ, хозяйственныя соображенія тоже подсказывали ему необходимость реформъ. Дарованіе личной свободы на основаніи декрета, изданнаго самимъ владѣльцемъ, и переводъ крестьянъ съ барщины на чиншъ являлись по тому времени наиболѣе соотвѣтственными мѣрами. Дѣйствительно, нѣсколько крупныхъ помѣщиковъ, какъ Янъ Замойскій, Бржостовскій, Яблоновская, Хрептовичъ и нѣкоторые другіе ввели въ своихъ маетностяхъ крестьянскую реформу. Одни изъ этихъ реформаторовъ выступали очень парадно, иногда развивая опеку надъ крестьянами до смѣшныхъ и вредныхъ размѣровъ. Такова многошумная реформа княгини Яблоновской съ ея многотомнымъ законодательствомъ. Въ имѣніяхъ Яблоновской крестьянинъ былъ поставленъ подъ контроль столь многочисленной администраціи, что едва ли старое крѣпостное право не казалось ему легкимъ сравнительно съ новой формой свободы. Много писалось о реформахъ въ Павловичскомъ имѣніи, принадлежавшемъ графамъ Бржостовскимъ, близкимъ родственникамъ Хрептовичей. Въ 1779 г. въ Вильнѣ была отпечатана даже книжка рѣчей, которыя говорилъ ксендзъ Вильгельмъ Калинскій крестьянамъ этого имѣнія. Рѣчи эти должны были разъяснить крестьянамъ значеніе реформы и утѣхи ихъ земледѣльческой жизни. Первая рѣчь посвящена именно разсужденію на послѣднюю тему, вторая рѣчь разъясняетъ сущность свободы, данной павловичскимъ крестьянамъ и третья—пользу науки для крестьянина [1]).

Въ общемъ всѣ эти реформы были выполнены въ духѣ времени. О нѣкоторыхъ реформахъ въ литературѣ имѣются довольно подробныя свѣдѣнія, о другихъ весьма скудныя, иногда только извѣстія о нихъ [2]). Но даже относительно хо

---

[1]) Mowy Imci Księdza Gwillelma Kalinskiego bo rolnikow miane w Pawlowie.

[2]) Свѣдѣнія о реформахъ собраны въ цитированныхъ трудахъ Любомірскаго, Ставискаго, Корзона, Горемыкина и Мякотина. Не только свѣдѣнія, но даже и списокъ реформаторовъ очень не полонъ. Считаемъ полезнымъ обратить вниманіе на реформу графа Игнатія Стиборъ-Морхотскаго, предпринятую имъ въ своихъ маетностяхъ Минковичи Ушиц-

рошо извѣстныхъ реформъ того времени историкъ лишенъ возможности прослѣдить результаты освободительныхъ попытокъ, историкъ даже не можетъ дать простого отвѣта, какъ долго держалась проведенная помѣщикомъ реформа? Такъ, относительно наиболѣе ранней попытки въ этомъ направленіи, реформы графа Замойскаго, только извѣстно, что уже въ 1773 году, т. е. всего черезъ 13 лѣтъ послѣ введенія, графъ уничтожилъ права, данныя имъ крестьянамъ и новый арендаторъ имѣнія Бежунь ввелъ панщину[1]). Относительно другихъ ничего не извѣстно. О реформѣ графа Хрептовича, укрѣпившейся въ его бѣлорусскихъ имѣніяхъ и дѣйствовавшей до самаго освобожденія крестьянъ, въ литературѣ почти ничего не извѣстно: встрѣчаются только упоминанія, что Хрептовичъ ввелъ реформу, но характеръ и послѣдствія остаются неизвѣстными.

Такая неполнота нашихъ свѣдѣній, отрывочность ихъ весьма понятна. Въ эпоху паденія Польши ея публицистика достигла высокаго развитія. Наши свѣдѣнія о реформахъ почерпаются или изъ тогдашнихъ публицистическихъ сочиненій, или изъ книгъ и брошюръ, отпечатанныхъ реформаторами. Но когда Польша была раздавлена сосѣдями, то вопросъ о реформѣ пересталъ быть вопросомъ государственнымъ, условія измѣнились и крестьянскій вопросъ какъ бы потухъ. Для того, чтобы уяснить дѣйствительную сущность тогдашнихъ реформъ, прослѣдить произведенное ими измѣненіе въ положеніи крестьянъ, узнать, была ли реформа буффонадой, или помѣщики рѣшились держаться разъ даннаго обѣщанія, для всего этого надо забраться въ архивы старинныхъ замковъ и тамъ искать разъясненія. Работа не легкая, при началѣ ея нельзя имѣть увѣренности въ томъ, что найдутся бумаги этого рода: хозяйственныя дѣла во всѣхъ помѣщичьихъ архивахъ въ большомъ пренебреженіи, такъ какъ стараются сохранить лишь письма именитыхъ людей.

———

каго уѣзда, Подольской губ. Изданъ былъ печатный экземпляръ договора, заключаемаго между помѣщикомъ и его крестьянами. Договоръ заключенъ въ 1804 году.

[1]) Горемыкинъ, Исторія крестьянъ въ Польшѣ, стр. 117.

III.

Въ архивѣ гр. Хрептовичей, въ имѣніи Щорсахъ, мы нашли богатый матеріалъ по данному вопросу. Этотъ матеріалъ вскрываетъ передъ нами чрезвычайно любопытную страничку въ исторіи крѣпостного права собственно уже въ эпоху, когда Западный край перешелъ къ Россіи.

Безспорно, сама личность Іоахима Хрептовича представляетъ не малый интересъ въ виду затѣянной имъ реформы. О немъ мы прежде всего скажемъ нѣсколько словъ.

Іоахимъ Марціановичъ Хрептовичъ, родившійся въ 1729 г. и умершій въ 1812 г., принадлежалъ къ старинной литовской фамиліи, но къ XVIII в. нѣсколько захудалой—и по службѣ и размѣру своихъ маетностей далеко уступавшей первокласснымъ магнатамъ. Основнымъ имѣніемъ этой фамиліи, которой Іоахимъ былъ по смерти отца единственнымъ представителемъ, были Щорсы, то самое „болотце Щорсы", которое пожаловано конюшему Мартину Хрептовичу еще въ XV вѣкѣ. Щорсы, дѣйствительно, лежатъ въ болотистой мѣстности надъ Нѣманомъ (въ Новогрудскомъ уѣздѣ). Рядомъ съ Щорсами лежало большое имѣніе князей Радзивилловъ, Негневичи; оно принадлежало Хрептовичамъ на залоговомъ правѣ и при графѣ Адамѣ было пріобрѣтено ими въ полную собственность. Въ Ошмянскомъ уѣздѣ, Виленской губерніи, Хрептовичамъ принадлежало большое имѣніе Вишнево.

Іоахимъ Хрептовичъ получилъ образованіе въ Виленскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ. Это учрежденіе въ то время пользовалось большой извѣстностью и впослѣдствіи преобразовалось въ Виленскій университетъ, роль котораго оно фактически выполняло раньше.

О направленіи, вынесенномъ изъ учебнаго заведенія, о начальной дѣятельности Хрептовича мы знаемъ очень мало. Государственную свою дѣятельность онъ началъ въ должности стольника Новогрудскаго повѣта, былъ депутатомъ въ главномъ трибуналѣ литовскомъ, т. е. судьею въ высшемъ судилищѣ, наконецъ не разъ былъ избираемъ мѣстною шляхтою посломъ на сеймы. Это вниманіе шляхты слѣдуетъ признать исключительнымъ и, очевидно, молодой стольникъ обладалъ крупными достоинствами. На избирательномъ сеймѣ, при

избраніи короля Станислава-Августа Понятовскаго, Хрептовичъ былъ во главѣ воеводства Новогрудскаго, собравшагося станомъ подъ Варшавой.

Въ тотъ же періодъ своей дѣятельности въ качествѣ представителя повѣта онъ несъ и службу въ войскахъ и былъ полковникомъ „Пятигорской булавы“ (наемныхъ черкесовъ).

Вновь избранный король на коронаціонномъ сеймѣ пожаловалъ Хрептовича въ званіе великаго секретаря Великаго Княжества Литовскаго (1764 г.), можетъ быть, въ признательность за поддержку при избраніи. Интересно, что Хрептовичъ былъ первымъ секретаремъ изъ свѣтскихъ лицъ: до него эту должность обыкновенно занимали духовныя лица. Министерскій постъ великаго секретаря уже создавалъ I. Хрептовичу очень вліятельное положеніе въ государствѣ. Въ 1773 г. онъ получаетъ должность подканцлера Великаго Княжества Литовскаго и такимъ образомъ становится министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1793 г., т.-е. въ годъ паденія республики, онъ получилъ санъ канцлера, но тогда же на Гродненскомъ сеймѣ сложилъ съ себя это званіе.

Этимъ кончилась служебная карьера I. Хрептовича. Онъ поселяется въ Варшавѣ и ведетъ жизнь частнаго человѣка, цѣликомъ предавшись научнымъ занятіямъ.

I. Хрептовичъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени и успѣлъ усвоить себѣ не только формальное образованіе, но и глубокое уваженіе къ идеямъ вѣка, желаніе провести ихъ въ жизнь. Не довольствуясь полученнымъ въ Виленской академіи образованіемъ, Хрептовичъ на сороковомъ году жизни отправляется въ чужіе края, посѣщаетъ Францію, Англію, Голландію, Швейцарію, Германію и Чехію. Здѣсь онъ завязываетъ знакомство съ выдающимися умами Запада. Плодомъ пытливой любознательности подканцлера является собранная имъ прекрасная библіотека, въ которой на-ряду съ французскими мыслителями той эпохи находятся творенія древнихъ классиковъ и сочиненія эпохи Возрожденія Польская исторія и польскіе писатели нашли себѣ здѣсь почетное мѣсто. И по настоящее время эта библіотека, прекрасно сохраняющаяся, представляетъ едва ли не лучшую изъ старинныхъ библіотекъ Западнаго края.

Въ увлеченіи философіей Хрептовичъ отдалъ дань вѣку

и, по свидѣтельству каноника Богуша, римская церковь обрѣла этого заблудшаго своего сына только въ глубокой старости.

Отдавшись государственной дѣятельности, Хрептовичъ не имѣлъ времени или не желалъ обращаться къ печати для изложенія своихъ мыслей. Впрочемъ, среди современниковъ были извѣстны его стихотворные переводы на польскій и латинскій языки. По ихъ отзывамъ, эти стихотворенія отличались изяществомъ стиля. Ему принадлежитъ и статья о сельскомъ хозяйствѣ, въ которой онъ совѣтовалъ помѣщикамъ переходить съ барщины на чиншъ, предлагалъ болѣе удобное въ хозяйственномъ отношеніи распредѣленіе крестьянскихъ участковъ такъ, чтобы каждое хозяйство жило на своемъ участкѣ; онъ совѣтовалъ устраивать отдѣльные господскіе фольварки, сообразно съ количествомъ имѣющихся на лицо рабочихъ [1]). Наконецъ, ему же принадлежитъ брошюра о промышленности, вышедшая въ 1802 г. [2]).

По своимъ взглядамъ на экономическій строй Хрептовичъ склонялся къ школѣ физіократовъ, интересовался сочиненіями Тюрго и даже снабжалъ ими короля Станислава Августа, съ которымъ онъ былъ очень друженъ.

Все это свидѣтельствуетъ о широтѣ умственныхъ запросовъ графа Іоахима. Къ этому можно прибавить, что онъ велъ обширную переписку съ выдающимися людьми своего вѣка и въ ней часто касался вопросовъ литературы и науки. Даже съ Фридрихомъ Великимъ его связывалъ этого рода интересъ: въ одной запискѣ великій король благодаритъ своего корреспондента за присылку какой-то книги.

Когда Хрептовичъ поселился въ Варшавѣ въ качествѣ частнаго лица, его салонъ охотно посѣщали лучшіе представители тогдашней литературы и науки. Старикъ поражалъ собесѣдниковъ своею замѣчательною памятью: онъ цитировалъ наизусть длинныя оды Горація и даже цѣлыя страницы изъ исторіи Литвы Кояловича. Люди науки и научныя предпріятія находили въ немъ поддержку; когда основывалось столь извѣстное Варшавское общество друзей наукъ, Хрептовичъ былъ въ спискѣ первыхъ его членовъ.

Государственная дѣятельность І. Хрептовича до сихъ поръ очень мало освѣщена. Будущій біографъ его, какъ мы увѣре-

---

[1]) См. Stawiski, p. 397. [2]) По указателю Финкля, № 18311.

ны, найдетъ прочное указаніе на то, что Хрептовичъ много и успѣшно, насколько позволяли обстоятельства,—работалъ на государственномъ поприщѣ; но біографъ отмѣтитъ также и тотъ фактъ, что величайшая скромность этого государственнаго мужа не допустила поставить себя въ ряды многорѣчивыхъ сеймовыхъ ораторовъ того времени.

Для насъ интересно въ этомъ отношеніи отмѣтить лишь одинъ-другой фактъ. Такъ, современники единогласно приписываютъ графу Іоахиму первую мысль объ основаніи Эдукаціонной комиссіи и объ обращеніи фундушей, оставшихся послѣ изгнанія оо. іезуитовъ, на дѣло народнаго просвѣщенія; онъ же составилъ и проектъ комиссіи, утвержденный сеймомъ. Въ качествѣ члена комиссіи, Хрептовичъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи Виленскую академію, во главѣ которой, по его приглашенію, сталъ знаменитый Почобутъ; съ нимъ Хрептовичъ и произвелъ реформу академіи и покрылъ край сѣтью школъ.

Въ Эдукаціонной комиссіи Хрептовичъ работалъ до 1792 г. Изъ другихъ сторонъ государственной дѣятельности І. Хрептовича важно отмѣтить его участіе въ составленіи проекта кодекса, порученнаго сеймомъ 1776 г. графу А. Замойскому. Проектъ кодекса былъ представленъ сейму 1780 г. Здѣсь было нѣсколько статей, благопріятныхъ крестьянамъ. Такъ, личную свободу получали всѣ сыновья крестьянина, кромѣ перваго и третьяго, но и эти могли быть отдаваемы отцомъ въ городъ даже безъ согласія пана для обученія ремесламъ; проектировалось установленіе гарантіи, обезпечивающей личность свободнаго крестьянина отъ насилій со стороны шляхты; проектировалось разрѣшить свободное заключеніе браковъ. Но сеймъ отвергнулъ весь проектъ только потому, что въ немъ заключались указанныя статьи о крестьянахъ. „Шляхетскіе лбы были крѣпки, сердца ихъ закаменѣли въ эгоизмѣ“, восклицаетъ по этому поводу новѣйшій польскій историкъ (Корзонъ).

Всѣ эти факты вводятъ насъ въ кругъ личныхъ и общественныхъ симпатій графа Іоахима. Проникнутый идеями вѣка, онъ стремится провести ихъ въ жизнь государственную и онъ успѣваетъ сдѣлать многое на томъ поприщѣ, на которомъ это было возможно,—въ сферѣ народнаго образованія. Никто не будетъ удивляться, что при тогдашнемъ порядкѣ вещей Хрептовичу не удалось провести улучшеній въ крестьянскомъ во-

просѣ. Но зато слѣдуетъ удивляться мужеству лицъ, поднявшихъ на сеймѣ этотъ вопросъ. Если тутъ Хрептовичъ потерпѣлъ пораженіе, то, по крайней мѣрѣ, онъ успѣлъ приложить свои идеи въ той сферѣ, гдѣ его власть не могла встрѣтить препятствій.

Такой сферой были его вотчинныя владѣнія.

Характерно отмѣтить, что самъ Іоахимъ Хрептовичъ, занятый службою, рѣдко бывалъ въ своихъ имѣніяхъ. Тѣмъ не менѣе онъ очень много сдѣлалъ и для развитія въ нихъ хозяйства, и весьма былъ занятъ устройствомъ въ родовомъ имѣніи Щорсахъ помѣщичьей усадьбы. Ему принадлежитъ постройка помѣщичьяго дворца въ стилѣ Людовика XV съ прекраснымъ отдѣленіемъ для библіотеки. Не занимаясь самъ хозяйствомъ, графъ Хрептовичъ съ 90-хъ годовъ передаетъ управленіе имѣніями своимъ сыновьямъ графамъ Адаму и Иринею. Передавая управленіе, онъ снабжаетъ старшаго сына Адама точными инструкціями, излагающими сущность произведенной имъ крестьянской реформы, свои взгляды на хозяйство, и предписываетъ навсегда удержать установленное имъ отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ. Дѣйствительно, наслѣдники графа Іоахима продолжали вплоть до крестьянской реформы исполнять изданное имъ Положеніе и вести хозяйство въ указанномъ имъ направленіи. Первое наставленіе сыновьямъ дано было въ 1790 г., а второе и окончательное въ 1795 г. Обѣ инструкціи формулируютъ уже установившіяся отношенія, и, слѣдовательно, самая реформа была проведена, хотя и въ незаконченномъ видѣ, ранѣе 1790 г. Одинъ изъ современниковъ (ксендзъ Богушъ) называетъ Хрептовича первымъ реформаторомъ крестьянскихъ отношеній въ Литвѣ, что вполнѣ возможно, хотя мы не знаемъ точной даты начала реформы. Во всякомъ случаѣ окончательное устройство поземельнаго положенія крестьянъ и господскаго хозяйства принадлежитъ графу Адаму, выполнявшему и развивавшему инструкціи своего отца. Графъ Ириней въ 1845 г. дополнилъ работу своихъ предшественниковъ изданіемъ устава о сельскомъ судѣ. Всѣ эти документы намъ удалось найти въ фамильномъ архивѣ.

Такимъ образомъ, въ нашихъ рукахъ имѣется законодательная работа по своей вотчинѣ трехъ послѣдовательныхъ владѣльцевъ ея, дѣйствовавшихъ въ одномъ направленіи.

Теперь посмотримъ, въ чемъ заключалась реформа графа Іоахима съ ея дальнѣйшими дополненіями и каковы были ея хозяйственныя и моральныя послѣдствія.

IV.

На первомъ планѣ необходимо выяснить, въ чемъ заключалась та „вольность“, которую помѣщикъ даровалъ своимъ крестьянамъ. По мнѣнію современниковъ, знакомыхъ съ реформой, графъ Іоахимъ уничтожилъ подданство, панщину и всякаго рода услуги, работы, толоки, сторожу, подводы и подати крестьянъ въ пользу помѣщиковъ; онъ далъ также неограниченное право крестьянамъ уходить на заработки. При этомъ реформаторъ исходилъ изъ той мысли, что крестьяне будутъ привязаны къ его имѣніямъ въ силу собственныхъ же интересовъ.

Такъ опредѣляетъ данную крестьянамъ „вольность“ ксендзъ Богушъ. Это опредѣленіе очень близко къ истинѣ. Правда, графъ Іоахимъ не опредѣлилъ никакимъ: ни государственнымъ, ни вотчиннымъ актомъ даруемыхъ имъ личныхъ правъ своимъ крестьянамъ. Данное имъ опредѣленіе представляетъ, однако, интересъ: подъ „свободой“, данной щорсовскимъ крестьянамъ, говоритъ онъ, надо разумѣть, что она дана людямъ рачительнымъ и трудолюбивымъ, а не бездѣльникамъ и лѣнтяямъ, для которыхъ „вольность была бы и безполезна и вредна“; трудолюбивый же хозяинъ считается не только тотъ, который самъ работаетъ, но и тотъ, который можетъ управлять хозяйствомъ; лѣнтяевъ, говоритъ графъ Іоахимъ, „я не считаю свободными людьми“, таковыхъ надо брать на наемную дворовую работу.

Графъ Адамъ точнѣе опредѣляетъ вопросъ о личной свободѣ своихъ крестьянъ. Такъ какъ графъ Іоахимъ, разсуждаетъ графъ Адамъ въ своемъ мемуарѣ, никакимъ юридическимъ актомъ не опредѣлилъ личной свободы своихъ крестьянъ, то всѣ крестьяне остаются во владѣніи двора согласно ревизскимъ сказкамъ: поэтому ни одинъ крестьянинъ не можетъ безъ разрѣшенія двора удалиться изъ предѣловъ имѣнія, или совершенно выселиться изъ него. По его же мнѣнію, такой уходъ долженъ былъ бы отразиться на интересахъ сельскаго

общества, обязаннаго нести государственныя подати и повинности. Кромѣ того, можно указать на ограниченія со стороны владѣльца свободы крестьянъ: крестьяне обязаны были выходить на дворовую работу по требованію двора, хотя такая работа и оплачивалась дворомъ. Впрочемъ, графъ Адамъ сильно смягчаетъ свое право владѣнія крестьяниномъ; имѣя въ виду, что многіе крестьяне имѣютъ право на личную свободу въ силу своихъ дарованій, онъ постановилъ, что всякій можетъ получить свободу, а также и дѣвушка можетъ выйти замужъ въ другую вотчину при условіи извѣстнаго взноса въ крестьянскую кассу.

Не нужно удивляться тому, что Хрептовичи не дали своимъ крестьянамъ полной свободы. Въ концѣ XVIII в. лучшіе люди Польши видѣли сущность въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса не столько въ личной свободѣ крестьянъ, сколько въ регулированіи ихъ отношеній къ помѣщикамъ и даже въ благожелательной опекѣ надъ крестьянами.

Въ силу послѣдняго принципа Хрептовичи допускаютъ даже нѣкоторое вмѣшательство въ частную жизнь крестьянъ. Впрочемъ, надо сдѣлать оговорку, что это вмѣшательство было весьма незначительно и далеко не доходило до той мелочной регламентаціи, которую мы встрѣчаемъ у другихъ современниковъ графа Іоахима, напримѣръ, въ имѣніяхъ княгини Яблоновской.

Такъ, графъ Адамъ убѣжденъ, что однимъ изъ недостатковъ крестьянскаго хозяйства является невозможность найти наемнаго работника; каждый крестьянинъ торопится женить сына, или, выдавъ дочь замужъ, принять въ домъ зятя-примака. Такъ они дѣлаютъ, желая усилить работоспособность семьи, но этотъ разсчетъ ошибоченъ. Молодая пара требуетъ особаго помѣщенія, стремится завести особое хозяйство, самостоятельность сына мѣшаетъ хозяйственнымъ распоряженіямъ отца, невѣстка заводитъ ссоры въ семьѣ, наконецъ, отцу иногда приходится женатаго сына сдавать въ рекруты. Поэтому помѣщикъ установилъ, чтобы парень съ 18-ти до 24-хъ лѣтъ непремѣнно служилъ бы паробкомъ въ господскомъ домѣ, или въ крестьянскомъ хозяйствѣ, получая денежную плату, одежду и кормъ. По его мнѣнію, это произведетъ хорошее моральное воздѣйствіе на молодежь. Только послѣ 24-хъ лѣтъ, или вообще по отбытіи имъ шестилѣтней паробоцкой службы, пар-

ню разрѣшается жениться, и онъ уже выходитъ изъ разряда крестьянъ, подлежащихъ сдачѣ въ рекруты. При этомъ было опредѣлено также и время совершенія браковъ (отъ новаго года до масляной недѣли), свободное отъ усиленныхъ хозяйственныхъ работъ[1]). Сверхъ того, помѣщикъ еще инымъ образомъ вмѣшивался въ вопросъ о крестьянскомъ бракѣ. Въ щорсовской экономіи сохранился рядъ книгъ со справками относительно желающихъ вступить въ бракъ. Въ справкахъ собирались указанія относительно возраста и имущественнаго состоянія желающихъ вступить въ бракъ. По разсказамъ стариковъ крестьянъ, всѣ эти свѣдѣнія собирались сельскимъ судомъ, въ который являлись молодыя пары съ ихъ родителями. На судѣ опредѣлялся размѣръ приданого, у кого изъ родителей будутъ жить молодые и вообще взвѣшивалось, насколько прочное хозяйство можетъ составить молодая пара. Всѣ эти свѣдѣнія протоколистъ суда заносилъ въ особую книгу, которая представлялась помѣщику для резолюціи.

Только въ изложенномъ вопросѣ о бракѣ и брачномъ возрастѣ сказывалось вмѣшательство помѣщика въ частную жизнь крестьянина, притомъ умѣряемое участіемъ сельскаго суда.

Впрочемъ, можно указать еще на то, что при сдачѣ крестьянамъ участковъ земли помѣщики стремились разселить ихъ хуторами въ цѣляхъ хозяйственныхъ и моральныхъ. Наконецъ, ими были приняты мѣры противъ пьянства. Отдача корчемъ въ аренду евреямъ была прекращена. Корчмы ставилъ самъ дворъ. Въ будніе дни запрещено мужчинамъ и женщинамъ сидѣть и пьянствовать въ корчмахъ. Корчмарямъ запрещено было выдавать крестьянамъ водку въ кредитъ, или за какіе-нибудь продукты (по постановленію гр. Иринея). Дворовымъ паробкамъ совсѣмъ не дозволялось заходить въ корчму.

Всѣ эти постановленія, исходившія изъ чувства гуманности, или хозяйственныхъ соображеній, едва ли могутъ быть признаны весьма стѣснительными.

Такимъ образомъ, крестьяне имѣній, принадлежавшихъ Хрептовичамъ, не получивъ личной свободы, пользовались, однако, гражданскими правами въ предѣлахъ имѣнія и не несли

---

[1]) Это обычное время крестьянскихъ браковъ вездѣ въ Бѣлоруссіи.

въ пользу помѣщика никакихъ, обычныхъ въ крѣпостное время, податей и повинностей. Помѣщикъ оставилъ за собою лишь наблюденіе за общимъ строемъ крестьянской жизни, регулируя ее своими вотчинными постановленіями. Оттого во время введенія въ Западномъ краѣ инвентарей щорсовская экономія, отвѣчая на запросъ администраціи объ устройствѣ имѣнія, имѣла основаніе объяснять, что крестьяне, не пользуясь свободнымъ правомъ ухода изъ имѣнія безъ разрѣшенія владѣльца, въ самомъ имѣніи являются „какъ бы людьми вольными“. Отношенія крестьянина къ помѣщику сводились, главнымъ образомъ, къ платежу аренды за землю и, въ случаѣ нужды, къ принудительному найму на экономическія работы, хотя послѣднія едва ли были тягостны и едва ли практиковались въ большихъ размѣрахъ, особенно по отношенію къ крестьянамъ, имѣвшимъ самостоятельное хозяйство.

Теперь посмотримъ, въ чемъ заключались поземельныя отношенія крестьянъ къ помѣщику.

Мы уже замѣтили, что Адамъ Хрептовичъ считалъ отсутствіе батраковъ въ крестьянскихъ хозяйствахъ однимъ изъ ихъ недостатковъ. Трудно сказать, насколько такое теоретическое соображеніе, повидимому навѣянное близкимъ знакомствомъ съ англійскимъ фермерствомъ, могло повліять на распредѣленіе крестьянскихъ арендныхъ участковъ. Надо замѣтить, что имѣнія Щорсы и Вишнево, принадлежавшія Хрептовичамъ на правѣ собственности, а затѣмъ и Негневичи, перешедшія на такомъ же правѣ къ графу Адаму, не отличались многоземельемъ. Очень можетъ быть, что оба эти соображенія, теоретическое и практическое,—повліяли на распредѣленіе крестьянскихъ участковъ.

Графъ Адамъ объясняетъ, что въ его владѣніяхъ живутъ подданные трехъ разрядовъ. Во-первыхъ, мѣщане и ремесленники, имѣющіе только дворовыя мѣста и луга и не имѣющіе права брать въ аренду пахатныхъ земель для того, чтобы они сами не отрывались отъ ремесла. Затѣмъ, во вторыхъ,—огородники, владѣющіе дворовыми мѣстами, огородами и сѣнокосами. Это батраки, нанимающіеся во дворъ на сплавъ, работающіе у крестьянъ и не имѣющіе возможности держать въ арендѣ крестьянскаго участка; однако имъ не воспрещается переходъ въ составъ арендаторовъ. Наконецъ, основную груп-

пу населенія составляютъ сельскіе хозяева-арендаторы, обладающіе собственнымъ хозяйствомъ.

Еще графомъ Іоахимомъ установленъ предѣльный минимальный размѣръ поземельнаго крестьянскаго участка. Онъ раздѣлилъ всю предположенную для раздачи землю на третины, т.-е. на трети волоки или по 10 морговъ въ участкѣ (волока равна 19½ десятинамъ). Въ третину входила только пахатная земля. Къ третинамъ присоединялись участки сѣнокоса, а выгонная земля отрѣзывалась въ распоряженіе всего общества. Крестьянинъ не могъ брать въ аренду менѣе третины пахатной земли и имѣвшій меньше уже считался огородникомъ. По мнѣнію графа Іоахима, гораздо лучше, если крестьянинъ, имѣя только огородъ, обращаетъ всѣ свои силы на посторонніе заработки, чѣмъ пробивается на небольшомъ клочкѣ пахатной земли.

Кромѣ пахатной земли, сѣнокоса и выгона крестьяне пользовались еще господскимъ лѣсомъ безплатно.

При введеніи реформы, земли для арендныхъ участковъ въ имѣніи Вишнево и Щорсы были предварительно обмѣрены и раздѣлены на участки. Въ Вишневѣ между крестьянскими волоками были оставлены небольшія полосы подъ лѣсъ для защиты полей отъ вѣтра. Каждому участку былъ отведенъ сѣнокосъ такъ, чтобы онъ составлялъ пятую часть пахатной земли. Земли подъ зарослями предварительно расчищались самимъ дворомъ При этомъ происходило разверстаніе крестьянскихъ земель отъ господскихъ. Вслѣдствіе разверстанія пришлось поставить новые дворные фольварки на мѣстахъ гористыхъ и непригодныхъ для крестьянскаго хозяйства по отдаленности пахатной земли отъ выгона или сѣнокоса, подъ крестьянскіе же надѣлы иногда шли хорошо обработанныя фольварковыя земли. Все это указываетъ на добросовѣстность, съ которой отнеслись къ своему дѣлу владѣльцы. Разбивая крестьянскіе участки на отдѣльные хутора, уже Іоахимъ Хрептовичъ имѣлъ въ виду перенесеніе крестьянскихъ усадебъ изъ деревень на хутора и требовалъ, чтобы его управляющій всячески способствовалъ крестьянамъ при переносѣ усадебъ. Графъ Адамъ, развивая ту же мысль, объясняетъ причины такого переноса усадебъ. Прежде всего такое разселеніе уменьшаетъ безконечныя ссоры между крестьянами, такъ что число тяжбъ послѣ разселенія, по его заявленію, сильно уменьшилось.

Наконецъ, близость пахатной земли и сѣнокоса является удобствомъ въ хозяйственномъ отношеніи. Вся земля, раздѣленная на участки, отдавалась крестьянамъ на арендныхъ условіяхъ, при чемъ контрактъ заключался на двадцать лѣтъ. При этомъ регулированы были права пользованія крестьянскими участками. Минимальный участокъ, третина, не могъ подвергнуться раздѣлу и по смерти отца переходилъ къ его старшему сыну; за старостью отецъ, впрочемъ, могъ передать свой участокъ тоже только старшему сыну, но не дѣлить его. Въ случаѣ при неспособности старшаго сына управлять хозяйствомъ, или за его отказомъ, его мѣсто занимаетъ слѣдующій за нимъ. Въ случаѣ отсутствія сыновей, наслѣдуетъ дочь или пріемный зять. Впрочемъ, нераздѣлившаяся семья можетъ жить на участкѣ независимо отъ его размѣра. По инструкціи графа Іоахима, владѣлецъ третины могъ сдавать часть ея въ аренду; но уложеніе графа Иринея строго воспрещаетъ такую передачу участковъ.

Теперь перейдемъ къ размѣру арендной платы; она устанавливалась контрактомъ каждыя 20 лѣтъ (при графахъ Іоахимѣ и Адамѣ, потомъ—черезъ 5 лѣтъ). Огородные и дворовые участки облагались особо отъ пахатныхъ. Обложенію подлежала только фактически запахиваемая земля, такъ что рвы и другія неудобныя мѣста не облагались. За дворовое мѣсто аренда не платилась. Чиншъ вносился въ господскую казну въ два срока—въ послѣднія недѣли іюня и въ послѣднія недѣли декабря. Не уплатившему въ срокъ войтъ объявляетъ объ этомъ въ присутствіи другихъ хозяевъ, и затѣмъ неисправный плательщикъ платитъ пени по одному злоту въ мѣсяцъ. Если въ теченіе шестимѣсячнаго срока арендная плата не будетъ внесена, то движимое имущество арендатора подвергается продажѣ, пахатный участокъ у него отнимается и передается другому; такой „банкротъ“ (по выраженію устава) уже никогда не можетъ получить арендпаго участка; только пожаръ, скотскій падежъ, продолжительная болѣзнь, градобитіе избавляютъ арендатора отъ наказанія отнятіемъ участка. Размѣръ аренды не былъ одинаковъ. Въ Щорсахъ онъ колебался между сорока пятью и девяноста рублями съ волоки пахатной земли и отъ 20—90 р. съ волоки сѣнокоса.

Въ Вишневѣ чиншъ былъ гораздо ниже, такъ какъ здѣсь взималось по 27 р. съ волоки пахоты, по одному рублю съ

морга дворовыхъ мѣстъ (огородовъ) и по 2 рубля съ волоки сѣнокоса.

Разсмотрѣвъ систему пользованія землей и вопросъ о размѣрѣ чинша, мы можемъ поставить вопросъ о томъ, насколько реформа благопріятствовала крестьянину. Такую провѣрку можно сдѣлать, благодаря мемуару графа Адама. Онъ вообще считаетъ, что съ переходомъ на чиншъ положеніе крестьянъ значительно улучшилось.

Между прочимъ, онъ разсказываетъ любопытный фактъ. Графъ Іоахимъ держалъ въ арендѣ Негневичскую волость, принадлежавшую Радзивилламъ. Пока эта волость была на барщинномъ хозяйствѣ, крестьяне буквально голодали ежегодно, начиная съ Рождества. Съ переходомъ этой волости въ собственность Хрептовичей и съ введеніемъ здѣсь арендныхъ условій, крестьяне оправились и совершенно перестали пользоваться хлѣбными ссудами отъ двора.

Однако, въ имѣніяхъ Хрептовичей все крестьянство далеко не могло пользоваться землей въ достаточномъ размѣрѣ. Этого не допускали и размѣры имѣній. Такъ, имѣнія Щорсы и Негневичи состояли изъ 11324 десятинъ пахатной, сѣнокосной и выгонной земли, кромѣ лѣса. Изъ этого пространства подъ господскіе фольварки было отведено всего 1164 десятины пахатной и 892 десятины сѣнокосной земли. При этомъ подъ фольварки отведена земля, неудобная для крестьянскаго хозяйства и такого качества, которое дѣлало ее неудобной при средствахъ удобренія, возможныхъ для крестьянъ. Это объясненіе графа Адама слѣдуетъ признать вполнѣ справедливымъ, такъ какъ и въ настоящее время можно убѣдиться, что господскіе дворы были основаны на земляхъ песчаныхъ или на низинахъ, потребовавшихъ прорытія канавъ.

Съ другой стороны, нельзя считать чрезмѣрнымъ количество земли, отведенное подъ господское хозяйство. Такимъ образомъ, въ пользованіи крестьянъ на условіяхъ двадцатилѣтней аренды находилось: у „грунтовыхъ“ хозяевъ 4304 десятины пахатной земли, 3709 десятинъ луговой, 238 десятинъ усадебной, занятой огородниками, и 971 десятина выгонной земли. Замѣтимъ, что соотношеніе выгонной и сѣнокосной земли къ пахотѣ чрезвычайно выгодно въ хозяйственномъ от-

ношеніи. Но дѣло въ томъ, что на этомъ пространствѣ жило по 8-й ревизіи 3725 душъ муж. пола и 3651 душъ жен. пола. Слѣдовательно, на одну душу мужского пола приходилось бы всего около $1^1/_4$ дес. пахатной земли (при 4542 дес. всей). Такъ какъ всѣхъ домовъ въ Щорсахъ и Негневичахъ числилось 1140, то очевидно, что пропорціональный надѣлъ и на одинъ многосемейный дворъ былъ бы тоже недостаточенъ. Въ дѣйствительности, по подсчету графа Адама, въ обоихъ имѣніяхъ было 767 дворовъ, арендовавшихъ не менѣе одного участка земли, т.-е. третины, и 373 двора, бывшихъ на положеніи огородниковъ. Это соотношеніе нельзя считать въ общемъ весьма тягостнымъ, такъ какъ въ число 373 дворовъ, очевидно, входятъ и мѣщанскіе дворы въ Негневичахъ; къ сожалѣнію, намъ точно неизвѣстно, сколько дворовъ было въ этомъ мѣстечкѣ.

Соображая все вышесказанное, можно положительно утверждать, что для громаднаго большинства хозяйствъ это распредѣленіе земли было болѣе выгодно, чѣмъ въ періодъ до реформы, проведенной графомъ Іоахимомъ. Такъ, по инвентарямъ Щорсъ, относящимся къ первой половинѣ XVIII вѣка, обычный надѣлъ крестьянскаго двора составлялъ одну шестину, т.-е. шестую часть волоки (около $3^1/_5$ дес.), такъ что, напримѣръ, 85 дворовъ села Ожболотья сидѣли всего на 16 волокахъ.

Между тѣмъ минимальный надѣлъ, установленный Хрептовичами, составлялъ третью часть волоки.

Что касается другихъ имѣній Хрептовича, т.-е. Вишнева и Березины (въ Ошмянскомъ уѣздѣ), то въ нихъ всей земли, кромѣ лѣса, считалось 9557 дес. „Грунтовые“ крестьяне пользовались 3968 дес. пахатной земли, 1091 дес. сѣнокосной, 853 дес. выгонной, огородники 40 десятин. пахатной и 40 десятинами сѣнокоса. Въ общемъ помѣщикъ считалъ 4008 десятинъ пахатной земли, сданной крестьянамъ въ аренду. На этой землѣ сидѣло 1854 души м. п. и 2087 д. ж. п., арендаторовъ же (грунтовыхъ), т.-е. обрабатывавшихъ не менѣе $^1/_3$ волоки, было 480 дворовъ, а огородниковъ всего 60 дворовъ. Впрочемъ, въ своей запискѣ владѣлецъ выражаетъ намѣреніе докончить распредѣленіе земель и оставить только 200 хозяевъ грунтовыхъ, остальныхъ же перевести въ разрядъ огород-

никовъ. Здѣсь распредѣленіе земель болѣе благопріятно, чѣмъ въ Щорсахъ.

Изъ этого обзора ясно, что не все крестьянское населеніе названныхъ имѣній могло заниматься исключительно земледѣліемъ. Легко также замѣтить, что общее количество земли, находившейся въ распоряженіи помѣщика, было столь не велико, что не могло обезпечить землею въ достаточной мѣрѣ всѣхъ крестьянъ; оставался лѣсъ, но трудно было бы ожидать такой жертвы отъ владѣльцевъ, какъ уничтоженіе громадныхъ лѣсныхъ пространствъ. Съ другой стороны нельзя не видѣть, что владѣльцы, въ силу теоретическихъ соображеній, стремились къ искусственному раздвоенію земледѣльческаго класса на двѣ группы—полныхъ хозяевъ и батраковъ, потому что положеніе огородниковъ немногимъ лучше было положенія батрака.

Впрочемъ, по подсчету графа Адама, всѣ огородники имѣли возможность прилагать свой трудъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ. Такъ, крестьяне Щорсъ и Негневичъ зарабатывали при господскомъ хозяйствѣ, нанимались на сплавъ по Нѣману и, наконецъ, занимались извозомъ и ремеслами. Въ общемъ заработокъ обѣихъ волостей высчитывался въ 19.000 р. серебромъ, изъ которыхъ до 8.900 руб. крестьяне получали изъ господской кассы за работу.

Крестьяне Вишнева и Березины, не имѣя сплавной рѣки, могли, однако, работать на владѣльческомъ желѣзодѣлательномъ заводѣ. Крестьяне этихъ волостей зарабатывали до 11.000 руб. серебромъ, при чемъ на фабрикѣ получали 3.000 р., а на фольварочныхъ работахъ 6.000 руб. серебромъ, остальные 2.000 руб. зарабатывались извозомъ и ремеслами.

Какъ бы не распредѣлялись заработки хозяевъ-огородниковъ, все-таки нетрудно замѣтить, что заработокъ ихъ былъ не великъ. Вѣдь надо прежде всего помнить, что въ наемныхъ работахъ съ огородниками конкурировали и грунтовые хозяева, если въ ихъ семьяхъ были свободныя руки; далѣе, обязательная служба парней отъ 18—24 лѣтъ также давала значительный контингентъ наемныхъ работниковъ. Правда, для вишневскихъ крестьянъ сторонніе заработки были, вѣроятно, не такъ существенны, такъ какъ громадное большинство ихъ сидѣло на своихъ грунтахъ, хотя и при незначительныхъ надѣлахъ, что, какъ мы видѣли, помѣщикъ считалъ ненормаль-

нымъ (4.000 дес. на 480 хозяйствъ, при чемъ въ среднемъ въ хозяйствѣ было по 2 семьи). Но заработки щорсовскихъ крестьянъ были не велики; въ самомъ дѣлѣ, даже при предположеніи, что весь ежегодный заработокъ въ 19.000 руб. распредѣлялся бы между всѣми 373 хозяйствами огородниковъ и мѣщанъ, то это давало бы всего по 51 руб. на дворъ. Надо при этомъ помнить, что крестьяне должны были уплачивать подушную подать, нести общинные сборы и платить чиншъ за огороды и дворовыя мѣста. Такимъ образомъ, положеніе огородниковъ далеко нельзя признать обезпеченнымъ; но зато положеніе грунтовыхъ хозяевъ было вполнѣ обезпеченное. Впрочемъ, и необезпеченность положенія огородниковъ надо понимать лишь относительно, въ сравненіи съ положеніемъ полныхъ хозяевъ тѣхъ же имѣній.

Въ самомъ дѣлѣ, для того чтобы составить себѣ болѣе правильное понятіе о положеніи крѣпостныхъ крестьянъ въ имѣніяхъ графа Хрептовича сравнительно съ положеніемъ сосѣднихъ имѣній, надо сопоставить количество надѣльной земли и размѣры повинностей изслѣдуемыхъ имѣній съ сосѣдними. Правда, для сколько-нибудь точныхъ и детальныхъ сопоставленій у насъ нѣтъ необходимаго матеріала. Впрочемъ, для нашихъ цѣлей достаточно общихъ точекъ соприкосновенія.

У насъ имѣется двѣ группы данныхъ: во-первыхъ, данныя отъ времени 8 ревизіи для Щорсъ и Вишнева; ихъ можно сопоставить съ данными инвентарныхъ комитетовъ; во-вторыхъ, данныя редакціонныхъ комиссій. Прежде всего обратимся къ сравненію размѣровъ надѣльной земли.

Въ Щорсахъ и Негневичахъ по 8 ревизіи на одинъ крестьянскій дворъ въ среднемъ приходилось 4 дес. пахатной и 3¹/₄ дес. сѣнокосной земли. Сравнительно съ другими имѣніями времени инвентарныхъ комитетовъ—это минимальный размѣръ участка (въ 7²/₃ дес. встрѣчается въ Новогруд. у.; обычный размѣръ большого участка въ томъ же уѣздѣ 12,4 дес.). Въ сходныхъ по населенности и почвѣ уѣздахъ Слуцкомъ и Минскомъ встрѣчаемъ участки отъ 6²/₃ и до 20 дес. въ первомъ и даже отъ 2¹/₂ до 20¹/₃ дес. во второмъ; въ среднемъ—въ 12 дес. въ Слуцкомъ и 18 дес. въ Минскомъ. Въ уѣздахъ съ болотистой и песчаной почвой размѣры участковъ очень велики—вдвое больше, напр., въ Бобруйскомъ и въ Мозырскомъ. Для губерніи тогда приходилось въ среднемъ по 16,3 дес. на

каждый дворъ (съ огородниками и бобылями), а на одинъ тяглый или оброчный—по 17,9 дес. [1]).

Среднiе надѣльные дворовые участки въ Щорсахъ получаются меньше среднихъ по уѣзду; но надо припомнить, что въ Щорсахъ былъ принятъ минимальный участокъ грунтового хозяина въ „третину" волоки пахатной земли. Вмѣстѣ съ сѣнокосной и усадебной онъ составлялъ 10 дес. Такой среднiй дворовый участокъ и былъ обычнымъ въ эпоху освобожденiя крестьянъ—въ 10,23 дес., или на одну ревизскую душу (по 10 ревизiи) 2,99 дес. Въ эту эпоху лучшiй въ губернiи уѣздъ, Слуцкiй, представлялъ чрезвычайную пестроту въ отношенiи размѣра надѣльной земли, такъ что никакая средняя не дастъ истиннаго о немъ представленiя. Наиболѣе низкiе надѣлы падали до 0,33 д., 0,5 д., 2,5 д. до 4—6 д., но такихъ имѣнiй немного. Изъ 107 имѣнiй (съ крѣпостнымъ населенiемъ свыше 100 душъ въ каждомъ) въ 68 надѣлъ колебался между 8 и 13 дес., затѣмъ опять начиналась пестрота въ размѣрахъ его [2]).

То же положенiе занимаетъ и имѣнiе Вишнево Ошмянскаго уѣзда. Въ Виленской губ. въ 50-хъ годахъ на 10 душъ обоего пола крѣпостного населенiя приходилось по одной волокѣ земли, т.-е. на $1^1/_3$ крестьянскiй дворъ (населенность двора тогда считалась въ 6—9 душъ обоего пола, въ среднемъ въ 7—8), или по 14,7 дес. на дворъ [3]). Въ Вишневѣ на одинъ дворъ полнаго хозяина приходилось $10^1/_2$ дес. всей земли ($8^1/_4$ дес. пахатной). Для грунтовыхъ хозяевъ показанный среднiй размѣръ въ Вишневѣ подымался до 15 дес. въ среднемъ на дворъ, какъ это можно заключить изъ данныхъ редакцiонныхъ комиссiй. По тѣмъ же даннымъ изъ 46 имѣнiй въ Ошмянскомъ уѣздѣ въ 12 имѣнiяхъ надѣлъ былъ 15 дес. на дворъ, въ 10 имѣнiяхъ—отъ 10 до 14 дес., въ 24—отъ 16 до 26 дес. Сравнительно съ другими уѣздами той же губ., имѣнiе Вишнево занимало среднее положенiе: въ Виленскомъ уѣздѣ на ревизскую душу приходилось 3,5 дес., въ Дисненскомъ—3,26 дес., въ Лидскомъ—2,4 дес., въ Вишневѣ же 3,33.

Итакъ, въ имѣнiяхъ Хрептовича крестьянскiе участки можно признать средняго размѣра сравнительно съ другими

---

[1]) Инвентарныя положенiя, изд. 1859 г., Зелинскiй, р. 639, 637 и 635.

[2]) Приложенiе къ трудамъ редакцiонныхъ комиссiй.

[3]) Матер. для ст. и геогр. Рос., Виленская губ., р. 486.

именіями, но съ тѣмъ, что размѣръ ихъ ближе къ меньшимъ участкамъ въ обѣихъ губерніяхъ. Но надо имѣть въ виду нѣкоторыя условія тогдашняго хозяйства. Мы знаемъ, что положеніемъ графа Іоахима былъ опредѣленъ извѣстный minimum аренднаго крестьянскаго участка, а maximum снимаемой земли былъ предоставленъ силѣ и желанію каждаго хозяина. Средній участокъ очень не великъ въ Щорсовскомъ имѣніи, но это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что Новогрудскій и Слуцкій уѣзды обладаютъ прекрасной почвой (глинисто-черноземная); это такъ называемая „литовская украйна". Поэтому надѣлы здѣсь вообще и въ другихъ имѣніяхъ не велики, повинности же выше, чѣмъ въ имѣніяхъ сосѣднихъ уѣздовъ. Притомъ при разбивкѣ участковъ въ экономіяхъ лучшія и хорошо обработанныя земли отошли къ крестьянамъ. Очевидно, слѣдовательно, минимальный размѣръ участка, по мнѣнію помѣщиковъ, соотвѣтствовалъ участку, удовлетворяющему насущныя потребности крестьянской семьи, съ другой стороны, фактическая съемка крестьянами ихъ участковъ соотвѣтствовала, очевидно, ихъ рабочей силѣ и желаніямъ. Надо имѣть еще въ виду, что крѣпостное хозяйство того времени въ такой обильной незаселенными и малоплодородными землями, какъ Минская губ., имѣло и другую сторону: оно знало „накидыванія" крестьянамъ земли съ цѣлью полученія отъ нихъ большей работы, хотя земля и бывала въ тягость крестьянскому хозяйству [1]). Наконецъ, надо и еще помнить, что имѣнія Хрептовичей были сравнительно съ другими не велики и плотно заселены. Между тѣмъ раздѣленіе земель между помѣщикомъ и крестьянами было таково: въ Щорсахъ изъ всей господской земли въ количествѣ 19,854 дес. выдѣлено крестьянамъ 9,222 дес. (пашня, сѣнокосъ, выгонъ), подъ помѣщичьими фольварками было 2,056 дес., остальное подъ лѣсомъ, а въ Вишневѣ изъ всей земли въ количествѣ 23,651 дес. было сдано въ аренду крестьянамъ, мѣщанамъ и другимъ арендаторамъ 6,294 дес.; подготовлено къ раздачѣ въ аренду 1,628 дес. Между тѣмъ въ цѣлой Минской губерніи всѣ землевладѣльцы владѣли 6.949,444 дес. и въ пользованіи ихъ крестьянъ считалось 1.384,328 дес. [2]). Иными словами, отношеніе крестьянскихъ земель къ владѣль-

---

[1]) Зелинскій, Мат. для геогр. и стат., Минская губ.

[2]) Зелинскій, I, p. 549, 644.

ческимъ во всей губерніи выражается отношеніемъ 1:5, въ Щорсовскомъ им.—1:2, въ Вишневскомъ—1:3,7, а при предположенномъ увеличеніи участковъ, какъ 1:3. Присматриваясь къ хозяйственному распредѣленію земель, нельзя не замѣтить, что Хрептовичи пощадили только лѣса своихъ имѣній.

Таково было соотношеніе крестьянскихъ участковъ въ им. гр. Хрептовичей съ общими условіями положенія крестьянъ въ краѣ. Гораздо труднѣе сдѣлать такое же сравненіе по отношенію къ арендной платѣ. Дѣло въ томъ, что въ то время аренда земли безъ крестьянъ, да еще долголѣтняя аренда небольшихъ участковъ—явленіе очень рѣдкое, не уловленное тогдашними авторами (вѣчночиншевыхъ отношеній въ этомъ случаѣ нельзя принимать во вниманіе). Для насъ же важно было бы выяснить, насколько арендная плата въ имѣніяхъ Хрептовичей, продиктованная своимъ крестьянамъ волею помѣщика, соотвѣтствовала рыночнымъ цѣнамъ на землю, или доходности съ земли, или, наконецъ, суммѣ платежей и повинностей, несенныхъ крѣпостными людьми сосѣднихъ владѣльцевъ.

По тогдашнимъ свѣдѣніямъ краткосрочная (3—6 лѣтъ) аренда на землю въ Виленской губ. оплачивалась по 25—50 р. въ годъ съ волоки земли, въ черноземныхъ же мѣстностяхъ до 60 р.; огородная земля цѣнилась по 10—18 р., а подъ Вильной по 35 р. за десятину [1]).

Въ сосѣднихъ губерніяхъ опредѣлялась такъ: въ Могилевской губ. за десятину пахатной земли платили 2 р. 40 к.— 2 р. 60 к., кое гдѣ и 3 р., за десятину сѣнокосной—3—4 руб. Въ Гродненской губ. арендная плата была гораздо выше: десятина пахатной земли шла отъ 4 р. 50 к. до 10 р. 86 к., въ среднемъ—7 р. 25 к., сѣнокосъ по 8 р. 25 к. По условіямъ почвы и хозяйства Гродненская губ. ближе всего подходитъ къ Новогрудскому уѣзду, а Могилевская къ Ошмянскому уѣзду (наиболѣе плодородный уѣздъ Виленской губ.). Но надо замѣтить, что около времени освобожденія крестьянъ арендная плата за земли стала подыматься. Такъ, въ Смоленской губ. въ началѣ 50-хъ годовъ аренда земли была очень рѣдкимъ явленіемъ, при чемъ за десятину пахатной земли платили отъ

---

[1]) Матеріалы для стат. и геогр. Россіи. Виленск. губ., стр. 492.

1 р. до 1 р. 75 к., за сѣнокосныя по 5—7 р. (за хорошій, а за плохой по $1^1/_2$ р.)[1].

Если у насъ мало свѣдѣній объ арендѣ земли, снимаемой на свободныхъ договорныхъ условіяхъ, то матеріалы редакціонныхъ комиссій представляютъ значительное количество данныхъ объ оброкѣ, который въ извѣстномъ отношеніи можетъ служить показателемъ арендныхъ цѣнъ. Такъ, въ Новогрудскомъ уѣздѣ встрѣчается размѣръ оброка съ десятины въ 1 р. 50 к., но чаще 2 р. и 3 р. При этомъ всегда съ оброчныхъ крестьянъ требуются еще какія-нибудь дополнительныя повинности—шарварки, подводы, сгоны и проч. При послѣднемъ же условіи встрѣчаемъ въ Минскомъ уѣздѣ оброкъ отъ 1 р. (очень рѣдко) до 2 р. (обычно), иногда съ барщиной въ 3 дня въ недѣлю лѣтомъ, въ Борисовскомъ уѣздѣ отъ 1 р. до 3 р. съ десят. при условіяхъ сгоновъ и урочныхъ работъ. Въ Виленской губ.: въ Ошмянскомъ уѣздѣ даютъ съ десятины отъ 1 р. 20 к. до 3 р., въ Дисненскомъ—3—4 р. съ десятины и т. д.

Однимъ словомъ, средняя плата за десятину земли въ 2—3 р. можетъ быть признана обычной.

Сравнивая теперь принятыя въ имѣніяхъ граф. Хрептовичей условія аренды съ вышеприведенными данными, мы приходимъ къ заключеніямъ, вполнѣ благопріятнымъ для крестьянъ изслѣдуемыхъ имѣній.

Такъ, въ Щорсахъ арендная плата за десятину пахатной земли была отъ 1 р. до $4^2/_3$ р. По раскладочнымъ вѣдомостямъ экономіи въ среднемъ выходила плата за десятину пахатной земли по $4^3/_5$ р., т.-е. высшая, при чемъ за худшую платили по 3 р., за лучшую по 6 р., за сѣнокосную—въ среднемъ по 3,42 р., за лучшую по 4,5 р., худшую по 2,28 р; десятина усадебной земли шла по 5,41 р. Въ Вишневскомъ имѣніи за десятину пахатной земли платили всего 1,38 р., столько же за десятину сѣнокосной, за усадебную по 2,81 р.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе вышеприведенныя данныя, а также и хозяйственныя особенности обоихъ имѣній, видимъ, что арендная плата здѣсь не была повышенной, что она соотвѣтствуетъ среднимъ и даже низшимъ вольнымъ арендным цѣнамъ.

[1]) Соловьевъ. Сельско-хозяйств. статистика Смол. губ., стр. 180—3.

Но это сравненіе еще далеко недостаточно: мы сравниваемъ арендаторовъ, юридически, однако, находящихся въ крѣпостной зависимости, съ арендаторами, свободно договаривающимися. Наши сравненія будутъ полны только тогда, когда мы сдѣлаемъ указанія на тогдашнее положеніе крѣпостныхъ крестьянъ: вѣдь арендная плата щорсовскихъ и вишневскихъ крестьянъ фактически замѣняла собою барщину, разныя „данины" и повинности, и чиншъ крѣпостныхъ въ сосѣднихъ имѣніяхъ. Въ Виленской, наприм., губ. почти всѣ имѣнія пользовались тяглымъ трудомъ крестьянъ, при чемъ повсемѣстно практиковалась работа съ тягла по три мужскихъ и по три женскихъ въ недѣлю, а въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ и по четыре дня. Но кромѣ того еще требовались съ крестьянъ особые сгоны, сторо́жа, очень тяжелая подводная повинность и проч. [1])

Остановимся еще на нѣкоторыхъ данныхъ по Минской губ., которыя можно извлечь изъ свѣдѣній, собранныхъ инвентарными комитетами. По разсчетамъ на основаніи данныхъ инвентарныхъ комитетовъ на одну десятину земли крестьянскаго участка въ среднемъ приходилось 15,4 рабочихъ дня въ годъ: 7,7 мужскихъ и столько же женскихъ, при максимальномъ количествѣ въ Новогрудскомъ уѣздѣ въ 18,4 дня и Слуцкомъ—20,5 и минимальномъ—въ 13 дней въ Игуменскомъ уѣздѣ [2]).

Впрочемъ, разсчетъ инвентарныхъ комитетовъ въ этомъ отношеніи не заслуживаетъ особаго довѣрія. Но, кромѣ барщины, крестьяне еще отбывали разныя повинности и платили денежные оброки и дани натурою и деньгами. Лучшимъ показателемъ можетъ служить тотъ фактъ, что по инвентарнымъ правиламъ помѣщикъ, взамѣнъ освобожденія своихъ крестьянъ отъ натуральныхъ повинностей, могъ пользоваться $^{1}/_{2}$ частью валового дохода съ крестьянскаго участка, безъ вычета посѣвныхъ сѣмянъ. Разсчетъ этихъ „третьяковъ" былъ сдѣланъ очень благосклонно для помѣщиковъ, и все-таки они находили для себя невыгоднымъ переходъ къ „третьякамъ", и съ 1852 г. имъ снова предоставлено право пользованія шестидневной барщиной (3 мужскихъ и 3 женскихъ дня) съ каждаго тягла, опредѣленнаго закономъ по примѣру великорусскихъ губерній (одинъ работникъ, надѣленный участкомъ земли, нормой кото-

———

[1]) Матеріалы по геогр. и стат. Виленской губ., стр. 186.
[2]) Зелинскій, I, стр. 644—5.

раго признано $4^5/_4$—9 дес. всей земли). Эти третьи части дохода съ крестьянскихъ участковъ составляли около 3 р. съ десятины, рѣдко падая ниже 2 руб., согласно разсчетамъ инвентарныхъ комитетовъ.

Все это указываетъ на значительное напряженіе рабочихъ и платежныхъ силъ крѣпостного населенія. Это доказывается матеріалами редакціонныхъ комиссій. Обычная баршина вездѣ состоитъ изъ 156 дней муж. и 156 жен., незначительная часть имѣній требовала по 104 дня, другая часть по 208 дней[1]).

Но нужно отмѣтить что почти всегда пониженіе числа барщинныхъ дней соотвѣтствуетъ увеличенію числа сгоновъ, тяжесть которыхъ состояла въ томъ, что помѣщикъ въ горячее лѣтнее время пользовался всею наличною рабочею силой семьи. Сверхъ барщинныхъ работъ вездѣ требовались съ крестьянъ сгоны, сторожа, подводы; иногда по нѣскольку сотъ верстъ, даже натурою или деньгами и довольно обыкновенно еще денежный оброкъ. Платежъ за дани, перелагаемый на деньги, чрезвычайно разнообразенъ, наприм., отъ 5 к. до 4 р. 22 к. въ Новогрудскомъ у., въ Ошмянскомъ же у. отъ 1 р. 50 к. до 3 р. Денежный оброкъ при барщинѣ не всегда взимался. Въ Виленской губ. онъ иногда равнялся чистому оброку (отъ 1 р. 50 к. до 2 р. съ десятины), иногда падалъ до 3 р. съ участка. Въ Новогрудскомъ у. отъ 1 р. до 3 р. и даже до 10 р. 45 к. съ участка.

Изъ всего сказаннаго во всякомъ случаѣ видно, что какъ размѣры барщины, такъ и придаточные къ ней платежи и повинности были весьма значительны. Къ сожалѣнію, весьма

---

[1]) Отступленія отъ обычной нормы въ 165 дней встрѣчаются: въ Виленскомъ уѣздѣ изъ 51 им. въ 7 им. принято 104 муж. дня. въ одномъ—117 дн., въ одномъ—204 дня; въ Виленскомъ; въ 14 имѣніяхъ 104 муж. дня, въ 24 имѣн.—208 дней, изъ 41 имѣн.; въ Лидскомъ изъ 33 имѣній въ 4 имѣн.—104 дня, въ одномъ 102 дня; въ Ошмянскомъ изъ 45 имѣн. въ одномъ отъ 52 дн, въ 10 имѣн.—104, въ одномъ—117, 126, 130, 133, 208; въ Свенцянскомъ изъ 116 имѣн., въ одномъ—52, въ 4 имѣн.—78 дн., въ 10 имѣн. по 104 дня, въ одномъ—111, въ двухъ—182, въ 15 имѣніяхъ—208 дн., въ одномъ—222, 234, 260 дн.; въ Трокскомъ у. изъ 54 имѣн., въ семи—104 дня, въ шести—208 дн., въ одномъ—260; въ Новогрудскомъ у. изъ 107 имѣн. въ 23 по 104 дня, въ одномъ по 116, 162; въ Слуцкомъ у. изъ 115 имѣн. въ 15 по 104 дня, въ одномъ по 108, 130, 160, 204, въ двухъ по 208; въ Минскомъ у. изъ 67 имѣн., въ 23 по 104 дня и т. под.; обыкновенно число женскихъ дней соотвѣтствуетъ числу мужскихъ.

трудно сдѣлать расцѣнку всего того, что давалось крестьянами помѣщику въ видѣ податей и повинностей. Впрочемъ, сошлемся на одинъ разсчетъ, сдѣланный членами Витебскаго комитета по упраздненію крѣпостного права: онъ считалъ стоимость 99 рабочихъ дней въ 27 р. 40 к. при девятидесятинномъ подворномъ участкѣ и стоимость 77 дней—въ 23 р. 20 к. при семидесятинномъ участкѣ, т. е. по 3 р. $4^{1}/_{2}$ к. и по 3 р. 30 к. на десятину крестьянской надѣльной земли и по 24,6 к. и по 30,1 к. за рабочій день.

Сообразивъ теперь, что въ Виленской и Минской губ. барщина была вдвое больше, чѣмъ ее считали витебскіе хозяева, присоединивъ еще къ ней другія натуральныя повинности и денежные сборы, и соразмѣривъ все это съ арендной платой крестьянъ въ имѣніяхъ Хрептовичей, нетрудно видѣть болѣе выгодное положеніе послѣднихъ. Его можно характеризовать тѣмъ, что крестьяне въ имѣніяхъ Хрептовичей, имѣя надѣльные участки немного ниже среднихъ сравнительно съ сосѣдними мѣстностями, платили за нихъ арендную плату немного повышенную сравнительно съ среднимъ размѣромъ крестьянскаго оброка при сгонахъ и значительно пониженную сравнительно съ вольной арендной платой.

Однако, эти заключенія должны быть корригированы еще однимъ указаніемъ на порядокъ въ данныхъ имѣніяхъ.

Намъ уже приходилось указывать на то, что помѣщикъ, отказавшись отъ личныхъ повинностей крестьянъ, обрабатывалъ собственныя поля наемными рабочими. Эти рабочіе нанимались изъ тѣхъ же крестьянъ. Относительно неженатой молодежи, паробковъ, мы знаемъ хорошо, что наемъ ея на господскія работы не былъ принудительнымъ. Правда, экономическія работы выполнялись въ громадномъ большинствѣ дворовыми паробками и лишь такія работы, какъ свозка хлѣба съ полей, транспортированіе зерна въ городъ и за границу (по Нѣману), косьба и жатва и нѣкот. друг. требовали посторонних рабочихъ.

Для насъ весь вопросъ сводится къ слѣдующему: носилъ ли наемъ на экономическія работы принудительный характеръ и насколько соотвѣтствовали рыночныя цѣны на рабочія руки тѣмъ, которыя были установлены экономіей? Въ изданныхъ помѣщиками регламентахъ есть только одно указаніе на принудительность труда: по уложенію гр. Иринея сельскій судъ

обязанъ назначать за половинную цѣну сравнительно съ рыночной потребное количество рабочихъ для сплава продуктовъ по Нѣману; съ другой стороны, судъ же обязанъ слѣдить за тѣмъ, чтобы для отработки долговъ экономіи и недоимокъ, выходили не одни бѣдняки, но и всѣ вообще крестьяне,—конечно, тѣ, на которыхъ числятся долги или недоимки. Послѣднее правило преслѣдуетъ, очевидно, такіе факты, когда по требованію изъ двора рабочихъ, могли быть высылаемы войтами все одни и тѣ же бѣдняки-должники, отчего могло пострадать ихъ собственное хозяйство или посторонніе заработки. Никакихъ другихъ указаній на принудительность труда не встрѣчается. Въ постановленіи же гр. Іоахима находится прямое требованіе, чтобы даже работа лѣнивыхъ и нерачительныхъ хозяевъ, сгоняемыхъ на господскую работу въ видѣ наказанія, оцѣнивалась войтомъ вмѣстѣ съ другими хозяевами: даже оцѣнку и этой работы дворъ не бралъ на себя.

Вообще, насколько можно прослѣдить вопросъ по документамъ, онъ представляется такъ: при графахъ Іоахимѣ и Адамѣ наемъ носилъ исключительно вольный характеръ и только въ уложеніи гр. Иринея (1812 г.) встрѣчаются вышеприведенныя принудительныя статьи. Но съ другой стороны, такса заработной платы, установленная въ началѣ XIX в., оставалась неизмѣнной и въ половинѣ 30-хъ годовъ. Заработная плата почти исключительно была опредѣлена поурочно. Уроки приноровлены къ хорошей поденной работѣ, но не чрезмѣрно интенсивной: эти уроки вполнѣ сходятся съ тѣми, которые опредѣлялись мѣстными губернскими комитетами передъ реформой. Въ общемъ упряжной рабочій день былъ таксированъ въ 15 к.[1]), одноконная подвода на работѣ—тоже въ 15 к., такая же подвода при перевозкѣ продуктовъ по 15 к. отъ

[1]) Это вытекаетъ изъ сопоставленія поурочной таксы экономіи Хрептовичей съ поденными уроками мѣстныхъ комитетовъ, а также и съ инвентарнымъ положеніемъ. Такъ, за вспаханіе одного морга земли въ одинъ разъ платилось 30 к. (по опредѣленіямъ комитетовъ нужно 3 дня на вспаханіе одной десятины, слѣдовательно, въ день—15 к., моргъ равенъ $^{2}/_{3}$ десятины), за скошеніе одного морга луга, за сушку его и укладку въ стогъ или свозъ съ ордины—60 к. (нужно 4 дня, слѣдовательно, по 15 коп. въ день); за жатву одного морга—45 к., нужно 3 дня, съ возкой въ гумно—75 к., за молотьбу одной копы озимаго хлѣба—15 к., ярового—10 к.

одной мили, если же дорога болѣе 3 миль, то по 10 к. отъ мили (въ инвентарныхъ комитетахъ 20 верстъ съ двадцатипудовою кладью, соотвѣтствовавшей одноконной упряжкѣ, считали за одинъ рабочій день и 30 верстъ безъ клади—тоже за одинъ день). Одинъ мужской пѣшій рабочій день считался въ $7^1/_2$ к., женскій при сборѣ огородныхъ овощей—5 к. Малолѣтнимъ рабочимъ и работницамъ въ день платилось по 4 к.

Думается, что эта такса не являлась принудительной для 30-хъ годовъ, а тѣмъ болѣе для предшествующихъ десятилѣтій, хотя, очевидно, она скорѣе приближалась къ низкимъ цѣнамъ, чѣмъ къ среднимъ. У насъ нѣтъ точныхъ данныхъ для сравненій. Но надо помнить, что разсчетъ въ экономіи велся на серебряную монету, что уже значительно поднимаетъ расцѣнку. Затѣмъ, мы имѣемъ расцѣнку заработной платы временъ крестьянской реформы. Конечно, оба періода времени несоизмѣримы, потому что въ 50-хъ гг. уже сильно (сравнительно) стала сказываться потребность въ рабочихъ рукахъ и даже въ Великороссію выписывались самые дешевые въ то время рабочіе—бѣлоруссы крѣпостные. Въ 30-хъ годахъ эти симптомы, особенно въ Западной Россіи, еще не проявлялись. Вотъ почему сравнительная разница въ цѣнахъ не должна приводить насъ въ недоумѣніе.

Инвентарный комитетъ чисто искусственнымъ путемъ вывелъ для Минской губ. среднюю цѣну упряжнаго рабочаго дня съ парою рабочаго скота въ 15 к. за урочную работу и 10 к. за безурочную, пѣшаго дня мужского и женскаго за урочную работу 10 к., за безурочную $7^1/_2$ к. Такая же расцѣнка выведена и для Виленской губ. Для насъ важно то, что свѣдущій авторъ 60-хъ годовъ опредѣляетъ цѣны рабочаго дня ровно вдвое сравнительно съ расцѣнкой комитетовъ [1]. Это уже показаніе, на которое можемъ ссылаться. Съ другой стороны, витебскій губернскій комитетъ считалъ стоимость мужского рабочаго дня въ 20 к. и женскаго въ 10 к. Насколько низка была тогда заработная плата, можно видѣть еще и изъ свидѣтельства одного могилевскаго депутата, утверждавшаго, что можно нанять батрака за 15 р. въ годъ и простую работницу за 4 р. и даже за 3 р. въ годъ. Это вполнѣ возможно, такъ какъ по свѣдѣніямъ конца 50-хъ годовъ даже

---

[1]) Матеріалы по исторіи упраздненія крѣпостного права.

рабочіе на рѣчныхъ судахъ работали по слѣдующимъ цѣнамъ: на Днѣпрѣ отъ 1 р. 25 к. до 3 р., на Припяти—отъ $1^1/_2$ р. до $2^1/_2$ руб., на Ясельдѣ—отъ 2 р. до 3 руб., на Стырѣ—отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 60 к. Это заработная плата въ недѣлю на хозяйскихъ харчахъ[1]).

Что она не очень удаляется отъ указанной расцѣнки сельско-хозяйственныхъ наемныхъ рабочихъ, доказывается слѣд. соображеніями: работа на рѣчныхъ судахъ—трудная, требующая извѣстныхъ навыковъ и довѣрія къ рабочему, транспортирующему кладь (это расцѣнка заработной платы на берлинахъ, т.-е. на такихъ судахъ, которыя требуютъ и лучшихъ рабочихъ и перевозятъ наиболѣе цѣнный товаръ); напомнимъ еще, что недѣльная работа на берлинахъ продолжается семь дней[2]).

Мы поневолѣ должны были нѣсколько остановиться на мелкихъ подробностяхъ даннаго вопроса. Это было необходимо въ виду важности вопроса о различіи рыночныхъ цѣнъ на рабочія руки сравнительно съ опредѣленными экономіею. Несмотря на недостаточность нашихъ данныхъ, кажется, мы имѣемъ основаніе придти къ слѣдующимъ выводамъ. Экономическія расцѣнки рабочаго труда, установленныя въ началѣ XIX в., оставались неизмѣнными до конца 40 годовъ. Сравнительно съ цѣнами послѣдующаго періода,—эта расцѣнка низка, но она не можетъ быть таковою признана для своего времени. Слѣдовательно, наемная работа крестьянъ въ экономіи не носила принудительнаго характера. Нѣкоторыя особенности, введенныя уложеніемъ графа Иринея (половинная оплата судовыхъ

---

[1]) Зелинскій, т. I, стр. 131, 162, 177, 190.

[2]) Все сказанное убѣждаетъ насъ, между прочимъ, еще и въ томъ, что расцѣнка сельско-хозяйственныхъ работъ того же времени, приводимая въ описаніи Виленской губ., должна быть признана преувеличенной, а именно: рабочій съ возомъ и лошадьми стоитъ 65 к., зимою 45 к., рабочій съ сохою и парою воловъ—50 к., пѣшій рабочій лѣтомъ—25 к., зимою 20 к.; эта цѣна, повидимому, на своихъ харчахъ; плата упряжному рабочему здѣсь, очевидно, преувеличена, что можно заключить и по соотношенію ея съ платой пѣшаго дня; далѣе — работница на хозяйскихъ харчахъ оплачивалась 10 коп. въ день лѣтомъ, а зимою—5 к., на своихъ же харчахъ—20 к. и 15 коп. Для насъ важно замѣтить, что цитируемый источникъ заявляетъ, что въ Ошмянскомъ, Лидскомъ и Виленскомъ уу. цѣны на рабочія руки низки. (Матеріалы для геогр. и стат. Рос., Виленская губ., р. 490).

рабочихъ и требованіе работы отъ отрабатывающихъ недоимки и долги) не распространяется на весь кругъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось найти расцѣночныхъ вѣдомостей періода освобожденія крестьянъ.

Выше нами разсмотрѣны всѣ тѣ данныя, которыя касаются положенія крестьянъ въ ихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцу. Но это только одна сторона реформы. Между тѣмъ она имѣетъ еще и другія стороны: во-первыхъ, реформа касалась крестьянскаго міра, во-вторыхъ, она поставила на совершенно новую почву господское хозяйство. Прежде всего займемся вторымъ вопросомъ, какъ болѣе тѣсно связаннымъ съ крестьянскимъ хозяйствомъ.

Мы уже видѣли, что по плану графа Іоахима былъ принятъ новый порядокъ въ распредѣленіи господскихъ фольварковъ, причемъ отошедшія подъ нихъ земли оказались не изъ лучшихъ.

Хозяйство было поставлено въ новыя условія, такъ какъ помѣщикъ совершенно отказался отъ всякихъ видовъ барщины и связанныхъ съ нею натуральныхъ поборовъ. Всѣ работы должны быть выполняемы наемными рабочими изъ числа владѣльческихъ же крестьянъ. По плану графа Іоахима дворъ долженъ обладать достаточнымъ количествомъ наемныхъ годичныхъ работниковъ, паробковъ, для всѣхъ полевыхъ работъ, даже для прорытія канавъ, устройства оградъ и ремонта зданій. Для всѣхъ работъ во дворахъ долженъ быть заведенъ хозяйственный инвентарь. Реформаторъ много заботится о положеніи паробковъ. Они должны получать такую годичную плату, хорошую пищу и одежду, чтобы они нигдѣ не могли найти лучшей службы, если бы пожелали уйти. Но зато паробки должны изучить возложенную на нихъ работу. Паробки должны получать хорошую одежду и въ достаточномъ числѣ, мягкую, чистую и теплую постель, даже шкапъ и комодъ. Хотя вся выдаваемая паробкамъ одежда отдается имъ въ собственность, однако о починкѣ ея долженъ заботиться дворъ. Пища выдается въ обильномъ количествѣ три раза въ день. Графъ Іоахимъ очень практично разсуждаетъ о томъ, насколько выгодно для сельскаго хозяйства имѣть хорошаго и хорошо содержимаго работника. Такой рабочій, не находя нигдѣ лучшаго мѣста и дорожа своимъ, будетъ болѣе интенсивно работать. Затѣмъ работники и работницы, занявшись по оконча-

ніи своей службы собственнымъ хозяйствомъ, будутъ работящими и свѣдущими хозяевами, наконецъ привыкнутъ къ нѣкоторымъ удобствамъ и въ своемъ хозяйствѣ усилятъ работу для того, чтобы пользоваться тѣми же удобствами.

Однимъ словомъ, дворовая работа должна быть школой крестьянскаго хозяйства. Очевидно, съ тою же цѣлью владѣлецъ совѣтуетъ своему эконому имѣть рабочихъ подъ надзоромъ старшаго паробка. Въ воскресные дни всѣмъ полагается угощеніе. Эконому дается совѣтъ устраивать для нихъ на фольваркахъ игры. Владѣлецъ даже выражаетъ желаніе, чтобы на каждаго работника и работницу отпускалась порція пива.

Мы познакомились какъ съ тѣмъ положеніемъ, въ которое были поставлены помѣщичьи крестьяне, такъ и съ основами господскаго хозяйства. Порядокъ, установленный въ концѣ XVIII вѣка, продержался до освобожденія крестьянъ. Любопытно выяснить вопросъ, какъ смотрѣли сами помѣщики на результаты реформъ и насколько эти реформы оказались для нихъ выгодными въ хозяйственномъ отношеніи. Графъ Адамъ въ своей запискѣ констатировалъ полную успѣшность всѣхъ реформъ. Онъ указываетъ на превосходство свободнаго труда надъ принудительнымъ, высказываетъ цѣлый рядъ дѣльныхъ замѣчаній о значеніи въ хозяйствѣ улучшенныхъ способовъ земледѣлія и хозяйства, указываетъ на выгоду крестьянскаго хозяйства, сосредоточеннаго на отдѣльномъ участкѣ; наконецъ, онъ доволенъ дѣятельностью крестьянскаго самоуправленія и т. д.

Еще болѣе интересно, что доходность имѣній въ теченіе полустолѣтія быстро поднималась, несмотря на то, что въ періодъ реформъ помѣщичье хозяйство только заводилось. Такъ, имѣніе Щорсы въ концѣ XVIII вѣка приносило въ среднемъ 7,317 руб. серебромъ, Негневичи 9,000 руб., всего 16.317 руб. Въ сороковыхъ годахъ доходъ, считая по шестилѣтней сложности въ обоихъ имѣніяхъ высчитывался такъ: ежегодно чиншу съ крестьянъ получалось 13,546 руб., доходъ отъ корчемъ 6,292 р., доходъ съ пяти фольварковъ составлялъ 22,941 руб., сѣнокосы приносили 2,000 руб., всего оба имѣнія давали ежегодно 31,233 руб., т.-е. доходъ ихъ почти удвоился. Ошмянскія имѣнія передъ реформою давали 5,283 руб., въ сороковыхъ годахъ они приносили уже 17,952 руб. чистаго доходу (аренды съ крестьянскихъ земель въ томъ числѣ 7,592 руб.).

Эти цифры говорятъ сами за себя, но въ нихъ любопытно отмѣтить ту черту, что помѣщикъ, раздавъ землю въ аренду крестьянамъ при условіи совершенной отмѣны барщинныхъ работъ и разныхъ сборовъ, за одну аренду получалъ больше въ одномъ имѣніи, а въ другомъ нѣсколько меньше общаго дохода съ имѣній при барщинномъ хозяйствѣ. Но, съ другой стороны, доходъ съ крестьянской аренды имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ доходъ съ собственнаго помѣщичьяго хозяйства. Что господское хозяйство пришло въ цвѣтущее состояніе, свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что тогда десятина земли въ новогрудскихъ имѣніяхъ приносила въ годъ 12 рублей чистаго дохода. Безспорно, такой доходъ можетъ считаться вполнѣ удовлетворительнымъ.

V.

Познакомившись съ хозяйственной стороной реформы и ея послѣдствіями, мы можемъ перейти къ жизни крестьянскаго міра.

Участіе дворовой администраціи въ жизни крестьянскаго села въ первое время было значительно; во главѣ каждой группы имѣній (т.-е. Новогрудской и Ошмянской) стоялъ особый администраторъ съ полицейскою и судебною властью, дѣйствовавшій по особой инструкціи. Онъ наблюдалъ за правильностью взносовъ крестьянами государственныхъ податей и выполненіемъ ими рекрутской и другихъ государственныхъ повинностей. Ему же принадлежали слѣдствіе и судъ по проступкамъ крестьянъ, наблюденіе за поведеніемъ крестьянъ, назначеніе опеки надъ малолѣтними и даже общій санитарный надзоръ. Этотъ администраторъ выдаетъ разрѣшенія крестьянамъ на отхожіе заработки, поставляетъ наемныхъ рабочихъ во дворъ, подъ его отвѣтственностью и заботой состоитъ крестьянскій запасный хлѣбный магазинъ и крестьянская сельская касса. Въ то же время онъ долженъ заботиться и о крестьянахъ: слѣдить за тѣмъ, чтобы не пропадали ихъ заработки и т. п. Всѣ рапорты о состояніи волости, подаваемые помѣщику, идутъ отъ администратора.

Низшую ступень представляютъ окружные войты, на обязанности которыхъ, главнымъ образомъ, лежитъ общее наблю-

деніе съ такою же приблизительно компетенціею (за исключеніемъ суда) по округу, какую имѣлъ администраторъ въ волости.

Подъ общимъ наблюденіемъ помѣщичьей администраціи происходила и дѣятельность сельскаго общества. Крестьяне сами должны были заботиться объ уплатѣ государственныхъ податей. Всѣ хозяйственныя работы на крестьянскихъ арендныхъ земляхъ, наприм., расчистка канавъ на сѣнокосахъ и зарослей, производятся самими крестьянами. Постройка новыхъ гребель и мостовъ производится дворомъ совмѣстно съ крестьянами, но ремонтъ ихъ лежитъ только на крестьянахъ.

Общественныя зданія въ селахъ относятся тоже къ заботѣ исключительно самихъ крестьянъ. Кромѣ того, волость имѣетъ доктора, аптеку и богадѣльню.

Для покрытія необходимыхъ расходовъ крестьяне имѣли сельскую кассу. Сельская касса является весьма любопытнымъ учрежденіемъ. Приходъ ея составлялся изъ взносовъ на уплату подушной подати, земскихъ повинностей, изъ штрафныхъ денегъ, налагаемыхъ сельскимъ судомъ, наконецъ, изъ спеціальныхъ сборовъ на крестьянскія учрежденія и нужды. Расходныя статьи сельской кассы составляли: жалованье членамъ и протоколисту сельскаго суда, аптекарю, доктору, фельдшеру, цырюльнику; затѣмъ на сельской кассѣ лежали расходы по содержанію общественныхъ зданій, церкви, домовъ причта, запасныхъ сельскихъ магазиновъ, содержаніе больницы, покупка медикаментовъ (среди нихъ преобладали водка и піявки), наконецъ, на кассу ложились расходы по снаряженію и отправленію рекрутовъ, взятки исправнику и т. п. Подушная подать уплачивалась за всѣхъ крестьянъ кассою же, при чемъ, если въ ней недоставало необходимой суммы, то дѣлался заемъ изъ господской кассы [1]).

Несмотря на то, что дворовой администраціи предоста-

---

[1]) Вотъ, наприм., расходъ Вишневской волости: на государственныя подати—3.256 руб., 70 коп., на сдачу рекрутъ—200 руб., на содержаніе аптеки, врача, аптекаря и двухъ фельдшеровъ—355 руб., жалованье писарю при запасномъ сельскомъ магазинѣ -15 р.; выполненіе государственныхъ повинностей: содержаніе дорогъ на 231 версту, гребли на 71½ версты, мостовъ въ числѣ 116; для расплаты за эти работы деньги собирались по раскладкѣ.

влялась возможность широкаго вмѣшательства, нетрудно видѣть, что рядомъ съ нею проявлялась и дѣятельность крестьянскаго общества.

Графъ Иринсй Хрептовичъ, убѣдившись (какъ онъ самъ заявляетъ) въ нравственности своихъ „подданныхъ и въ томъ, что они стараются выплачивать и отслуживать требуемые съ нихъ подати и чинши“, рѣшилъ въ 1845 году дать имъ самостоятельный крестьянскій судъ. Этотъ образчикъ вотчиннаго законодательства весьма любопытенъ. Сельскій судъ является съ весьма широкою компетенціею и замѣняетъ собою дворовую администрацію.

Судъ складывается изъ трехъ судей, изъ которыхъ одинъ назначается дворомъ, одинъ избирается крестьянами, арендующими не менѣе пяти морговъ пахатной земли, и третій—крестьянами, имѣющими меньше пяти морговъ и безземельными. Кромѣ того, крестьяне избираютъ двухъ кандидатовъ къ судьямъ и еще двухъ запасныхъ кандидатовъ. Выборы крестьянскихъ судей производятся каждое трехлѣтіе посредствомъ закрытой баллотировки, причемъ для судей требуется не менѣе двухъ третей голосовъ, въ кандидаты и запасные зачисляются получившіе простое большинство голосовъ. Уложеніе требуетъ полнаго устраненія вліянія дворовой администраціи въ выборахъ. Для веденія протоколовъ суда назначается особый протоколистъ, владѣющій русскимъ и польскимъ языками. Для исполненія судебныхъ приговоровъ судьи ежегодно назначаютъ двухъ особыхъ слугъ. Крестьянскіе судьи получаютъ по 24 руб. въ годъ, а протоколистъ—по 15 руб. изъ крестьянской кассы, судья отъ двора получаетъ отъ него же и жалованье. Судъ засѣдаетъ въ воскресные и праздничные дни, а въ исключительныхъ случаяхъ и въ будніе. При вступленіи своемъ въ должность, судьи приносятъ присягу. Въ случаѣ доказаннаго взяточничества или какого-нибудь другого проступка со стороны судьи, дворъ можетъ назначить новые выборы.

Рѣшеніе суда составляется по большинству голосовъ. Протоколистъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ пренія. Во время совѣщаній суда никто не имѣетъ права входить въ избу, гдѣ онъ засѣдаетъ (въ томъ числѣ и администрація), дверь въ избу охраняется приставами. Всякій крестьянинъ, вызванный въ судъ приставами, обязанъ явиться въ назначенный срокъ. Вообще, уложеніе очень тщательно охраняетъ достоинство

суда, и, въ случаѣ неповиновенія ему со стороны общества, помѣщикъ угрожаетъ уничтоженіемъ самого учрежденія.

Съ устройствомъ суда никакая власть въ имѣніяхъ не имѣетъ права наказывать и судить крестьянъ, но сама должна обращаться съ жалобами въ судъ. Это касается и высшей дворовой администраціи.

Компетенція суда весьма обширна. Его вѣдѣнію подлежатъ дѣла уголовныя, гражданскія, административный надзоръ за выполненіемъ всѣхъ установленій, въ томъ числѣ и по дѣламъ, регулирующимъ отношенія между дворомъ и крестьянами. Въ области уголовныхъ проступковъ уложеніе ограничивается весьма краткими указаніями. Судъ не имѣетъ права задерживать болѣе двухъ дней подъ арестомъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ совершеніи преступленія: онъ долженъ дать имъ судъ, невиннаго освободить, а виновнаго подвергнуть наказанію.

Судъ обязанъ карать проступки противъ нравственности: распутство, неповиненіе и нѣкоторые другіе. За подобные проступки судъ присуждаетъ къ тѣлесному наказанію по своему усмотрѣнію. Уличенный въ воровствѣ наказывался возвращеніемъ уворованнаго имущества или его стоимости владѣльцу и подвергался примѣрному тѣлесному наказанію. Въ общемъ уложеніе рекомендуетъ суду крайнюю умѣренность въ опредѣленіи наказаній, сообразно проступку и положенію преступника. Вообще оно предпочитаетъ наказаніе штрафами—тѣлесному. Такъ, штрафы должны быть предпочитаемы по отношенію къ лицамъ почтеннаго возраста или къ лицамъ, впервые совершившимъ проступки, а въ особенности по отношенію къ молодежи: на нее надо воздѣйствовать морально и дать ей хорошіе совѣты; только при повтореніи проступковъ слѣдуетъ прибѣгать къ наказаніямъ. Уложеніе нигдѣ не опредѣляетъ размѣровъ ни наказаній ни штрафовъ, представляя и то и другое усмотрѣнію суда. По свидѣтельству бывшаго судьи, нынѣ уже глубокаго старика, крестьянина Анастасевича, воля графа Иринея состояла въ томъ, чтобы судъ не имѣлъ права подвергать наказанію свыше 15-ти ударовъ розгами. Судьи не смѣли записывать большого числа ударовъ въ протоколъ, хотя отъ себя,—разсказывалъ старикъ,—присутствуя при экзекуціи, судьи прибавляли еще до 15 ударовъ; это обыкновенно дѣлалось за проступки, совершенные дворовыми или

во дворѣ. Согласно тому же разсказчику, размѣръ штрафовъ никогда не былъ таксированъ.

Никакая апелляція по уголовнымъ дѣламъ не допускалась, и по окончаніи всѣхъ дѣлъ судъ тутъ же приступалъ къ экзекуціи или сбору штрафовъ.

Что касается дѣлъ гражданскаго характера, имѣющихъ содержаніемъ своимъ имущественныя отношенія, то уложеніе предвидитъ возможность апелляціи къ самому владѣльцу имѣнія только при двухъ условіяхъ: когда рѣшеніе состоялось не единогласно и притомъ сумма иска оцѣнивается не менѣе 10 руб. Этимъ общимъ постановленіемъ опредѣляются правомочія сельскаго суда по общимъ гражданскимъ дѣламъ.

Только въ отдѣлахъ семейственнаго права, наслѣдованія и опеки вотчинникъ даетъ нѣкоторыя детали въ своемъ уложеніи. Съ одной стороны, онъ стремится поддержать старый укладъ крестьянской семьи, съ другой—предоставляетъ суду регулированіе и наблюденіе за тѣми отношеніями, которыя возникали изъ арендныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику.

Такъ, вотчинникъ признаетъ отца семьи главою семьи и распорядителемъ всего семейнаго имущества. Относительно чиншевой земли власть отца семьи ограничена: онъ не можетъ раздѣлить ее между дѣтьми. Дѣти (женатые сыновья и замужнія дочери) не имѣютъ права при жизни отца требовать раздѣла; они пользуются, однако, содержаніемъ въ семьѣ, если работаютъ вмѣстѣ, или отдаютъ въ семейную кассу свои заработки. Если сынъ пожелаетъ образовать собственное хозяйство, онъ ничѣмъ при отходѣ не пользуется изъ имущества. Однако, не только дѣти не могутъ требовать раздѣла, но и отцу запрещается выдѣлять сыновей при своей жизни, или пока отецъ самъ ведетъ хозяйство. Это доказывается той статьей уложенія, которая допускаетъ въ одномъ только случаѣ выдѣлъ главой семьи взрослаго члена ея: если на одномъ хозяйствѣ живутъ съ отцомъ три семьи его сыновей и для нихъ нѣтъ мѣста въ одной избѣ.

Весьма понятно стремленіе вотчинника арендуемой крестьянами земли урегулировать вопросъ о семейныхъ раздѣлахъ. Справедливость, однако, требуетъ отмѣтить, что во всѣхъ этихъ статьяхъ сказывается не столько забота о правильности поступленія чиншевой платы, сколько желаніе обезпечить крестьянскую семью.

То же сказывается въ вопросахъ, касающихся наслѣдованія и опеки. Такъ, вотчинникъ устанавливаетъ майоратъ: къ старшему сыну переходитъ арендный участокъ земли (поле и огородъ), усадьба, а изъ хлѣбовъ—сѣмена, дающія возможность засѣять такую часть поля, которая можетъ прокормить семью въ теченіе полугода, навозъ, достаточный для унавоженія четвертой части поля, земледѣльческія орудія и упряжь. Все остальное имущество (значитъ и скотъ) подлежитъ раздѣлу. Если старшій сынъ не способенъ вести хозяйство, имущество отца переходитъ къ слѣдующему брату. Въ случаѣ отсутствія сыновей, земля переходитъ къ старшей дочери и ея мужу-примаку. Возможенъ выдѣлъ сына-наслѣдника при жизни престарѣлаго отца. Вообще престарѣлые родители, сами не занимающіеся хозяйствомъ, могутъ жить у старшаго изъ сыновей, получившаго отъ нихъ хозяйство, и должны отъ него получать содержаніе, даже если бы они не жили у старшаго.

Въ постановленіяхъ объ опекѣ надъ малолѣтними, уложеніе передаетъ опеку ближайшему родственнику малолѣтнихъ; когда старшій изъ опекаемыхъ мужского пола достигаетъ 18 лѣтъ, опека надъ нимъ прекращается и на него же возлагаются обязанности опекуна надъ младшими братьями и сестрами. Доходъ съ опекаемаго имущества идетъ въ пользу опекуна, но онъ обязанъ кормить сиротъ и отвѣчать своимъ имуществомъ за неисправный взносъ чинша съ опекаемой земли.

Такова область гражданскихъ правоотношеній, охватывавшихся уложеніемъ. Судъ обязанъ примѣнять эти нормы на практикѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что составителя уложенія нельзя обвинить въ излишнемъ схематизмѣ. Устанавливаемыя имъ нормы или повторяютъ собой обычно-правовой взглядъ крестьянской массы или, по крайней мѣрѣ, не вводятъ взглядовъ, слишкомъ противоположныхъ крестьянству. Можно сказать, что уложеніе въ общемъ стоитъ на точкѣ зрѣнія консервативной части деревни—эта тенденція сказывается въ вопросахъ о раздѣлахъ, наслѣдованіи дочери съ ея мужемъ, при отсутствіи сыновей, во взглядѣ на опеку и пр. Единственно, что рѣзко отличалось отъ нормъ обычнаго права—это институтъ майората.

Выше нами разсмотрѣна компетенція сельскаго суда въ области уголовнаго и гражданскаго права. Намъ остается еще

разсмотрѣть компстенцію сельскаго суда въ области администраціи. Въ данномъ отношеніи судъ обладалъ обширными полномочіями, замѣняя собою вотчинную администрацію и являясь посредникомъ между сельскимъ обществомъ и панскимъ дворомъ. Прежде всего на сельскій судъ возлагается наблюденіе за исполненіемъ крестьянами государственныхъ повинностей и за уплатою податей. Такъ, при отбываніи крестьянами самой важной изъ повинностей—рекрутской, практиковался такой порядокъ: судъ призывалъ всю сельскую молодежь сообразно особымъ спискамъ, составляемымъ на этотъ счетъ, и опредѣлялъ годныхъ къ военной службѣ—ихъ ростъ и здоровье, согласно заключенію фельдшера. Имена подлежащихъ сдачѣ хранятся въ секретѣ до самаго момента сдачи рекрутъ, когда снова призывается вся молодежь и тутъ уже объявляютъ имена забранныхъ, снабжаютъ ихъ деньгами изъ сельской кассы и хлѣбомъ изъ сельскаго магазина и отправляютъ подъ надлежащимъ присмотромъ въ рекрутское присутствіе.

Сельскій судъ, далѣе, наблюдаетъ за аккуратнымъ взиманіемъ съ крестьянъ хлѣба, поступающаго въ сельскій запасный магазинъ. Онъ же слѣдитъ за тѣмъ, чтобы крестьяне не уклонялись отъ взноса подушной подати, а сборщики, чтобы не чинили притѣсненій. Раскладка подати производилась дворомъ.

Такимъ образомъ, по отношенію къ государственнымъ податямъ и повинностямъ сельскій судъ замѣнялъ собою вотчиннаго приказчика.

Нельзя также не обратить вниманія на значительное улучшеніе въ дѣлѣ взиманія податей и при выполненіи рекрутской повинности: дворъ производитъ раскладку податей, т.-е. превращаетъ подушную въ поземельную или поимущественную (подробностей мы не знаемъ), а сельскій судъ производитъ наборъ рекрутъ.

Въ такомъ же положеніи частью контрольнаго, частью исполнительнаго органа сельскій судъ оказывается и въ отношеніяхъ двора къ сельскому обществу. Такъ, судъ обязанъ подыскивать рабочихъ для сплава господскихъ товаровъ въ Кенигсбергъ, а также мастеровыхъ для постройки рѣчныхъ судовъ. Такъ какъ эти работы, по уложенію графа Иринея Хрептовича, оплачивались дворомъ лишь половинной платой сравнительно съ рыночными цѣнами на рабочія руки, то сплавъ

и работа на судахъ были для крестьянъ повинностью. Съ другой стороны, на обязанности суда лежало распредѣленіе среди крестьянъ и другихъ работъ для двора: хотя и эти работы оплачивались дворомъ (и, вѣроятно, эта оплата считалась нормальною), но такъ какъ выходъ на работу могъ быть и принудительнымъ, то на обязанности суда лежало наблюденіе, чтобы не одни бѣдные крестьяне выходили на господскую работу, но и зажиточные. Значеніе этого постановленія сводится, очевидно, къ тому, чтобы маломочные крестьяне имѣли бы достаточно рабочаго времени на свою собственную работу или для постороннихъ заработковъ, и, слѣдовательно, при добромъ желаніи, могли бы выйти изъ своего захудалаго положенія.

Въ данномъ случаѣ судъ слѣдитъ за выполненіемъ крестьянами ихъ вотчинной повинности.

Наконецъ, онъ же слѣдитъ за тѣмъ, чтобы крестьяне выполняли предписанія вотчинника относительно условій пользованія землею, т.-е. чтобы крестьяне самовольно не передавали другъ другу арендуемыхъ ими участковъ въ промежуткахъ пятилѣтнихъ сроковъ аренды, не дѣлились бы и пр.

По отношенію къ сельскому обществу сельскій судъ обладаетъ нѣкоторыми полицейскими функціями, или является отчасти патрономъ его. Такъ, судъ долженъ принимать участіе въ установкѣ цѣнъ на рабочія руки, когда въ село является сторонній наниматель. Судъ наблюдаетъ за способами обработки крестьянами ихъ земли, указывая на возможныя улучшенія. Судъ наблюдаетъ, чтобы младшіе выказывали почтеніе старшимъ.

Судъ несетъ еще и обязанность наблюдать за прививкою оспы и за тѣмъ, чтобы больные были отправляемы въ сельскую больницу. Наконецъ, судъ присутствуетъ при описи имущества малолѣтнихъ сиротъ.

Мы очертили функціи сельскаго суда, какъ онѣ опредѣлены уложеніемъ графа И. Хрептовича. Уложеніе относится съ большимъ сочувствіемъ къ крестьянамъ, а устанавливаемыя нормы не являются нововведеніемъ, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуютъ обычно-правовымъ взглядамъ. Этими сторонами уложеніе гр. И. Хрептовича выгодно отличается отъ великорусскихъ, наприм., отъ уложенія гр. П. Румянцева и др., въ которыхъ недовѣріе къ крестьянской средѣ является основной чертой.

Вообще разсмотрѣнная нами законодательная и хозяйственная работа трехъ поколѣній крѣпостныхъ помѣщиковъ представляетъ собою любопытнѣйшую картину изъ исторіи крѣпостного права. Эта реформа началась въ періодъ наивысшаго развитія крестьянскаго вопроса въ Польшѣ. Владѣлецъ сразу поставилъ ее,—по тогдашнимъ взглядамъ и условіямъ,—на здоровую почву. Тогда какъ другія реформы того же времени были, повидимому, эфемерны, въ имѣніяхъ Хрептовичей реформа окрѣпла и принесла результаты, свидѣтельствующіе о превосходствѣ веденія хозяйства съ свободнымъ трудомъ.

За недостаткомъ матеріала мы вообще очень мало знаемъ внутреннюю сторону крѣпостной эпохи. Правильное изученіе ея можетъ пойти вѣрнымъ путемъ только тогда, когда будетъ побольше обслѣдована документальнымъ образомъ исторія отдѣльныхъ имѣній: тогда только передъ нами въ настоящемъ свѣтѣ предстанутъ и ужасы крѣпостной эпохи и немногочисленныя попытки улучшить положеніе крестьянъ. Но для такихъ изслѣдованій необходимо сохраненіе владѣльческихъ экономическихъ архивовъ. Пишущій эти строки знаетъ объ очень и очень многихъ истребленныхъ помѣщичьихъ архивахъ, такъ какъ владѣльцы не придаютъ никакого значенія имъ. Объ этой потерѣ слѣдуетъ весьма пожалѣть. Желательно, чтобы на оставшіеся архивы было обращено вниманіе, пока еще не поздно.

Историческій процессъ русскаго народа въ русской исторіографіи *).

Одинъ византійскій писатель IV вѣка, Григорій Назіанзенъ, очень живо характеризуетъ византійское общество своего времени, поглощенное религіозными спорами: „Если ты придешь къ мѣнялѣ размѣнять серебряную монету, то онъ не пропуститъ случая объяснить тебѣ, чѣмъ въ Троицѣ Отецъ отличается отъ Сына; если ты у булочника спросишь, что стоитъ фунтъ хлѣба, онъ тебѣ отвѣтитъ, что Сынъ стоитъ ниже Отца; а на вопросъ, испеченъ ли хлѣбъ, отвѣтитъ, что Сынъ сотворенъ изъ ничего“.

Такъ горячо византійцы интересовались вопросами о вѣрѣ.

Въ исторической наукѣ нашего времени замѣтно такое же оживленіе въ вопросахъ, касающихся вѣры въ историческую науку: разъ поднятъ вопросъ о пересмотрѣ историческаго міросозерцанія, то, естественно, каждый занимающійся или интересующійся исторіей долженъ разобраться въ томъ, что составляетъ сущность историческаго процесса.

Но каковы бы ни были наши теоретическія воззрѣнія, необходимо прежде всего обратиться къ наличному литературному обороту науки. Вѣдь идейное и фактическое содержаніе научныхъ знаній накопляется вѣками. Наука русской исторіи можетъ считать по крайней мѣрѣ полтораста лѣтъ своего существованія—со временъ В. Н. Татищева. Какъ ни разнообразенъ былъ трудъ, положенный въ ея созданіе, все же можно

*) Вступительная лекція, прочитанная авторомъ въ Кіевскомъ университетѣ 10 сентября 1901 года при началѣ общаго курса русской исторіи.

прослѣдить извѣстное господствующее въ данное время направленіе, можно указать объединяющую и руководящую работами идею. Поэтому, когда идетъ обостренный теоретическій споръ о выработкѣ историческаго міросозерцанія, то мнѣ кажется наиболѣе умѣстнымъ обратиться къ исторической наукѣ съ вопросомъ о выработанномъ ею идейномъ содержаніи, о ея вѣрѣ въ историческій процессъ. Я и хочу коснуться этого предмета.

Думается, что въ русской исторической наукѣ можно намѣтить два крупныхъ періода ея развитія: первый періодъ охватываетъ собою XVIII в. и въ XIX в. кончается Карамзинымъ; второй начинается Соловьевымъ. Въ первый періодъ воззрѣнія на задачи историческаго изученія характеризуются господствомъ этико-националистическихъ взглядовъ. Исторія—поучительная книга для современности. Такъ думалъ Татищевъ. Къ этому опредѣленію Ломоносовъ еще прибавлялъ: исторія—„смертный трудъ", созидаетъ народамъ и лицамъ „похвальныхъ дѣлъ достойную славу".

Таковы были взгляды Ломоносова на задачи исторической науки. Правда, писатели Екатерининскаго времени—князь М. М. Щербатовъ и Болтинъ уже нѣсколько выше смотрятъ на задачи исторіи: они стараются установить причинность историческихъ событій; но это еще весьма примитивный прагматизмъ. Такъ кн. Щербатовъ ищетъ причину каждаго даннаго событія въ ближайшемъ къ нему по времени, т.-е. чисто-внѣшнимъ образомъ старается связать одинъ фактъ съ другимъ. При всемъ томъ исторія Щербатова проникнута сентенціями нравственнаго и философскаго характера.

Этико-націоналистическій періодъ русской исторіографіи блестящимъ образомъ завершенъ Карамзинымъ, создавшимъ, по мѣткому выраженію Соловьева, „величественную поэму". Но авторъ „Бѣдной Лизы" остался вѣренъ себѣ и въ исторіи: на Исторіи Государства Россійскаго Карамзина отразилась мистическая сентиментальность эпохи; на исторію онъ смотритъ съ точки зрѣнія современности, онъ видитъ въ исторіи матеріалъ пригодный для поученія, для развитія національной гордости и любви къ отечеству,—въ то же время въ историкѣ сказывается романистъ: изложеніе событій часто принимаетъ форму мелодрамы.

Карамзинъ закончилъ свою литературно-научную дѣятель-

ность какъ разъ въ такой моментъ, когда вложенная имъ въ историческій процессъ идея отживала свой вѣкъ. Поэтому послѣ краткаго періода колебаній, отмѣченнаго дѣятельностью Полевого, появляется новое теченіе въ русской исторической мысли, которому наша наука обязана широкимъ и плодотворнымъ развитіемъ. Это была юридическая школа въ русской исторіографіи, родоначальниками которой являются С. М. Соловьевъ, К. Д. Кавелинъ и Б. Н. Чичеринъ.

Возникновеніе новаго направленія находится въ непосредственной зависимости отъ философскаго движенія 20-хъ и 30-хъ годовъ на Западѣ.

XVIII вѣкъ, вѣкъ просвѣщенія, выдвинулъ въ области политической жизни космополитизмъ и естественное право; въ области философіи онъ закрѣпилъ господство человѣческаго разума. Съ паденіемъ французскаго главенства, просвѣтительныя идеи стали терять свое прежнее довѣріе. Реакція пытается выдвинуть новыя всеобъемлющія идеи. Господство разума и естественнаго права смѣняется необыкновеннымъ расцвѣтомъ католицизма и въ особенности мистическихъ ученій. Взамѣнъ космополитизма растетъ новая національная идея. Послѣдняя удовлетворяла какъ темныхъ представителей реакціи, такъ и людей либеральнаго направленія. Для такихъ представителей реакціи, какъ Галлеръ, Жозефъ де-Местръ и друг., программа настоящаго и будущаго представлялась ясной. Но мысль либеральнаго направленія не могла удовлетвориться церковно-полицейскими предписаніями и искала выхода. Новыя идеи стали зарождаться въ Германіи. Фихте изъ философа превратился въ народнаго трибуна. Въ періодъ броженія мысли, раскола ея, отсутствія въ ней единства явилась философская система, которая оказалась способной объединить европейскую мысль.

Трудно представить другую философскую систему, которая такъ удовлетворительно рѣшала бы назрѣвшіе вопросы современности, такъ искусно сплетала бы прошлое съ настоящимъ, какъ система Гегеля: въ Гегелѣ воплотился самъ абсолютный духъ вѣка, познавшій самого себя. Общество того времени, воспитанное въ преданіяхъ XVIII в., привыкло мыслить въ одномъ направленіи: Гегель далъ систему, удовлетворившую этой потребности. Въ пріемахъ мышленія того времени сохранилось еще много схоластическихъ переживаній: Гегель является величайшимъ схоластикомъ XIX в. Культурное

общество привыкло считать себя единымъ и высоко ставило разумъ: Гегель объединилъ человѣчество, сдѣлавъ его вмѣстилищемъ единаго абсолютнаго духа, давъ, однако, въ своей системѣ мѣсто отдѣльнымъ народностямъ, и въ самомъ духѣ превознесъ человѣческій разумъ. Поэтическія наклонности современнаго общества удовлетворены вполнѣ Гегелемъ: по способу изложенія—это поэтъ. Этимъ удивительнымъ совпаденіемъ философіи Гегеля съ общественнымъ настроеніемъ объясняется ея огромное вліяніе, хотя его система и не вполнѣ оригинальна: въ числѣ предшественниковъ Гегеля мы видимъ Фихте и др. Гегель, характеризуя философію Фихте, какъ мнѣ кажется, опредѣлилъ и соотношеніе своей системы къ ученіямъ просвѣтительнаго вѣка: по словамъ Гегеля, Фихте воздвигалъ „чистое я на развалинахъ матеріальнаго тѣла, свѣтилъ небесныхъ и тысячи тысячъ міровъ".

Лишенная философскихъ драпировокъ, историческая система Гегеля довольно проста. Основнымъ моментомъ его философіи является понятіе объ абсолютномъ духѣ. Абсолютный духъ—это самъ міровой разумъ. Человѣчество служитъ вмѣстилищемъ абсолютнаго духа. Воплощаясь то въ одномъ, то въ другомъ народѣ, духъ постепенно развивается въ своемъ стремленіи познать самого себя, освободиться отъ матеріальныхъ опредѣленій. Такъ онъ переходитъ отъ бытія внѣ себя—Fürsichsein, къ бытію въ себѣ—Insichsein. Торжество духа—конечная цѣль прогресса; дальше идти некуда. Всякое данное состояніе культуры, т.-е. философіи, права, религіи, морали, есть извѣстная стадія въ развитіи духа. Однако, абсолютный духъ проявляется какъ не во всякомъ народѣ, такъ и не во всякомъ индивидуумѣ. Поэтому, народы дѣлятся на историческіе (персы, греко-римляне, германцы) и неисторическіе (китайцы, славяне). Для развитія духа необходимы нѣкоторыя условія, коренящіяся въ природѣ страны и племени. Развиваясь, духъ дѣтство провелъ въ Персіи, юность въ Греціи, возмужалъ въ Римѣ и состарился въ лонѣ романо-германцевъ. Здѣсь онъ нашелъ примиреніе и высшее выраженіе, дальше котораго идти некуда. Народы, которыхъ покинулъ абсолютный духъ, сходятъ съ исторической сцены, умираютъ. Это красивое поэтическое описаніе шествія и воплощенія абсолютнаго духа, по теоріи Гегеля, соотвѣтствуетъ росту человѣческой культуры.

Изъ этой схемы Гегеля логически вытекаютъ основныя задачи въ изученіи исторіи. Исторія интересна постольку, поскольку въ ней проявился или проявляется абсолютный духъ; слѣдовательно, изученію подлежитъ только идейное содержаніе общества, матеріальнымъ факторамъ въ наукѣ нѣтъ мѣста. Каждый данный моментъ есть извѣстная стадія въ развитіи духа,—отсюда знаменитый тезисъ Гегеля: „все существующее разумно и все разумное существуетъ". Въ отдѣльныхъ людяхъ духъ находится въ разсѣяніи, въ государствѣ онъ возвращается къ своему единству. Поэтому Гегель высоко ставилъ государство, въ которомъ саморазвивающійся духъ способенъ наилучше проявиться: „Государство есть дѣйствительность нравственной идеи—проявившійся духъ, самъ для себя ясная субстанціальная воля". Слѣдовательно, государство есть продуктъ народнаго самопознанія. Но замѣтьте, что государство, какъ всякое правовое понятіе, по Гегелю, есть то, какъ оно можетъ быть познано, но не то, какимъ оно должно быть. Значитъ, всякое государство, власть—хороши, разъ онѣ существуютъ.

Понятіе о государствѣ и правѣ—кардинальный пунктъ гегелевской философіи исторіи. Онъ ведетъ къ тому, что историкъ долженъ на первый планъ ставить изученіе государственной власти, вообще—права. Далѣе, такъ какъ у власти, вообще наверху общества, стоятъ крупныя, историческія личности, то степень развитія духа выражается въ нихъ. Ахиллесъ, Александръ Македонскій, Аристотель, Цезарь, Наполеонъ—вотъ объекты историческаго изученія, на которыхъ съ любовью останавливается самъ Гегель. Народная масса его не интересуетъ.

Но является вопросъ: что побуждаетъ абсолютный духъ двигаться на пути къ самопознанію? Діалектическій процессъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Гегель очень тонко подмѣтилъ важное свойство человѣческой логики: высказанное предположеніе (тезисъ) вызываетъ въ нашемъ умѣ противуположеніе (антитезисъ); изъ этого вытекаетъ логически вѣрный выводъ (синтезъ). Въ исторіи этотъ процессъ безконечно повторяется: деспотизмъ порождаетъ свободу, религіозная нетерпимость—свободу вѣры и т. д. Такимъ образомъ, человѣчество безпрерывно совершаетъ логическій кругъ.

Итакъ, философія Гегеля указала исторической наукѣ

основную задачу въ изученіи, направивъ его на изслѣдованіе идейнаго содержанія общества вообще и на изученіе права въ особенности. Она узаконила и даже культивировала роль личности въ исторіи. Она дала методъ изслѣдованія въ формѣ діалектическаго процесса. Наконецъ, та же философія указала единое движущее начало въ исторіи, объяснила, что исторія не есть случайное сцѣпленіе обстоятельствъ, а развитіе народнаго организма, совершающееся по опредѣленнымъ законамъ. Мало того, Гегель обстоятельно развилъ ту важную мысль, что всѣ народы имѣютъ общую природу и что задачей философіи исторіи является изслѣдованіе этой общей природы человѣчества.

Всѣ эти выводы были крупнымъ пріобрѣтеніемъ науки, и односторонность ихъ не скоро была подмѣчена. Въ самомъ дѣлѣ,— въ понятіи философіи исторіи, какъ оно опредѣлено Гегелемъ, есть много возвышеннаго и привлекательнаго: цѣлью народной жизни является развитіе высшихъ идей. Общество разсматривается, какъ вмѣстилище абсолютнаго духа, и задача историка сводится къ тому, чтобы прослѣдить ступени развитія этихъ высшихъ началъ человѣческой жизни.

Гегелевская философія получила въ исторической литературѣ широкое примѣненіе и вліяніе, и значеніе ея установилось тѣмъ болѣе прочно, что родившаяся одновременно историческая школа права ввела, въ лицѣ Савиньи, гегеліанскіе принципы въ правовѣдѣніе. Значеніе въ исторіи идейныхъ факторовъ сдѣлалось надолго главенствующимъ, и историкъ великой французской революціи Луи Бланъ вѣрно отразилъ характеръ историческаго міросозерцанія эпохи, заявивъ, что „исторія дѣлается книгами“.

Основа русской исторической науки обязана гегеліанскимъ идеямъ.

Расцвѣтъ гегеліанскихъ идей на Западѣ совпалъ съ весьма важнымъ моментомъ въ настроеніи русскаго общества. Первые либеральные годы правленія императора Александра I способствовали тому, что русское общество стало критически относиться къ тогдашнему порядку вещей: отъ лучшихъ представителей общества не могли скрыться наболѣвшія раны русской дѣйствительности, наприм., крѣпостное право, отсутствіе правосудія и пр. Двѣнадцатый годъ способствовалъ необычайному подъему національнаго духа. Однако побѣдители На-

полеона, успѣвшіе основательно ознакомиться съ западной цивилизаціей, встрѣтились на родинѣ съ инымъ порядкомъ вещей. Все это способствовало быстрой переработкѣ стараго міросозерцанія. Напомаженный пейзанъ, которому усердно служила муза трезваго крѣпостника Карамзина, смѣнился въ представленіяхъ русскаго общества настоящимъ русскимъ мужикомъ—въ смазныхъ сапогахъ, съ корявыми руками. Недалекому будущему предстояло только сдѣлать открытіе, что у этого мужика—пустое брюхо. Политическіе запросы становились выше. Національное славословіе, выразительнымъ пѣвцомъ котораго былъ Карамзинъ, смѣняется болѣе развитымъ народнымъ самосознаніемъ. Въ устахъ кн. Одоевскаго не было пустымъ звукомъ восклицаніе: „Девятнадцатый вѣкъ принадлежитъ Россіи!“ Народное самосознаніе, политическіе запросы волновали общество. Во взглядахъ общества произошелъ глубокій переворотъ. Между тѣмъ политическая мысль послѣ 14 декабря 1825 г. оказалась сильно стѣсненной. Оставался одинъ выходъ—область отвлеченныхъ идей, и на смѣну шеллингіанства является гегеліанство. Русскіе послѣдователи Гегеля съ особеннымъ усердіемъ подчеркивали его ученіе о свободѣ абсолютнаго духа.

Гегель обращалъ мысль къ изученію прошлаго. Въ приложеніи къ Россіи это обстоятельство имѣло послѣдствія двоякаго рода: одни изучали прошлое, и гегелевская теорія давала имъ увѣренность въ томъ, что абсолютный духъ въ своемъ стремленіи къ самопознанію, непреложно ведетъ къ свободѣ; другіе въ прошломъ увидѣли осуществленіе своихъ политическихъ идеаловъ, близость власти къ народу, „народосовѣтіе“, какъ выражался Щаповъ. Такъ политическіе идеалы переплетались съ научно-философскими воззрѣніями на исторію.

Среди такого настроенія общества въ русской исторіографіи зародились двѣ школы, которыя надолго опредѣлили дальнѣйшій ходъ русской исторической мысли. Съ одной стороны возникала юридическая школа во главѣ съ Соловьевымъ, Кавелинымъ, Чичеринымъ, съ другой стороны возникло славянофильское движеніе. Оба направленія находятся въ непосредственной связи съ гегеліанскимъ ученіемъ.

Наиболѣе непосредственно отразилось гегеліанское ученіе въ трудахъ самаго даровитаго и пользовавшагося наибольшимъ вліяніемъ, какъ лекторъ, изъ родоначальниковъ юриди-

ческой школы—Кавелина. Его сочиненіе „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“ появилось въ одинъ годъ съ книгой Соловьева „Исторія отношеній между князьями Рюрикова дома“ (1847 г.). Оба сочиненія выдвигали одинъ и тотъ же вопросъ и рѣшали его одинаковымъ способомъ.

Кавелинъ исходитъ изъ общаго убѣжденія въ томъ, что русская исторія „представляетъ постепенное измѣненіе формъ, а не повтореніе ихъ; слѣдовательно, въ ней было развитіе“. Въ чемъ заключается это развитіе, наука еще не опредѣлила. Чтобы понять „тайный смыслъ нашей исторіи“, необходимы взглядъ, теорія, т.-е. иными словами, нужно исходить изъ общихъ представленій объ историческомъ процессѣ. Теорія должна „представить русскую исторію, какъ развивающійся организмъ, живое цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, одними началами“.

Въ древне-русской исторіи изслѣдователь отмѣчаетъ постепенный переходъ отъ небытія къ бытію. Она начинается эпохой родового быта. Въ доисторической пустотѣ древне-русской исторіи Кавелинъ свободно рисуетъ идиллическую обстановку господства родовыхъ отношеній, а затѣмъ слѣдитъ за остатками ихъ въ княжескомъ и частномъ быту. Но кровный родъ съ его общею собственностью заключаетъ въ себѣ отрицательныя начала развитія: въ немъ нѣтъ мѣста личности. Общій историческій законъ заключается въ безусловномъ признаніи личности: „личность, сознающая сама по себѣ безконечное безусловное достоинство,—есть необходимое условіе всякаго духовнаго развитія“.

Дѣйствуютъ не народныя массы—ихъ дѣйствіе только кажущееся, а мыслящія единицы. Но въ чемъ состоитъ конечная цѣль развитія? Въ глубокомъ внутреннемъ примиреніи личности,—отвѣчаетъ Кавелинъ. Отсюда становится понятной схема объясненія русской исторіи: она начинается родовымъ бытомъ, не допускающимъ развитія личности. Слѣдовательно, степени развитія личности и совпадающія съ ними степени упадка родового быта опредѣляютъ періоды и эпохи русской исторіи. При такихъ условіяхъ исторія является единымъ и строго органическимъ процессомъ развитія, на который не могутъ вліять никакія матеріальныя или внѣшнія условія. Поэтому даже перенесеніе жизненнаго центра въ Суздаль, играющее роль крупнаго историческаго фактора у Соловьева, не

имѣетъ вліянія на развитіе русскаго процесса у Кавелина. Процессъ совершается черезъ отрицаніе (гегелевскій терминъ) всѣхъ факторовъ, которые враждебны эмансипаціи личности: родовое начало съ его общимъ владѣніемъ смѣняется семьею съ частной собственностью; личность объединяется въ государствѣ, какъ цѣль, къ которой она можетъ совершить свое поступательное движеніе. Смыслъ этого историческаго движенія заключается въ томъ, что каждый данный моментъ народнаго развитія есть шагъ къ послѣдующему: существующее хорошее идетъ еще къ лучшему. Изъ этой схемы становится понятнымъ и опредѣленіе, даваемое исторіи Кавелинымъ: исторія „дѣлается источникомъ и зеркаломъ народнаго самосознанія".

Таковъ конечный выводъ исторической философіи Кавелина.

Ея связь съ философіей Гегеля совершенно ясна: центральное значеніе въ историческомъ процессѣ занимаетъ личность, стремящаяся къ глубокому внутреннему примиренію, которое зарождается въ самопознаніи.

Процессъ отъ бытія внѣ себя къ бытію въ себѣ совершается органически по единому началу, обусловленному діалектическимъ процессомъ.

Не говоря о томъ, что схема Кавелина недостаточно исторична, такъ какъ нѣкоторыя звенья ея нарушаютъ фактическую основу,—философія Кавелина выхватываетъ историческій процессъ изъ пространства и времени и сводитъ его къ философско-правовой формулѣ.

Соловьевъ шире ставитъ формулу историческаго процесса, хотя и исходитъ изъ той же гегельянской основы.

Самъ Соловьевъ называетъ свое направленіе историческимъ, а свое представленіе объ историческомъ процессѣ—органическимъ. Но намъ кажется, что вѣрнѣе называть школу Соловьева, Чичерина, Кавелина юридической, согласно основнымъ задачамъ, которыя ставила себѣ эта школа по вопросамъ, ею разработаннымъ.

Для Соловьева—„исторія есть наука народнаго самопознанія". Почему самопознаніе можетъ наполнить собою историческое міросозерцаніе? „Самопознаніе,—говоритъ Соловьевъ,—есть вѣнецъ знанія".

Отсюда уже понятно, что идеологическіе факторы въ

схемѣ Соловьева являются цѣлью историческаго знанія и движущей силой прогресса.

Для Соловьева народъ есть извѣстный организмъ, подобно другимъ животнымъ организмамъ. Поэтому на развитіе народа оказываютъ вліяніе тѣ же факторы, что и на развитіе другихъ организмовъ. Поэтому Соловьевъ въ числѣ историческихъ факторовъ ставилъ прежде всего племенныя особенности, такъ какъ въ племени отражается вся сумма интеллектуальнаго развитія народа; затѣмъ, природу страны и, наконецъ, нѣкоторыя другія условія, напр., переселенія, которымъ Соловьевъ придавалъ большое значеніе. Такимъ образомъ, къ основной цѣли—самопознанію ведетъ не единое начало, субстанція народа, какъ у Кавелина, а цѣлый рядъ побочныхъ факторовъ, уяснить важное значеніе коихъ составляетъ задачу историка.

Прогрессъ народа, какъ и развитіе животнаго или растительнаго организма, заключается въ непрерывномъ движеніи отъ единаго къ многому, въ „членораздѣленіи“, но раздѣляющіяся части находятся при движеніи въ единеніи: „движеніе, жизнь, прогрессъ условливаются соединеніемъ“. Это общій законъ развитія всѣхъ организмовъ. Если на этомъ положеніи замѣтны уже слѣды эволюціонной теоріи (цитируемая ст. „Прогрессъ и религія“ появилась въ 1868 г.), то въ опредѣленіи цѣли и слѣдствій историческаго движенія Соловьевъ остается чистымъ гегельянцемъ. Цѣль развитія—народное самопознаніе. Человѣчество движется по единому и неизмѣнному закону развитія, и для всѣхъ народовъ, единообразно слѣдствіе прогресса: „исторія показываетъ намъ, что все органическое, къ которому принадлежатъ народы и цѣлое человѣчество, проходитъ одинаково черезъ извѣстныя видоизмѣненія бытія, р о д и т с я, р а с т е т ъ, д р я х л ѣ е т ъ и у м и р а е т ъ“.

Разъ историческій процессъ есть развитіе самопознающаго интеллекта, то задача историка сводится къ тому, чтобы фиксировать моменты интеллектуальнаго роста и его соотношенія съ формами, въ которыхъ интеллектъ наилучшимъ образомъ отражается, т.-е. съ правомъ и государствомъ. Отсюда вытекаютъ два важныхъ вывода: историкъ долженъ слѣдить за верхами общества, такъ какъ они являются рельефными показателями даннаго состоянія культуры, носителями идей. Народная масса не интересна для историка. Важно только вы-

яснить соотношеніе правительства и народа. Изучать правительство надо потому, что на немъ отражается народное самосознаніе: каково правительство, таковъ и народъ—ни лучше, ни хуже. „Правительство, какая бы ни была его форма, представляетъ свой народъ, въ немъ народъ олицетворяется; поэтому оно было, есть и будетъ всегда на первомъ планѣ для историка".

Отсюда понятна тѣсная, неразрывная связь народа и государства: государство—форма, народъ—содержаніе. Народъ и государство нельзя развести, потому что государство есть необходимая форма для народа, „который немыслимъ безъ государства". „Что такое племя, что такое народъ безъ государства?—говоритъ Соловьевъ въ рѣчи на Карамзинскомъ юбилеѣ,—матеріалъ нестройный, безформенный; только въ государствѣ народъ заявляетъ свое историческое существованіе, свою способность къ исторической жизни".

Въ правительственномъ механизмѣ дѣйствуетъ то, что движется въ исторіи,—личности, отражающія, слѣдовательно, въ себѣ идейное содержаніе общества. „Исторія имѣетъ дѣло только съ тѣмъ,—говоритъ Соловьевъ,—что движется, видно, дѣйствуетъ, заявляетъ о себѣ и потому для исторіи нѣтъ возможности имѣть дѣло съ народными массами,—она имѣетъ дѣло только съ представителями народа, въ какой бы формѣ ни выражалось это правительство".

Поэтому на первомъ планѣ въ исторіи должны выступать вожди партій,—министры, ораторы, монархи и пр.

Неудивительно поэтому, что историкъ земледѣльческой Россіи, въ пылу полемики, бросилъ горькую характеристику по адресу земледѣльческихъ классовъ: эти классы обнаруживаютъ „безсиліе смысла", отличаются рутинностью, неспособны къ нововведеніямъ.

Свои теоретическіе взгляды Соловьевъ развивалъ въ отдѣльныхъ статьяхъ и закрѣпилъ ихъ въ величественномъ памятникѣ научной работы—Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Общая задача Соловьева сводилась къ выясненію перехода отъ состоянія неисторическаго, т.-е. родового быта (мы уже знаемъ изъ изложенія теоріи Кавелина, почему этотъ бытъ считался неспособнымъ къ дальнѣйшему развитію) къ государственному началу (промежуточныхъ звеньевъ между родомъ и государствомъ у Соловьева не суще-

ствуетъ), т.-е. къ такому, въ которомъ народъ способенъ органически развиваться и переходить въ самопознающую субстанцію. Все, что исходитъ отъ государства, хорошо и разумно; все, что исходитъ изъ народной массы, является противогосударственнымъ. Русскій историческій процессъ развивается подъ дѣйствіемъ борьбы государственныхъ, т.-е. разумныхъ началъ, съ антигосударственными, которыя тормозятъ развитіе.

Такова историческая схема Соловьева, вліяніе которой имѣло столь важныя послѣдствія въ русской исторической наукѣ. Мнѣ кажется, что В. И. Герье, большой поклонникъ Соловьева, очень мѣтко охватилъ міросозерцаніе великаго историка въ слѣдующихъ словахъ: „Глубоко въ его натурѣ коренились три великіе инстинкта русскаго народа, безъ которыхъ этотъ народъ не имѣлъ бы исторіи его политическіе, религіозные и культурные инстинкты, выражавшіеся въ его преданности государству, въ его привязанности къ церкви и въ его потребности просвѣщенія". Въ самомъ дѣлѣ, это удачно сказано: Соловьевъ именно чутко слѣдитъ за развитіемъ государства, церкви и просвѣщенія. Но въ его исторіи постоянно чувствуется одинъ недостатокъ: Соловьевъ забываетъ, что изучаемый имъ народъ не только строилъ государство, церковь, велъ борьбу за просвѣщеніе, но и выносилъ на своихъ плечахъ рядъ тяжелыхъ матеріальныхъ испытаній, велъ борьбу на почвѣ экономической.

Изложеніе взглядовъ Соловьева и Кавелина на историческій процессъ въ достаточной мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, характеризуетъ данное ими направленіе. Поэтому я не буду останавливаться на взглядахъ третьяго представителя той же школы—Чичерина. Изъ сказаннаго отчетливо намѣчается, что цѣль историческаго изученія сводится къ выясненію органическаго развитія государственныхъ началъ и вообще идейнаго содержанія общества. Исторія дѣлается не массой народа, который играетъ пассивную роль, а его руководителями: они—носители идей. Славянофилы очень ядовито характеризовали это направленіе: Хомяковъ въ Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ видѣлъ исторію государственности въ Россіи, а К. Аксаковъ, въ своей критикѣ на трудъ Соловьева, мѣтко замѣтилъ, что въ Исторіи Россіи народъ отсутствуетъ (это замѣчаніе касалось первыхъ восьми томовъ).

Крайности разобраннаго направленія встрѣтили отпоръ

въ ученіи славянофиловъ. Это ученіе имѣло не только историко-философское значеніе, но и политическое, философское и богословское. Для того, чтобы понять значеніе славянофильскихъ взглядовъ въ русской исторической наукѣ, намъ необходимо коснуться не только историческаго, но и политическаго ученія славянофиловъ.

Славянофильство обосновалось на гегельянскомъ ученіи, но съ сильной примѣсью дегтя и лампаднаго масла. Я это опредѣленіе привожу не съ цѣлью ироніи: славянофилы дѣйствительно внесли въ гегелевскую философію русскую національную струю,—и въ этомъ ихъ огромная заслуга передъ наукой и обществомъ; но въ ихъ увлеченіяхъ были стороны, которыя нерѣдко дѣлали философовъ мишенью для остротъ.

Славянофильство заимствовало у Гегеля понятіе о единомъ началѣ, проникающемъ исторію. Это начало имѣетъ идейное содержаніе: исторіей движетъ идея. Матеріальные факторы, объясняетъ К. Аксаковъ, не имѣютъ мѣста среди источниковъ прогресса: „Страшная игра матеріальныхъ силъ поражаетъ съ перваго взгляда, но это одинъ призракъ: внимательный взоръ увидитъ одну только силу, движущую всѣмъ,— мысль, которая всюду присутствуетъ, но которая медленно совершаетъ ходъ свой“. Такимъ образомъ, мысль, идея—движущій факторъ исторіи. Но гегелевскій абсолютный духъ только съ теченіемъ времени пріобрѣтаетъ свойства самопознающаго. У славянофиловъ основная идея вѣчна и неизмѣнна: она сама правда, истина; она не можетъ быть сегодня одной, а завтра другой. Отсюда проистекаетъ большая разница въ пониманіи историческаго процесса славянофилами и юридической школой. Эту разницу опредѣляетъ самъ К. Аксаковъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Историческое направленіе,—какъ называетъ свое направленіе г. Соловьевъ,—понимаетъ исторію точно исключительнымъ и одностороннимъ образомъ. Оно думаетъ, что преемство всѣхъ историческихъ явленій есть непремѣнное направленіе, есть непремѣнное восхожденіе отъ лучшаго къ лучшему, такъ что день настоящій есть день правдивый, а вчерашній есть день осужденный. Это—поклоненіе не исторіи, а времени. Здѣсь нѣтъ вопроса объ истинѣ въ ней самой, вѣря въ которую, вы не спрашиваете: ея ли теперь время или нѣтъ?“ И далѣе К. Аксаковъ высказываетъ свой собственный взглядъ на задачу исторіи: историку нѣтъ дѣла

до того, какая истина **теперь** торжествуетъ: „О ея (т.-е. истинѣ) ложности и неложности я сужу на основаніи требованій истины, истины независимой, и не усумнюсь назвать ее ложной (если таковою найду), какъ бы ни была она сильна во времени. Основаніемъ для пониманія исторіи должна быть съ одной стороны идея общей истины, ибо всякая исторія представляетъ такое или иное къ ней отношеніе, съ другой— начало (принципъ) народное, проникающее всю исторію, а не преемство историческихъ явленій или формъ“ (соч. I, стр. 169—170).

Изъ этого опредѣленія ясно, что гегелевскій тезисъ „все существующее разумно“ не можетъ быть принятъ славянофилами: данный историческій моментъ можетъ быть ложнымъ или неложнымъ, можетъ быть шагомъ впередъ на пути прогресса и шагомъ назадъ. Такимъ образомъ славянофилы пытаются установить чисто-субъективный взглядъ на историческое прошлое. Но что можетъ служить вѣрнымъ критеріемъ истины? Мѣрило общей истины—народная масса, ибо огонь истины теплится въ избѣ, а не въ чертогахъ. Разъ истина приняла демократическій характеръ, то въ исторіи для славянофиловъ нѣтъ излюбленныхъ героевъ. Государство—только неизбѣжное зло, но не цѣль, не идеалъ народнаго бытія (ibid., стр. 287),—и земское противополагается государственному.

По ученію славянофиловъ, существуютъ два пути, по которымъ шло человѣчество. Одинъ путь и единственно достойный, это „путь свободнаго убѣжденія“, „путь внутренней правды“; другой путь чисто-внѣшній, при которомъ „внутренній строй (говоритъ К. Аксаковъ) переносится во внѣ и духовная свобода понимается только какъ **устройство**, порядокъ (нарядъ); основы, начала жизни понимаются, какъ правила и предписанія. Все формулируется. Это путь не внутренней, а внѣшней правды, не совѣсти, а принудительнаго закона“ (ibid, стр. 12). Россія шла по первому пути, т.-е. по пути внутренней правды, тогда какъ Западная Европа шла по пути внѣшней правды. Дѣло въ томъ, что хотя русскіе славяне и образовали государство путемъ добровольнаго призванія варяжскихъ князей, но земля не смѣшалась съ государствомъ. Въ русской исторіи поэтому дѣйствуютъ двѣ силы—земля и государство, между которыми установилось взаимное довѣріе. Вотъ почему, по убѣжденію славянофиловъ, Россія—государ-

ство совершенно самобытное, не похожее на европейскія государства и страны. Въ основу западно-европейскихъ государствъ легло „рабское чувство покореннаго“, въ основѣ русскаго государства—„свободное чувство“; на Западѣ—насиліе, рабство и вражда; въ Россіи—добровольность, свобода и миръ (ibid., стр. 13—17).

Истина, правда, заключается въ земствѣ; конкретнымъ ея выраженіемъ является русская община. Путь правды—это „путь общественный или, лучше, земскій“,—говоритъ К. Аксаковъ. Въ общинномъ устройствѣ отлилось все „разумно-человѣческое“: миръ въ мірѣ, — играетъ словами К. Аксаковъ. „Община есть то высшее, то истинное начало, которому уже не предстоитъ найти нѣчто себя высшее, а предстоитъ только преуспѣвать, очищаться и возвышаться (ibid., стр. 279). Въ общинѣ способны соединиться всѣ лучшія нравственныя начала свобода истинная, свобода мысли и слова; въ общинѣ нѣтъ эгоизма: отказываясь отъ своей личности, человѣкъ въ общинѣ пріобрѣтаетъ свободу: „это дѣйство любви, высокое дѣйство христіанское, болѣе или менѣе неясно выражающееся въ разныхъ (другихъ) своихъ проявленіяхъ. Община представляетъ нравственный хоръ, и какъ въ хорѣ не теряется голосъ, но, подчиняясь общему строю, слышится въ согласіи всѣхъ голосовъ, такъ и въ общинѣ не теряется личность, но отказываясь отъ своей исключительности для согласія общаго, она находитъ себя въ высшемъ очищенномъ видѣ, въ согласіи равномѣрно-отверженныхъ личностей“.

Земское устройство древне-русской общины не только предоставляло свободу отдѣльной личности: оно представляло собою и политическій органъ. Государственная власть имѣла неограниченныя права, но земля пользовалась неотъемлемымъ правомъ высказывать свои мысли; обладая правомъ свободнаго мнѣнія, земство въ московскій періодъ русской исторіи не искало никакихъ правъ политическихъ: между государствомъ и земствомъ установилось трогательное согласіе, при которомъ свободная земля высказывала на земскихъ сборахъ свои свободныя мнѣнія правительству, и для послѣдняго эти мнѣнія имѣли нравственно-обязательную силу. При такомъ условіи, при такомъ общеніи между государствомъ и землею въ древней Руси существовала истинная правда. До Петра Великаго гармонія не была нарушена, послѣ него равновѣсіе рушилось,

правды на Руси нѣтъ. Отсюда простой шагъ,—и уже по мотивамъ чисто-политическимъ,—къ восторженному поклоненію старинѣ: „Русская исторія имѣетъ значеніе всемірной исповѣди. Она можетъ читаться, какъ житія святыхъ",—восклицаетъ въ увлеченіи К. Аксаковъ (соч. I, стр. 592).

Столкновеніе Россіи съ Западомъ потому нарушило гармонію московскаго періода, что на Западѣ истины нѣтъ: тамъ форма, внѣшность. Формализмъ западно-европейской цивилизаціи проникъ въ русскую жизнь, нарушилъ гармонію общенія между земствомъ и государственной властью; государство стало одно распоряжаться судьбами народа, и по поводу этой дѣятельности земство имѣетъ свое особое мнѣніе, но не имѣетъ свободы его высказать.

Въ ученіи славянофиловъ много ненаучнаго, и главное: исторія оказывается безъ прогресса. „Правда" въ ихъ ученіи покрыта дымкой мистицизма. Отбросивъ эти стороны, мы въ ихъ ученіи вскрываемъ попрежнему идейное содержаніе исторіи, какъ руководящую силу, и тотъ же основной пунктъ исторіи — отношеніе государства къ народу, хотя и постановленное въ иную схему. Ясно также соотношеніе славянофильства и чистаго гегельянства. У Гегеля абсолютный духъ, изначала обладающій извѣстными качествами, постепенно проявляется въ исторіи при своемъ стремленіи къ самопознанію и достигаетъ полнаго развитія въ XIX в. Основнымъ пунктомъ славянофильскаго ученія является такой же абсолютъ въ видѣ истинной правды, любви. Истинное значеніе этого абсолюта имѣетъ изначальное опредѣленіе; но для проявленія своего онъ не нуждается въ историческомъ ростѣ народа: онъ искони существовалъ въ древне-русскомъ періодѣ, и его необходимо теперь вернуть для излѣченія современнаго строя. Абсолютъ Гегеля проявляется въ государствѣ, какъ олицетвореніе всего разумнаго. Правда, любовь зиждется въ народной массѣ и является высшимъ закономъ нравственнаго міра, и начала нравственныя стоятъ выше разума: „изъ всемірныхъ законовъ волящаго разума,—говоритъ Хомяковъ,—или разумѣющей воли (ибо таково опредѣленіе самого духа) первымъ, высшимъ совершеннѣйшимъ является неискаженной душѣ законъ любви". Только проникаясь началомъ любви, нашъ разумъ можетъ совершенствоваться, мы можемъ постигнуть истину. „Недоступная для отдѣльнаго мышленія, истина доступна только сово-

купности мышленій, связанныхъ любовью". Любовь,—первая основа всего сущаго: „Любовь,—говоритъ Хомяковъ,—не есть стремленіе одинокое, она требуетъ, находитъ, творитъ отзвуки и общенія, и сама въ отзвукахъ и общеніи растетъ, крѣпнетъ и совершенствуется" (соч. I, p. 283).

Нельзя не отмѣтить, что опредѣленіе и функціи правды, любви, отличаются большою неясностью (впрочемъ, этотъ упрекъ можно отнести и къ опредѣленію абсолютнаго духа у Гегеля). Но для насъ важно одно,—и, какъ кажется, сказанное выше это доказываетъ убѣдительно,—что славянофилы, отправляясь отъ гегельянской философіи, строили свою собственную: съ гегельянствомъ они имѣютъ общую точку отправленія, но отличаются отъ своего источника тѣмъ, что отрицаютъ движеніе и нравственныя начала ставятъ выше началъ разума.

Но гегельянская философія охватываетъ не только область отвлеченныхъ идей и права, а тѣсно связана и съ политикой. Уже давно признано, что Гегель—философъ реакціи: своимъ знаменитымъ афоризмомъ (все существующее разумно) онъ оправдывалъ гнетъ реакціи и прусской бюрократіи. Но русскіе послѣдователи Гегеля находили въ немъ черту, которая весьма подходила къ тогдашнему порядку вещей: вѣдь абсолютный духъ безконечно стремится къ совершенствованію и къ свободѣ. Для послѣдователей юридической школы, которые сливались съ западниками, эта сторона въ ученіи Гегеля давала прочную увѣренность въ улучшеніи существующихъ отношеній; славянофилы, столь же трезво понимая настоящее, не увлекались будущимъ и искали осуществленія своихъ идеаловъ въ прошломъ. На ученіи славянофиловъ рѣзче отразилась политическая мысль, чѣмъ на ученіи ихъ противниковъ—западниковъ; они отчетливѣе представляли и будущее. Строго говоря, разсужденіе славянофиловъ о свободѣ и истинной правдѣ, господствовавшихъ въ древней Руси,—это страстный гимнъ честныхъ душъ, наболѣвшихъ настоящимъ и жаждущихъ лучшаго будущаго. Это будущее славянофилы представляли себѣ въ формѣ отношеній, господствовавшихъ въ древности. К. Аксаковъ въ запискѣ, поданной имъ въ 1855 г. императору Александру II (записка напечатана только въ 1881 г.), развивая въ ней свои завѣтныя мечты объ отношеніи земли и государства, дѣлаетъ такое заключеніе: „Свобода слова необходима;

земскій соборъ нуженъ и полезенъ". Неудивительно, что, мечтая въ будущемъ реставрировать прошлое, славянофилы заявляли: „гарантія не нужна! гарантія есть зло... вся сила въ идеалѣ". Нетрудно замѣтить, что политическое ученіе славянофиловъ отличается крайней непрактичностью: это ученіе,— замѣчаетъ извѣстный историкъ Бестужевъ-Рюминъ,—„сопоставляетъ силу матеріальную, вооруженною и войскомъ и учрежденіями, и силу нравственную, совершенно безоружную". „А то можетъ случиться, что бывало не разъ: вдругъ предпишутъ перемѣнить костюмъ; общество сопротивляется, а ему покажутъ такіе аргументы, передъ которыми замолчишь. Какъ тутъ быть съ одной нравственной силой, да безъ учрежденій, безъ этой заморской выдумки — гарантій!" (Отеч. Зап., май, 1862 г., р. 22).

Я охарактеризовалъ не только историко-философское, но также политическое ученіе славянофиловъ, для того, чтобы показать, какъ тѣсно переплетались ихъ воззрѣнія въ томъ и другомъ направленіи.

Возвращаясь теперь къ историческимъ взглядамъ славянофильства, надо прежде всего отмѣтить, что оно сильно въ русской исторіографіи, подобно скептической школѣ, своимъ отрицательнымъ значеніемъ. Славянофилы мало сдѣлали для развитія русской исторической науки, ненаучность ихъ объясненій была слишкомъ очевидной; но ихъ критика подточила многіе выводы юридической школы и поставила рядъ серьезныхъ вопросовъ въ той же области правовыхъ отношеній; они выдвинули капитальную сторону историческаго изученія—изученіе народной жизни и ея психологіи. Разработка указанныхъ славянофилами вопросовъ составила задачу позднѣйшихъ ученыхъ. Эта сторона теоретическаго воззрѣнія славянофильства, т.-е. изученіе народной массы въ ея историческомъ прошломъ, оказала важное вліяніе на труды Щапова, Костомарова и др. Щаповъ [1]) рано погибъ жертвою житейскихъ условій. Особенно важно вліяніе на науку многочисленныхъ сочиненій Костомарова. У послѣдняго на первомъ планѣ выступаютъ классы обще-

[1]) Отношеніе Щапова къ славянофильству выяснено Аристовымъ. Самъ Щаповъ не причислялъ себя къ славянофиламъ, но на раннія его труды несомнѣнно вліяло ихъ ученіе.

ства, области, земство—вообще народная масса. Но эта масса разсматривается историкомъ съ точки зрѣнія ея психологіи.

Костомаровъ, однако, обладалъ глубокимъ историческимъ чутьемъ. Въ отличіе отъ направленія Соловьева, онъ устанавливалъ не свой взглядъ на историческія явленія, но пытался найти имъ объясненіе въ народномъ пониманіи данной эпохи. Съ другой стороны, въ отличіе отъ славянофиловъ, онъ пытался изучить не однообразный и пассивный, неподвижный „народный духъ", но представлялъ себѣ народную массу дѣйствующей на историческомъ поприщѣ и подверженной поэтому измѣненіямъ въ своихъ идеалахъ.

Взгляды Соловьева, Чичерина и Кавелина—съ одной стороны, и взгляды Костомарова—съ другой—опредѣлили работу русской исторической мысли и могутъ быть признаны господствующими и въ настоящее время. Схема Соловьева-Чичерина нашла себѣ талантливаго представителя въ лицѣ московскаго профессора В. О. Ключевскаго и получила свое дальнѣйшее развитіе въ трудахъ его многочисленныхъ послѣдователей. Схема, развитая Н. И. Костомаровымъ и направленная къ изученію народной массы и областной жизни, получила плодотворное развитіе въ школѣ проф. В. Б. Антоновича съ его многочисленными учениками.

Такъ обстоитъ дѣло изученія русской исторіи въ настоящее время.

Я сдѣлалъ краткій обзоръ направленій, подъ вліяніемъ которыхъ работала русская историческая мысль: идейное содержаніе этой работы составляетъ основной оборотъ нашей науки.

Прежде всего наблюдается стремленіе найти единое начало, движущее исторію. Отправною точкою для историковъ служили господствующія философскія и политическія идеи, т.-е. мысль отправлялась не отъ реальнаго изученія предмета къ общей идеѣ, а наоборотъ. Этотъ выводъ не долженъ насъ пугать: полный объективизмъ въ исторіи—это призракъ, за которымъ напрасно гоняется методологія науки. Въ общемъ, въ русской исторіографіи наблюдается такая смѣна направленій. Этико-націоналистическое направленіе смѣняется философскимъ. Юридическая школа устанавливаетъ существенный моментъ въ пониманіи процесса: народъ есть организмъ, и исторія есть органическое развитіе народа. Та же школа выдви-

гаетъ на первый планъ дѣйствительно существенный элементъ въ исторіи: государство и право вообще. Крайности юридической школы подвергаются исправленію, черезъ славянофильство, школой Костомарова. Центромъ изученія всѣхъ направленій являются факторы идеологическіе, т.-е. государство, право, религія, мораль, литература и, наконецъ, народная психика.

Указанными направленіями обусловливается наличный составъ исторической литературы и изданныхъ источниковъ: мы имѣемъ рядъ цѣнныхъ работъ по исторіи власти, законодательства, сословій, религій, можемъ прослѣдить смѣны литературныхъ направленій, борьбу партій и классовъ общества съ точки зрѣнія идейно-политической, наконецъ, познакомиться съ біографіей великихъ и малыхъ историческихъ дѣятелей. Господство въ исторической наукѣ юридическихъ представленій сдѣлало даже то, что исторія превратилась въ право, съ прибавленіемъ біографій, а сама исторія клиномъ вошла въ юриспруденцію. И, замѣтьте, такое сліяніе права и исторіи какъ разъ произошло въ теченіе періода, когда политическая экономія въ трудахъ Рошера, Роджерса и ихъ послѣдователей почти превратилась въ исторію.

Знакомство съ идейнымъ содержаніемъ нашей науки дѣлаетъ умѣстнымъ вопросъ: достаточно ли она разъясняетъ намъ русскую исторію? Все ли это изъ того, что намъ надо знать для пониманія историческаго процесса? Иными словами: можемъ ли мы въ настоящее время абстрагировать процессъ въ направленіи, указанномъ Гегелемъ, хотя бы квалифицированномъ послѣдующими ученіями? Живетъ ли народная масса по Гегелю, переходя отъ Fürsichsein къ Insichsein для того, чтобы совершить логическій процессъ, продиктованный ей берлинскимъ профессоромъ?

Во второй половинѣ XIX в. стало замѣтнымъ значительное отрезвленіе мысли. Абсолютъ Гегеля, притомъ неизвѣстно откуда взявшійся, выраженный въ политико-правовой формулѣ и въ личности, пересталъ удовлетворять историческую мысль. Благодаря новой нѣмецкой школѣ права, съ Лабандомъ и Еллинекомъ во главѣ, измѣнились наши понятія о государствѣ и правѣ. Для насъ теперь государство не есть нѣчто мистическое: это—„корпорація осѣдлаго народа, обладающая верховною властью". Такъ опредѣляетъ Еллинекъ.

Иначе стали мы понимать и правовыя нормы. Если отно-

шенія крѣпостного къ помѣщику есть фактъ права, то теперь мы понимаемъ, что это только одна сторона вопроса: тѣ же отношенія есть еще и фактъ экономическій. Не одно право раздѣляетъ и соединяетъ людей. Современный пролетарій цѣлою пропастью отдѣляется отъ капиталиста не правовыми опредѣленіями, а экономическими соотношеніями. Подорвана и наша вѣра въ сознательность народной психологіи: на этомъ пути остерегаетъ насъ эволюціонная теорія.

Цѣлыми вѣками въ умахъ человѣчества концентрировалась мысль о высотѣ человѣческой мысли. Но отбросивъ всякія теоріи, мы легко придемъ къ нѣсколько инымъ выводамъ: и отдѣльные индивидуумы и цѣлые народы живутъ и совершали свой историческій путь подъ непосредственнымъ вліяніемъ окружающей матеріальной среды. Человѣкъ мыслимъ только въ условіяхъ естественной и соціальной среды; подъ первой разумѣется совокупность матеріальныхъ соотношеній, подъ второй — культурное наслѣдіе. Отражая въ себѣ извѣстную стадію послѣдней, человѣкъ, однако, неразрывно связанъ съ матеріальной средой и находится подъ мощнымъ ея давленіемъ. Вообще, если общество есть организмъ, то и нужно начинать изученіе его съ органическихъ потребностей. Надо прежде всего подвергнуть разсмотрѣнію способы, какими въ данный историческій моментъ извѣстное общество удовлетворяетъ свои матеріальныя потребности, вообще всю сферу производственныхъ формъ. Никто не отрицаетъ взаимодѣйствія матеріалистическихъ и идеалистическихъ факторовъ, но отправляясь отъ первыхъ, надо искать именно взаимодѣйствія, а не апріорно устанавливать исключительное господство послѣднихъ.

Къ этому исторія и подошла въ послѣднее время; мы теперь понимаемъ, что бюджетная роспись, налогъ на ревизскую душу и ведро водки и проч., лучше намъ разъяснитъ положеніе Россіи въ эпоху Сѣверной войны, чѣмъ побѣды Шереметьева и его блистательныхъ сотоварищей.

Сознаніе простого факта — вліянія производственныхъ формъ на историческій процессъ, составляетъ важный поворотъ въ направленіи исторической мысли. Если Гегеля превозносили за то, что онъ объяснилъ человѣчеству смыслъ великой формулы Аристотеля — человѣкъ ζῶον πολιτικόν, именно смыслъ общественнаго, то не менѣе велика заслуга Карла

Маркса (тоже гегельянца, но матеріалиста черезъ Фейербаха), который, наконецъ, разъяснилъ человѣчеству первое опредѣленіе—понятіе ζῷον.

Итакъ, вы видите, что въ настоящее время выдвинуты новыя проблемы для исторической науки. Между тѣмъ, до сихъ поръ научная работа шла въ иномъ направленіи. При такомъ условіи для русской науки предстоитъ перспектива усиленной работы, и наши представленія объ историческомъ процессѣ, въ его цѣломъ, нуждаются въ коренномъ пересмотрѣ.

На этомъ я могъ бы окончить. Моя задача заключается въ изложеніи существующихъ взглядовъ въ русской исторіографіи. Хотя въ настоящее время и началась уже работа по изученію экономическаго быта, но до широкихъ обобщеній еще далеко. Вотъ почему я считаю свою задачу выполненной. Но я хочу сдѣлать еще одну оговорку.

Въ настоящее время было бы ошибкою полагать, что формула историческаго процесса, какъ она вылилась въ ученіи Маркса, Энгельса и ихъ послѣдователей, является вполнѣ обоснованной, подобно гегелевской философіи для своего времени. Это обоснованіе пока не сдѣлано удовлетворительно. Слѣдовательно, конечная формула прогресса еще ждетъ своего разрѣшенія. Теперь ясно одно: важное и *даже преобладающее значеніе экономическаго фактора* въ исторіи и формула историческаго процесса на немъ, безъ сомнѣнія, будетъ обоснована.

Теперь настойчиво повторяютъ лозунгъ: „Назадъ къ Канту“. Этимъ отмѣчена Ахиллесова пята историческаго матеріализма: онъ дѣйствительно не разъясняетъ удовлетворительно соотношенія вѣчно борющагося духа Канта къ обширной сферѣ экономическихъ фактовъ. Но въ полемикѣ, какъ всегда бываетъ, спорящіе уклонились въ сторону, отчего и происходятъ неясности. Лозунгъ „назадъ къ Канту“ надо дополнить еще другимъ: „назадъ къ Марксу“. Это важно какъ для противниковъ, такъ въ особенности и для сторонниковъ его теоріи. Вѣдь Марксъ широкими штрихами отмежевываетъ сферу воздѣйствія производственныхъ формъ. Такъ поступаютъ и другіе экономисты съ широкимъ взглядомъ, напр. К. Бюхеръ. Между тѣмъ теперь, въ спорѣ, готовы объяснять догматы Кальвина изъ матеріализма, что не входило въ разсчеты основателя теоріи.

Итакъ, еще разъ повторяю въ заключенiе, что объясненiе историческаго процесса должно покоиться на изученiи матерiальныхъ факторовъ въ ихъ взаимодѣйствiи съ факторами идеологическими и что русская историческая литература весьма недостаточна для пониманiя исторiи въ этомъ направленiи. Тѣмъ самымъ намѣчается обширное поле для новой научной работы.

Быть можетъ, такой выводъ способенъ смутить: чтобы понимать и знать русскую исторiю, надо еще работать и ожидать работъ другихъ! Это зависитъ отъ взгляда. Но думается, что лучше, интереснѣе самому принимать участiе въ работѣ, чѣмъ получить все готовое. Если такъ, то мы живемъ съ вами въ счастливое для работы время и можемъ приступить къ дѣлу съ глубокой вѣрой въ силу научной мысли.

Историческіе взгляды В. Б. Антоновича.

(Рѣчь).

В. Б. Антоновичъ работалъ въ трехъ различныхъ отрасляхъ научнаго значенія: археологіи, этнографіи и исторіи. Ученый, заслужившій почетную извѣстность во всѣхъ трехъ областяхъ знанія, различающихся какъ по матеріалу, такъ и по методу его обработки, безспорно, заслуживаетъ большого вниманія со стороны послѣдующихъ поколѣній. Но Антоновичъ былъ не только выдающимся ученымъ: его преподавательская и общественная дѣятельность также создала ему крупное имя.

Смерть В. Б. побудила насъ, его учениковъ и почитателей, разобраться въ томъ богатомъ литературномъ и идейномъ наслѣдіи, которое осталось послѣ него. Сейчасъ, въ настоящемъ засѣданіи, оно разсматривается спеціалистами съ различныхъ сторонъ. Въ мою задачу входитъ не разсмотрѣніе отдѣльныхъ историческихъ работъ, но выясненіе идейнаго ихъ содержанія, т. е. того пониманія историческаго процесса, какое отразилось въ историческихъ сочиненіяхъ В. Б.

Историческіе труды В. Б. касаются древне-русской и западно-русской исторіи (частью собственно малорусской). Количественно этихъ трудовъ немного, отдѣльныя работы его иногда носятъ эскизный характеръ. Но качественная сторона протекшей научной дѣятельности имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Въ области западно-русской исторіи В. Б. затронулъ важнѣйшіе вопросы (процессъ сложенія Литовско-русскаго государства, казачество и гайдамачину, крестьянство, городскіе классы, церковь и др.). Почти во всѣхъ случаяхъ, когда покойный историкъ приступалъ къ своей работѣ, ему приходи-

лось разрабатывать вопросъ сызнова, потому что небольшая литература предмета его еще не ставила; мало того, ему приходилось изыскивать и матеріалъ; приходилось обращаться въ архивы, преимущественно въ Кіевскій Центральный Архивъ, такъ какъ драгоцѣнный архивъ Литовской Метрики тогда еще не былъ доступенъ [1]); кромѣ того, В. Б. изучалъ архивы Галиціи и Италіи. Такимъ образомъ, работы В. Б. отличаются широтою поставленной темы, новизною разработки и сверхъ того обоснованы на трудно добываемомъ архивномъ матеріалѣ, который онъ и издавалъ въ приложеніяхъ.

Какъ ни трудны были условія его работъ, однако, каждое изслѣдованіе В. Б. представляетъ намъ очень вдумчивое отношеніе къ вопросу. Даже съ внѣшней стороны его труды заслуживаютъ вниманія сжатостью изложенія, точностью и ясностью. Онъ не мало затрачивалъ труда на внѣшнюю ихъ обработку. Это тѣмъ болѣе достойно замѣчанія, что В. Б. вслѣдствіе условій образованія (преобладанія польскаго, французскаго и малорусскаго яз.) въ устной рѣчи иногда дѣлалъ ошибки въ русскомъ языкѣ, затруднялся въ выраженіяхъ, или употреблялъ провинціализмы; этихъ особенностей почти нѣтъ въ его письменной рѣчи: слогъ сжатъ, точенъ и чистъ.

[1]) Я позволю себѣ привести два разсказа В. Б. изъ его архивныхъ поисковъ.

Онъ отправился въ Петербургъ для занятій въ Литовской Метрикѣ, которая тогда, какъ извѣстно, находилась при Сенатѣ. Архиваріусомъ Метрики былъ зубной врачъ З., рѣдко заглядывавшій въ архивъ. Долго пробовалъ В. Б. получить къ нему доступъ, но это не удалось. По совѣту лакея, онъ записался въ очередь съ больными.—„Вы чѣмъ страдаете?“—съ изысканною любезностью спросилъ В. Б. зубной врачъ. В. Б. сталъ объяснять З. причину своего посѣщенія.—„Невозможно! Метрика подлежитъ особой охранѣ“ и т. п. В. Б. сослался на имѣющееся у него разрѣшеніе министра. З. сталъ грубо говорить о томъ, что изъ Сената онъ получаетъ гроши, что его отрываютъ отъ своего дѣла, лишаютъ практики и пр. въ этомъ родѣ. Настойчивость В. Б. взяла верхъ и З. пришлось нѣкоторое время ходить въ архивъ для того, чтобы выдавать книги изъ него для занятій В. Б. Разумѣется, при такихъ условіяхъ работа не могла быть особенно успѣшной.

Позволю себѣ привести и другой разсказъ В. Б. о его занятіяхъ въ Ватиканскомъ архивѣ (въ нач. 90-хъ годовъ). Онъ имѣлъ командировку отъ Университета, слѣдовательно могъ воспользоваться содѣйствіемъ нашего посла, чтобы получить доступъ въ папскій архивъ.

Взятыя порознь, историческія работы В. Б. Антоновича носятъ характеръ отдѣльныхъ монографій; ни въ одной изъ работъ онъ не дѣлалъ цѣльнаго обзора западно-русской исторіи. Однако, такой характеръ его сочиненій вовсе не исключаетъ извѣстной цѣльности историческаго міросозерцанія покойнаго историка: его работы окрашены стройностью идейнаго представленія объ историческомъ процессѣ, и, сведенныя въ одно цѣлое, отдѣльныя монографіи даютъ отвѣтъ на кардинальные вопросы исторической науки, даютъ возможность установить общее направленіе западно русской исторіи, какъ оно отлилось въ его міровоззрѣніи. Къ этой-то сторонѣ результатовъ дѣятельности В. Б. мы сейчасъ и перейдемъ.

Итакъ, прежде всего, въ чемъ сущность историческаго процесса по воззрѣніямъ В. Б.? Основа историческаго процесса заключается въ ростѣ и переработкѣ идейнаго содержанія общества. В. Б., хотя и говоритъ о соучастіи въ исторіи народной жизни матеріальныхъ факторовъ, однако нигдѣ не развиваетъ ихъ значенія. Историческій процессъ, такимъ образомъ, является слѣдствіемъ извѣстнаго взаимодѣйствія идейныхъ факторовъ, хотя и матеріальные факторы могутъ имѣть значеніе (наприм., топографія и географическое положеніе страны). Въ основѣ процесса лежатъ извѣстнаго рода „стихіи", „начала", „силы". Повидимому, среди этихъ началъ въ представленіи историка существуетъ единое основное начало, въ историческомъ движеніи своемъ, однако, подвергающееся сильнѣйшему воздѣйствію сосуществующихъ параллельно съ нимъ другихъ факторовъ, которые могутъ быть факторами, привнесенными въ народную жизнь извнѣ.

Такъ, историческій процессъ русскаго народа (вѣрнѣе

Но одинъ итальянскій профессоръ предусмотрительно посовѣтовалъ В. Б. во всякомъ случаѣ не предъявлять бумаги отъ посла и вообще не объявлять о своей принадлежности къ русскому чиновному міру. Является В. Б. въ архивъ, находитъ завѣдующаго соотвѣтствующимъ отдѣломъ патера. Начинаетъ ему объяснять дѣло на французскомъ языкѣ—„non capisco". Переходитъ на итальянскій, даже на латинскій: „non capisco", отвѣчаетъ патеръ. В. Б. показалось, что патеръ—чехъ. Не безъ труда В. Б. началъ по-чешски. „A, polonus!"—вскрикнулъ патеръ и далъ тотчасъ же требуемые документы, ибо понялъ его просьбу и на другихъ языкахъ. Чтобы не быть принужденнымъ раскрыть свое инкогнито, В. Б. избѣгалъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ патеромъ.

южно-русскаго племени) въ основѣ своей имѣетъ извѣстныя „народныя стихіи общественной жизни“, составляющіяся изъ общей суммы матеріальныхъ и духовныхъ силъ народа [1]). Процессъ заключается въ переработкѣ этихъ началъ подъ вліяніемъ сопутствующихъ факторовъ такого же значенія.

Такъ, въ основѣ исторической жизни древней Руси лежатъ „три силы“: община, дружина и власть князя [2]).

Община есть основное начало народной жизни, другія двѣ силы—ему сопутствующія. Характернымъ признакомъ общиннаго начала является то, что „въ общинѣ отдѣльныя личности сглаживались, подчиняясь общественному приговору, общественной пользѣ и общественной волѣ“. Между тѣмъ, въ дружинѣ преобладаетъ личное начало, интересъ личныхъ выгодъ. Отсюда возникаетъ „борьба“ между общиннымъ началомъ и дружиннымъ, и эта борьба „составляетъ главный интересъ внутренней исторіи Юго-Западной Руси“. Третья сила—княжеская власть. Въ древней Руси она сначала носитъ чисто внѣшній характеръ, ею руководитъ не государственная мысль, а интересъ выгоды (отсюда фискальное значеніе княжескаго суда [3]). Итакъ, основнымъ факторомъ русской народной жизни является общинное начало. Что оно собою представляетъ? Въ чемъ и какъ оно выражалось?

Историкъ представляетъ себѣ древнюю Русь состоящею изъ ряда общинъ съ вѣчевыми центрами, городами. Остатки этихъ общинъ еще долгое время существуютъ въ Литовскомъ періодѣ, проникнутые своими основными исконными началами [4]).

Въ русской исторіи—древней и въ западно-русской—историкъ наблюдаетъ процессъ борьбы между общиннымъ началомъ и между частью дружинно-феодальнымъ, частью

---

[1]) Акты о казакахъ, 1863. Архивъ Ю. З. Р. Ч. III, т. I, р. 2.

[2]) Ibidem. Выясняя взгляды В. Б., мы, наряду съ другими его сочиненіями, пользуемся и первой его работой о казакахъ. Извѣстно, что самъ историкъ, вскорѣ послѣ появленія этого труда, былъ имъ очень недоволенъ. Мы не знаемъ ближайшей причины недовольства, но оно не могло относиться къ обобщающимъ идеямъ, ибо онѣ послѣдовательно проводятся В. Б. и въ другихъ трудахъ (изслѣдованіе о городахъ, лекціи о древностяхъ Кіева и др.) и въ лекціяхъ (лекціи о казачествѣ, о Литовской Руси и др.). Эта схема воззрѣнія В. Б. отразилась и въ трудахъ его учениковъ (Н. П. Дашкевича, П. В. Голубовскаго и др.).

[3]) Ibidem, 3—4.

[4]) Изслѣдованіе о городахъ, Монографіи, 140.

княжескимъ, ибо интересы двухъ послѣднихъ часто совпадаютъ [1]). Такъ, въ древне-русскомъ періодѣ, при сосуществованіи трехъ народныхъ началъ, народъ, несмотря на появленіе князей и дружины,—„живетъ прежнимъ своимъ строемъ и только миръ со стороны сосѣдей и варяговъ окупаетъ данью, платимою въ пользу князя" [2]).

Но дружинный элементъ, сначала отдѣленный отъ земли, съ теченіемъ времени связывается съ судьбами края („земское боярство"), и въ то же время стремится расширить свои силы за счетъ общинъ, захватывая части общинной территоріи. Дружинный элементъ получаетъ большое значеніе въ дѣлахъ городской общины [3]), что способствуетъ выдѣленію особыхъ интересовъ и обособленію жизни сельской общины [4]). Изъ дружиннаго боярства вырабатывается аристократія, ранѣе всего въ Галицкой землѣ и притомъ не безъ вліянія сосѣдней Польши на ускореніе этого процесса [5]).

Татарское нашествіе имѣло своимъ слѣдствіемъ оживленіе и реставрацію общинной жизни на югѣ: боярство разбѣжалось съ юга, въ Поднѣпровьи остаются только „общинники", избавленные отъ предстоящаго порабощенія боярскому элементу [6]). Общинная жизнь обновляется въ древне-русскомъ духѣ: сохраняетъ „самоуправленіе и начинаетъ приближаться къ нормѣ своей жизни, городскимъ общинамъ, сохранившимъ почти въ цѣлости свое вѣчевое устройство" [7]).

Въ Литовскій періодъ, долгое время наблюдается господство общинныхъ началъ. Населеніе только и состоитъ изъ „общинниковъ и рабовъ" [8]) (таковы общины подъ властью татаръ).

Но пришлый литовскій элементъ, сначала не имѣвшій значенія въ краѣ, съ теченіемъ времени привноситъ съ собою струю феодально-дружинную.

Согласно своему основному взгляду, историкъ признаетъ

[1]) Ibidem, 140—141.
[2]) Акты о казакахъ, 4.
[3]) Ibidem, 5—6.
[4]) Ibidem, 7.
[5]) Ibidem, 9.
[6]) Ibidem, 10.
[7]) Ibidem, 11.
[8]) Ibidem, 17.

и въ Литовскомъ племени извѣстныя начала, привнесенныя имъ въ русскую жизнь при объединенiи русскихъ подъ властью великихъ князей литовскихъ. Среди особенностей Литовскаго племени историкъ отмѣчаетъ его безгосударственность, отсутствiе самостоятельныхъ, выработанныхъ имъ нацiональныхъ государственныхъ началъ. Но рядъ факторовъ первостепенной важности вывелъ Литовское племя изъ его первобытнаго состоянiя. Такими факторами были: нападенiя крестоносцевъ, т. е. потребность въ самозащитѣ, и слабость сосѣдней Руси, вызвавшая стремленiе къ обладанiю ею и къ государственному усиленiю на ея счетъ. Литовское и русское начала первоначально борются во вновь слагающемся государствѣ [1]), но затѣмъ нѣкоторыя стороны русскихъ нацiональныхъ началъ, именно государственныя и культурныя, получаютъ перевѣсъ въ складѣ Литовскаго государства [2]).

Однако, строй Литовскаго государства не воспринялъ всѣхъ русскихъ нацiональныхъ началъ. Отсюда продолжительная борьба между русскимъ нацiональнымъ элементомъ (съ привнесенiемъ въ нее религiознаго элемента со временъ Ягайлы) и литовскими началами. Съ этой точки зрѣнiя В. Б. освѣщаетъ борьбу Свидригайлы, дѣятельность Скиргайлы, заговоръ Олельковичей, возстанiе Михаила Глинскаго и нѣкоторые другiе факты.

Но борьба литовскихъ и русскихъ элементовъ есть привходящiй факторъ въ исторiи Литовской Руси. Основы дальнѣйшаго процесса заключаются въ слѣдующемъ.

Литовское государство, въ своемъ сложенiи, развило военно-феодальный укладъ, что было вызвано его борьбою съ сосѣдями. Перенесенное на территорiю Южной Руси, это феодальное начало объединяется здѣсь съ остатками древне-русскаго боярства и вступаетъ въ борьбу съ общиннымъ началомъ. Мѣстное южно-русское боярство выдѣляется изъ общины и спѣшитъ слиться съ пришлымъ литовскимъ элементомъ. Этому способствуетъ особенность положенiя края— необходимость обороны отъ татаръ.

„Въ борьбѣ общиннаго порядка съ военно-феодальнымъ строемъ Литовскаго государства основной вопросъ состоялъ

---

[1]) Очеркъ исторiи Вел. Княж. Литовскаго, Монографiи, 43.
[2]) Ibidem, 88.

во взглядѣ на поземельную собственность“ [1]). Изстари поземельная собственность принадлежала общинѣ. Феодальный элементъ съ преобладающимъ въ немъ личнымъ интересомъ стремится къ захвату поземельной собственности, что разрушительно дѣйствуетъ на общину. Вообще въ этой борьбѣ община является пассивнымъ элементомъ.

„Такъ военное сословіе успѣваетъ, пользуясь необходимостью, ощущаемою въ немъ княжескою властью, сначала оттянуть отъ общинъ ихъ сельскія территоріи, потомъ совершенно выдѣлиться изъ общины, выработать для себя сословныя права, оградить ихъ законодательнымъ путемъ въ Литовскомъ Статутѣ и, пользуясь своею многочисленностью и значеніемъ въ государствѣ, а также обстоятельствами, въ которыхъ находилось правительство, ограничить послѣднее, и, наконецъ, сравниться въ правахъ съ чрезмѣрно развившимся польскимъ шляхетскимъ сословіемъ.—Въ тоже время общины уступаютъ шагъ за шагомъ передъ натискомъ земянъ, и ограничиваются въ борьбѣ безплодными протестами и жалобами, ссылками на обычаи „як здавна бывало“ и усиліями успокоиться на томъ, что послѣ каждой уступки имъ остаются еще клочки прежняго порядка, на которыхъ они пытаются устоять. Но въ борьбѣ онѣ не въ состояніи ни ясно формулировать своихъ требованій, ни указать на письменный документъ, обезпечивающій ихъ, ни поддержать свой протестъ вооруженною силою и основаннымъ на ней значеніемъ въ государствѣ. Такимъ образомъ, если остатки общинъ и сохранились въ городскихъ поселеніяхъ, получившихъ впослѣдствіи самоуправленіе, хотя и видоизмѣненное магдебургскимъ правомъ, то онѣ были этимъ обязаны не силѣ, настойчивости и успѣшному ходу собственнаго протеста, а только тому обстоятельству, что правительство нашло болѣе выгоднымъ для себя какъ сохранить торговые и ремесленные центры, дававшіе возможность усиливать средства государственной казны, оказавшіяся весьма скудными вслѣдствіе односторонней военной организаціи края, такъ и удержать отъ окончательнаго паденія сословіе, необходимое для поддержки крѣпостей, доставлявшее для этой цѣли значительныя денежныя и натуральныя повинности“.

---

[1]) Изслѣдованія о городахъ, 137.

Потерявъ окружающую территорію, городскія общины утрачиваютъ и свой общеземскій характеръ, переходя подъ защиту магдебургскихъ привилеевъ отъ насилій шляхты и господарской администраціи [1]).

Такъ стройно въ представленіи историка дѣйствуютъ различные историческіе факторы, ведущіе въ конечномъ результатѣ къ весьма важнымъ послѣдствіямъ. При этомъ выясняется генезисъ происхожденія шляхетскаго и городского сословія Западнаго края, окрасившихъ въ особый колоритъ дальнѣйшую исторію государства.

Что касается третьяго сословія, крестьянства, то В. Б. не далъ въ своихъ трудахъ опредѣленнаго отвѣта, обрисовывающаго генезисъ этого сословія, въ связи съ общей его теоріей историческаго процесса. Онъ посвящаетъ одну блестящую работу крестьянству, но уже позднѣйшаго времени—18 го вѣка и преимущественно въ этой работѣ отвѣчаетъ на вопросъ о юридическомъ положеніи крестьянъ. Впрочемъ, общая концепція мысли ясна. Военно-феодальный элементъ захватываетъ земли сельскихъ общинъ и вполнѣ естественно стремится подчинить своей власти находящееся здѣсь сельское населеніе. Это прикрѣпленіе крестьянства происходитъ довольно поздно, къ эпохѣ Люблинской уніи, и, по мнѣнію В. Б., юридическая формулировка крѣпостныхъ отношеній вырабатывается подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ рецепціи польскаго права.

Разсмотрѣвъ схему историческаго процесса, какъ представлялъ ее себѣ В. Б. Антоновичъ, преимущественно въ примѣненіи къ исторіи южной и западной Руси, можно формулировать ее въ слѣдующихъ чертахъ.

Историкъ исходитъ изъ представленія о дѣйствіи въ историческомъ процессѣ опредѣленныхъ началъ, одни изъ которыхъ коренятся въ основѣ народной психики, свойственной данной національности, другія являются привходящими факторами, оказывающими свое могущественное вліяніе на дальнѣйшее развитіе процесса, даже являющимися причиною коренныхъ измѣненій народной жизни. Факторы послѣдняго порядка могутъ возникать изъ условій внѣшнихъ, географическихъ или психическихъ (личное начало). Историческій процессъ есть борьба этихъ началъ, создающая въ результатѣ

---

[1]) Ibidem 150—151.

новыя формы жизни, напримѣръ, соціальный строй, формы государственнаго строя и т. п., и свое вниманіе каждый историкъ обязанъ фиксировать на изученіи этой борьбы и проистекающихъ изъ нея послѣдствій.

Представителями идейныхъ началъ, борьба коихъ составляетъ сущность историческаго процесса, являются не отдѣльныя личности, эти начала не въ нихъ концентрируются, а въ группахъ населенія: народная масса, расчлененная на нѣкоторыя составныя части, является носительницею тѣхъ или другихъ началъ. Отсюда значеніе соціальной исторіи общества. Масса народа не однородна, она имѣетъ различные интересы, часто между собою сталкивающіеся, интересы объединяютъ группы населенія съ ихъ классовыми разграниченіями. Для В. Б. исторія есть, такимъ образомъ, наука объ обществѣ въ его групповыхъ подраздѣленіяхъ.

Такова основная его схема. Но тутъ является вопросъ: подвергается ли основное народное начало коренной переработкѣ подъ воздѣйствіемъ привходящихъ историческихъ факторовъ?

На этотъ вопросъ В. Б. отвѣтилъ только частично, не на всемъ пространствѣ историческаго развитія народа. Отвѣтъ его таковъ: основное народное начало, даже уступивъ мѣсто, инымъ опредѣляющимъ историческимъ факторамъ, не исчезаетъ окончательно изъ народной психики. Русское общинное начало, разложившись на сословные элементы, сохранилось однако, въ нѣкоторыхъ слояхъ населенія. Такимъ слоемъ южно-русскаго населенія, свято сохранившимъ и долго боровшимся за общинное начало, является южно-русское казачество. Отсюда вытекаютъ три гипотезы, характеризующія воззрѣнія Антоновича на казачество: оно имѣетъ раннее происхожденіе, оно сохранило формы древняго общиннаго устройства, его движенія и его устройство характеризуются отсутствіемъ государственныхъ началъ, оно по природѣ своей антигосударственно.

Познакомившись съ общей концепціей историческихъ взглядовъ В. Б. Антоновича и предоставляя критическій разборъ ихъ дальнѣйшему развитію русской исторіографіи, мы считаемъ нужнымъ, въ заключеніе, остановиться на общемъ значеніи въ нашей наукѣ идейнаго содержанія научныхъ трудовъ В. Б.

Положеніе историка въ исторіи его науки опредѣляется двумя отправными моментами: состояніемъ науки въ періодъ появленія первыхъ трудовъ, опредѣляющихъ характеръ и значеніе въ наукѣ даннаго лица, и затѣмъ—вліяніемъ на послѣдующій ходъ науки идейнаго и фактическаго (въ смыслѣ обработки и постановки разработанныхъ имъ историческихъ вопросовъ) наслѣдія, оставленнаго ученымъ. Историкъ, какъ представитель одной изъ общественныхъ наукъ, формируетъ свои научные взгляды подъ воздѣйствіемъ общаго состоянія въ данную эпоху другихъ общественныхъ наукъ—философіи, права и экономики. Было бы страннымъ требовать отъ каждаго историка новизны въ общемъ представленіи его объ историческомъ процессѣ. Наша наука знаетъ рядъ почтенныхъ именъ, много двинувшихъ ее впередъ, хотя и примкнувшихъ къ уже сложившимся теоретическимъ взглядамъ на задачи философскаго пониманія историческаго процесса. Но съ другой стороны наша историческая наука можетъ гордиться и именами, давшими толчокъ дальнѣйшему ея развитію привнесеніемъ въ нее идейнаго содержанія.

В. Б. Антоновичъ непосредственно не примкнулъ ни къ одному изъ господствовавшихъ въ русской наукѣ шестидесятыхъ годовъ идейныхъ теченій въ области исторической мысли. Его можно скорѣе признать эклектикомъ, нѣсколько склоннымъ къ славянофильской догмѣ, но пролагающимъ въ ней самостоятельные пути.

Надо вспомнить тогдашнее состояніе историческихъ взглядовъ. Господствовавшіе взгляды юридической школы, опиравшейся на гегельянство, доходили до отрицанія значенія народныхъ массъ въ общемъ ходѣ исторіи и превозносили значеніе отдѣльной личности, какъ носительницы идей. Взгляды славянофиловъ выдвигали идею общинности въ русской исторіи, но съ другой стороны отказывали народной массѣ въ эволюціонизированіи присущихъ ей идей.

Костомаровъ, въ общемъ самъ строившій свои идеи въ нѣкоторой зависимости отъ славянофильской догмы, въ началѣ научныхъ работъ В. Б. не успѣлъ еще произвести на науку сильнаго впечатлѣнія; впрочемъ, Костомаровъ и не былъ теоретикомъ, онъ лишь выдвигалъ значеніе въ исторіи народныхъ массъ, не вдаваясь въ выясненіе сущности историческаго процесса.

Весьма замѣчательно, что въ лицѣ В. Б. молодой историкъ казачества не увлекся идеей личности въ исторіи, для чего его матеріалъ давалъ обильную пищу, и напротивъ вѣрно угадалъ значеніе народной массы въ историческомъ процессѣ. Въ настоящее время трудно сказать, подъ какими вліяніями опредѣлилось историческое міровоззрѣніе Антоновича.

Очень возможно, что славянофильскія воззрѣнія, отразившіяся въ сороковыхъ годахъ въ кіевскомъ обществѣ въ формѣ панславизма Кирилло-Меѳодіевскаго кружка, произвели впечатлѣніе на В. Б.; можетъ быть, въ данномъ случаѣ слѣдовало бы учесть и вліяніе идей Лелевелевскаго гминовладства. Все это естественно для историка, приступившаго къ занятіямъ малорусскимъ казачествомъ. Но необходимо отмѣтить то обстоятельство, что В. Б. могъ опереться на своихъ предшественниковъ лишь въ смыслѣ признанія значенія народной массы въ исторіи и внесъ въ эту основную схему существенный коэффиціентъ въ видѣ борьбы идейныхъ началъ, привносимыхъ въ историческій процессъ различными группами населенія, какъ равно выдвинулъ значеніе въ образованіи историческихъ явленій идею борьбы различныхъ элементовъ, изъ коихъ слагается народность. Такая схема, въ соотношеніи съ идейнымъ состояніемъ нашей науки въ шестидесятыхъ годахъ, представляетъ собою крупный шагъ впередъ и даетъ право видѣть въ В. Б. не только ученаго историка вообще, но и выразителя одного изъ поворотныхъ моментовъ въ развитіи русской исторической науки.

Но значеніе В. Б. въ русской исторической наукѣ опредѣляется не только оставленными имъ трудами, но и профессорскою дѣятельностью. Какъ профессоръ, В. Б. представлялъ собою исключительный примѣръ университетскаго преподавателя, умѣвшаго заинтересовать свою аудиторію и, несмотря на малочисленность спеціалистовъ-историковъ въ провинціальномъ университетѣ, многихъ изъ нихъ направить на путь дальнѣйшей научной работы. Разнообразны блага, которыя получаютъ начинающіе ученые отъ учителя; сюда относится: направленіе будущихъ работъ въ смыслѣ опредѣленія ихъ цѣли и темы, воспріятіе научнаго метода и въ той или другой мѣрѣ—идейнаго пониманія научной задачи. Тутъ является вопросъ первостепенной важности: насколько органически связаны работы учениковъ В. Б. съ научной дѣятель-

ностью учителя и, слѣдовательно, составляютъ ли ихъ работы нѣчто общее, именуемое научною школою, или это работы, носящія случайный характеръ. Вопросъ о кіевской исторической школѣ иногда возникаетъ въ наукѣ; онъ разсматривается наиболѣе подробно въ книгѣ г. Томашевскаго, посвященной обзору научныхъ трудовъ В. Б., и рѣшается авторомъ въ отрицательномъ смыслѣ. Книга эта, въ которой сквозитъ довольно недоброжелательное отношеніе къ кіевскому историку, вышла еще при жизни В. Б по случаю его юбилея. Г. Томашевскій не объясняетъ, что именно разумѣетъ онъ подъ названіемъ научной школы, но, повидимому, въ его представленіи съ терминомъ школы соединяется пониманіе такой формы разработки научныхъ вопросовъ, которая связываетъ самостоятельность научной мысли, почти даже можетъ тормозить развитіе науки. Съ другой стороны, онъ считаетъ, повидимому, обычнымъ явленіемъ въ русскихъ университетахъ предложеніе профессорами медальныхъ темъ и разработку науки въ видѣ отвѣтовъ на темы [1]). Что касается послѣдняго вопроса, то, дѣйствительно, такой обычай есть, но дѣйствительно научные результаты въ послѣдніе сорокъ лѣтъ онъ систематически давалъ только въ кіевскомъ университетѣ и то преимущественно по каѳедрѣ В. Б. (по другимъ,—несомнѣнно подъ вліяніемъ успѣховъ каѳедры В. Б.). Слѣдовательно, заслуга В. Б. въ возбужденіи научной дѣятельности несомнѣнна; но сверхъ того много монографій написано учениками В. Б. уже по окончаніи университета, однако и въ такихъ случаяхъ связь ясна (напр. работы гг. Ляскоронскаго, Иванова, Голубовскаго и др.). В. Б. сознательно преслѣдовалъ цѣли монографической разработки русской исторіи по областямъ. Связь съ идеями учителя его учениковъ ясна всякому, кто знакомъ съ литографированнымъ изданіемъ начала 80-хъ годовъ лекцій В. Б. по исторіи древней Руси: ученики разрабатывали темы, намѣченныя въ чтеніяхъ профессора. Несомнѣнно, монографическая разработка исторіи древне-русскихъ земель отличается нѣсколько особыми методическими пріемами, которые примѣнены во всѣхъ работахъ, такъ что даже расположеніе научнаго матеріала представляетъ собою извѣстное однообразіе. Общность идейнаго

---

[1]) Др. С. Томашівський, Володимер Антонович и его діяльность на поли историчної науки. (З нагоди юбилею). У Львові. 1906.

содержанія всѣхъ работъ учениковъ В. Б. (за исключеніемъ одного изъ нихъ, труды котораго окрашены экономической точкой зрѣнія на историческій процессъ) выражается въ томъ, что для нихъ основное содержаніе историческаго процесса— соціальный процессъ: такую точку зрѣнія можно уловить въ этихъ работахъ, несмотря на спеціальный монографическій ихъ характеръ. Но, думается, что для понятія школы въ исторической наукѣ указанныя двѣ черты общности работъ имѣютъ второстепенное значеніе потому, что методъ науки съ развитіемъ ея употребляется съ одинаковымъ успѣхомъ всѣми учеными и въ немъ возможны теперь лишь модификаціи; идейное направленіе спеціальной монографіи можетъ быть не отчетливо выражено. Поэтому, основной элементъ исторической школы есть направленіе, цѣль работъ; такою цѣлью В. Б. всегда ставилъ монографическую разработку областной исторіи (древне-русской и западно-русской). Поэтому, совершенно справедливо характеризовать школу В. Б. терминомъ областной.

Вотъ тотъ рядъ соображеній, который побуждаетъ насъ связать съ именемъ В. Б. Антоновича многочисленный рядъ работъ его учениковъ, объединенныхъ понятіемъ исторической школы.

Тимоѳей Николаевичъ Грановскій (1813—1855 гг.).

Сороковые годы—это эпоха, къ которой съ особенною любовью обращается русскій интеллигентный читатель: здѣсь онъ находитъ вѣру въ силы русскаго общества, въ великій и непреложный законъ общественнаго развитія, въ силу мысли и слова. Сороковые годы величайшее, еще неисчерпанное нами, культурное наслѣдіе. Здѣсь зародились, вошли въ плоть и кровь русскаго общества идеи, которыя оно продолжало и продолжаетъ разрабатывать, въ направленіи которыхъ оно дѣйствуетъ.

Литература, наука, политическая мысль, бывшія до того времени достояніемъ немногочисленнаго класса, выдвинувшагося образованіемъ и обычно родовитаго происхожденіемъ,—съ сороковыхъ годовъ одемократизировались, стали переходить въ широкіе слои общества. Разночинецъ сталъ двигать науку и литературу, и разночинецъ сталъ впитывать въ себя достояніе общечеловѣческой культуры. Сороковые годы показали, что человѣческая мысль, насильно сдерживаемая въ рамкахъ отвлеченности, непреложно стремится вырваться, направить свое движеніе на окружающую жизнь,—и отъ абсолюта Гегеля перейдетъ къ мужику и къ политикѣ. Въ этомъ смыслѣ—это поучительная эпоха, ясно указующая на безплодность борьбы съ назрѣвающими въ обществѣ идеями. По своимъ результатамъ, сороковые годы имѣютъ сходство съ современностью. Тогда общественное движеніе развилось и окрѣпло среди глубокаго сна реакціи и какъ бы внезапно проявило дѣятельность въ исходѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Среди плеяды дѣятелей сороковыхъ годовъ видная доля участія въ развитіи общественнаго самосознанія принадлежала профессору Т. Н. Грановскому.

Т. Н. Грановскій получилъ образованіе въ Петербургскомъ университетѣ. Въ 1836 г. онъ былъ посланъ, въ числѣ другихъ, тогдашнимъ попечителемъ Московскаго учебнаго округа графомъ Строгановымъ за границу для подготовленія къ профессорской каѳедрѣ, и направился въ Берлинъ для занятій исторіею. Багажъ, вынесенный имъ изъ университета, былъ весьма невысокаго качества. Въ Берлинѣ иногда сомнѣніе брало Грановскаго. Но здѣсь ему удалось слушать лучшихъ тогдашнихъ профессоровъ—Ранке, Ганса, Савиньи и Риттера. Здѣсь же онъ сталъ изучать, по настоянію своего друга Станкевича, философію и усвоилъ себѣ систему Гегеля, господствовавшую въ то время. Хорошее историко-юридическое и философское образованіе дало Грановскому и основательныя свѣдѣнія и широкое пониманіе предмета.

По пріѣздѣ въ Москву (съ лѣта 1839 г.) жизнь Грановскаго стала протекать въ кругу близкихъ людей—Герцена, Бѣлинскаго, Огарева, Боткина и ихъ кружка, часто прерываемая спорами съ славянофилами. Это были узы, скрѣпляемыя личными симпатіями и единствомъ общественныхъ идеаловъ.

Въ университетѣ онъ получилъ каѳедру всеобщей исторіи и сразу занялъ выдающееся положеніе. Это былъ первый профессоръ, открывшій новую эру въ исторіи Московскаго университета и вообще въ исторіи русскихъ университетовъ.

Грановскій вступилъ на каѳедру, когда еще дѣйствовали обломки старой профессуры. Стоитъ вспомнить о тогда уже престарѣломъ Каченовскомъ съ его вѣчнымъ отрицаніемъ, о криминалистѣ Баршевѣ, защищавшемъ розгу „изъ человѣколюбія", о Василевскомъ, разсказывавшемъ анекдоты вмѣсто международнаго права, о кропотливомъ ученомъ Погодинѣ, съ каѳедры бросавшемъ „карноухія, обгрызенныя фразы"; послѣдній, въ своемъ дневникѣ, говоря о своихъ чтеніяхъ, заявляетъ, что они могли быть полезны для слушателей, „но скука слушать!" Наконецъ, стоитъ вспомнить о патріотическомъ паѳосѣ Шевырева.

Выдвинуться среди такой компаніи еще небольшая заслуга. Но Грановскій оставался лучшимъ профессоромъ и тогда, когда университетъ наполнился новыми силами. Гранов-

скій усвоилъ себѣ высокое понятіе объ исторіи, и въ его рукахъ этотъ предметъ впервые въ Россіи получилъ широкое значеніе общественной науки.

Грановскій писалъ очень мало, его сочиненія не имѣютъ большой научной цѣнности. Впрочемъ, и въ настоящее время въ нихъ поражаетъ богатство и цѣнность общихъ мыслей и поразительная внѣшняя обработка.

Какъ профессоръ, Грановскій не былъ шаблоннымъ ораторомъ.

Онъ начиналъ лекцію робко, глоталъ слова, говорилъ тихо. Но рѣчь его изобиловала внутренней силой, достоинствомъ и теплотой (отзывъ С. М. Соловьева). Онъ соединялъ нѣмецкую ученость съ стремленіемъ къ обобщающей идеѣ: онъ не былъ похожъ на историка, который, начавъ съ Ромула, всю жизнь не успѣваетъ дойти до Нумы Помпилія. По удачному выраженію Герцена, Грановскій—„думалъ исторіею, учился исторіею и впослѣдствіи исторіею дѣлалъ пропаганду".

И въ этомъ была его сила.

Въ изложеніи Грановскаго историческая наука впервые получила характеръ закономѣрной науки объ обществѣ. Сейчасъ по возвращеніи изъ Берлина, историческое міросозерцаніе Грановскаго въ общемъ слѣдовало Гегелю и Савиньи, но съ теченіемъ времени онъ внесъ въ него существенныя поправки въ смыслѣ дуалистическаго пониманія историческаго процесса. На ряду съ духомъ народа, проявляющимся въ исторіи, Грановскій выдвигалъ параллельное значеніе матеріальныхъ факторовъ. Въ этомъ смыслѣ онъ сдѣлалъ крупный шагъ впередъ въ развитіи понятія объ историческомъ процессѣ.

Для характеристики заслугъ Грановскаго, какъ ученаго и профессора, достаточно напомнить, что въ его аудиторіи, проникнутые его чтеніями, созрѣли такіе умы, какъ С. М. Соловьевъ, Кудрявцевъ, Ешевскій, Кавелинъ, И. С. Тургеневъ и др. Духъ Грановскаго и понынѣ витаетъ надъ историческими каѳедрами Московскаго университета, составляя ихъ научную силу и славу. Этотъ духъ сказывается въ стремленіи къ широкимъ обобщеніямъ и въ стремленіи путемъ исторіи связать прошлое съ настоящимъ и указать высокій идеалъ будущаго.

Станкевичъ взялъ съ Грановскаго, Тургенева и Неврова честное слово, что они всѣ свои силы посвятятъ дѣлу распространенія образованія въ Россіи.

Грановскій свято выполнялъ это обѣщаніе. По убѣжденію Грановскаго, русская интеллигенція еще не такъ богата силами, чтобы расточать ихъ на узкія спеціальныя изслѣдованія. Русскому обществу необходимо разъяснить еще основные элементы науки и жизни. Историческая наука очень пригодна для этихъ цѣлей: „Тотъ не историкъ,—писалъ онъ,—кто не способенъ перенести въ прошедшее живого чувства любви къ ближнему и узнать брата въ отдаленномъ отъ него иноплеменникѣ". Какое же значеніе имѣетъ это отношеніе къ жизни? „Теплымъ участіемъ въ прошедшихъ и будущихъ судьбахъ человѣчества мы расширяемъ объемъ нашего личнаго существованія и дѣлаемся нѣкоторымъ образомъ причастными всѣмъ уже совершеннымъ, или еще имѣющимъ совершиться подвигамъ добра и просвѣщенія".

При такихъ общихъ воззрѣніяхъ очень понятно, что когда историкъ обнажалъ всю наготу крѣпостного права въ средніе вѣка, когда историкъ съ любовью останавливался на зачаткахъ конституціонныхъ формъ въ Испаніи или Англіи, когда историкъ обнажалъ весь ужасъ религіозныхъ гоненій или вредъ національной исключительности,—слушатели отъ прошедшаго переносились къ настоящему. И когда историкъ утверждалъ въ умахъ и сердцахъ слушателей мысль о закономѣрности историческаго процесса, развивалъ мысль, что всякій народъ неуклонно и на основаніи тождественныхъ законовъ совершаетъ свой ходъ по пути соціально-политическаго прогресса,—то сердца слушателей наполнялись надеждою.

Но историкъ говорилъ своей аудиторіи, что человѣчество движется по пути прогресса не тогда, когда оно наслаждается квіэтизмомъ, какъ это учили славянофилы. Квіэтизмъ—это регрессъ. Нужна дѣятельность свободной личности. Каждый долженъ стремиться быть акушеромъ своего времени и дѣятельно работать для будущаго. Вообще во всѣхъ своихъ курсахъ, въ статьяхъ Грановскій съ особенною любовью развивалъ идею о свободѣ личности. Слушатели и читатели понимали, что тутъ дѣло идетъ и о современныхъ соціальныхъ и политическихъ вопросахъ. Такимъ образомъ, подъ оболочкою средневѣковой исторіи, съ каѳедры Грановскаго впервые въ Россіи вошла въ обширную общественную среду проповѣдь о вредѣ крѣпостного права. Въ лицѣ Кавелина и Турге-

нева Грановскій нашелъ друзей и учениковъ, которые проложили новые пути по этимъ вопросамъ.

Въ вопросѣ національномъ Грановскій предостерегалъ отъ китайщины, намекая на „славянъ“ и на представителей оффиціальной народности.

Но онъ съ любовью и довѣріемъ, безъ ложнаго стыда и мечтательнаго мистицизма, относился къ русскому народу: „Мнѣ кажется, что намъ принадлежитъ будущее, но отъ прошедшаго мы должны отказаться въ пользу другихъ. Но это будущее должно быть взято дѣятельностью отдѣльныхъ личностей, оно должно составить ихъ подвигъ.“—„Многочисленная партія,—писалъ онъ въ 1847 году,—подняла въ наше время знамя народныхъ преданій и величаетъ ихъ выраженіемъ общаго непогрѣшимаго разума. Такое уваженіе къ массѣ не убыточно. Довольствуясь созерцаніемъ собственной красоты, эта теорія не требуетъ подвига. Но въ основаніи своемъ она враждебна всякому развитію и общественному успѣху. Массы, какъ природа или какъ Скандинавскій Торъ, безсмысленно жестоки и безсмысленно добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ опредѣленій, отъ которой освобождается мыслью только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслью заключается процессъ исторіи“.

Къ концу жизни въ Грановскомъ замѣтны усталость, упадокъ духа, тоска. Ему пришлось вынести не мало непріятностей по службѣ, шедшихъ со стороны тѣхъ, кто считалъ себя спасителемъ отечества. Умеръ Станкевичъ, Бѣлинскій, эмигрировалъ Герценъ. Съ послѣднимъ у Грановскаго оказался разладъ, такъ какъ Грановскій не сочувствовалъ бурной революціонной дѣятельности Герцена за границей, призывая всѣхъ къ работѣ на мѣстѣ. Москва для него пустѣла. Черная реакція надвигалась и давила Грановскаго. Это было время (конецъ сороковыхъ и начало пятидесятыхъ годовъ), когда правительствомъ окончательно былъ признанъ вредъ университетской науки: въ университетъ пошелъ разночинецъ, вносящій съ собою какую-то врожденную любовь къ свободѣ,—и разночинцу закрыли двери въ университеты. Для небольшого круга избранныхъ, чтобы не засорить ихъ дворянскія головы зловредными бреднями, рѣшено было обезвредить науки установленіемъ программъ, надзоромъ за преподавані-

емъ и преподавателями, удаленіемъ „вредныхъ"—и ярославскій квартальный надзиратель былъ назначенъ въ Харьковъ читать студентамъ философію.

Грановскій видѣлъ спасеніе народа въ наукѣ, въ культурномъ развитіи, и разражающіяся репрессіи производили на него гнетущее впечатлѣніе. Въ одномъ письмѣ Погодина къ Шевыреву разсказывается о встрѣчѣ Погодина съ Грановскимъ, только что возвратившимся изъ Петербурга: „Грановскій разсказалъ столько ужасовъ о Петербургѣ, теперешнемъ направленіи, что морозъ по кожѣ подираетъ... Въ ужасное время мы живемъ!"—заключаетъ благонамѣренный авторъ письма.

Стѣсненная наука стала давать свои плоды, и Грановскій глубоко скорбѣлъ о паденіи университетовъ.

„Окружающее меня здѣсь не радостно,—писалъ Грановскій о современномъ ему состояніи науки,—въ университетѣ у насъ есть движеніе, жизнь, но въ этой жизни есть искусственное. Студенты занимаются хорошо, пока не кончили курса; по выходѣ изъ университета лучшіе изъ нихъ, тѣ, которые подавали наиболѣе надеждъ, пошлѣютъ и теряютъ участіе къ наукѣ и ко всему, что выходитъ изъ круга, такъ называемыхъ положительныхъ интересовъ. Ихъ губитъ матеріализмъ и безнравственное равнодушіе нашего общества".

Наблюденія надъ окружающею жизнью нерѣдко приводили Грановскаго въ отчаяніе, и онъ готовъ былъ потерять вѣру въ непреложный ходъ человѣческой культуры. „Положеніе наше,—читаемъ мы въ письмѣ его 1850 г. къ Герцену,—становится у насъ нестерпимѣе день ото дня. Всякое движеніе на Западѣ отзывается у насъ стѣснительной мѣрой. Доносы идутъ тысячами... Есть съ чего сойти съ ума. Благо Бѣлинскому, умершему во-время. Много порядочныхъ людей впали въ отчаяніе и съ тупымъ спокойствіемъ смотрятъ на происходящее—когда развалится этотъ міръ?"

Такъ надламывались силы и безъ того не крѣпкаго организма,—и онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, на зарѣ новой жизни Россіи.

Служеніе Грановскаго было подвигомъ, тѣмъ самымъ, къ которому онъ призывалъ своихъ слушателей съ каѳедры. И этотъ подвигъ должны цѣнить послѣдующія поколѣнія.

Черезъ его аудиторію прошли тысячи слушателей, на его публичныхъ лекціяхъ бывала вся мыслящая Москва. И лекціи Грановскаго производили сильное впечатлѣніе, подготовляли кадры просвѣщенныхъ дѣятелей освободительной эпохи.

Учебный педантъ назоветъ такую дѣятельность профессора ненаучной. Но русскій историкъ оцѣниваетъ это служеніе Грановскаго иначе: онъ дѣлалъ свое великое государственное и общественное дѣло.

Реформа общеобразовательной школы при императрицѣ Екатеринѣ II.

I.

Въ до-петровской Руси правительство не ставило школьнаго образованія въ число своихъ задачъ. Всякій пріобрѣталъ нужныя ему познанія такимъ путемъ, какимъ находилъ это возможнымъ. Образовательный уровень былъ очень невысокъ: подъ образованіемъ въ XVII в. разумѣлась простая начитанность въ книгахъ преимущественно церковно-религіознаго характера. Московскіе книжники стремились усвоить себѣ „мудрость“, подъ которой понималось схоластическое богословіе. Только въ самомъ концѣ XVII в. московское правительство оффиціально взяло подъ свое покровительство школу, учредивъ славяно-греко-латинскую академію. Но эта академія— было высшее учебное заведеніе. Цѣль его—вырастить на Руси „сѣмена мудрости“, т. е. той же богословской схоластики. Рядомъ съ этимъ академія должна была сдѣлаться оплотомъ противъ невѣрія, бороться противъ ересей не только словомъ, но и дѣломъ. Дальше такого рода училища московское правительство не пошло, совершенно не понявъ высокаго государственнаго значенія общаго элементарнаго образованія.

Для Петра Великаго, положившаго всю свою желѣзную волю на развитіе военнаго дѣла, техники, торговли и промышленности въ государствѣ, стремленіе къ отвлеченной мудрости не имѣло значенія, а потому онъ совершенно иначе посмотрѣлъ на дѣло школьнаго образованія. Отъ своихъ подданныхъ, всѣхъ безъ различія, онъ требовалъ службы государству. Крестьянинъ платилъ подушную подать въ казну и работалъ на помѣщика; даровой трудъ крѣпостного доста-

влялъ помѣщику возможность всю жизнь проводить на службѣ государству, получая отъ послѣдняго грошевое жалованье. Купечество должно было заводить фабрики и заводы и развивать такимъ образомъ отечественную промышленность, о которой такъ хлопоталъ Петръ Великій. Дворянство съ 15 лѣтъ по гробъ служило въ войскѣ, флотѣ и канцеляріяхъ. Никто не долженъ былъ уклоняться отъ службы, но многія отрасли службы при такой ея постановкѣ требовали спеціальныхъ знаній. Каждый офицеръ въ Петровскомъ войскѣ долженъ былъ имѣть хотя элементарныя познанія въ наукахъ, не говоря о спеціальныхъ родахъ службы, въ родѣ морской, артиллерійской и проч. Поэтому Петръ Великій требуетъ отъ всѣхъ, кому по рожденію надлежитъ быть въ той или иной службѣ, пріобрѣтенія спеціальныхъ знаній, требуетъ ученія. Понятно, что если служба какого-нибудь класса общества не требовала спеціальныхъ знаній, напримѣръ, крестьянскаго сословія, или если этотъ классъ не служилъ, напримѣръ женщины, то государство вовсе не заботилось объ ихъ образованіи.

Сначала Петръ Великій увлекался морскимъ дѣломъ и въ 1715 г. издалъ указъ о навигацкихъ школахъ. Въ этихъ школахъ должны были учить „молодыхъ ребятокъ изо всякаго чина“ чтенію, письму и „нѣкоторой части геометріи“. Это— элементарная школа, въ которой пріобрѣтаются предварительныя познанія для послѣдующаго изученія мореплаванія. Но вскорѣ Петръ Великій понялъ, что на практикѣ невозможно всѣхъ сдѣлать моряками, что это даже не безопасно, т. е. можетъ оскудѣть другого рода служба. Цифирныя школы были оставлены въ небреженіи и мало-по-малу совсѣмъ исчезли. Тогда Петръ Великій издаетъ указъ за указомъ, которыми проводится принципъ, чтобы каждый учился профессіи своего отца.

Такъ, дѣти духовенства должны были учиться „въ надеждѣ священства“, дѣти приказныхъ въ коллегіяхъ „повинны“ учиться приказному дѣлу, изучать уложеніе, регламенты и указы, чтобы потомъ служить въ тѣхъ же коллегіяхъ.

Нечего говорить о томъ, что военная профессія подверглась самой тщательной культивировкѣ. Школой для военныхъ служили прежде всего при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ гвардейскіе полки. Этотъ государь, по словамъ

одного указа Анны Ивановны, опредѣлилъ „все младое шляхетство въ гвардію сначала писать и тѣмъ путемъ яко школою далѣе дослуживаться". Но такъ какъ морская служба требовала нѣсколько особыхъ навыковъ, то уже при Петрѣ было устроено два морскихъ училища—въ Москвѣ, въ Сухаревой башнѣ, и въ Петербургѣ, такъ называемая, морская гвардія или морская академія.

Впослѣдствіи практическая выучка въ сухопутной гвардіи была отчасти замѣнена основанной въ 1731 г. рыцарской академіей, переименованной потомъ въ сухопутный шляхетный корпусъ.

Спеціализація въ области военнаго образованія носила узко-профессіональный характеръ. Такъ, появились особыя училища для спеціальнаго рода службъ, какъ напримѣръ, дѣти корабельныхъ плотниковъ предназначались для обученія ремеслу ихъ родителей, и т. п.

Предметы преподаванія въ училищахъ были исключительно подчинены государственнымъ нуждамъ, вслѣдствіе чего господствовала односторонность. Главная цѣль духовнаго образованія свелась къ изученію богословскихъ предметовъ. Правда, въ этой области весьма трудно было обойтись безъ подготовительнаго обученія: оно и существовало въ видѣ классическихъ языковъ, началъ еврейскаго и проч.

Точно такъ же подбирались предметы и въ училищахъ другихъ профессій. Такъ, юнкера при коллегіяхъ обучались письму, ариѳметикѣ и „всѣмъ дѣламъ, принадлежащимъ въ оной коллегіи",—вообще тому, „что коллежскимъ правленіямъ надлежитъ". При этомъ въ разныхъ коллегіяхъ обучали потребнымъ въ нихъ наукамъ, въ коллегіи коммерціи, напр., „довольному въ поправленіи коммерціи искусству". Въ 1748 г. Сенатъ опредѣлилъ коллежскимъ юнкерамъ читать „Уложеніе, Генеральный регламентъ и прочіе, подлежащіе къ знанію гражданскихъ правъ уставы и регламенты и указы". Обученіе коллежскихъ юнкеровъ—прототипъ высшаго юридическаго образованія, но какъ видите, и оно не удалялось отъ ближайшей практической цѣли, хотя въ половинѣ XVIII ст. и пытались нѣсколько расширить кругъ его введеніемъ естественнаго права.

Совершенно понятно, что выборъ предметовъ въ училищахъ, гдѣ обучались дѣти военныхъ, соотвѣтствовалъ бу-

дущей службѣ учащихся. Такъ, въ гарнизонныхъ школахъ вслѣдъ за обученіемъ письму, чтенію и ариѳметикѣ, обучали солдатской экзерциціи, артиллерійской и инженерной наукѣ. Такъ же было первоначально поставлено дѣло и въ морскомъ корпусѣ. Но въ исторіи шляхетскихъ корпусовъ есть одна особенность. Будучи по первоначальному плану своему чисто военными училищами, они вскорѣ превратились въ училища въ нѣкоторой мѣрѣ общеобразовательныя, не утративъ, однако, своего профессіональнаго характера. Это произошло потому, что къ половинѣ XVIII столѣтія уже ясно выработался типъ шляхетскаго сословія. Такъ какъ въ морской и сухопутный корпуса поступали исключительно дворяне, то мало-по-малу въ составъ преподаваемыхъ предметовъ вводятся, кромѣ спеціальныхъ наукъ, и такія, которыя считались вообще необходимыми для полнаго образованія дворянина. Такъ, въ морскомъ корпусѣ, по уставу императрицы Елизаветы, кромѣ морскихъ наукъ, вводится преподаваніе и шляхетныхъ наукъ въ родѣ генеалогіи, морали, геральдики, толкованіе авизей, политики и „прочія шляхетскія науки“. Въ сухопутномъ корпусѣ тоже пестрое разнообразіе предметовъ: нѣсколько иностранныхъ языковъ, танцованіе, рисованіе, „на шпагахъ биться“, вольтижированіе,—однимъ словомъ, показываются „чрезъ искусныхъ мастеровъ... всякія молодому человѣку пристойныя экзерциціи“. Въ этомъ корпусѣ даже заведено было отдѣленіе юридическихъ наукъ для желающихъ поступить на гражданскую службу, хотя оно мало имѣло успѣха. Извѣстна исторія корпуса въ Елизаветинское время: ученіе въ немъ шло плохо, зато ученики оказывали большіе успѣхи въ литературѣ и дали на этомъ поприщѣ хорошихъ работниковъ.

Такимъ образомъ, въ корпусахъ съ половины XVIII ст. уже главною цѣлью обученія ставили не исключительно подготовку навигатора, подьячаго, артиллериста, офицера той или другой части, но дворянина; образованіе профессіональное слилось съ сословнымъ въ болѣе широкомъ значеніи этого послѣдняго.

Разъ правительство смотрѣло на образованіе, какъ на службу, и требовало только такого ученія, какое нужно для службы, то оно выработало и своеобразный взглядъ на педагогическіе пріемы и систему обученія. Кромѣ того, общество бѣжитъ отъ такой школы, которая превращается въ службу,

въ которой учатъ не тому, чему хотятъ учащіеся и ихъ родители, но тому, что нужно для государственной службы. Отсюда установился такой порядокъ вещей: мальчикъ 7—10 лѣтъ отрывался отъ семьи, большею частью насильно, и подъ карауломъ доставлялся въ училище; это былъ почти такой же наборъ, какъ и рекрутскій, сопровождавшійся слезами и побѣгами. „Предложено мнѣ,—писалъ устюжскій городской голова губернатору,—о наборѣ въ мореходную школу учениковъ, а коликое число и изъ какихъ дѣтей... и при наборѣ какъ ихъ содержать, того не изъясно... подъ стражею ли, а буде безъ стражи, то уповательно разбредутся".

Чтобы избѣжать ученія въ цыфирныхъ школахъ, посадскіе люди, т. е. городское сословіе, подали Петру В. челобитную, въ которой жаловались: „принуждаютъ (воеводы—горожанъ) для того ученія высылкою (дѣтей) къ Москвѣ и въ томъ держатъ людей въ городахъ за карауломъ". Купеческія дѣти „безъ школы обучаются своему ремеслу" за прилавками отцовъ своихъ, почему посадскіе просятъ государя: „для многолѣтняго Вашего Царскаго Величества здравія, не вели, государь, для означенной науки, во учиненные въ Москвѣ школы съ городовъ дѣтей нашихъ брать, и о томъ свой милостивый указъ учинить".

И, дѣйствительно, ученики бѣжали изъ школъ цѣлыми толпами, спѣшили жениться, уходили въ монастыри, даже увѣчили себя, а дѣти церковныхъ причетниковъ иногда записывались въ крѣпостные крестьяне,—только бы избѣжать службы.

Правительство принимало съ своей стороны самыя разнообразныя мѣры, чтобы прекратить такое бѣгство и дѣйствительно услѣдить за обученіемъ. Такъ, еще Петръ В. учредилъ особые смотры для экзамена и разбора недорослей. Чтобы заставить учениковъ оканчивать навигацкія школы, былъ изданъ указъ, запрещавшій вѣнчать молодыхъ людей безъ предъявленія свидѣтельства объ окончаніи ученія. Но и эти, повидимому, радикальныя мѣры не помогли: цыфирныя школы дали на всю Россію всего нѣсколько десятковъ человѣкъ.

Указы мало дѣйствовали. Поэтому правительство и мѣстное начальство изобрѣтали самыя разнообразныя средства, чтобы уловить въ школу всѣхъ уклоняющихся отъ нея или возвратить въ нее бѣглецовъ.

Такъ съ дѣтей берутъ подписки, что они не убѣгутъ;

указомъ 1719 г. назначается даже конфискація всего движимаго имущества тѣхъ, кто убѣжитъ изъ школы. Держатъ подъ арестомъ родителей, укрывающихъ дѣтей и т. п.

Учителя сами должны были развѣдывать, нѣтъ ли гдѣ укрывающихся отъ школы дѣтей. Если „гдѣ отъ священнослужителей въ отдачѣ дѣтей ихъ учинится какое-либо непослушаніе,—учитель долженъ о томъ донести, куда слѣдуетъ, а пристойнымъ образомъ требовать команды и тѣхъ ихъ дѣтей брать, не пріемля никакихъ отговорокъ и потому жъ отсылать ихъ къ опредѣленію въ семинаріи“.

Но самымъ радикальнымъ средствомъ духовное начальство считало разсылку по епархіямъ солдатъ, которые обязаны были слѣдить, не укрывается ли кто изъ учениковъ и не подросли ли у кого изъ церковнаго причта дѣти до школьнаго возраста. Сколько горькихъ слезъ, разсказываютъ современники, проливалось въ семьяхъ, когда являлся такой соглядатай.

Понятное дѣло, что съ бѣглыми учениками не церемонились: возвращенныхъ били батогами и часто сдавали въ рядовые солдаты.

Русское общество избѣгало школы потому, что пребываніе въ училищѣ почиталось уже службой, и службой тяжелой и не для дѣтей. Ребенокъ, при вступленіи въ ученье, приносилъ присягу государю. Разъ онъ находился на службѣ, то государство считало совершенно излишнимъ авторитетъ учителя, его воспитательное вліяніе на ученика: передъ послѣднимъ былъ авторитетъ закона; по Петровскому указу 1715 г. дисциплина водворяется въ классѣ при посредствѣ „добрыхъ отставныхъ гвардейскихъ солдатъ“, которые должны имѣть „хлыстъ въ рукахъ, а буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря, какой бы онъ фамиліи не былъ“. Въ морскомъ корпусѣ за всякія продерзости приказано было бить батогами, коллежскіе юнкера за крупные проступки отдавались въ солдаты „безъ произвожденія“. Въ инструкціи духовнымъ школамъ говорилось, что „за легкія вины, кромѣ татьбы и другихъ тяжкихъ винъ, наказать въ первый и во второй разъ словесно; а за третью вину при собраніи учениковъ смирить шелепами; а за четвертую и пятую плетьми и тюремнымъ арестомъ на недѣлю“. Если преступникъ не исправляется, то доносить духовному судьѣ, а послѣдній „сыскавъ таковаго п р е с т у п н и к а и сковавъ въ ножныя желѣза, для

вящшаго наказанія", долженъ прислать въ канцелярію. Такимъ образомъ, за школьные проступки учащійся, какъ преступникъ подвергается уголовному наказанію, какъ находящійся на службѣ. И вездѣ, во всѣхъ школахъ, такіе же педагогическіе пріемы.

Когда образованіе замкнулось въ чисто сословныя рамки, учебная практика выработала и особые взгляды на то, что слѣдуетъ считать нравственнымъ или безнравственнымъ, хорошимъ или дурнымъ,—и это понятіе отлилось въ чисто сословную схему. Сенатскіе дворяне должны „содержать себя чисто въ платьѣ и бѣльѣ, такъ же и волосы пудрить всякій день, чтобъ имъ не безчестно было являться предъ честными людьми". Вообще, дворяне въ коллегіяхъ должны „оказывать свою природу". Въ предписаніяхъ по кадетскому корпусу говорится, что надзиратели обязаны смотрѣть, чтобы „лжи или невѣрности и прочіе шляхетству непристойные пороки заранѣе у нихъ (кадетъ) весьма искоренены были".

Вотъ какое положеніе, по отношенію къ школѣ, занимало государство около половины XVIII в. Государство смотрѣло на ученіе, какъ на службу, а общество, спасаясь отъ службы, бѣжало отъ школы. Извѣстные классы общества прикрѣплены къ извѣстному роду обученія. Такъ, для духовенства установлены были школы при архіерейскихъ домахъ и академія въ Москвѣ; для солдатъ и однодворцевъ—гарнизонныя школы; для дворянъ—сухопутный и морской кадетскіе корпуса, школа артиллерійская и др.; для гражданскихъ чиновниковъ—школа при коллегіяхъ и нѣк. др. Но въ этомъ ряду нѣтъ школъ для дѣвочекъ, крестьянъ и посадскихъ,—нѣтъ потому, что женщины не служили государству, а тяглыя отношенія крестьянъ и посадскихъ не требовали профессіональныхъ знаній.

Правда, при Екатеринѣ I въ Петербургѣ была основана Академія Наукъ, а при ней университетъ и гимназія. Оба учебныя заведенія должны были преслѣдовать общеобразовательныя цѣли, но бывали годы, когда, по свидѣтельству Ломоносова, въ университетѣ и гимназіи не читались лекціи самими профессорами, или же не для кого было читать, потому что не было слушателей. Въ академическую гимназію набирались дѣти „изъ самой подлости", т. е. изъ горожанъ, мелкаго дворянства и пр., но дѣтямъ крѣпостныхъ былъ воспрещенъ

туда доступъ. Для привлеченія учениковъ Ломоносовъ проектировалъ давать ученикамъ гимназіи изъ дворянъ большіе „ранги“ или чины; при Елизаветѣ столы для дворянъ-учениковъ сдѣланы были особые, лучше чѣмъ для разночинцевъ, и поставлены отдѣльно отъ послѣднихъ. Но все-таки „шляхетные юноши“ не шли въ академическую гимназію. При Елизаветѣ учреждается Московскій университетъ, при немъ гимназія и такая же гимназія основана въ Казани. Но этихъ гимназій было мало, да и учили въ нихъ плохо.

Въ самомъ дѣлѣ, если присмотрѣться къ порядку ученія въ разныхъ школахъ до екатерининскихъ реформъ, то насъ поразитъ здѣсь необыкновенный хаосъ.

Такъ, ученики переводились изъ класса въ классъ не по познаніямъ, а по возрасту. Ученіе велось не съ цѣлымъ классомъ, а съ каждымъ ученикомъ въ отдѣльности. Въ одномъ и томъ же возрастѣ, т. е. классѣ, одинъ ученикъ изучалъ дивизію (т. е. дѣленіе), другой мультипликацію (т. е. умноженіе), а третій еще сидѣлъ на складахъ,—однимъ словомъ, сколько учениковъ, столько и классовъ.

Въ корпусахъ господствовало чрезвычайное разнообразіе предметовъ, но всѣ они преподавались безъ всякой послѣдовательности. То предметъ цѣлые годы не преподавали, потому что не было учителей; то были учителя, да ученики не хотѣли избрать этого предмета и т. п.

Что ученики выносили изъ такихъ училищъ, можно судить по отзывамъ современниковъ. Въ тогдашней школѣ малому учили, но зато много взыскивали съ учениковъ. Бецкій говоритъ, что „кадеты много терпѣли отъ фухтелей, и нѣкоторые, по выпускѣ изъ корпуса, оставались отъ того навсегда хворыми“. Даниловъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ о своемъ учителѣ артиллерійскаго училища Алабушевѣ: „онъ былъ человѣкъ пьяный и вздорный,—по третьему смертоубійству сидѣлъ подъ арестомъ и взятъ обучать школу“ („Записки“, М. 1842, 54).

Можете судить, что терпѣли ученики отъ такихъ учителей и чему они учились. А вотъ и отзывъ Фонвизина объ его пребываніи въ Московскомъ университетѣ:

„Въ бытность мою въ университетѣ,—говоритъ Фонвизинъ,—учились мы весьма безпорядочно. Ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой

нерадѣніе и пьянство учителей. Ариѳметическій нашъ учитель пилъ смертную чашу; латинскаго языка учитель былъ примѣромъ злонравія, пьянства и всѣхъ подлыхъ пороковъ, но голову имѣлъ преострую и какъ латинскій, такъ и россійскій языки зналъ очень хорошо". Далѣе описаніе экзаменовъ, сдѣланное Фонвизинымъ, показываетъ еще ярче младенческое состояніе науки въ юномъ университетѣ или, вѣрнѣе сказать, въ гимназіи при университетѣ: „Наканунѣ экзаменовъ въ нижнемъ латинскомъ классѣ дѣлалось приготовленіе; вотъ въ чемъ оно состояло: учитель нашъ пришелъ въ кафтанѣ, на коемъ было пять пуговицъ, а на камзолѣ четыре: удивленный этою странностью, я спросилъ учителя о причинѣ. „Пуговицы вамъ кажутся смѣшными", говоритъ онъ, „но онѣ суть стражи вашей и моей чести, ибо на кафтанѣ значатъ пять склоненій, а на камзолѣ четыре спряженія; „итакъ", продолжалъ онъ, ударяя по столу рукою, „извольте слушать всѣ, что говорить стану. Когда станутъ спрашивать о какомъ-нибудь имени, какого склоненія, тогда примѣчайте, за которую пуговицу я возьмусь; если за вторую, то смѣло отвѣчайте второго склоненія. Со спряженіями поступайте, смотря на мои камзольныя пуговицы, и никогда ошибки не сдѣлаете". Еще оригинальнѣе былъ экзаменъ изъ географіи. Учениковъ по этому предмету было только трое. „Но какъ учитель нашъ", говоритъ Фонвизинъ,—былъ тупѣе прежняго латинскаго, то пришелъ на экзаменъ съ полнымъ портищемъ пуговицъ, и мы слѣдственно экзаменованы были безъ приготовленія. Товарищъ мой спрошенъ былъ, куда течетъ Волга? „Въ Черное море" —отвѣчалъ онъ; сей же самый вопросъ сдѣланъ былъ мнѣ: „не знаю", сказалъ я съ такимъ видомъ простодушія, что экзаменаторы единодушно мнѣ медаль присудили. Я, конечно, сказать правду, заслужилъ бы ея изъ класса практическаго нравоученія, но отнюдь не географическаго".

Въ духовныхъ училищахъ учили не лучше, чѣмъ въ свѣтскихъ. Въ славяно-греко-латинской академіи господствовала старая схоластика. Въ богословіи, правда, знакомили съ Лейбницомъ, Бэкономъ и др. философами: но рядомъ встрѣчаемъ и разсужденіе о договорѣ съ дьяволомъ, колдунахъ, о томъ, гдѣ сотворены ангелы и сколько занимаютъ они мѣста. Въ психологіи послѣ главы о душѣ слѣдовалъ трактатъ о волосахъ; тутъ рѣшается вопросъ: отчего у стариковъ выпадаютъ

волосы, а почему у женщинъ не растетъ борода? Въ физикѣ трактовали о числѣ небесъ и проч., но были параграфы и о томъ, росла ли въ раю роза безъ шиповъ.

Правда, были въ Россіи и другіе способы получить образованіе, помимо только что названныхъ школъ. Вы знаете, что въ XVIII в. вошло въ моду приглашать гувернеровъ иностранцевъ въ русскіе богатые дома для обученія дѣтей. Но что это были за воспитатели, послушайте отзывъ секретаря французскаго посольства де-ла-Мессанера, котораго нѣтъ нужды подозрѣвать въ антипатіи къ своимъ соотечественникамъ:

„Мы были осаждены тучею французовъ всякаго рода, изъ которыхъ большая часть, испытавъ непріятность съ парижской полиціей, отправилась заражать сѣверныя страны. Мы были изумлены и оскорблены, нашедши у многихъ знатныхъ вельможъ дезертировъ, банкротовъ, которымъ поручено было важное дѣло воспитанія дѣтей: видно по всему, что эта дрянь, выброшенная изъ нашего отечества, раскинулась до самаго Китая“. Хороши были и содержатели пансіоновъ, тоже иностранцы, большею частью нѣмцы. Прислушайтесь къ серьезному объясненію однимъ изъ нихъ Христоф. Эргардтомъ своимъ ученикамъ о томъ, какъ нужно писать слово genugsam: „должно писать—говоритъ онъ,—начальную букву прописную, потому что оно означаетъ спокойствіе души“.

Не лучше было и обученіе у доморощенныхъ русскихъ учителей, которыхъ Фонвизинъ обезсмертилъ въ извѣстныхъ Кутейникѣ и Цыфиркинѣ. Но эти фонвизинскіе педагоги, право, еще добродушные люди. А вотъ какъ вспоминаетъ генералъ-маіоръ Даниловъ о своемъ учителѣ, пономарѣ Брудастомъ.

„Былъ я, говоритъ Даниловъ, любимый сынъ у моего отца. Отъ роду моего лѣтъ семи или болѣе (это было около 1717 г.) отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филиппу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Пономарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода была большая, круглая, покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечами его, и, казалось, что у него шеи не было; у него въ то же время учились два брата мнѣ двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастой жилъ только одинъ со своею женою, весьма въ малой избушкѣ: приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не

скажетъ „аминь", не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и по днесь, по той, можетъ быть, причинѣ, что часто меня сѣкли розгою: я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я, по лѣтамъ моимъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро, но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безвыходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна, и все, что выучилъ прежде наизусть, при слушаніи урока къ вечеру и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюція меня, какъ непонятнаго, „сѣчь". Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терпѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена, во время нашего ученія, понуждала насъ, въ небытность своего мужа всечасно, чтобы мы громче кричали хотя бы не то, что учимъ. Отраднѣе намъ было, отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ. По возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и понятно: изъ сего нынѣ заключаю, что принужденное дѣтямъ ученіе грамотѣ не полезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣненіе и унылость".

Зная теперь, чему и какъ учились въ до-Екатерининское время, мы не удивимся отзыву Бецкаго, который въ одномъ изъ своихъ докладовъ говорилъ въ 1767 г. Императрицѣ: хотя въ Россіи существуетъ академія наукъ и другія училища, „но мало, если не совсѣмъ, ничего существенныхъ отъ того плодовъ собрано".

Но вотъ что замѣчательно: въ русскомъ обществѣ малопо-малу созрѣвало убѣжденіе въ необходимости преобразовать школу, сдѣлать ее доступною для народа, устранить ея узкій сословно-профессіональный характеръ, въ общество начало проникать сознаніе огромнаго значенія народнаго образованія. Уже Ломоносовъ и Шуваловъ не прочь были провести кое-какія улучшенія въ этомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, Ломоносовъ возмущался, напримѣръ, тѣмъ, что въ Россіи закрытъ доступъ къ образованію крестьянамъ: „Во всѣхъ

Европейскихъ государствахъ позволено въ академіяхъ обучаться на своемъ коштѣ, и иногда и на жалованьи, всякаго званія людямъ, не выключая посадскихъ и крестьянскихъ дѣтей, хотя тамъ уже и великое множество ученыхъ людей. А у насъ, въ Россіи, при самомъ маломъ наукъ начинаніи, уже сей источникъ регламентомъ по 24 пункту запертъ, гдѣ положенныхъ въ подушномъ окладѣ въ университетъ принимать запрещается". (Ист. Ак., II, 573). Но при Елизаветѣ не могло быть и рѣчи о коренныхъ преобразованіяхъ: правительство тогда не прислушивалось къ голосу общества. Обстоятельства кореннымъ образомъ измѣнились съ момента вступленія на престолъ Екатерины II.

II.

„Чудное время переживаетъ Россія"—писалъ князь Д. М. Голицынъ изъ Франціи въ Россію въ первые годы екатерининскаго правленія.

Дѣйствительно, для русскаго аристократа, наблюдавшаго тогдашнюю Россію издалека, для человѣка, видѣвшаго полное причудъ правленіе Петра III, знавшаго нелегкій режимъ богомольной Елизаветы, просыпавшагося съ ужасомъ, когда ему во снѣ являлись бироновскія времена,—для такого человѣка Россія екатерининскаго времени казалась обновленной, сразу, по своимъ государственнымъ принципамъ, слившеюся съ лучшими умами Западной Европы. Новая эра жизни раскрывалась для Россіи! Отношеніе государства къ обществу рѣзко измѣняется. Появляются новыя словечки въ области государственнаго права—государство, граждане, взамѣнъ прежнихъ—господинъ и рабъ. Завязывается постоянное взаимодѣйствіе между государствомъ и обществомъ. Помощь со стороны общества во всѣхъ областяхъ внутренней политики не только не возбраняется, но и поощряется. Появляются нѣкоторые признаки того, что называется общественнымъ мнѣніемъ. Не забудемъ, что въ эти же дни великая императрица писала въ своемъ Наказѣ такія здравыя мысли о свободѣ слова: „запрещаютъ въ самодержавныхъ государствахъ сочиненія очень язвительныя, но оныя дѣлаются предлогомъ подлежащимъ градскому чиноправленію, а не преступленіямъ, и весьма бе-

речься подобно изысканія себѣ далече распространять, представляя себѣ ту опасность, что умы почувствуютъ притѣсненіе и угнетеніе, и сіе ничего иного не произведетъ, какъ невѣжество, и опровергнетъ дарованіе разума человѣческаго и охоту писать отниметъ“.

Никогда раньше общество, въ широкомъ его значеніи, не отзывалось такъ дружно на разные вопросы внутренней жизни, никогда раньше оно не несло такъ охотно своихъ силъ на служеніе ближнему, какъ въ это время. И въ послѣдующей исторіи только эпоха великихъ реформъ Александра II можетъ сравниться съ такимъ общественнымъ оживленіемъ, какое мы наблюдаемъ въ первые годы екатерининскаго царствованія.

Въ эти годы затронуты были многіе капитальные, наболѣвшіе вопросы русской дѣйствительности. Не осталось забытымъ и народное образованіе. На этомъ поприщѣ являются горячіе, убѣжденные проповѣдники пользы народнаго образованія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія. И замѣчательно, что всѣ эти люди, хлопотавшіе объ образованіи народа, сами большею частью недоучки и самоучки. Среди нихъ мы встрѣчаемъ въ высшей степени симпатичный обликъ Новикова, выключеннаго изъ Московскаго университета за неуспѣшность въ наукахъ. Онъ посвятилъ свою жизнь и свое состояніе на распространеніе книгъ въ обществѣ. Для него книга была священнымъ разсадникомъ образованія, спасительницей общества, влекущей его изъ невѣжества и грубости. Тутъ мы встрѣчаемъ и бича народнаго невѣжества — Фонвизина, по собственному признанію, вынесшаго изъ университета только знаніе нѣмецкаго языка, который помогъ ему заняться впослѣдствіи самообразованіемъ. Горячій проповѣдникъ школьнаго образованія Державинъ ничего не вынесъ изъ своего пребыванія въ казанской гимназіи. На далекомъ сѣверѣ, въ Архангельскѣ составляетъ проекты гимназіи новаго типа, хлопочетъ объ открытіи училища въ родномъ краѣ, съ душевной скорбью описываетъ невѣжество двинскихъ жителей В. Крестининъ, архангельскій купецъ-самоучка, окончившій свою жизнь въ званіи россійскаго академика и давшій рядъ полезныхъ научныхъ трактатовъ. Съ церковной каѳедры раздается горячая проповѣдь о пользѣ просвѣщенія нижегород-

скаго епископа Дамаскина, уже въ сравнительно зрѣломъ возрастѣ доучившагося въ Геттингенѣ.

Всѣ эти люди, которымъ съ такимъ трудомъ досталось усвоеніе просвѣтительныхъ началъ вѣка, прекрасно сознают пользу образованія; они на собственномъ примѣрѣ научались цѣнить его и потому стремятся къ возможно широкому распространенію образованія въ обществѣ.

Однако, было бы весьма ошибочно думать, что только выдающіеся люди того времени сознавали всю громадную пользу образованія. Вовсе нѣтъ. Когда собрались изъ разныхъ концовъ русской провинціи депутаты въ знаменитую комиссію для составленія новаго Уложенія 1767 г., они привезли въ своихъ наказахъ и ясно выраженныя желанія людьми изъ разныхъ слоевъ и мѣстностей Россіи объ учрежденіи училищъ. Нѣкоторые малороссійскіе депутаты привезли наказы, въ которыхъ жители просили объ учрежденіи въ краѣ школъ и даже университета, архангелогородцы просили объ открытіи у нихъ училища съ коммерческими науками, депутаты отъ пахатныхъ крестьянъ заявляли о необходимости учредить у нихъ школы и т. д. Изъ Большой Комиссіи была выдѣлена особая комиссія для составленія плана народнаго образованія. Эта Комиссія дѣйствительно выработала цѣлый проектъ деревенскихъ, городскихъ школъ и гимназій, также училищъ для инородцевъ. При этомъ, что весьма любопытно, Комиссія проектировала всеобщее и обязательное обученіе. Если бы проектъ Комиссіи прошелъ, то, быть можетъ, весь ходъ русской исторіи значительно измѣнился бы подъ вліяніемъ широко разлившагося образованія.

Такимъ образомъ, стремленіе къ распространенію образованія широко охватывало разные слои общества.

И надо знать, что сама Екатерина II не оставалась безучастной въ этомъ общемъ стремленіи. Она, вѣдь, тоже была самоучкой, начавшей свое образованіе съ безпорядочнаго чтенія книгъ. Она была слишкомъ умна, чтобы не понимать значенія образованія, но ей не легко было разобраться въ этомъ вопросѣ: ни современная Россія ни Западная Европа не представляли надежныхъ образцовъ въ дѣлѣ общаго народнаго образованія. И въ Зап. Европѣ потребность въ немъ въ то время только сознавалась, но жизнь, отрицая старую школу, еще не выработала опредѣленнаго типа новой. Уже въ знаме-

нитомъ Наказѣ Комиссіи для составленія новаго Уложенія Екатерина II развиваетъ свои мысли о воспитаніи: „правила воспитанія суть первыя основанія, приготовляющія насъ быть гражданами. Самое надежное средство сдѣлать людей лучшими—есть приведеніе въ совершенство воспитанія“ (гл. 10). Но разсужденіе Екатерины въ Наказѣ—это только педагогическіе рецепты, которые не легко было провести въ жизнь.

Въ началѣ своего правленія Екатерина увлеклась педагогическими идеями Бецкаго. Система послѣдняго исходила изъ глубокаго убѣжденія въ „злонравіи“ вѣка и въ необходимости исправлять людей, сдѣлать ихъ добронравными. По природѣ своей люди добры, но корень зла и добра въ воспитаніи. Для того, чтобы воспитать людей въ добрѣ, надо ихъ съ дѣтства удалить отъ всякаго злого вліянія семьи, посадить въ особый питомникъ, вдали отъ злонравныхъ людей. Здѣсь выростетъ новая порода „добронравныхъ“ людей. На этомъ основаніи Бецкій возлагалъ большія надежды на воспитательные дома и вообще на закрытыя учебныя заведенія.

Система Бецкаго не могла дать удовлетворительныхъ результатовъ. Екатерина, всегда здраво смотрѣвшая на вещи, скоро сознала недостатки этой системы и обратилась за поисками болѣе нормальнаго типа школы, и только въ 1780 г. такой типъ былъ найденъ.

Все то, что говорилось до сихъ поръ о настроеніи общества первыхъ годовъ царствованія Екатерины, свидѣтельствуетъ о двухъ обстоятельствахъ: во-первыхъ, что въ обществѣ того времени было настоятельное стремленіе къ правильному устройству школьнаго дѣла, и во-вторыхъ, что тогдашнее общество прекрасно сознавало недостатокъ старой школы.

Вскорѣ Екатеринѣ Великой и удалось найти типъ школы, который ее вполнѣ удовлетворилъ.

Екатерина Великая стремится себѣ уяснить вопросъ: она обращается къ своимъ иностраннымъ корреспондентамъ „милымъ философамъ“—съ запросами о системахъ образованія: получаетъ по этому поводу записки отъ Дидро, Гримма, Дальберга, слѣдитъ внимательно за Безетовскимъ „филантропиномъ“ и проч.

Въ 1775 г. она пишетъ Гримму: „Но послушайте, господа философы, не составляющіе секты: вы были бы премилые и превосходные люди, если бы сдѣлали благодѣяніе и выра-

ботали планъ обученія молодыхъ людей, отъ азбуки до университета включительно... Я, которая не училась и не была въ Парижѣ, и потому не знаю, чему слѣдуетъ учиться, или даже чему можно учиться и гдѣ все это почерпнуть". (Гротъ, Ек. II въ переп. съ Грим. р. 28).

Подготовленная такимъ образомъ Екатерина, при свиданіи въ Могилевѣ съ импер. австр. Іосифомъ II въ 1780 году, познакомилась изъ его разсказовъ со введенной уже около 10 лѣтъ въ Австріи системой народнаго образованія. Эта система, основанная на взглядахъ Локка и Руссо, была весьма удачно примѣнена въ Австріи Фельбигеромъ къ широкой сферѣ народнаго образованія. Основанная на мягкости педагогическихъ пріемовъ, наглядности обученія, она отличалась практичностью и дешевизною и дала въ Австріи блестящіе результаты.

Екатерина II быстро оцѣнила преимущества новой системы. Она лично разсмотрѣла учебныя пособія и инструкціи, примѣненныя въ Австріи. Наконецъ, по ея же просьбѣ Іосифъ II рекомендовалъ ей весьма опытнаго въ этомъ дѣлѣ директора народныхъ училищъ Темешварскаго боната—серба Янковича де-Миріево.

Въ 1782 году состоялся указъ о назначеніи особой Комиссіи народныхъ училищъ, въ составъ которой вошли: Завадовскій, Эпинусъ и Пастуховъ, при ней же назначенъ и Янковичъ. Цѣль Комиссіи—выработать планъ народнаго образованія и вести его по австрійской методѣ.

Новой Комиссіи предстояло нелегкое дѣло: ей нужно было составить учебники, выработать, наконецъ, планы преподаванія и уставы. Хотя у нея и были готовые образцы, но даже примѣненіе сдѣланнаго въ Австріи, составленіе такихъ учебниковъ, которыхъ нельзя было перевести, а главнымъ образомъ,—найти учителей для цѣлой сѣти училищъ—было нелегко. И Комиссія дѣйствовала весьма интенсивно: въ теченіе 4 лѣтъ она не только успѣла почти все подготовить, но даже и открыть около 10 училищъ въ самомъ Петербургѣ и ближайшихъ къ нему городахъ.

Такимъ образомъ, 5-го августа 1786 г. уже былъ утвержденъ императрицей уставъ народныхъ училищъ, а 22 сентября предположено открыть главныя народныя училища въ 25 губернскихъ городахъ. Въ томъ же 1786 г. Комиссія получаетъ

указъ о представленіи на утвержденіе императорской власти устава университета.

Изданное въ 1786 г. новое положеніе объ училищахъ вводило въ Россіи впервые среднюю общеобразовательную школу, безсословную и безплатную, взамѣнъ прежней узкосословной и профессіональной.

По уставу 1786 г. въ каждомъ губернскомъ городѣ учреждается одно главное училище съ 5-лѣтнимъ курсомъ. Въ уѣздныхъ городахъ должны быть малыя народныя училища. Губернаторъ является попечителемъ училищъ губерніи и заботится объ ихъ распространеніи въ городахъ и селахъ. О содержаніи училищъ заботятся приказы общественнаго призрѣнія. Директоръ главнаго народнаго училища является въ то же время ближайшимъ административнымъ органомъ всѣхъ учебныхъ заведеній, правительственныхъ и частныхъ въ губерніи.

Училища преслѣдуютъ общеобразовательныя цѣли при небольшомъ числѣ самыхъ необходимыхъ для всякаго гражданина предметовъ. Кромѣ чтенія, письма, ариѳметики и закона Божія, въ школахъ преподавались: русская и всеобщая исторія и географія, русская грамматика, основы геометріи, механики, физики, естественной исторіи, тактики и рисованіе. Курсъ расположенъ концентрически—такъ, что въ старшихъ классахъ главнаго народнаго училища только дополняютъ и расширяютъ свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя въ двухъ младшихъ или въ маломъ народномъ училищѣ. Главное народное училище—это и есть собственно среднее общеобразовательное учебное заведеніе, открывавшее двери въ университеты.

Такъ какъ училища преслѣдуютъ на первомъ планѣ общеобразовательныя цѣли, то всякаго рода профессіональныя знанія могутъ преподаваться только, какъ дополнительные предметы; напримѣръ, въ приморскихъ городахъ преподавались мореходныя науки, въ южныхъ губерніяхъ новогреческій языкъ, въ сибирскихъ — китайскій. Послѣднимъ способомъ, такимъ образомъ, удовлетворялись нужды мѣстнаго населенія. Предполагалось и преподаваніе нѣмецкаго, французскаго и латинскаго языковъ для желающихъ поступить въ университеты.

Двери училища широко открыты для всѣхъ желающихъ, безъ различія сословій и пола; ученіе безплатно. При этомъ

учителя обязаны обращать особое вниманіе на привлеченіе въ школу дѣтей бѣдныхъ родителей.

Общая цѣль школы—приготовить изъ учащагося человѣка и гражданина, развить его умственныя и нравственныя способности всѣми зависящими отъ школы средствами. Для утвержденія въ ученикахъ гражданскихъ и общественныхъ понятій была составлена даже особая книга о должностяхъ человѣка и гражданина, на чтеніе въ классахъ которой предназначались отдѣльные часы. Эта книга, по авторитетному утвержденію адмирала Шишкова, составлена или самой Екатериной II, или при ея ближайшемъ сотрудничествѣ.

Въ видахъ развитія нравственныхъ и умственныхъ силъ учащагося, Комиссія предъявляетъ новыя и весьма раціональныя требованія въ вопросахъ педагогики и методики. Отъ учителя требуется мягкость въ обращеніи съ учениками; всякаго рода тѣлесныя наказанія строго воспрещаются. Собственный примѣръ наставника долженъ воспитывать въ учащемся добрую нравственность и правила общежитія.

Рядомъ съ заботами о воспитательномъ вліяніи школы идутъ заботы объ умственномъ развитіи дѣтей. Тутъ большое предпочтеніе отдается наглядности преподаванія, перекрестнымъ вопросамъ, занятіямъ съ цѣлымъ классомъ и проч. Приписывается большое значеніе объясненіямъ учителя; ученики должны отвѣчать не по книгѣ, а своими словами и т. д. Наконецъ, вводится впервые правильное раздѣленіе учащихся по классамъ, соотвѣтственно ихъ знаніямъ, и въ младшихъ классахъ—система такъ называемаго класснаго обученія, т. е. преподаваніе всѣхъ предметовъ поручается одному учителю.

Наставленія отличались большою подробностью: предвидѣлось, чему и какъ учить и проч. Среди наставленій—много дѣльныхъ педагогическихъ указаній. Комиссія старалась предвидѣть все и даже рекомендовала — почему-то только учителямъ иностранныхъ языковъ: „больше всего остерегаться, чтобы не дѣлать передъ учениками смѣшныхъ тѣлодвиженій, какъ-то: не показывать, какъ птицы летаютъ, и не подражать птичьему, лошадиному или собачьему голосу, чѣмъ смѣша учениковъ, теряетъ учитель почтеніе и возмущаетъ ихъ вниманіе, которое сохранять и безъ того трудно“.

Но, повторяю, среди наставленій о томъ, какъ надо преподавать, есть не мало весьма дѣльныхъ замѣчаній. Такъ, на-

примѣръ, учителю географіи рекомендуется обучать учениковъ черченію картъ и давать учащимся понятія „объ естественномъ состояніи и выгодахъ каждой земли, объ упражненіяхъ въ купечествѣ народа, образѣ правленія и силѣ государства, дабы ученики не одни только имена земель и водъ учили, что было бы для нихъ сухо, и дѣйствительной пользы мало въ себѣ заключало" [1]).

Но одно изъ самыхъ любопытныхъ наставленій, составленное уже для учащихся, это книга о должностяхъ человѣка и гражданина. По содержанію своему книга о должностяхъ человѣка и гражданина должна была служить Домостроемъ для тогдашняго общества. Въ ней находятся разсужденія объ обязанностяхъ человѣка личныхъ и общественныхъ, о душѣ, о воспитаніи, любви къ отечеству, наконецъ, правила домашняго хозяйства. Говоря о любви къ отечеству, авторъ полемизируетъ съ тѣми, кто считаетъ республиканское правленіе наилучшимъ. Особенно много вниманія удѣляется описанію свойствъ добродѣтельнаго человѣка. Такой человѣкъ долженъ

---

[1]) Вотъ еще нѣсколько примѣровъ изъ „Наставленія" учителямъ:

Учитель долженъ любить учениковъ, какъ отецъ своихъ дѣтей, „онъ обходиться съ ними долженъ съ пріязнію и скромностью и не казать досады, когда они и въ школу приходятъ, или когда предложенія его скоро не уразумѣваютъ".

„Хотя бы мнѣніе то, будто угрозами и наказаніями можно лучше всего съ дѣтьми управиться и не было ложно, но растить тварь разумную, какъ скотъ, непристойно". При нерадивомъ учителѣ,—и ученики станутъ нерадивыми.

Въ разсужденіи способности къ ученію бываютъ:

а) „Такія дѣти, которыя все скоро понимаютъ, хорошо помнятъ и выученное употреблять умѣютъ". Поэтому ихъ не слѣдуетъ заставлять многое заучивать, но упражнять въ выученномъ, чтобы сдѣлать познанія ихъ болѣе основательными.

б) „Такія дѣти, которыя одарены хорошею памятью, но имѣютъ мало разсужденія".

Тѣхъ должно учить мыслить, не давать имъ заучивать наизусть, заставлять понимать, давать примѣры, заставлять ихъ пересказывать своими словами.

в) „Такіе ученики, у которыхъ слаба память"—объяснять наглядно, задавать менѣе, возбуждать вниманіе.

г) „Тупыхъ дѣтей, которыя мало понимаютъ и помнятъ", всевозможно облегчать имъ ученіе, сообщать самое нужное, не поступать съ ними сурово и не отнимать у нихъ строгостью охоты къ ученію.

обладать миролюбіемъ, дружелюбіемъ, честностью, долженъ избѣгать гордости, самолюбія и проч. Внѣшняя благопристойность требуетъ отъ него, чтобы ходить нѣсколько выворачивая ноги и дѣлать умѣренные шаги; шагая, поднимать ноги такъ, чтобы онѣ по землѣ не тащились. Лицо и руки должно умывать, ногти же обрѣзывать и не кусать.

Когда мы теперь знакомимся съ педагогическими идеями устава 1786 г., намъ въ немъ представляется многое хорошо извѣстнымъ. Эти пріемы въ той или иной мѣрѣ примѣнялись на насъ самихъ, примѣняются и теперь въ школахъ. Но если мы вспомнимъ училищные порядки до 1786 г., то нельзя не проникнуться уваженіемъ ко всему тому, что проводилось екатерининскимъ Уставомъ.

Заботы Комиссіи идутъ дальше изданія наставленій и учебниковъ: при училищахъ учреждаются библіотеки, физическіе и естественно-историческіе кабинеты для учителей и учениковъ и,—что весьма замѣчательно,—она беретъ въ свои руки изданіе популярныхъ книгъ для народа, т. е. заботится о доставленіи здоровой умственной пищи уже прошедшему школу населенію. (Напр., были изданы книги: „Книжица для поселянъ", „Естественная исторія Ерkслебена" и „Жизнь Геллера").

Но школа, стоящая особнякомъ отъ общества, не можетъ выполнить достаточно и цѣлесообразно своей задачи. Это сознавала и Комиссія. У нея и еще было обстоятельство, заставлявшее ее тѣснѣе связать школу съ обществомъ—недостатокъ средствъ, такъ какъ на суммы приказовъ общественнаго призрѣнія надежда была невелика. Въ самомъ дѣлѣ, екатерининская школа должна была быть тѣснѣйшимъ образомъ связана съ обществомъ: ея попечитель—самая высокая персона въ губерніи—губернаторъ, связывающій ее съ бюрократіей и дворянствомъ; смотритель школы—избирается изъ лучшихъ гражданъ—связь съ городскимъ сословіемъ. Общество даетъ деньги на школу, но оно же ее и провѣряетъ: для послѣдней цѣли служатъ парадные акты, экзамены и уроки преподавателей. Чтобы привлечь къ училищу симпатіи общества, Комиссія помѣщаетъ статьи въ газетахъ, обращается къ содѣйствію губернаторовъ и проч.

Вотъ передъ нами для примѣра разсказъ очевидца о томъ, какъ открывалось первое главное народное училище въ

Тамбовѣ. Открывалъ его Г. Р. Державинъ, тогдашній тамбовскій губернаторъ. Утромъ 22 сентября 1786 г. народъ и чиновники во главѣ съ губернаторомъ собрались въ Казанской церкви. По окончаніи богослуженія, всѣ отправились въ училищный домъ. Тутъ, при выходѣ преосвященнаго изъ залы, собранная публика была остановлена у самой двери козловскимъ однодворцемъ Захарьинымъ, который произнесъ рѣчь. Самый патетическій моментъ ея былъ тотъ, что Захарьинъ взялъ у жены своего маленькаго сына и отнесъ его въ училищную залу къ портрету государыни. Многіе слушатели при этомъ заплакали, а скромнаго оратора наградили по тогдашнему обычаю деньгами. Въ заключеніе торжества въ губернаторскомъ домѣ былъ обѣдъ, „а народъ предъ намѣстническимъ правленіемъ довольствованъ былъ питіемъ и яствами отъ купца Матвѣя Бородина“ (П. 22, Дубасовъ, Очерки).

И, дѣйствительно, общество откликнулось на призывъ правительства. Въ отдаленномъ Бѣломорьѣ крестьянинъ Степанъ Негодяевъ жертвуетъ деньги на сельскую школу. Жертвователи объявляются въ Новгородской губерніи, въ Петровскѣ хлопочетъ о заведеніи училищъ гор. голова Русаковъ, въ Петербургской губерніи большая часть училищъ нашла себѣ пріютъ въ пожертвованныхъ гражданами домахъ и т. д. Однимъ словомъ, училища встрѣчаютъ поддержку въ обществѣ: и замѣчательно, что жертвователи—все маленькіе провинціальные люди, повидимому, сами едва обезпеченные матеріально.

И въ образованной средѣ того времени училища встрѣтили сочувствіе. В. Крестининъ возлагаетъ на нихъ большія надежды, еп. Дамаскинъ говоритъ о нихъ съ церковной каѳедры, Новиковскія „Московскія Вѣдомости“ печатаютъ длинные отчеты о преподаваніи въ училищахъ, актахъ, экзаменахъ и пр. Однимъ словомъ, между школой и обществомъ завязывается постоянное взаимодѣйствіе, связи крѣпнутъ.

Даже за границей школьная реформа вызвала справедливое удивленіе и похвалы. Извѣстный въ свое время Ф. Тюмелль писалъ Козадавлеву, видному дѣятелю екатерининской реформы, „что нынѣ,—когда любовь къ наукѣ и литературѣ сдѣлалась, такъ сказать, естественнымъ климатомъ русскаго престола и его окружающихъ, „нынѣ завелись пахатники (въ образованіи, т. е. люди съ среднимъ и низшимъ образованіемъ), будутъ и бархатники: откроются университеты, и въ нихъ,

какъ изъ большихъ водоемовъ, разольются ручьи просвѣщенія по всей русской землѣ“ (Сухомлиновъ, Истор. А., III, 324).

Дѣйствительно, новая екатерининская школа справедливо заслуживаетъ большого вниманія. Но общеобразовательная средняя и низшая школа, введенная Комиссіей, представляетъ собою только часть той высокой задачи, которую она себѣ поставила. Какъ низшая школа безъ средней недостаточна, такъ и оба типа школъ, взятые вмѣстѣ, не будутъ полны, если останутся безъ такой школы, которая завершаетъ образованіе, т. е. Комиссія прекрасно сознавала эту мысль и выработала планъ университетовъ.

Университеты предполагалось открыть кромѣ столицъ, въ Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ.

Состоя изъ трехъ факультетовъ—философскаго, юридическаго и медицинскаго,—университетъ, такимъ образомъ,долженъ былъ не только давать людей съ широкимъ общимъ образованіемъ, но и спеціалистовъ по праву и медицинѣ: переходъ на оба спеціальные факультета предполагается только по окончаніи философскаго.

Краеугольнымъ камнемъ университетскаго преподаванія Комиссія считаетъ свободу преподаванія и свободу слушанія курсовъ. „Свобода мыслей способствуетъ вообще знаніямъ; но при такой наукѣ, въ коей ежедневно являются новыя разрѣшенія и новыя открытія, нужна она особливо“—говоритъ планъ. Отъ университетскаго преподавателя требуются основательныя познанія и другія необходимыя качества. Но опредѣленіе ихъ возлагается на университетскую коллегію: она сама избираетъ преподавателя, или основываясь на его сочиненіяхъ, или устраивая для него испытаніе.

Вообще университетъ получаетъ значительную долю самоуправленія: во главѣ университета стоитъ ежегодно избираемый изъ профессоровъ ими же самими ректоръ, во главѣ факультета—избираемый надзиратель. Главной пружиной является университетское правленіе: оно вѣдаетъ какъ учебную, такъ и административную сторону дѣла.

Далѣе, Комиссія особенно усердно хлопочетъ о доступности университетскаго образованія для всѣхъ: съ этою цѣлью она устанавливаетъ „самую малую“, по ея мнѣнію, плату за лекціи: въ размѣрѣ до 30 руб. въ годъ; да и она должна

опредѣляться самимъ университетомъ безъ „притѣсненія“, бѣдные совсѣмъ освобождаются отъ платы.

Для поступленія въ университетъ, достаточно свидѣтельства изъ главнаго народнаго училища, а при неимѣніи его—экзаменъ при университетѣ; однако, комиссія совѣтуетъ не возбранять университетскаго ученія и такимъ, „кои школьныхъ наукъ и не весьма хорошо знаютъ“. Она выражаетъ возможность и желаніе, „чтобы сіе нерѣдко случалось, что люди не только унтеръ-офицерскихъ, но и оберъ и штабъ-офицерскихъ чиновъ захотятъ въ университетахъ учиться“. Они принимаются въ дѣйствительные студенты. Однако, предвидятся и вольные слушатели—изъ тѣхъ, которые „ни малѣйшихъ школьныхъ и гимназическихъ знаній не успѣли пріобрѣсти въ юности“: и этимъ не слѣдуетъ закрывать дороги къ образованію; они могутъ учиться, чему хотятъ, подвергаясь испытаніямъ и получая свидѣтельство въ своемъ званіи изученныхъ ими предметовъ. Однимъ словомъ: „каждому въ качествѣ посѣтителя храмины философскаго ученія отворены“—говоритъ уставъ.

Только на медицинскомъ факультетѣ, повидимому, не допускались посѣтители, хотя здѣсь вмѣстѣ со студентами слушали аптекарскіе ученики и готовящіяся къ званію повивальныхъ бабокъ. Такимъ образомъ, полагалось допустить и женщинъ, хоть отчасти, къ слушанію университетскихъ курсовъ.

Но съ особенной обстоятельностью проектъ останавливается на правѣ несвободныхъ людей на университетское образованіе. Комиссія заявляетъ, что она не рѣшается отнять у несвободныхъ права, принадлежащаго человѣку,—„пріобрѣтать просвѣщеніе“.—„Науки называются свободными для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобы сіе право предоставлялось свободнымъ“. Нельзя несвободнымъ возбранять путь къ просвѣщенію; если это и возможно было „въ древнія времена“, при господствѣ „варварскихъ законовъ“, когда путь къ просвѣщенію рабамъ „затворялся имъ рукою жестокой власти“, то „въ нашъ просвѣщенный вѣкъ“, говоритъ Комиссія ...„не можетъ путь къ просвѣщенію возбраненъ быть и несвободнымъ людямъ, яко человѣкамъ и членамъ россійскаго народа“.

Желая открыть имъ путь къ просвѣщенію, Комиссія ссылается на примѣры исторіи и на Ломоносова, который „служитъ неоспоримымъ истины сей доказательствомъ“.

Нечего объяснять, почему Комиссія съ такой обстоятельностью разъясняетъ право несвободныхъ на образованіе: она предвидѣла сильныя возраженія.

Если сопоставить эти мысли, высказанныя Комиссіей съ общимъ уровнемъ понятій того времени, если вспомнить, что несвободные элементы общества только послѣ освобожденія получили право на образованіе, что и по настоящее время крестьянство еще далеко не въ состояніи осуществить это право, то нельзя не проникнуться чувствомъ глубокаго удивленія къ авторамъ проекта.

Но обратимся къ другимъ его сторонамъ. Уже изъ сказаннаго можно предвидѣть широкое значеніе, приписываемое Комиссіей университетскому образованію. По ея мнѣнію, „наука суть часть существенная воспитанія народнаго". Цѣль учебнаго образованія—воздѣйствіе на умъ и сердце „растущаго гражданина".

Поэтому весь планъ ученія долженъ вести къ образованію человѣка и гражданина. Такимъ образомъ, вотъ та конечная цѣль, къ которой должно стремиться всякое образованіе, въ томъ числѣ и университетское: только образованный гражданинъ, знающій и сознающій свои права, можетъ быть полезнымъ и сознательнымъ членомъ государства, семьяниномъ и пр.

Въ заключеніе этого обзора основныхъ началъ проекта не безполезно отмѣтить нѣкоторыя стороны его. Такъ, въ немъ встрѣчаемъ требованіе преподавать на русскомъ языкѣ, такъ какъ „языкъ народный есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія; гдѣ науки преподаются на языкѣ иностранномъ, тамъ народъ находится подъ игомъ языка чуждаго и рабство сіе съ невѣжествомъ нераздѣльно". Только на первое время, пока нѣтъ профессоровъ изъ русскихъ, возможно сдѣлать уступку иностранному. Комиссія, озабочиваясь вопросомъ о снабженіи университетовъ преподавателями, предлагаетъ въ каждомъ изъ нихъ содержать по 50 студентовъ на казенный счетъ для подготовки къ научнымъ занятіямъ. Впрочемъ, при развитіи наукъ, впослѣдствіи, она даже предполагаетъ возможность приватъ-доцентуру и видитъ въ ней большую пользу.

Широта и смѣлость взглядовъ (по обстоятельствамъ того времени) Комиссіи на задачи и устройство университетовъ, составляютъ черту, достойную полнаго вниманія къ ея проек-

тамъ и въ наше время. Къ сожалѣнію, университетскій проектъ Комиссіи такъ и остался проектомъ и введенъ не былъ. Такимъ же проектомъ остались и желанія Комиссіи ввести систему низшаго образованія: въ правилахъ Комиссіи и въ протоколахъ ея засѣданій часто мелькаетъ терминъ сельскихъ или земскихъ школъ. Вѣроятно, соотвѣтственный проектъ или былъ подготовленъ Комиссіей, или, по крайней мѣрѣ, предположенъ (въ изданныхъ до сихъ поръ матеріалахъ о немъ, къ сожалѣнію, не встрѣчается извѣстій).

Планъ университетовъ и земскихъ школъ не осуществился, потому что послѣдовавшая затѣмъ перемѣна во внутренней политикѣ Екатерины II, подъ вліяніемъ разразившейся на Западѣ революціи, охладило императрицу къ дѣлу народнаго образованія. Въ царствованіе Павла объ осуществленіи проекта Комиссіи и рѣчи быть не могло.

Такимъ образомъ, Комиссія съ 1786 г. всю свою дѣятельность направила на расширеніе сѣти большихъ и малыхъ училищъ (или городскихъ, такъ какъ они и проектированы собственно для городовъ) и на управленіе ими.

Въ 1802 г., при утвержденіи министерствъ, Комиссія переименована была въ главное училищное правленіе, сдѣлавшееся центральнымъ органомъ министерства.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ судьба интересующаго насъ учрежденія.

Но и изложенный перечень работъ Комиссіи характеризуетъ еще не весь объемъ ея дѣятельности: слѣдуетъ прибавить, что, по порученію императрицы, Комиссіею былъ разсмотрѣнъ цѣлый рядъ уставовъ существовавшихъ уже учебныхъ заведеній. Уставы эти переработаны, введена въ преподаваніе новая метода, новые учебники. Наконецъ, ею открыто нѣсколько профессіональныхъ заведеній.

Изложивъ идеи, проводимыя Комиссіей, намъ необходимо коснуться фактическихъ результатовъ ея дѣятельности; намъ нѣтъ нужды на нихъ останавливаться подробно, но упомянуть и о нихъ важно, хотя бы уже для устраненія сомнѣнія въ томъ, не остались ли предписанія Комиссіи мертвой буквой закона. Для насъ достаточно имѣть въ виду, что съ самаго 1786 г., когда числилось въ 40 училищахъ 4398 учащихся, число школъ въ вѣдѣніи Комиссіи неизмѣнно росло вплоть до ея преобразованія, дойдя въ 1800 г. до 315 школъ почти съ 20000 уча-

щихся. Конечно, эти цифры весьма не велики, такъ какъ они дадутъ, напр. для 1790 г. 1 учащагося на 1473 жителя. Но если принять въ разсчетъ, что фактически училища существовали только въ городахъ, то отношенiе числа учащихся къ одному городскому населенiю будетъ благопрiятное, напр. для Петербургскаго округа оно составитъ по 84 человѣка обоего пола на 1 учащагося въ 1786 г. и по 69 чел. въ 1802 г.

При этомъ, сословное распредѣленiе учащихся довольно интересно: дворяне учатся не болѣе $^1/_5$—$^1/_7$ всего числа, остальные—дѣти крестьянъ и мѣщанъ.

Этихъ цифровыхъ данныхъ совершенно достаточно, чтобы считать дѣятельность Комиссiи не безполезной по фактическому распространенiю образованiя: вспомнимъ, что до 1786 г. совсѣмъ не было школъ для городского и крестьянскаго сословiй; а бѣдное дворянство не попадало въ корпуса, три гимназiи насчитывали учениковъ весьма немного.

Однако, явилось обстоятельство, затормозившее правильное развитiе школы. Она создалась въ 1786 г., т. е., къ сожалѣнiю, какъ разъ наканунѣ французской революцiи.

Екатерина II съ ужасомъ отвернулась отъ революцiонной Францiи. Прежнiе ея идеалы, которымъ она поклонялась, которые она сама проповѣдывала, подверглись гоненiямъ. И это прежде всего отразилось на литературѣ и наукѣ, въ которыхъ такъ недавно видѣли основу для борьбы съ русскимъ невѣжествомъ.

Уставъ университетовъ, составленный Комиссiей народныхъ училищъ въ весьма либеральномъ духѣ, утвержденъ не былъ. Закрыты всѣ частныя типографiи, подвергнутъ ограниченiю свободный ввозъ въ Россiю иностранныхъ книгъ и пр. Наконецъ, возбуждено не мало дѣлъ по обвиненiю въ распространенiи ложныхъ взглядовъ. Стоитъ вспомнить о печальномъ дѣлѣ профессора Мельмана (1795 г.), любимаго ученика и послѣдователя Канта, который имѣлъ неосторожность защищать свои мнѣнiя, впрочемъ ничего антирелигiознаго не представляющiя, въ частной бесѣдѣ съ митрополитомъ Платономъ; этимъ и воспользовались недоброжелатели Мельмана. (Чт. О. И. и Др., 1863, II, смѣсь, 86—120).

Подвергся гоненiю Радищевъ за свое „Путешествiе изъ Петербурга въ Москву", Княжнинъ за своего „Вадима Новгородскаго". Наконецъ, учреждена цензура въ Петербургѣ, Москвѣ Ригѣ, Одессѣ и при Радзивиловской таможнѣ.

Въ современной публицистикѣ французскія событія могли передаваться только въ обличительномъ духѣ (Брикнеръ, Др. и нов. Рос., 1874, т. I и II). При императорѣ Павлѣ реакція продолжалась, цензура усилена, ввозъ иностранныхъ книгъ совершенно запрещенъ (впрочемъ было сдѣлано исключеніе въ этомъ отношеніи: для книгъ на тунгузскомъ языкѣ, нужныхъ для богослуженія бурятъ); выѣздъ за границу русскихъ подданныхъ съ научною цѣлью былъ тоже воспрещенъ.

Понятно, что какъ только начинается періодъ реакціи, такъ сейчасъ же выползаютъ на общественное поприще темные элементы общества, совѣсть которыхъ не выноситъ свѣта общественнаго мнѣнія. Эти элементы подымаютъ голову и являются яростными сторонниками реакціи, перехватывая черезъ край въ своемъ усердіи. Въ людяхъ иного направленія чувство самосохраненія выступаетъ на первый планъ, и они скоро погружаются въ апатію по отношенію къ общественному дѣлу.

Такъ было и въ послѣднее десятилѣтіе XVIII вѣка. Для примѣра укажу хотя бы на измѣненіе тона публичныхъ рѣчей профессоровъ Московскаго университета. Вмѣсто научныхъ рѣчей, произнесенныхъ въ 60-хъ годахъ, мы въ 90-хъ годахъ встрѣчаемъ рѣчи въ родѣ: о величіи и славѣ Россіи въ противоположность Западной Европѣ, потрясенной революціей (Чеботарева, 1795 г.); рѣчь Зыбелина о злоупотребленіяхъ ума нынѣшнихъ мнимыхъ философовъ; о горячкѣ вольности (Баузе, въ 1793 г.) и др. Въ 1799 г. профессоръ Московскаго университета Геймъ въ день тезоименитства государя, между прочимъ, говорилъ въ своей рѣчи: „Мудрую прозорливость свою императоръ Павелъ доказалъ въ споспѣшествованіи истинному преуспѣянію наукъ черезъ учрежденіе строгой и блящей цензуры книжной. Познанія и такъ называемое просвѣщеніе часто употреблено во зло чрезъ обольстительные нынѣшнихъ сиренъ напѣвы вольности и чрезъ обманчивые призраки мнимаго счастья.... возвратились въ Европу мрачныя времена варварства. Сколь счастливою должна почитать себя Россія потому, что ученость въ ней благоразумными ограниченіями охраняется отъ всегубительной язвы возникающаго всюду лжеученія“ (Сухомлиновъ, Матер. для ист. просв.).

Зная неблагопріятно сложившееся для только что начав-

шей свое существованіе общеобразовательной школы положеніе вещей, не придется упрекать Комиссію народныхъ училищъ въ томъ, что ею не все сдѣлано такъ, какъ слѣдовало бы, что ею многое не додѣлано.

Правда, она въ 1800 г. успѣла открыть 315 главныхъ и малыхъ училищъ въ разныхъ городахъ съ 20000 учащихся.

Конечно, и это почтенная цифра, если вспомнить, что до 1780 г. ничего не было. Однако, школа не прошла въ село, университеты открыты не были, дѣло съ развитіемъ школьныхъ библіотекъ пріостановилось.

Комиссія съ трудомъ поддерживала училища въ городахъ. Но—главное, что и училища сковываетъ духъ реакціи.

Губернаторы перестаютъ заботиться о развитіи народнаго образованія,—оно теперь было не въ фаворѣ. Въ качествѣ смотрителей и учителей школъ оказываются совсѣмъ неподходящіе элементы—люди безъ знаній, безъ любви къ дѣлу.

Надо имѣть въ виду и то, что русское провинціальное общество того времени, само выросшее въ невѣжествѣ, очень медленно усваивало важное значеніе новаго типа школы; не для всѣхъ задачи ея были ясны.

Для массы мало понятны были задачи общаго образованія. Неудивительно, напр., что смотритель Новгородсѣверской школы отмѣчаетъ, что общество, „не узнавъ многихъ предметовъ, преподаваемыхъ въ училищахъ, и ихъ пользы, заключали, что и безъ знанія ихъ можно прожить“.

Для успѣшнаго хода дѣла потребно было бы многолѣтнее энергичное воздѣйствіе руководителей школы на общество. Но это воздѣйствіе не могло продолжаться въ періодъ реакціи. Поэтому, кое-гдѣ мы замѣчаемъ и охлажденіе къ школѣ въ обществѣ. Наконецъ, школа не была матеріально обезпечена правительствомъ. Обезпеченіе возлагалось на администрацію и общество. Но и общество, и особенно администрація не узнаютъ всего того, что могли бы.

Однимъ словомъ, все это объясняетъ намъ, почему первая въ Россіи образовательная школа не достигла той количественной и качественной полноты, какая имѣлась въ виду уставомъ.

Но несмотря на прискорбныя помѣхи, значеніе устава 1786 г. въ исторіи русскаго просвѣщенія—громадно.

III.

Переходя къ выясненію значенія дѣятельности Комиссіи 1786 г., надо сдѣлать оговорку, что въ посвященныхъ Комиссіи изслѣдованіяхъ, значеніе ея дѣятельности понимается далеко не одинаково, и большею частью сужденія высказываются не въ пользу ея.

Въ общемъ не отрицаютъ, что созданныя Комиссіей училища—первыя общеобразовательныя учебныя заведенія въ Россіи. Изслѣдователи весьма хвалятъ качества педагогическихъ началъ, рекомендованныхъ Комиссіей. Но зато ей ставятъ въ упрекъ неудачную постановку административно-хозяйственной стороны учебнаго дѣла: передачу его въ вѣдѣніе губернаторовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, неподготовленность выпущенныхъ Комиссіею учителей и т. п. Такъ смотритъ, напр., на нашъ вопросъ такой компетентный судья въ исторіи русской школы, какъ графъ Д. А. Толстой, за нимъ слѣдуетъ В. С. Иконниковъ и др. Біографъ Янковича и историкъ Петербургскаго учебнаго округа Вороновъ приходитъ къ весьма неутѣшительному выводу: педагогическія идеи, провозглашенныя Комиссіею, пали на неподготовленную почву, а потому и не имѣли большого значенія въ исторіи русской школы. Не менѣе скептически смотрятъ на дѣятельность Комиссіи историки, слѣдящіе за нею въ тихой провинціи. Здѣсь выступаютъ на сцену—описаніе пьяныхъ, полуголодныхъ учителей, жестокихъ въ обращеніи съ учениками, грубыхъ и невѣжественныхъ, типъ директора—шута и казнокрада, провинціальныя сплетни; убогій внѣшній видъ училища, пренебрежительное къ нему отношеніе со стороны мѣстнаго общества и пр. Новое училище и его учитель выглядятъ жалко, каррикатурно. Такъ мрачно, напр., смотритъ на Екатерининскую школу академикъ Сухомлиновъ и высказываетъ сожалѣніе, что уставъ 1786 г., требовавшій прекращенія преподаванія частныхъ учителей, убилъ народную приходскую самобытную школу въ Малороссіи, но не замѣнилъ ея новою. Къ нему примыкаетъ и профес. М. Ф. Владимірскій-Будановъ.

Рѣзкіе отзывы преслѣдовали дѣло, начатое Комиссіей почти съ самаго ея возникновенія (начиная съ Лагарпа); но въ наукѣ невыгодное о ней мнѣніе сложилось въ годы Толстовской реформы, когда изъ школьной жизни вытравлены

были послѣдніе слѣды уставовъ Екатерининскаго времени: „При Екатеринѣ торжественно объявили объ открытіи народныхъ училищъ по всѣмъ городамъ и городкамъ. И сколько было тогда наговорено похвальныхъ словъ... А что говоритъ исторія безпристрастная? Она говоритъ, что „похвальныя слова—стыдъ тѣмъ, которые, не краснѣя, такъ лгали".—Такъ говоритъ авторъ замѣчаній на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній (Спб. 1862).

Различіе въ пониманіи значенія Комиссіи въ исторической литературѣ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что дѣятельность ея разсматривается обыкновенно сама по себѣ, безъ отношенія ея къ послѣдующей исторіи народнаго образованія и не въ связи съ общимъ отношеніемъ государства къ народному образованію. Конечно, идеи, которыми проникнуты уставы и проекты Комиссіи, имѣютъ громадное значеніе для сужденія о ея дѣятельности, и доминирующее положеніе въ данномъ вопросѣ должно быть отведено выясненію ея общегосударственнаго значенія. Если мы сравнимъ взгляды, господствовавшіе въ законодательствѣ до устава о народныхъ училищахъ 1875 г., съ тѣмъ, какъ было поставлено дѣло Комиссіею, то передъ нами вскроется все громадное значеніе ея дѣятельности. Комиссія поставила на очередь тѣ принципы, которые признаетъ и всякое современное намъ цивилизованное государство: она объявила образованіе правомъ всѣхъ классовъ населенія, безъ различія пола и имущественнаго и сословнаго положенія; во главѣ образованія она ставила общую элементарную школу съ такой суммой познаній, которая необходима для всякаго гражданина.

Школа является не только учебнымъ, но и воспитательнымъ учрежденіемъ. Служебно-полицейскій характеръ старой педагогики уничтожается, и его мѣсто занимаютъ педагогическіе пріемы и вліяніе наставника. Объявляется новый принципъ, что только за элементарной школой должно слѣдовать образованіе высшее или профессіональное. Въ общемъ, начальное образованіе имѣетъ въ виду высокую цѣль—подготовить къ жизни человѣка и гражданина.

Однимъ словомъ, съ изданіемъ уставовъ о народныхъ училищахъ произошло раскрѣпощеніе дворянскаго и городского сословій въ дѣлѣ народнаго образованія, что совершенно логично вытекало изъ общаго духа Екатерининскаго

законодательства объ этихъ сословіяхъ. И эта сторона въ дѣятельности Комиссіи народныхъ училищъ представляется намъ весьма важною въ исторіи русскаго народнаго просвѣщенія. Эта одна сторона въ дѣятельности Комиссіи заслуживаетъ большаго къ ней вниманія, чѣмъ то, которымъ она пользуется.

Но мы уже знаемъ, что историки охотно отрицаютъ вліяніе Комиссіи на послѣдующій ходъ народнаго образованія; они утверждаютъ о „коренной переработкѣ“ русской школы при Александрѣ I.

Но такіе отзывы не совсѣмъ вѣрны. Дѣйствительно, въ 1802 г. въ Россіи учреждаются министерства, въ томъ числѣ и народнаго просвѣщенія; составъ Комиссіи народнаго просвѣщенія значительно расширяется введеніемъ новыхъ членовъ-попечителей учебныхъ округовъ; сама Комиссія—только органъ министерства; наконецъ, въ 1803 г. издаются предварительныя правила министерства народнаго просвѣщенія, а въ 1804 г. и новый уставъ университетовъ и подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеній. Но законодательная ломка болѣе коснулась внѣшняго строя учебныхъ заведеній, чѣмъ основныхъ началъ народнаго образованія.

Сравненіе уставовъ 1804 г. и 1786 г. приводитъ къ тому заключенію, что министерство народнаго просвѣщенія отчасти провело въ жизнь то, что было предложено Комиссіей, въ значительной мѣрѣ воспользовалось уставомъ 1786 г. и, наконецъ, ввело новый механизмъ въ администрацію учебнаго дѣла, исправивъ ошибки, допущенныя Комиссіей.

Такъ, въ 1804 г. данъ былъ новый уставъ Московскому университету (также Виленскому и Дерптскому) и учреждены на тѣхъ же основаніяхъ университеты въ Казани и Харьковѣ, предположено къ открытію и нѣсколько другихъ. Основныя начала университетской жизни, какъ свобода преподаванія, самоуправленія и др. черты новаго университета уже находились въ проектѣ 1786 г. Проектъ этотъ не могъ быть неизвѣстенъ составителямъ уставовъ 1804 г., такъ какъ одно и то же лицо (графъ Завадовскій) стояло во главѣ и Комиссіи, и былъ министромъ въ 1804 г. Далѣе, уставомъ 1804 г. учреждаются въ губернскихъ городахъ гимназіи, вмѣсто главныхъ народныхъ училищъ. Это новый типъ учебнаго заведенія, но заботы о немъ мы видимъ еще въ уставахъ Комиссіи; впрочемъ, въ уставѣ гимназіи нельзя не замѣтить вліянія одной

части университетскаго проекта 1786 г.: философскій факультетъ его превратился въ губернскую гимназію Александровскаго времени.

Но самое очевидное вліяніе Комиссіи сказалось на той части устава 1804 г., которая касается образованія городского населенія. Народныя училища были превращены теперь въ уѣздныя, низшую ступень ихъ должны составлять приходскія школы. Но уставъ уѣздныхъ училищъ и гимназій во всемъ томъ, что касается основныхъ принциповъ образованія и педагогическихъ пріемовъ, почти буквально списанъ съ устава 1786 года; прибавлены только статьи, касающіяся администраціи и введенія новыхъ предметовъ [1]).

Даже и названіе уѣздныхъ училищъ взято изъ общежитія и отчасти изъ предшествующихъ узаконеній. Учебники остались тѣ же. Наконецъ, въ 1804 г. введены были приходскія сельскія училища, но они предвидѣлись уставомъ 1786 г., да и послѣ 1804 года остались только на бумагѣ: мудрено было заводить школы у крестьянъ, находившихся въ крѣпостной зависимости; нечего и говорить, что основные законодательные принципы 1786 г. были повторены въ 1804 г., какъ-то: признаніе со стороны государства права населенія на начальное образованіе, безплатность его, безсословность, назначеніе его для образованія человѣка и гражданина и пр.

Новое въ уставѣ 1804 г.—повторяю—это появленіе въ курсѣ народныхъ училищъ нѣсколькихъ новыхъ предметовъ и стройная учебная и административная послѣдовательность учебныхъ заведеній: каждая низшая школа является ступенью къ высшей, отъ приходского училища до университета, и въ такомъ же порядкѣ низшія училища административно зависятъ отъ высшихъ. Установленіе правильной системы въ управленіи училищами подсказано опытомъ самой Комиссіи; такъ, неопредѣленная зависимость школы, по уставу 1786 г. отъ самой

---

[1]) Въ уставъ 1804 г., напр., вошли изъ устава 1786 г. слѣд. статьи:

Изъ гл. III о должностяхъ учительскихъ: § 27 (=§ 35 уст. 1804 г.), § 28 (=38), § 30 (=36, съ изм.), § 31 (=39), § 32 (=40 съ изм.), § 35 (=32 и 33), § 36 (=45), § 38 (=46, 47, 48), § 39 (=60 съ изм.), § 40 (=§ 60 съ изм.), § 46 (=§ 51 и 52), § 48 (= 97 съ изм.), § 51 (=§ 34 съ изм).

Изъ гл. IV объ ученикахъ: § 57 (=§ 54), § 58 (=55), § 59 (=§ 56), § 60 (=§ 59 съ изм.), § 61 (=§ 62 съ изм.), § 62 (=§ 63) и т. д.

Комиссіи, губернаторовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, на практикѣ внесла не мало путаницы въ дѣло. Нарушеніе же концентраціи въ преподаваніи является коренной ошибкой министерскаго устава, которая была исправлена только уставомъ 1872 г.

Итакъ, блестящее развитіе народнаго образованія въ первую половину царствованія императора Александра I, которой такъ много приписываютъ значенія въ исторіи русскаго просвѣщенія, въ свою очередь, находится въ ближайшей зависимости отъ дѣятельности Екатерининской Комиссіи. Идеи послѣдней господствовали, несмотря на всѣ преграды, ставившіяся просвѣщенію въ годы мрачнаго Аракчеевскаго режима [1]) до царствованія Николая I.

IV.

Таковы различныя стороны дѣятельности Екатерининской Комиссіи народныхъ училищъ. Въ заключеніе, не безполезно вкратцѣ напомнить главнѣйшіе выводы предшествующаго изложенія.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что въ лицѣ Комиссіи мы имѣемъ впервые центральный правительственный органъ, объединившій заботы государства о народномъ образованіи,— это уже крупный шагъ впередъ въ этомъ дѣлѣ: забота о школѣ перестаетъ быть случайнымъ, побочнымъ дѣломъ различныхъ учрежденій. Далѣе, Комиссія впервые выдвигаетъ

---

[1]) Напомнимъ, со словъ извѣстнаго министра Шишкова, сказанное этимъ временщикомъ въ 1824 г.: Наука—„сколько полезна въ благонравномъ человѣкѣ, столько же вредна въ злонравномъ, ибо служитъ ему способами къ изобрѣтенію и удобнѣйшему исполненію внушаемыхъ въ него страстями побужденій и къ развращенію тѣхъ, кои безъ коварныхъ ея совѣтовъ остались бы въ простотѣ ума и сердца своего добродушными“. „Науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе ихъ имѣетъ. Обучать грамотѣ весь народъ, или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, чѣмъ пользы“.

принципъ общеобразовательной народной школы. Эта школа построена ею на вполнѣ раціональныхъ педагогическихъ основаніяхъ. Методы преподаванія, введенныя Комиссіею, представляются замѣчательными не только съ точки зрѣнія того времени, но ихъ охотно принимаетъ и школа нашего времени. Введенная Комиссіей общеобразовательная школа является безсословной, безплатной и разсчитана такимъ образомъ, чтобы дать небольшое, но прочное общее образованіе всѣмъ классамъ населенія въ такой мѣрѣ, въ какой оно необходимо рѣшительно для всякаго гражданина. Задачи школы имѣютъ высокую цѣль — умственнаго, нравственнаго и гражданскаго развитія подрастающихъ поколѣній. Наконецъ, школа тѣснѣйшимъ образомъ связывается съ обществомъ.

Если бы заслуги Комиссіи ограничивались только этимъ, то и тогда ея дѣятельность давала бы ей право на видное мѣсто въ исторіи русскаго народнаго просвѣщенія. Но для насъ особенно важно то, что уставами Комиссіи государство впервые измѣнило свой взглядъ на народное образованіе: право на образованіе, доставляемое государствомъ, было признано за населеніемъ закономъ, образованіе утрачиваетъ свой служебный, профессіональный характеръ и дѣлается общимъ и доступнымъ для всѣхъ.

Уставы и проекты Комиссіи не прошли безслѣдно еще и потому, что они легли прочнымъ основаніемъ для законовъ первыхъ годовъ царствованія Александра I: первое министерство народнаго просвѣщенія отчасти продолжало дѣло Комиссіи, отчасти ввело въ жизнь уже готовые ея принципы. Такимъ образомъ, эпоха дѣйствія уставовъ Комиссіи не прекратилась вмѣстѣ съ прекращеніемъ ея существованія и продолжалась, хотя и урѣзанная, до Николаевскихъ временъ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить и того, что дѣятельность Комиссіи совпала съ желаніемъ лучшихъ умовъ того времени къ распространенію и утвержденію въ народѣ образованія,—ея начинанія не шли въ разрѣзъ съ этимъ стремленіемъ, что надо поставить ей въ заслугу.

Наконецъ, со времени Екатерины Великой былъ провозглашенъ принципъ тѣсной связи общества и школы. Русское общество съ величайшей энергіей работало по распространенію народнаго образованія при императорѣ Александрѣ I, оно

сохранило въ себѣ искру теплой любви къ школѣ въ годы царствованія императора Николая I, оно съ новою силою взялось за школьное дѣло съ первыхъ же дней реформы императора Александра II. И теперь, въ наши дни, все русское общество принимаетъ горячее участіе въ широкой сферѣ народнаго образованія.

Историческая памятка о Черниговѣ.

(Рѣчь).

Географическое положеніе данной страны оказываетъ очень важное, иногда опредѣляющее вліяніе на ходъ ея исторіи. Значеніе этого могущественнаго историческаго фактора для жизни цѣлаго государства можно считать въ нашей наукѣ общепризнаннымъ: для исторіи же города такое утвержденіе является аксіомой.

Въ самомъ дѣлѣ, ее можно подтвердить и на исторіи г. Чернигова. Внимательно вглядитесь въ карту средняго Поднѣпровья и мысленно проведите ее, фиксировавъ ваше вниманіе на интересующей насъ точкѣ—Черниговѣ, по эпохамъ и вѣкамъ русскаго историческаго процесса,—и вы уясните себѣ судьбу города, для васъ станутъ понятными причины періодовъ его возвышенія, паденія и прозябанія.

Черниговъ стоитъ на Деснѣ, сравнительно небольшомъ притокѣ могущественной водной артеріи. Днѣпръ—основной великій водный путь русской древности. На этомъ пути въ центрѣ древней Руси оказывается и центральный ея городъ—Кіевъ. Выдающійся крупный сосѣдъ для менѣе виднаго имѣетъ свои удобства и неудобства: развитіе, могущество, богатство крупнаго сосѣдняго города затмеваютъ второстепенный, но въ иныхъ случаяхъ и поддерживаютъ, питаютъ своего меньшаго собрата. Итакъ, сосѣдство съ Кіевомъ одно изъ условій географическаго положенія Чернигова, но не главное. Другое состоитъ въ слѣдующемъ. Рѣка Десна не могла получить значенія артеріи, связующей многоводный бассейнъ Днѣпра съ другой великой водной рѣкой—Волгой. Истоки Оки недалеки отъ Десны, но переходъ въ Окскій бассейнъ изъ Поднѣпровья по Деснѣ не почитался въ древности однимъ изъ удоб-

ныхъ: путь лежалъ черезъ болотистую и лѣсистую (даже съ точки зрѣнія людей отдаленной древности) землю Вятичей, а удобныхъ волоковъ не было. Правда, колонизируя междурѣчье Волги и Оки, населеніе просачивалось и черезъ Подесенье и землю Вятичей, но торговля находила болѣе удобные пути. Итакъ, Черниговъ не могъ сдѣлаться посредникомъ между двумя великими водными бассейнами, а сама по себѣ Десна не могла питать большой окружающей страны. Вотъ второе изъ географическихъ условій положенія Чернигова. Наконецъ, не забудемъ и третье: къ югу Черниговская область была открыта для степныхъ кочевниковъ, сосѣдство съ которыми надо постоянно учитывать въ исторіи древней Руси.

Изъ этого видно, что географическое положеніе Чернигова, въ сравненіи, напримѣръ, съ положеніемъ Кіева, Великаго Новгорода или Москвы, было менѣе выгоднымъ, второстепеннымъ—это съ одной стороны, а съ другой—что оно ставило Черниговъ въ извѣстную зависимость отъ судьбы болѣе счастливаго сосѣда—Кіева. Отсюда понятно, что невыгоды географическаго положенія Чернигова сдѣлали историческую судьбу его неустойчивой и подверженной различнымъ случайностямъ.

Обратимся къ сѣдой древности, къ началу исторической жизни древней Руси. Черниговъ является центромъ сильнаго и многолюднаго племени Сѣверянъ. Это понятно. Древнѣйшія доисторическія поселенія русскихъ славянъ пробирались неширокою полосою отъ Прикарпатья къ среднему Поднѣпровью. Затѣмъ, славянская колонизація перешла Днѣпръ и распространилась по Деснѣ и Сожу. Все это пространство впервые было заселено славянскимъ племенемъ. Къ востоку и сѣверовостоку отъ него уже шли поселенія финскихъ племенъ. Очевидно, славянская колонизація на крайнемъ востокѣ своимъ форпостомъ имѣла Черниговъ. Въ самомъ дѣлѣ, уже нѣкоторые сѣверные притоки Десны звучатъ не по-славянски. Такимъ образомъ, Черниговъ на нѣкоторое время сдѣлался опорнымъ пунктомъ древне-русской колонизаціи, съ его помощью славянскіе колонисты удерживали Подесенье. Колонизаціонное движеніе всегда нѣсколько пріостанавливается у опорныхъ его пунктовъ: часть населенія остается вокругъ нихъ, другая отливаетъ далѣе. Все это выдвигаетъ данный городъ.

Итакъ, положеніе передового форпоста ранней колони-

заціи—основное условіе, которое выдвинуло древній Черниговъ, сдѣлало его городомъ, занявшимъ въ древности мѣсто сейчасъ за Кіевомъ и Великимъ Новгородомъ. Это—центральный городъ обширнаго племени, въ немъ сидятъ князья „подъ Олгомъ суще", какъ и въ другихъ крупныхъ центрахъ.

Но тутъ уже замѣчалась непрочность такого положенія. Подесенье оказалось слишкомъ узкой сферой для дѣятельности обширнаго и подвижного племени. Сѣверяне ищутъ приложенія своей энергіи въ далекихъ отъ своего центра краяхъ: ихъ знаютъ арабы въ отдаленной Хазаріи, они колонизируютъ Посуліе, пробираются къ Азовскому морю и утверждаются на нѣкоторое время въ Тмутаракани. Направленіе торговли на югъ и юго-востокъ (посредствомъ Соляного и Залознаго путей) могло бы доставить Чернигову надолго господствующее положеніе города—торговаго посредника при обмѣнѣ товаровъ между Русью и крайнимъ югомъ и юго-востокомъ. Но эта возможность не осуществилась: кочевники прервали завязавшіяся сношенія и оказались сосѣдомъ, весьма способствовавшимъ пониженію значенія Чернигова. Онъ потерялъ значеніе торговаго центра, успѣвъ сохранить лишь центральное положеніе въ княженіи.

Подобно другимъ древне-русскимъ центральнымъ племеннымъ городамъ, Черниговъ съ половины XI столѣтія становится особымъ княженіемъ и послѣ нѣкоторой борьбы къ концу того же вѣка на Черниговскомъ столѣ утверждается дина-тія Святославичей, сначала въ лицѣ знаменитаго Олега Гореславича.

Намъ нѣтъ нужды слѣдить за дальнѣйшей исторіей города въ вѣчевой періодъ. Исторія эта чрезвычайно проста. Городъ, потерявъ выгоды своего древнѣйшаго географическаго положенія (какъ форпоста по отношенію къ финскимъ племенамъ и затѣмъ, какъ посредника въ южной и юго восточной торговлѣ), постепенно замыкается въ сферу будничныхъ мелкихъ интересовъ. Сосѣдство высоко развитого въ торговомъ и культурномъ отношеніи Кіева отодвигаетъ Черниговъ на дальнѣйшій планъ среди городовъ Южной Руси.

Сосѣдство съ кочевниками тяжело отражалось на всей странѣ: населеніе уходитъ, обнажая Посуліе и даже Посемье.

Въ древней Руси политическая жизнь выражалась часто весьма бурно и по ея темпу можно судить о характерѣ насе-

ленія. Въ этомъ отношеніи Черниговцы скорѣе напоминаютъ своимъ характеромъ сѣверо-восточныхъ сосѣдей Суздальцевъ, чѣмъ западныхъ Кіевлянъ. Вѣчевая жизнь города имѣетъ очень спокойный характеръ: политическія волненія не затрагиваютъ его жителей. Черниговцы все время очень мирно уживаются со своею династіею, видимо, довольные ею, и здѣсь мы не встрѣчаемъ столкновеній между князьями и вѣчемъ, столь обычныхъ въ другихъ городахъ. Черниговское вѣче всегда предпочитало покой и уклоненіе отъ широкихъ политическихъ плановъ, считая политику борьбы „высокоуміемъ". Во время борьбы князя Всеволода съ Ярополкомъ Кіевскимъ черниговское вѣче наставительно говорило своему князю Всеволоду: „луце того останися высокоумія своего и проси си мира". Сильно высказывается противъ политики князей, ведущей къ борьбѣ, и авторъ „Слова на перенесеніе мощей св. Бориса и Глѣба",—литературное произведеніе, которое имѣетъ черниговское происхожденіе.

Чернигово-сѣверская земля, какъ и другія древне-русскія земли, испытала дробленіе на удѣлы. Любопытно отмѣтить, что и въ данномъ случаѣ сказалось неудобство географическаго положенія Чернигова: уже въ XIII-мъ вѣкѣ города Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Путивль выдвигаются настолько, что престижъ старѣйшаго города земли падаетъ.

И это вполнѣ понятно. Если вы обратите вниманіе на географическое положеніе названныхъ городовъ, то легко замѣтите, что Путивль, Новгородъ-Сѣверскъ и особенно Брянскъ занимаютъ мѣсто передовыхъ форпостовъ, т. е. то, которое въ древнѣйшій періодъ принадлежало самому Чернигову.

Съ 13-го вѣка начинается для Чернигова длинный періодъ его средневѣковья. Сначала онъ потерялъ значеніе первенствующаго города въ междукняжескихъ отношеніяхъ въ самой Черниговской землѣ. Впослѣдствіи онъ оказался на пограничьи между Литвою и Москвою. По отношенію къ Москвѣ онъ оказался въ отдаленномъ юго-восточномъ углу ея владѣній, по отношенію къ Литвѣ онъ опять таки слишкомъ былъ удаленъ отъ центра. Въ 16-мъ вѣкѣ по отношенію къ обоимъ государствамъ Черниговъ занималъ слишкомъ южное положеніе, близкое къ степи, и потому не представлялъ ни для одного изъ нихъ серьезнаго значенія. Въ 17-мъ вѣкѣ колониза-

ціонное движеніе просочилось далеко къ югу и тамъ сосредоточились интересы обоихъ государствъ.

За этотъ послѣдній періодъ интересъ исторіи Чернигова заключается лишь въ томъ, что какъ городъ, находившійся на перепутьи между двумя враждебными государствами онъ, долженъ былъ лавировать между тѣмъ и другимъ. Черниговцы, подобно своимъ отдаленнымъ предкамъ, избѣгали и теперь „высокоумія“ въ политическихъ комбинаціяхъ, часто играя пассивную роль въ борьбѣ. Только въ Смутное время Черниговъ рѣшительно перешелъ на сторону перваго Самозванца и былъ однимъ изъ первыхъ городовъ, его признавшихъ. Впрочемъ, обѣ враждующія стороны и Московская и Литовская, не разъ разоряли и сжигали городъ. Съ переходомъ Малороссіи подъ высокую руку Московскаго царя, Черниговъ занялъ болѣе видную позицію. Это былъ первый крупный Малороссійскій городъ, ближайшій къ Москвѣ; при томъ онъ отличался древностью и обиліемъ церквей и монастырей, что очень хорошо учитывала московская политика. Не даромъ московская дипломатія такъ отстаивала свое право держать въ Черниговѣ московскихъ воеводъ.

Въ періодъ гетманщины Черниговъ былъ полковымъ городомъ, хотя здѣсь же московское правительство держало своихъ воеводъ. Городъ сохранилъ и подъ московскою властью магдебургское право, пожалованное ему польскими королями. Такъ, въ городѣ установилось троевластіе, отъ котораго очень страдало мѣстное поспольство. Московскіе воеводы „нишили“ мѣщанъ нещадно волокитами и убытками, сажали городскихъ бурмистровъ въ крѣпость и на цѣпь, пока городъ ихъ не выкупитъ. Съ другой стороны, войсковая старшина не стѣснялась нарушеніемъ городскихъ привилегій: полковники дѣлали всяческіе „приступы“ къ источникамъ городскихъ доходовъ, укрывали посполитыхъ отъ повинностей въ пользу ратуши и т. п.

17-й вѣкъ въ исторіи Чернигова замѣчателенъ еще тѣмъ, что городъ на одно время становится образовательнымъ центромъ Малороссіи. Стоитъ вспомнить столь извѣстныя имена Іоанникія Голятовскаго, Лазаря Барановича, наконецъ, Іоанна Максимовича, чтобы въ памяти воскресла блестящая плеяда ученыхъ проповѣдниковъ, представляющая собою цвѣтъ и цѣлую школу въ южно-русской письменности. Эта литературная

эпоха настолько извѣстна, что для нашихъ цѣлей достаточно о ней упомянуть.

Средневѣковая исторія города постепенно завершается переходомъ его изъ малороссійскаго мѣста въ обычный типъ русскаго города. Такую физіономію городъ принимаетъ съ конца 18-го вѣка, переживъ предварительно довольно безцвѣтный періодъ постепеннаго паденія и обветшанія прежнихъ малороссійскихъ порядковъ. Этотъ промежуточный періодъ (18-й вѣкъ), когда постепенно въ Черниговѣ водворялась и упрочивалась власть петербургской бюрократіи, былъ тяжелымъ въ исторіи города. Привилегіи совсѣмъ плохо защищаютъ жителей отъ насилій и грабежей. Нарождающееся „малороссійское благородное дворянство“ порываетъ связь съ городомъ и тянется на службу въ столицы. Гетманская власть является плохою защитой. Въ эпоху малороссійской коллегіи члены ея „учиняли разнаго рода фортели“ надъ черниговцами, „мордовали и готовизною доили не въ числѣ“. Мѣщане постоянно жалуются на притѣсненія отъ воинскихъ людей и вообще на то, что они „не имѣли по силѣ жалованныхъ грамотъ должной свободы“.

Напрасно мѣщане „щитились“ своими привилегіями: „состояніе здѣшняго города“, говоритъ наказъ черниговцевъ въ екатерининскую комиссію 1767 года, „многими правленіями и давняго порядка отмѣнами наполнено“, откуда „всѣ нужды и отягощенія свое начало имѣли и имѣютъ“.

Такъ постепенно замиралъ старый магдебургскій строй. На смѣну ему явилось городовое положеніе Екатерины II и губернскія учрежденія. Въ 1782 году было открыто Черниговское намѣстничество, а затѣмъ введено и городовое положеніе. Черниговъ сдѣлался центромъ намѣстничества, т. е. губернскимъ городомъ. Посмотримъ, какъ начала укладываться эта жизнь и что представлялъ собою Черниговъ на переходѣ отъ своего средневѣковья къ новому періоду.

Со второй половины 17-го вѣка Черниговъ успѣлъ вырасти въ числѣ населенія, но все же его нельзя назвать большимъ городомъ, даже по тогдашнимъ соотношеніямъ: въ концѣ 18-го столѣтія въ немъ числилось, по свѣдѣніямъ казенной палаты, 3873 души обоего пола, кромѣ дворянъ, количество которыхъ не извѣстно; но тогдашнее дворянство жило

въ городахъ только наѣздомъ, или на службѣ, предпочитая свои маетности.

Въ торгово-промышленномъ отношеніи городъ развивался очень слабо. По словамъ Шафонскаго, „торговля и промыселъ жителей Чернигова, кромѣ одного купца, очень не великъ и не важенъ". Городъ имѣлъ только нѣсколько кирпичныхъ заводовъ, менѣе 200 мастеровыхъ различныхъ цеховъ. Это была мѣстная мелкая торговля и мелкое производство; 4 ярмарки удовлетворяли тѣмъ же потребностямъ. Какъ великъ былъ ихъ оборотъ, видно изъ того, что въ концѣ 18 го столѣтія ярмарки давали иногда доходу градской думѣ по 1 р. 31 к.—1 р. 90 к. Потребленіе вина,—къ сожалѣнію, хорошій показатель многолюдія и торгово промышленнаго развитія русскаго города,—давало въ Черниговѣ лишь очень незначительную долю въ общій имперскій бюджетъ отъ своего виннаго откупа: въ концѣ 18-го столѣтія винный откупъ города давалъ казнѣ всего немного болѣе 1300 рублей, хотя съ 1809 г. откупъ сталъ приносить по 16000 руб. въ годъ.

Однимъ словомъ, это былъ небольшой, по тому времени, губернскій городокъ: „хотя городъ сей и губернскій"—писала градская дума высшему правительству въ 1799 году,—„но будучи не такъ, какъ прочіе города по купеческой коммерціи и по другимъ надобностямъ, почему въ немъ весьма рѣдко когда и мало другихъ народовъ и знатныхъ господъ проѣзжающихъ и временно проживающихъ бываетъ".

Источники даютъ намъ возможность познакомиться съ такими сторонами жизни, которыя наиболѣе рельефно обрисовываютъ физіономію обывателя—это участіе мѣстнаго общества въ выборномъ городскомъ управленіи и отношеніе его къ школѣ.

Новая Екатерининская организація городского управленія не безъ труда налаживалась въ Черниговѣ. Служба по выборамъ не пользовалась тогда особымъ авторитетомъ ни среди избирателей, ни среди мѣстной коронной администраціи. Лучшіе люди бѣжали отъ выборныхъ должностей. Въ результатѣ даже въ члены судовъ избирались люди неграмотные. Значительные люди изъ мѣстныхъ обывателей позволяли себѣ буйствовать въ градской думѣ и думѣ подъ предводительствомъ градского головы приходилось убѣгать изъ присутствія. Дума и магистратъ не могли справиться съ массой канцеляр-

ской работы, возлагавшейся на нихъ городовымъ положеніемъ и требованіями губернскаго начальства.

Губернская администрація безпрестанно вмѣшивается въ городскія дѣла и сама ихъ рѣшаетъ. То губернаторъ упрекаетъ думу въ томъ, что на городскихъ паромахъ перевозчики „ежечасно запилые", то казенная палата по цѣлымъ годамъ добивается отчетовъ о приходѣ и расходѣ городскихъ суммъ, то губернаторъ напередъ опредѣляетъ стоимость того или иного городского сооруженія, очень не двусмысленно намекая на причину такого требованія и т. п. Сама обстановка городского выборнаго управленія не внушала къ себѣ большого почтенія: до 1806 года градская дума не имѣла собственнаго помѣщенія и „постоемъ" занимала обывательскіе дома, а думскія „мебели" представляли собою „безобразіе".

Такова одна сторона городской жизни. Что касается другой—школьнаго дѣла, то надо замѣтить, что Малороссію 18-го вѣка нельзя упрекнуть въ отсутствіи стремленія къ школьной наукѣ. И въ Черниговѣ латинская бурса была заведена еще въ концѣ 17-го столѣтія извѣстнымъ архіепископомъ І. Максимовичемъ. Черниговская бурса была довольно многолюдна: во времена Шафонскаго (1783—84 годъ) въ ней было 269 учениковъ. Но по словамъ того же Шафонскаго, человѣка образованнаго, ученики обучались только латинскому языку, а о настоящихъ наукахъ „сами учители и понятія не имѣютъ"; это былъ обычный типъ малороссійской бурсы, которую такъ хорошо обрисовалъ Гоголь.

Новая школа была заведена при Екатеринѣ II. Согласно предначертаніямъ знаменитой Екатерининской комиссіи 1786 г. и въ Черниговѣ было открыто главное народное училище (средняя школа), а въ 1805 году оно было преобразовано въ гимназію.

Открытіе учебнаго заведенія послужило для Чернигова поводомъ къ большому торжеству. Церемоніалъ открытія былъ утвержденъ самимъ генералъ-губернаторомъ. Цѣль торжества—пріохотить родителей къ дачѣ дѣтей въ новую школу. Первый директоръ Черниговской гимназіи, воздавъ въ своей рѣчи похвалы всѣмъ высокимъ особамъ и „патріотическимъ дѣйствіямъ дворянства", указывалъ тутъ же на пользу новой школы: она даетъ оканчивающимъ чинъ 14 класса, почему директоръ совѣтовалъ ученикамъ быть особенно старательными.

Вообще тогдашняя школа стремилась къ единенію съ обществомъ. Этого требовали педагогическія правила, усвоенныя Екатерининской комиссіей, это вызывалось еще и житейскими соображеніями: для новой школы нужны были ученики и средства. Надо было, слѣдовательно, заинтересовать мѣстное общество. Тогдашнее учебное начальство, приглашая жертвователей, даже публиковало о томъ, что жертвователямъ будутъ поставлены монументы.

Той же цѣли служили торжества открытія училищъ и публичные экзамены. Одинъ черниговскій директоръ увѣрялъ свое начальство въ томъ, что на уменьшеніе числа учениковъ повліяло производство экзаменовъ безъ надлежащей важности, т. е. въ отсутствіи губернатора: „толикое безъ надлежащей важности произведенное испытаніе было великимъ для училищъ подрывомъ". Передъ всякимъ торжествомъ директоръ разъѣзжалъ по домамъ городскихъ властей съ приглашеніями, стараясь собрать ихъ какъ можно больше. Директоръ Ожеговичъ-Дивинарецъ приводилъ на публичныхъ экзаменахъ „слушателей даже въ невѣроятность". „Такими до сего необыкновенными средствами,—плѣнились всѣ зрители, а особенно граждане, которые воспріяли даже смѣлость при всей публикѣ благодарить директора за такія новости для плѣненія ихъ сердецъ и исправленія неправильно мыслящихъ устроенныя". На означенныхъ торжествахъ знатные посѣтители немилосердно осыпались похвалами въ рѣчахъ директора, учителей и въ кантатахъ учениковъ. Тутъ говорилось о „семъ благополучномъ часѣ, въ которомъ имѣемъ счастье зрѣть вашу особу, милосердно внемлющую намъ". Благодарностями наполнены были и стихи:

Съ восторгомъ радостнымъ встрѣчаемъ
Тебя, о знаменитый князь,
Прими отъ насъ благодаренье,
Прими, высокій меценатъ.
Твоимъ возвысивъ посѣщеньемъ
Счастливъ нашъ вертоградъ.

Однако, тогдашняя школа прививалась къ обществу весьма туго. Причиной такого явленія было то, что крупное дворянство потянулось въ столицы, а мелкое дворянство и мѣщанство довольствовались обученіемъ своихъ дѣтей у „мандрованныхъ" дьяковъ. Чтобы привлечь дворянъ къ шко-

лѣ, одинъ Черниговскій директоръ предписывалъ учителямъ „прикладывать" къ фамиліи благороднаго ученика слово „господинъ". Но все это мало помогало. Тогдашняя школа съ ея высокими педагогическими взглядами была выше культурнаго уровня современнаго ей общества, была для него непонятна и не нужна. Состояніе школы есть вообще вѣрное отраженіе умственнаго и моральнаго облика даннаго общества, и если вы порицаете свою школу, то знайте: вы въ ней порицаете самихъ себя. Но на состояніи школы наши недостатки отражаются рельефнѣе, а потому они и виднѣе. Такъ было и въ описываемое время. Теоретическая педагогія Екатерининскаго и Александровскаго періодовъ натолкнулась на непониманіе со стороны общества и на недостатки учительскаго персонала: малообразованный, часто до безграмотности, пьяный и грубый учитель, какимъ рисуютъ намъ его тогдашнія извѣстія, былъ плохимъ проводникомъ высокихъ теоретическихъ требованій педагогіи.

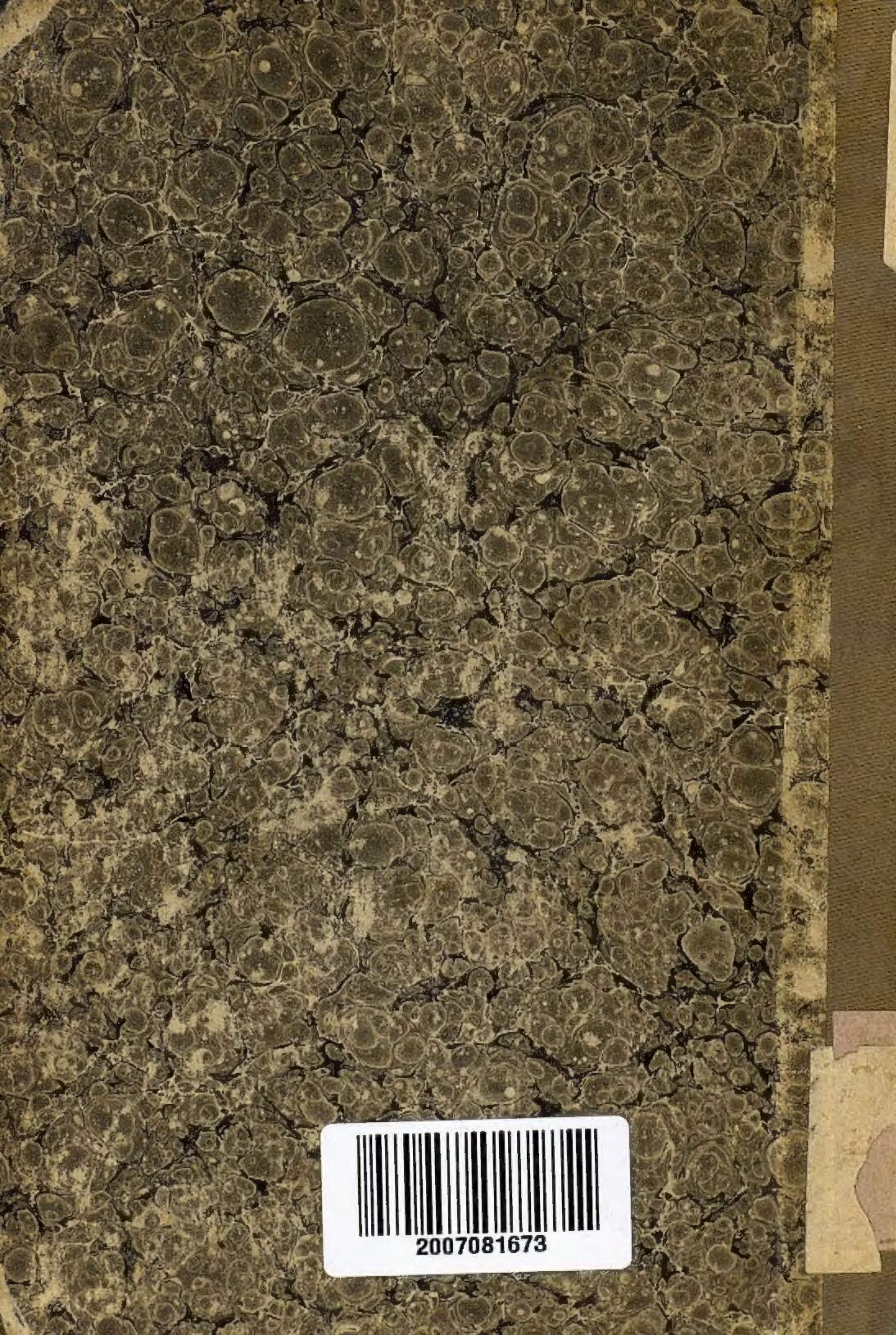
Я въ сжатыхъ чертахъ постарался охарактеризовать важнѣйшія эпохи изъ жизни города,—города, котораго историческая судьба надѣлила перемѣннымъ, но болѣе или не менѣе скромнымъ историческимъ прошлымъ. Перемѣнность и скромность историческаго прошлаго города оказались въ зависимости отъ географическаго положенія города. Но, г.г., (тутъ я позволю себѣ обратиться къ мѣстнымъ дѣятелямъ) мы не должны забывать одного важнаго обстоятельства. Историкъ придаетъ большое значеніе географическому положенію данной мѣстности, какъ одному изъ факторовъ, могущественно вліяющихъ на ея исторію. Но среди факторовъ, движущихъ исторіею человѣчества, человѣческій умъ, разумъ, какъ извѣстный комплексъ культурныхъ началъ даннаго періода, имѣетъ также мощное значеніе. Изслѣдуя глубину вѣковъ, ступени низшаго состоянія цивилизаціи, историкъ этому фактору не можетъ не отвести виднаго мѣста. Этимъ я хочу сказать, что безпрестанно движущійся и развивающійся на пути прогресса человѣческій разумъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы вступить въ небезуспѣшную борьбу съ такими факторами, которые опредѣляютъ исторію на низшихъ ступеняхъ развитія. Когда историкъ въ исходѣ в т о р о г о тысячелѣтія существованія города будетъ подводить съ этой каѳедры итоги, онъ учтетъ состояніе современной намъ цивилизаціи, ея блага, въ

томъ числѣ и благо политической свободы, на порогѣ реальнаго осуществленія которой мы теперь находимся (а свобода, вѣдь, одно изъ величайшихъ благъ цивилизаціи), и предъявить требованія уже не къ географическому мѣсту, а къ людямъ, къ ихъ энергіи, къ ихъ силамъ, къ ихъ умѣнью воспользоваться благами культуры. Отъ мѣстныхъ гражданъ поэтому зависитъ сдѣлать исторію второго тысячелѣтія еще болѣе замѣтною, чѣмъ перваго. И второе тысячелѣтіе начинается при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Черниговъ, по справедливости, можетъ гордиться эпохами своей просвѣтительной дѣятельности. Все, что мы пріѣзжіе члены съѣзда здѣсь видѣли, даже самый фактъ устроенія здѣсь съѣзда,—указываетъ на возрождающуюся эпоху просвѣтительно-общественной жизни города, а въ просвѣщеніи—залогъ культурныхъ и общественныхъ его успѣховъ.

Оглавленіе.

---

*) Въ скобкахъ поставленъ годъ появленія статьи въ періодич. изданіи.

2007081673